

Федеральное агентство по образованию РФ
ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический
университет»
Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья

**Т Р У Д Ы
К А М С К О Й
А Р Х Е О Л О Г О -
Э Т Н О Г Р А Ф И Ч Е С К О Й
Э К С П Е Д И Ц И И**

ВЫПУСК VI

**Пермские финны
и угры Урала
в эпоху железа**

ПГПУ

Пермь 2009

УДК 902 (470.53)
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)
Т 782

**Т 782 ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ. Выпуск VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху
железа: сб. науч. тр./ под общ. ред. А.М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т. –
Пермь, 2009. – 217 с.: ил. и табл. – Библиогр.: с. 229-241.**

ISBN

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», в которой публикуются новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории и этнографии Пермского края и сопредельных территорий.

Выпуск № VI содержит оформленные в виде статей материалы Второй всероссийской научной конференции «**Пермские финны: археологические культуры и этносы - Пермские финны и угры Урала в эпоху железа**». Все они являются итогом значительных по объему архивных, полевых и собирательских работ, вводят в оборот новые материалы, знакомят читателей с новыми научными гипотезами и новейшими археологическими открытиями в регионе.

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

УДК 902 (407.53)
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)

Ил. . Табл. . Библиогр. назв.

Редколлегия:

*Д-р ист. наук, проф. А.М. Белавин (отв. редактор);
д-р ист. наук, доц. Н.Б. Крыласова (отв. за выпуск);
Г.Т. Лени; канд. ист. наук, доц. Е.Л. Лычагина;
канд. ист. наук Ю.А. Подосенова, А.Н. Сарапулов*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

**Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства
промышленности и природопользования Пермского края (КНФ)
в рамках технического задания НТП Рособразования РНП
«Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья как центр
изучения, сохранения и актуализации историко-культурного наследия Перм-
ского края»**

ISBN 9

© Коллектив авторов, 2009
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2009
© Пермский государственный педагогический
университет, 2009

30 сентября – 2 октября 2009 г. в Перми состоялась Вторая всероссийская научная конференция «Пермские финны: археологические культуры и этносы». Организаторами конференции выступили Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Пермский государственный педагогический университет и Пермский государственный университет. Конференция проводилась на базе «Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья» ПГПУ.

В работе конференции с докладами приняли участие научные сотрудники учреждений РАН, преподаватели ряда высших учебных заведений Урала и Поволжья, музеев, учреждений по охране и использованию памятников истории и культуры ряда субъектов федерации, студенты и аспиранты пермских университетов. География участников конференции была весьма обширна: от полярного Салехарда на Севере, до тысячелетней Казани на Юге, от Санкт-Петербурга на Западе, до Екатеринбурга на Востоке. Всего на конференции было заслушано 43 доклада и несколько сообщений.

Основные заседания конференции были связаны тематически. Тема конференции этого года звучала как «Пермские финны и Угры Урала в эпоху железа», хронологически это период от 1 тыс. до н.э. до этнографической современности.

Острая научная дискуссия сопровождала обсуждение вопросов этнической истории региона в 1 и 2 тысячелетиях нашей эры, проблем древнего искусства народов Урала и Поволжья, миграционных процессов на Урале в древно-

сти.

Вопросы соотношения материальной и духовной культуры угров и финнов, проблемы взаимодействия финского и угорского населения Урала и Поволжья в древности и в средние века рассматривались в докладах д.и.н. Э.А. Савельевой (Коми ИЯЛИ КНЦ УрО РАН), д.и.н. А.М. Белавина (ПГПУ), д.и.н. В.А. Иванова (БашГПУ), д.и.н. Н.Б. Крыласовой (ПФ ИИиА УрО РАН), к.и.н. А.Ф. Мельничука (ПГУ), к.и.н. А.З. Нигамеева (ЕлГПУ) и других исследователей.

Пермский звериный стиль стал темой выступлений к.и.н. О.В. Игнатьевой (ПГПУ), к.и.н. Л. И. Липиной (УдмГУ), аспирантов ПГПУ И.Петрова, А.Вострокнутова. Истоки древнего урало-поволжского искусства освещались в выступлениях к.и.н. Н.В. Федоровой (ЯНОМВК им. Шимановского), к.и.н. О.А. Щегловой (ИИМК РАН), д.и.н. К.А. Руденко (ИИ АН РТ), аспирантов ПГПУ и УдмГУ Ю. Подосеновой и С. Перевозчиковой. В очередной раз был поставлен вопрос о возможном существовании особого древнего центра ювелирного искусства и торевтики, который находился где-либо в Предуралье, и являлся основным поставщиком ювелирных серебряных изделий для финно-угорского населения Урала и Сибири.

Итоги полевых противоаварийных исследований археологических памятников железного века в Предуралье были освещены в выступлениях А.В. Васильевой, М.Л. Перескокова, А.В. Данича. Особый интерес собравшихся вызвали доклады к.т.н., д.и.н. И.В. Журбина

(ФТИ УдмНЦ УрО РАН) и ведущего научного сотрудника Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН д.и.н. В.И. Завьялова. Доклад Журбина продемонстрировал возможности изучения культурных напластований методами электрогеофизики с последующей автоматизированной компьютерной реконструкцией выявленных объектов. Выступление В.И. Завьялова отражало современный уровень представлений о кузнечном ремесле средневековых прикамских народов, полученный в результате применения археометаллографического метода исследований нескольких сотен образцов древних железных изделий. Тему, заявленную И.В. Журбиным, развила в своем докладе про компьютерное моделирование культурных напластований д.и.н. Иванова М.Г. (ИИЯЛИ УдмНЦ УрО РАН).

Проблемы, связанные с процессом христианизации народов региона, соотношение языческой и христианской религиозной культуры обсуждались в докладах к.и.н. П.А. Корчагина (ПФ ИИиА УрО РАН), к.и.н. Г.П. Головчанского (ПГУ), зав. отделом ПХГ Е.В. Шабуровой. Интересными наблюдениями за языческими пережитками в духовной культуре современных удмуртов и коми-пермяков поделились этнографы д.и.н. А.В. Черных (ПФ ИИиА УрО РАН) и к.и.н. Т.Г. Голева (ПГПУ).

Проблемы антропологического изучения древних и современных финно-угров Урала и Поволжья обсуждались в выступлениях антропологов д.б.н. А.И. Козлова (ПГПУ), Г.Г. Вершубской (ИФ РАО), аспирантов ИИиА УрО РАН Н. Брюховой и Ю. Атеевой. Научное собрание пришло к выводу о необходимости начала исследований, направленных на реконструкцию древнего генофонда обитателей Урала и Сибири, тем более, что к настоящему времени

российскими и иностранными специалистами наработаны соответствующие методики, позволяющие осуществить такие анализы.

Обсуждались и проблемы древнего финно-угорского хозяйства. В выступлении А.Н. Сарапулова была реконструирована история возникновения пашенного земледелия в Пермском Предуралье, связанная с культурным влиянием Волжской Булгарии и Древней Руси. Ряд выступлений (О.В. Богаткина, П.А. Косинцев) был посвящен реконструкции древнего животноводства и промысловой охоты в Предуралье на основе анализа археозоологических материалов из поселений Прикамья.

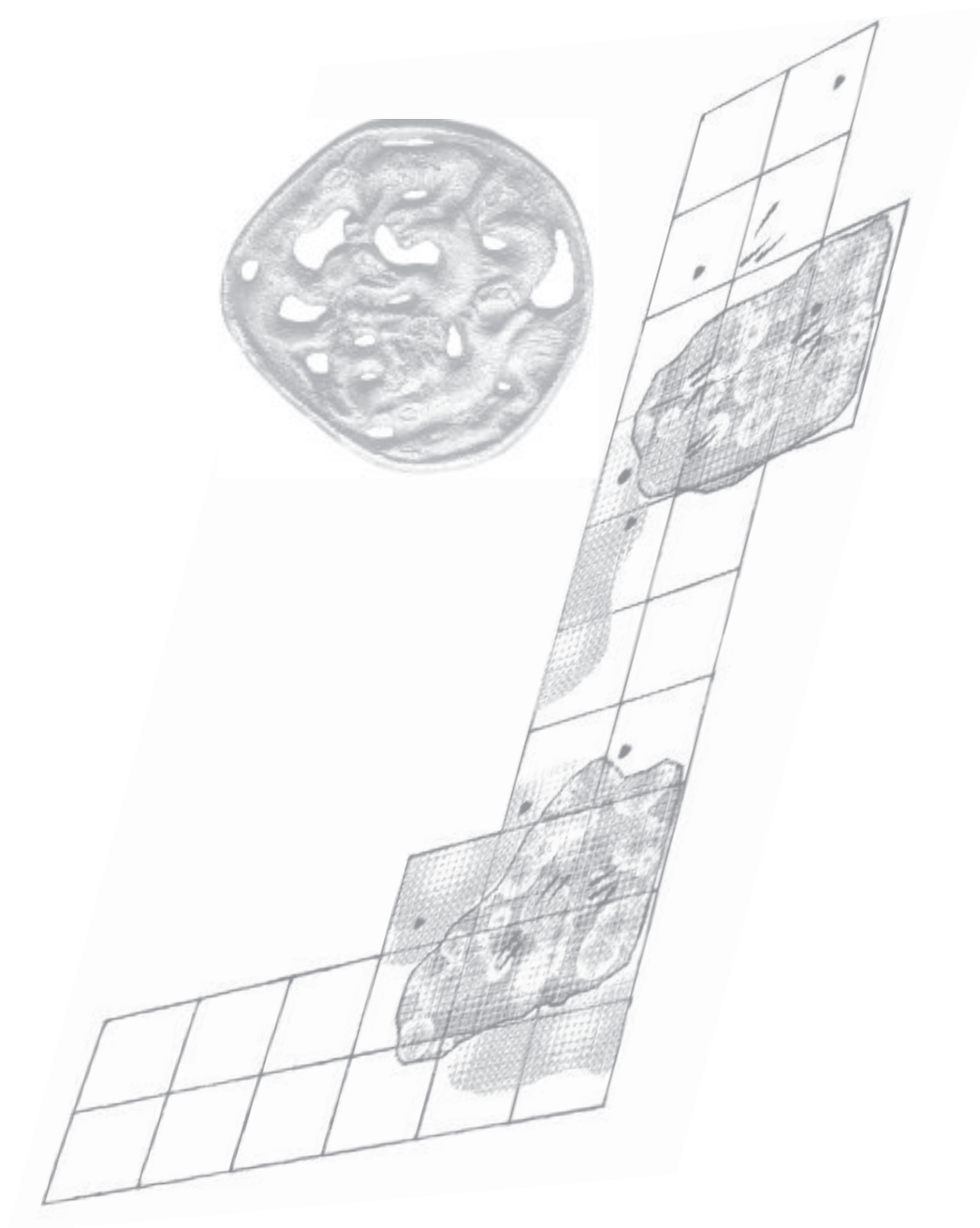
Особый интерес археологическим сообществом был проявлен к обсуждению идеи о создании в Перми краевого музея археологии и палеонтологии, с которой перед собравшимися выступил Министр культуры и массовых коммуникаций Пермского края Б.Л. Мильграм. По мнению собравшихся, необходимость такого музея, безусловно, назрела. В Пермском крае известно более 2000 археологических объектов, пермские древности легко узнаются, своеобразным брендом пермской археологии является пермский звериный стиль – искусство ажурных бронзовых культовых плакеток, отражающих сложный духовный мир древнего населения. Не менее значимым археологическим брендом края являются средневековые серебряные художественные сосуды древнеиранского, хорезмийского, византийского, хоросанского производства. Около 200 таких предметов в разное время было найдено в Прикамье, большая их часть осела в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея. Однако в новом музее возможно представление коллекции их точных копий и реплик, а также целенаправленные по-

иски подобных произведений древнего искусства на археологических памятниках края.

На заключительном заседании участники конференции приняли обращение к губернатору Пермского края с поддержкой идеи о создании краевого музея археологии и палеонтологии и обращение к Государственной Думе РФ и Общественной палате РФ по поводу готовящихся изменений законодательства РФ об охране историко-культурного наследия. Последние, по мнению собравшихся, явно не продуманы, не доработаны, а многие из них носят выраженный коррупционный характер. По мнению собравшихся, в случае принятия предложенных авторами законопроекта

изменений, они негативно отразятся на деле охраны и использования историко-культурного наследия страны. Особенно значимый урон будет нанесен такой весьма специфической и сложно охраняемой (особенно ранимой, уязвимой) категории объектов, как объекты археологического наследия.

Конференцией была принята резолюция о проведении Третьей всероссийской конференции «Пермские финны: археологические культуры и этносы» осенью 2011 года в Ижевске на базе учреждений Удмуртского научного центра УрО РАН и Удмуртского государственного университета.

**А.М. Белавин ПОГРЕБАЛЬНЫЙ
ОБРЯД СРЕДНЕВЕКОВЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
ПРЕДУРАЛЬЯ КАК
ЭТНОМАРКЕР**

Среди задач археологии одной из важнейших является реконструкция этнической истории древних народов, восстановление картины этнического и этнокультурного развития тех или иных территорий в дописьменные и раннеписьменные периоды истории. При этом археология пользуется разными научными методами таких реконструкций: определение этнического содержания материальной и духовной культуры древнего населения через экстраполяцию этномаркирующих характеристик культуры соответствующих народов, живших в период этнографической современности; установление своеобразия материальной и духовной культуры древнего населения той или иной территории и поиск этнических характеристик данного культурного комплекса; реконструкции с опорой на сведения ономастики, древнейших письменных источников и т.д.. Используются методы математической статистики и комбинаторики, методы сопоставительной географии (картографирования); привлекаются данные антропологии, генетики и иных естественных наук.

Археология имеет хорошо известные успехи в решении задач реконструкции этнической истории. Считаю, что среди археологов практически нет специалиста, который наотрез отрицал бы возможности археологии в плане реконструкции этнических процессов.

Наиболее консервативным элемен-

том традиционной этнической культуры, содержащим широкий комплекс этнодиагностирующих и культурномаркирующих признаков в традиционных обществах, является языческий погребальный обряд. Погребально-поминальный обряд отражает наиболее существенные стороны человеческого общества и наиболее консервативно сохраняет архаичные этнические представления. При этом отдельные элементы обрядности могут встречаться сколь угодно широко, но комплекс признаков, их определенная система составляют часть материальной и духовной культуры, присущей только определенной этнической (этнокультурной) группе. *В силу этого аксиомой отечественной археологии с подачи В.Ф. Генинга стало отношение к языческому погребальному обряду как к основному этномаркирующему признаку.*

Использование методов математической статистики, в частности, расчета значений показателей формально-типологического сходства между сравниваемыми массивами, хорошо известно в археологии. Попытки таких расчетов в отношении отдельных культур Урала и Поволжья уже делались. Однако применение этого способа по сию пору не нашло широкого применения в археологической науке, и является уделом или привилегией отдельных исследователей. Связано это, на мой взгляд, с двумя моментами: во-первых – достаточная сложность (трудоемкость) составления первичной базы данных (отбор признаков и заполнение матрицы), требующей тщательной работы с отчетами и/или дневниками раскопок могильников, во-вторых – неуверенность гуманитариев в возможностях математики адекватно отразить сложные социальные процессы через анализ массивов данных. Действительно, результаты использования математических способов будучи выра-

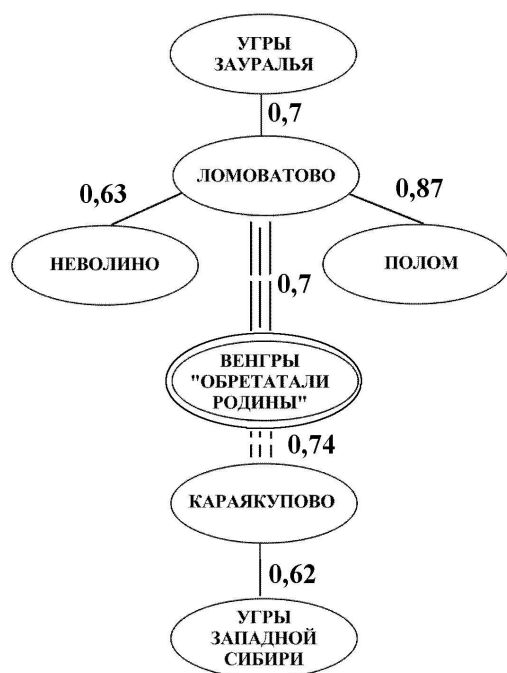
***Таблица 1. Представительные признаки погребального обряда населения
Предуралья, Зауралья и Западной Сибири эпохи раннего средневековья***

лиза с ранее опубликованными сравнениями могильников археологических культур Предуралья, Сибири, Волжской Булгарии с древними венграми (мадьярами) эпохи Обретения Родины можно отметить, что обе выделенные группы *демонстрируют высокую связь между собой через могильники древних венгров*, на что указывает высокие коэффициенты типологического сходства (Иванов, 1999, с.62-68; Белагин, 2003, с.140-144).

На наш взгляд, это однозначно указывает на угорскую принадлежность носителей указанных археологических

Граф 1. Граф формально-типологического сходства угорских культур Евразии эпохи средневековья

культур Предуралья (см. граф №1).

Суммируя данные, учтенные при обработке всего указанного выше массива погребений, и на основании приведенных расчетов можно уверенно выделить определенный комплекс признаков, связанных с угорским погребальным обрядом. Отметим, что большинство признаков, выявленных в средневековых памятниках уральской «угорской ойкуме-

ны», фиксируются на мадьярских могильниках в Венгрии и сохранились вплоть до этнографической современности в традиционной обрядности угров Западной Сибири. Это убедительно свидетельствует о данных признаках, как о совокупном угорском типе погребальной обрядности.

Средневековые археологические культуры как Предуралья, так и территории, расположенных к востоку от Уральского хребта, объединяет близость погребального обряда. Разумеется, в погребальной обрядности локальных групп существовали некоторые особенности, объясняющиеся как вариативностью местных идеологических представлений, так и взаимодействием с иноэтничным населением. В большинстве рассматриваемых культур отмечается этнический дуализм. Исследователи рассценивают их как угро-тюркские, угросамодийские, финно-угорские. Объединяющим элементом при этом является наличие определенной доли угорского населения, с присутствием которого связана общность погребальной обрядности, материальной и духовной культуры.

Угорский погребальный обряд характеризуется рядом признаков (системой связанных признаков), которые по отдельности могут наблюдаться и в иных культурах, но в совокупности отражают представления совершенно определенного этноса.

Наиболее характерными чертами этого погребального обряда являются: расположение могильников на возвышенном месте рядом с водоемом, расположение погребений рядами, зависимость ориентировки погребенных от реки в связи с представлениями о расположении Страны мертвых, неглубокие могильные ямы, присутствие в засыпи погребений мелких угольков, оборачивание покойника берестой, а также приме-

нение специализированных погребальных лицевых покрытий для предохранения живых от покойника, захоронение умершего в одежде с полным костюмным комплексом (украшения, носимые на поясе вещи - кошельки, ножи, топоры, шилья и пр., воинское снаряжение), снабжение умершего транспортным средством (лодка, олень, преимущественно - конь), снабжение пищей (сосуды, кости животных), оружием, орудиями труда, «дорожным набором».

Разумеется, эти признаки проявляются в разных культурах, а нередко и на разных могильниках в пределах одной культуры, неравномерно, и имеют свои нюансы. Однако наличие приведенной системы связанных признаков погребального обряда свидетельствует о существовании традиционных этнических представлений о необходимости совершения при захоронении родственников определенного круга ритуалов.

Особенный интерес с этнокультурной точки зрения представляет собой взаимосвязь водоема (чаще реки) с ориентировкой погребений. Так, в ломоватовских могильниках с VII в., когда полностью исчез курганный способ захоронения, наиболее устойчивыми были следующие черты: погребения располагаются рядами, обычно параллельными берегу водоема (реже группами); при ингумации умершие укладывались вытянуто на спине, чаще всего – ногами к реке (Бочаров, 1997, с.163). Хотя, как это отмечено при раскопках Рождественского и Огурдинского могильников (раскопки Н.Б. Крыласовой), на фоне общей закономерности ориентировки погребенных ногами к реке, погребения, выделяющиеся особо богатым набором инвентаря и наличием серебряных масок, были ориентированы головой к реке. В ванвиздинских могильниках погребенные располагались вытянуто на спине

головой к реке, преимущественно на запад, что связано с расположением могильников на определенных берегах рек (Археология республики Коми, 1997, с.415). «Речные захоронения» отражают горизонтальную модель мира с размещением «мира мертвых» в низовьях рек (Кулемзин, 1990, с.92). С этими представлениями связана частая ориентировка покойных ногами к реке или вниз по реке. Например, у населения западной Сибири и в средневековье и в этнографическое время классический вариант – ориентирование покойного ногами вниз по реке по направлению страны предков. Главным ориентиром при этом была Обь, а не мелкая река-приток (Пелих, 1972, с.61, 66, 69-72). У восточных хантов отмечена и ориентировка головой к реке, в противопоставлении с миром живых, так как на Югане в домах, стоявших выходом к реке, люди спали головами в противоположную от выхода сторону (Очерки культурогенеза..., 1994, с.417).

Отметим, что в более позднее время (с XI-XII в.) ориентировка погребений у населения Предуралья начинает взаимоувязываться не с рекой, а со сторонами света, что, возможно, связано с влиянием монотеистических религий или стабилизацией географических представлений и иной этнической гомогенностью сообществ. Например, на могильниках вымской культуры ориентация могильных ям преобладает северная (Розенфельд, 1987, с.124). В чепецких погребениях умершие также располагались, в основном, головой на С, варьируя от СЗ до СВ (Иванов, Иванова, Останина, Шутова, 2004, с.55). Северная ориентировка становится основной на поздних памятниках родановской культуры (XII-XIV вв.).

Для большинства культур угорского круга характерна биобрядность. В

культурах с гребенчато-шнуровой керамикой чаще всего преобладающей является ингумация, и одновременно ряд погребений совершено по обряду кремации. В культурах лесостепной зоны с гребенчато-штампованной керамикой характерно сочетание курганных и грунтовых захоронений. М.Ф. Косарев на основании анализа этнографических свидетельств пришел к выводу, что у обских угров представление о двух противоположных субстанциях (светлой душе-птице и темной душе-тени) определило два мировоззренчески осмысленных направления погребальной обрядности – «нижнее» и «верхнее». Та часть погребальных ритуалов, которая была связана с захоронением в земле, имела две главные цели: 1) помочь душе-тени быстро и благополучно достичь своего темного нижнего местообитания; 2) исключить возможность возвращения этой опасной души в мир живых. Отсюда закапывание покойника, ориентировка его в сторону Нижнего мира и т.п. А погребальная обрядность, посвященная светлой душе (душе-птице), должна была способствовать беспрепятственному вознесению последней в Верхний мир, чтобы в дальнейшем одушевить новое человеческое тело. Согласно урало-сибирским этнографическим свидетельствам, для этой цели практиковался обряд сжигания трупа, захоронение на высоте, сооружение курганный насыпи и т.п. (Косарев, 2003, с.115-116). Таким образом, сочетание ингумации и кремации в культурах со шнуро-гребенчатой керамикой, а также грунтовых и курганных захоронений в культурах с фигурно-штампованной керамикой можно рассматривать как проявление единого мировоззрения.

Весьма любопытным является факт наличия редких захоронений с кремаци-

ей у древних венгров в X веке.

Логика сосуществования в рамках единого общества нескольких погребальных традиций не совсем понятна. М.Ф. Косарев предполагает, что у отдельных этносов в определенный исторический период обряд трупосожжения имел социальное значение. В качестве примера он приводит материалы Релкинского могильника VI-IX вв., в котором в погребениях с кремацией встречено вооружение. Отметим, что и в могильниках Пермского Предуралья погребения с кремацией, составляющие для периода VII-XI вв. около 38% захоронений, также в большинстве случаев сопровождаются предметами вооружения и другими железными вещами (наблюдения И.В. Бочарова. Н.Б. Крыласовой) – Огурдинский, Мелехинский и др.

В легендах и сказаниях манси границей между миром живых людей и духов является береста (Ромбандеева, 1993, с.19), которая часто используется в качестве покрытий и подстилок в погребениях. В.М. Кулемзин отметил, что на Малом Югане одинаковыми терминами обозначаются понятия преграды, границы, трещины и бересты под покойником (Кулемзин, 1990, с.90).

Использование бересты в погребальном обряде на территории Пермского Предуралья фиксируется еще в харинское время, где во многих погребениях встречена берестяная подстилка, а иногда и перекрытие из бересты. По наблюдениям Р.Д. Голдиной, в ломоватовских могильниках верхнекамской группы уже с харинского этапа дно и стенки гроба иногда выстилались берестой, а в синхронных неволинских могильниках вместо бересты употреблялась кошма (Голдина, 1968, с.94; 1985, с.19). Р.Д. - Голдина приводит параллели из погребального обряда лозьвинских манси, у которых было принято тело умершего

заворачивать в кожу сохатого или оленя, и помещать в колоду или в лодку, разрубленную поперек (Чернецов, 1959, с.146), в неволинских могильниках также хоронили в колодах, на дне которых обнаруживалась спрессованная волосяная масса – кошма или шкура животного (Голдина, 1968, с.98).

Фрагменты бересты фиксировались в отдельных погребениях памятников макушинского типа в лесном Зауралье (Могильников, 1987, с.176). На Лихачевском могильнике потчевашской культуры погребенные укладывались на берестяную постилку, кроме этого погребенные дополнительно накрывались или заворачивались в бересту (Генинг, Зданович, 1986, с.123). В погребениях усть-ишимской культуры могила перекрывалась берестой, иногда погребенные были завернуты в бересту.

Среди угорских племен, занимающихся скотоводством, наиболее широко в качестве транспортного животного выступал конь. Как убедительно доказывает в ряде работ Е.П. Казаков, использование в погребальном обряде шкуры лошади в виде набитой соломой шкуры (куклы), уложенной вдоль погребенного, шкуры, уложенной в позе отдыха, отдельных частей коня, в частности, голов или нижних челюстей, которые помещались в погребальные или поминальные комплексы, является одним из наиболее значимых маркеров угров (Казаков, 2001, с.160).

Обычай помещения в погребение или рядом с ним шкуры лошади, головы или отдельных челюстей характерен для большинства культур угорского круга. При этом в данных культурах мужские погребения (а иногда и женские) достаточно часто сопровождалась деталями конской сбруи.

Наиболее ярко захоронение вместе с человеком шкуры коня фиксируется в

могильниках, которые исследователи относят к числу древневенгерских. Это могильники кушнарниковской и караякуповской культур и ряд могильников на территории Волжской Булгарии. А.Г. Петренко усматривает наиболее близкие аналогии ритуальным комплексам с конем из Больше-Тиганского могильника в башкирских курганных могильниках VIII-IX вв. (Маняк, Сарбаревском, Ново-Биккенском, Ишимбаевском, Лагереvском, Хусаиновском), Танкеевский могильник наиболее близок Больше-Тарханскому и венгерским могильникам IX-X вв. (Петренко, 2002, с.155).

Захоронение вместе с человеком шкуры лошади с головой и конечностями практиковали венгры периода обретения Родины. Чаще всего кости конского скелета находят в ногах погребенного, но иногда развернутую шкуру коня укладывали на дно могилы рядом с человеком. Захоронение с конем было привилегией мужских представителей высших слоев венгерского общества, женские и детские захоронения с конем встречаются крайне редко (Балинт, 1988, с.125).

Повсеместно кости (чаще зубы) лошади присутствуют в средневековых могильниках Пермского Предуралья. В.Ф. Генинг на Деменковском могильнике ломоватовской культуры зафиксировал в междумогильном пространстве жертвенные комплексы, представлявшие собой целиком зарытые в землю головы и конечности лошадей и коров. В соседних погребениях присутствовали отдельные части конской сбруи (Генинг, 1964, с.101). Кости животных (как показывают палеозоологические анализы, это в 93% остатки лошади) в Пермском Предуралье встречаются в 18,5% погребений VII-IX вв., в 17,1% погребений IX-XI вв. и практически исчезают к XII в. (Бочаров, 1997, с.162; Белавин и др., 2001). В 80% это остатки черепов и ко-

нечностей (т.е. «комплекс коня» – см. выше). Детали конской сбруи содержатся, например, в погребениях Плесинского могильника - в 20,0% от всех погребений, и Деменковского (по раскопкам В.Ф. Генинга) - в 27,2% погребений.

В полоумской культуре в могилах также встречаются «символические части животного» (в основном конские). Например, В.А. Семенов отмечал наличие в ряде погребений Омутницкого могильника черепов, челюстей или отдельных зубов лошади (Семенов, 1985, с.94-95). А.Г. Иванов отмечает помещение в могилу символических частей жертвенных животных (отдельных зубов, челюстей, костей ног) на Качкашурском I могильнике. Эти комплексы, как правило, располагались в засыпи могильных ям.

По мнению В.А. Семенова, появление в погребальном обряде бассейна р. Чепцы захоронений коня (изредка коровы) связано с проникновением в прикамскую среду большой группы угорского населения из Зауралья и Приобья, с которой связано и распространение керамики с решетчатым штампом, и костяных ложечек усть-полуйского типа (Семенов, 1967, с.292-293).

Как отмечает В.Д. Викторова, на Ликинском могильнике юдинской культуры в засыпи могильных ям погребений с кремацией присутствовали зубы лошади, а погребениям с труположением соответствовали жертвенные комплексы в виде углистых линз с обожженными конскими черепами (Викторова, 1968, с.245; Викторова, 2008, с.21, с.110). Череп и кости передних конечностей коня («комплекс коня») найдены в погребениях Пылаевского могильника на р.Пышме, относящегося, как и Ликинский могильник, к юдинской культуре (Кутаков, Старков, 1997, с.132). В.А. Могильников указывал, что культ коня, по-

добный изученному на Ликинском могильнике, известен не только в лесном Зауралье, но и у племен потчевашской и усть-ишимской культур (Могильников, 1987, с.170).

Для предотвращения возвращения покойника в мир живых практиковались узлы мертвых, порча инвентаря, наложение маски на лицо, надрезы на одежде, засовывание правой руки за пояс, так как в загробном мире все надо делать левой рукой (Бартенев, 1895, с.490; Росляков, 1896, с.3; Кулемзин, 1976, с.40; Семенова, 2001, с.149).

По западносибирским материалам известно, что погребальный инвентарь не только имеет цель удовлетворить покойника, но и «держит» его, оберегая живых от нежелательных возвращений. У селькупов наконечники украшений удерживали душу, обитавшую в черепе человека, которая могла покинуть его по волосам. Ту же роль играли маски. Душу необходимо было удержать до разложения тела (Кулемзин, 1984, с.79; Семенова, 2001, с.152).

По нашим данным, на сегодняшний день на территории от Приуралья до Западной Сибири известно 28 памятников VI-XIV вв., где зафиксированы погребальные лицевые покрытия в количестве около 160 экземпляров. Наибольшее их количество (16 памятников) выявлено на территории Предуралья, при этом каждый полевой сезон приносит новые находки. Причем использование масок в погребальном обряде населения Предуралья имело массовых характер. Так, на Баяновском могильнике (раскопки А.В. Данича) они найдены в 38 погребениях, что составляет 27,1 % всех неразрушенных погребений. Описывая погребальный обряд Деменковского могильника, В.Ф.Генинг отметил наличие масок-наглазников в трех погребениях, по его мнению, появление этого обряда в Прикамье

отражает тесные связи населения Прикамья и Зауралья (Генинг, 1964, с.101).

В Венгрии периода обретения родины характерным элементом погребального обряда являлось оборачивание лица умерших покрывалом с нашитыми на него металлическими пластинками или бляшками. Ч. Балинт отмечает, что такие пластинки из серебра часто находят на черепах, у глазниц и рта (Балинт, 1988, с.125).

В Западной Сибири в материалах могильников кучуминского этапа (рубеж VII–VIII – рубеж IX–X вв.) часто встречаются остатки лицевых покрытий-масок – куски меха или кожи, закрывавшие лицо, с пришитыми на месте глаз, а иногда еще носа и рта, металлическими накладками. Использование в обряде погребальных масок зафиксировано и на кинтусовском этапе (к. IX–X вв.) (могильник Кинтусовский, Сайгатинский VI) – в глазницах найдены металлические накладки (Очерки истории..., 1999, с.55). На могильнике Зеленый Яр присутствие лицевых «покрывал» зафиксировано в пяти детских погребениях IX и XIII. «Покрывала» выполнены из меха росوماхи и песка. На лицевые «покрывала» из погребений № 15, 21, 24 были нашиты большие медные пластины, вырезанные из стенок котлов. В погребении № 25 три маленькие пластины нашиты в области глаз и рта. На наличие подобных «покрывал» в других погребениях указывают обнаруженные в области лиц погребенных медные пластины с фрагментами меха на них (Зеленый яр, 2005, с.211–212). В погребении №70 Арантурского могильника (Тюменская область) на лицо покойного, покрытое тканью, была уложена бронзовая чаша, играющая роль маски (Степанова, 2008), подобная традиция зафиксирована на ряде захоронений Сайгатинского комплекса (Федорова, 1991, с. 193, 197).

Наличие погребальных лицевых покрытий Е.П. Казаков отмечает в погребениях чияликских могильников золотоордынского времени – они состояли из кожаного лоскута с нашитой на месте рта серебряной пластиной (Казаков, 2003а, с.80), они отмечали рот погребенных, и были пришиты на покрывала, закрывавшие голову умерших.

Эта традиция для Западной Сибири, Урала и Поволжья эпохи средневековья, безусловно, угорская, что подтверждается и сохранением её у угров Приобья этнографического времени. И.П.Росляков и К.Ф.Карьялайнен отмечали сохранение использования металлических лицевых покрытий в погребальной обрядности обских угров еще в к. XIX – н. XX вв. (Карьялайнен, 1994, с.76–77).

К сожалению, до сих пор не ясным является генезис угорской традиции использования погребальных металлических лицевых покрытий. На наш взгляд, наиболее реален «древнеиранский след», так как в культуре угров яркое иранское влияние признается однозначно большинством исследователей, и даже такой важнейший культурный герой, как Мир-Сусне-Хум, имеет глубокие иранские корни. Однако в контексте рассматриваемой проблемы древних угорских этномаркеров в археологии Предуралья истоки погребальных лицевых покрытий менее важны, нежели устойчивое использование этого элемента погребальной обрядности народами, чья угорская принадлежность не оставляет сомнения: древними венграми, древними и современными уграми Западной Сибири.

* * *

Наиболее выразительными «угорскими» признаками погребального обряда, таким образом, является помещение в погребение останков коня (в южных культурах т.н. «комплекса коня», в север-

ных - черепов или отдельных челюстей), а также применение металлических погребальных масок. Следует подчеркнуть, что подобные маски, вероятно, применялись при захоронении социальной элиты, о чем свидетельствует богатый комплекс погребального инвентаря в подобных погребениях. С «элитарными» захоронениями связаны и некоторые отступления от общего погребального обряда: биобрядность, противоположная ориентировка захороненных и пр., что, однако, говорит не об иноэтничности верхушки общества, а об особом к ней отношении, что находит подтверждения в этнографии обских угров.

А.В. Васильева
НАХОДКИ КУЛЬТОВЫХ
ГЛИНЯНЫХ ФИГУРОК НА
ПОЗДНЕАНАНЬИНСКОМ
СЕЛИЩЕ БОЛГАРЫ IX

Глиняная пластика относится к определенному виду археологических источников, отражающих как материальную, так и духовную культуру. Появление глиняной пластики на территории Прикамья относится к середине - второй половине I тыс. до н.э.. Наибольшее распространение фигурки получили в IV-III вв. до н.э., став отличительной чертой ананьинской культуры. В более позднее время образцы глиняной пластики встречаются гораздо реже.

Образцы глиняной пластики встречается в основном антропоморфной, цилиндрической, призматической, конусовидной и зооморфной формы. Все статуэтки сделаны из глины без примесей, слабо обожжены и могут иметь овальное, круглое и четырёхугольное основание и соответственное ему поперечное сечение. Сплетены они грубо. По технике выполнения фигурки разные, очевидно, что изготавливались они разными людьми, скорее всего женщинами. Почти все фигурки сломаны. Нижняя часть часто имеет устойчивое основание. На антропоморфных фигурках голова иногда оформлялась в виде трапециевидного, треугольного или округлого выступа, руки в виде бугорков или полубугорков, черты лица не проявлялись, ноги не обозначены. Некоторые антропоморфные статуэтки имеют детали одежды и украшения: пояс, передник, полы и подол одежды, воротник, бляшки.

В июле 2008 года противоаварий-

ные раскопки памятника археологии «Болгары 9, селище» расширили список поселений ананьинской культуры, на которых встречаются находки глиняной пластики.

Памятник археологии «Болгары 9, селище» находится в 1,8 км к северо-востоку от д. Болгары на южной окраине пос. Протасы в Пермском районе Пермского края на левом берегу р. Симеиха, правого притока р. Сарабаиха. Площадка памятника находится на высоком (до 22 м), вытянутом с юго-востока на северо-запад, мысу, и представляет собой задернованное поле, поросшее многолетней травой.

Для сохранения культурных напластований раскопы были разбиты в наиболее подвергающихся разрушению частях памятника (в местах строительства жилых домов и подъездных путей). Всего было разбито 16 раскопов общей площадью 1548 кв. м.

Особый интерес представляют раскопы XIV и XI, на которых и были найдены глиняные фигурки.

Раскоп XI (Рис. 1) прямоугольной формы площадью 120 кв. м был разбит в центральной части мыса. На нем в ходе археологических исследований было обнаружено несколько ям, в перемешанном пахотном слое обнаружено две фигурки.

Одна фигурка (Рис. 2-1) коричневого цвета, колоковидная, сужающаяся кверху. Расширение книзу образует устойчивое основание (практически аналогичная фигурка найдена на Усть-Сылвенском поселении). Высота фигурки 3,1 см. Подобные фигурки найдены также на Гремячанском святилище. Подобные фигурки одни исследователи (например, М.Ф. Обыденнов, К.И. Корепанов) относят к фаллическим, другие – к составляющим какой-то игры (Збруева, 1952, с. 252).

Вторая фигурка – антропоморфная (Рис. 2-2) также коричневого цвета. Форма фигурки напоминает бюст – достаточно широкая и массивная верхняя часть сильно сужается книзу, на ней высота фигурки 4,5 см обозначены руки в виде небольших бугорков, возможно частично обломанные, ног нет, голова сломана. Высота фигурки 4,5 см, в сечении она имеет четырехугольную форму. Фигурка не орнаментирована, детали одежды и украшений не показаны. Подобные фигурки были найдены при раскопках городища Ермаши (Мокрушин, 2008, с. 118) и Конецгорском селище.

Раскоп XIV (Рис. 1) прямоугольной формы площадью 192 кв.м был разбит в юго-восточной части мыса. На раскопе было обнаружено несколько ям, очаг, встречено более 90 индивидуальных находок, а также более 300 единиц массового материала (в основном, фрагменты керамики). Среди индивидуальных находок можно выделить несколько групп: костяные предметы (наконечники стрел, резная подвеска и т.д.); изделия из глины (фигурки, жертвенные чашечки) и бронзы (наконечники стрел); железные предметы (железный нож, кольцо) и многочисленный каменный инвентарь. Из массового материала выделяются только две группы – керамика и кости.

Очаг №1. Зафиксирован на уч. XXV-XXVI/8-9 на уровне предматерика на глубине -8,88-9,00 м от условного «0». На плане очертания очага были представлены в виде круглого пятна диаметром 0,67 м, заполненного двумя слоями (ярко рыжая обожженная глина и желтая обожженная глина, перемешанная с мелкой галькой). В центре очажного пятна зафиксировано округлое пятно диаметром 0,24 м черно-коричневой супеси, перемешанной с мелкой галькой и мелкими обломками костей. Вокруг центра очага располагались пятно

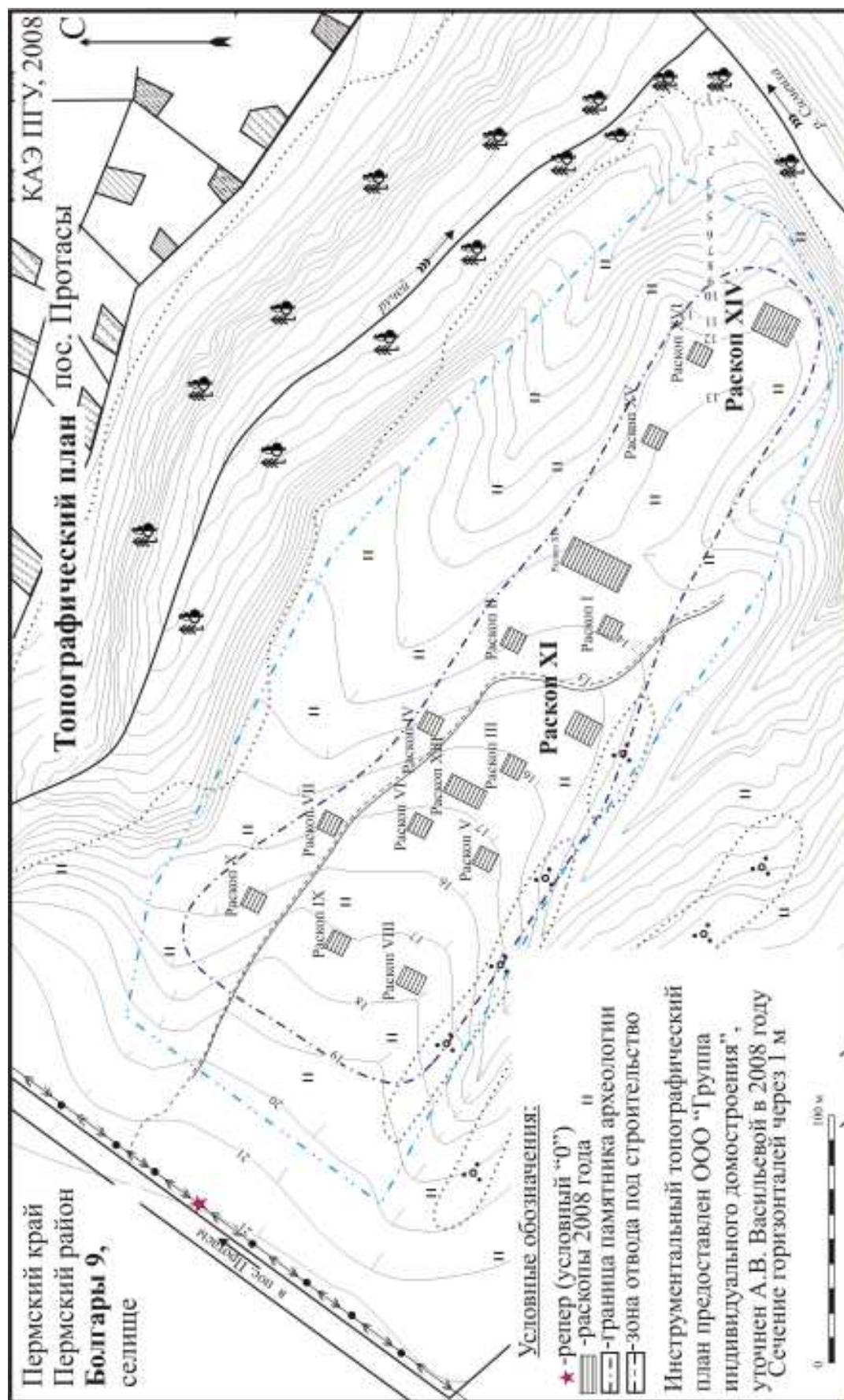

Рис.1. План поселения Протасы

суглинка мощностью 0,26 м, достигая глубины -9,06 м от условного «0», без находок. В связи с отсутствием материала, назначение ямы сложно интерпретировать.

Интерес представляют довольно многочисленные находки глиняной пластики, а также миниатюрных сосудов, обнаруженные в яме 1 и очаге, а также рядом с ними. Подобные предметы обычно встречаются в сооружениях, связанных с выполнением ритуальных действий на многих памятниках эпохи раннего железного века. В данной статье остановимся на находках глиняных фигурок.

На раскопе XIV глиняные фигурки найдены в количестве 10 штук. Цвет фигурок варьирует от светло-коричневого до ярко-рыжего.

Четыре фигурки представляют собой неорнаментированные цилиндрики размером 1,5-2,5 см (Рис. 2-3).

Особый интерес представляют антропоморфные статуэтки (в количестве 6 шт.) (Рис. 2 – 4-9)

Четыре фигурки прямые, без устойчивого основания, одна имеет небольшое устойчивое основание. Две фигурки рыже-коричневого цвета, одна – светло-серого, а одна – светло-коричневого. Все фигурки с выраженными руками в виде небольших округлых или заостренных бугорков, голова показана у двух фигурок в виде округлых бугорков. Стоит также отметить, что ни у одной из этих фигурок обеих рук не показано. Они либо отломаны специально (скорее всего, во время ритуала), либо специально не показывались во время изготовления. Размер фигурок от 2,8 до 3,5 см. Детали одежды или украшений не показаны.

Одна фигурка (Рис. 2-8) ярко-рыжего цвета представляет собой прямой столбик длиной 4 см. У данной статуэтки рельефно (при помощи наклепов), а также с помощью насечек показаны де-

тали одежды и украшений (предположительно пояс и ожерелье). Голова отломана, руки в виде бугорков не показаны.

Шестая фигурка (Рис. 2-9) также ярко-рыжего цвета представлена только верхней частью. Длина сохранившейся части 2,2 см. Прямая к поясу, голова отломана, руки показаны в виде полукруглых наклепов. Также на этой фигурке фиксируются две параллельные вертикальные полосы. Возможно, они являются частью декора.

Исходя из предыдущих исследований, нужно отметить, что статуэтки зачастую обнаруживаются около очагов, реже в ямах, и относятся или к территории святилища (например, Гремячанское святилище) или к территории жилища (например, Конецгорское селище). В нашем случае это также не стало исключением. Две статуэтки обнаружены в заполнении ямы №1 (которая располагается рядом с очагом).

Первая фигурка (Рис. 2-5) обнаружена на глубине -9,11 м (зафиксирован в слое темно-серой супеси с вкраплениями угля); вторая (Рис. 2-4) – на глубине -9,15 м (зафиксирована также в слое темно-серой супеси с вкраплениями угля).

Также две фигурки найдены на поверхности материка. Первая фигурка (Рис. 2-8) найдена на уч. XXV/8, глубине -9,11 м от условного «0» рядом с развалом сосуда; вторая (Рис. 2-7) - на уч. XXVII/9, глубине -8,94 м от условного «0».

Очаг 1, ямы 1-8 и две глиняные фигурки, найденные на уровне материка, упомянутые выше, представляют собой единую, по моему мнению, конструкцию, которую можно интерпретировать как культовую (Рис. 3). Исходя из небольших размеров изученного культового комплекса, можно предположить, что обряды на нем совершались ограниченным числом людей с близлежащей территории. Для людей, населявших эту тер-

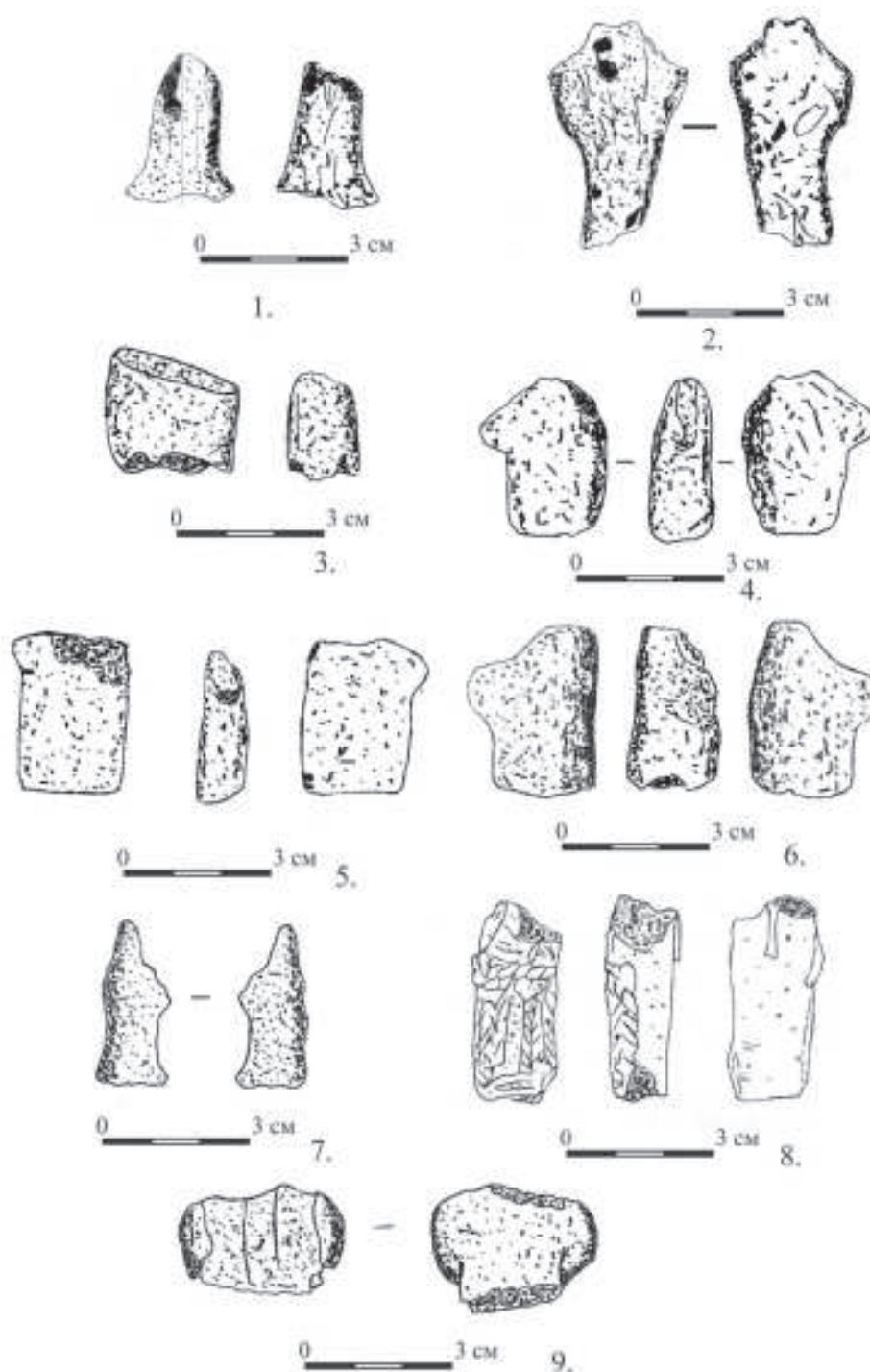

Рис. 2. Глиняные фигурки

риторию в IV-III вв. до н.э., фигурки, найденные в ходе раскопок 2008 года, являются значимыми составляющими земледельческого культа, культа плодородия. Преднамеренное повреждение фигурок также говорит о ритуальном

характере использования. В пользу интерпретации ритуальных действий на вышеописанном культовом комплексе, как исполнение культа плодородия (не только земли, но и людей, животных), говорит и достаточно большое количе-

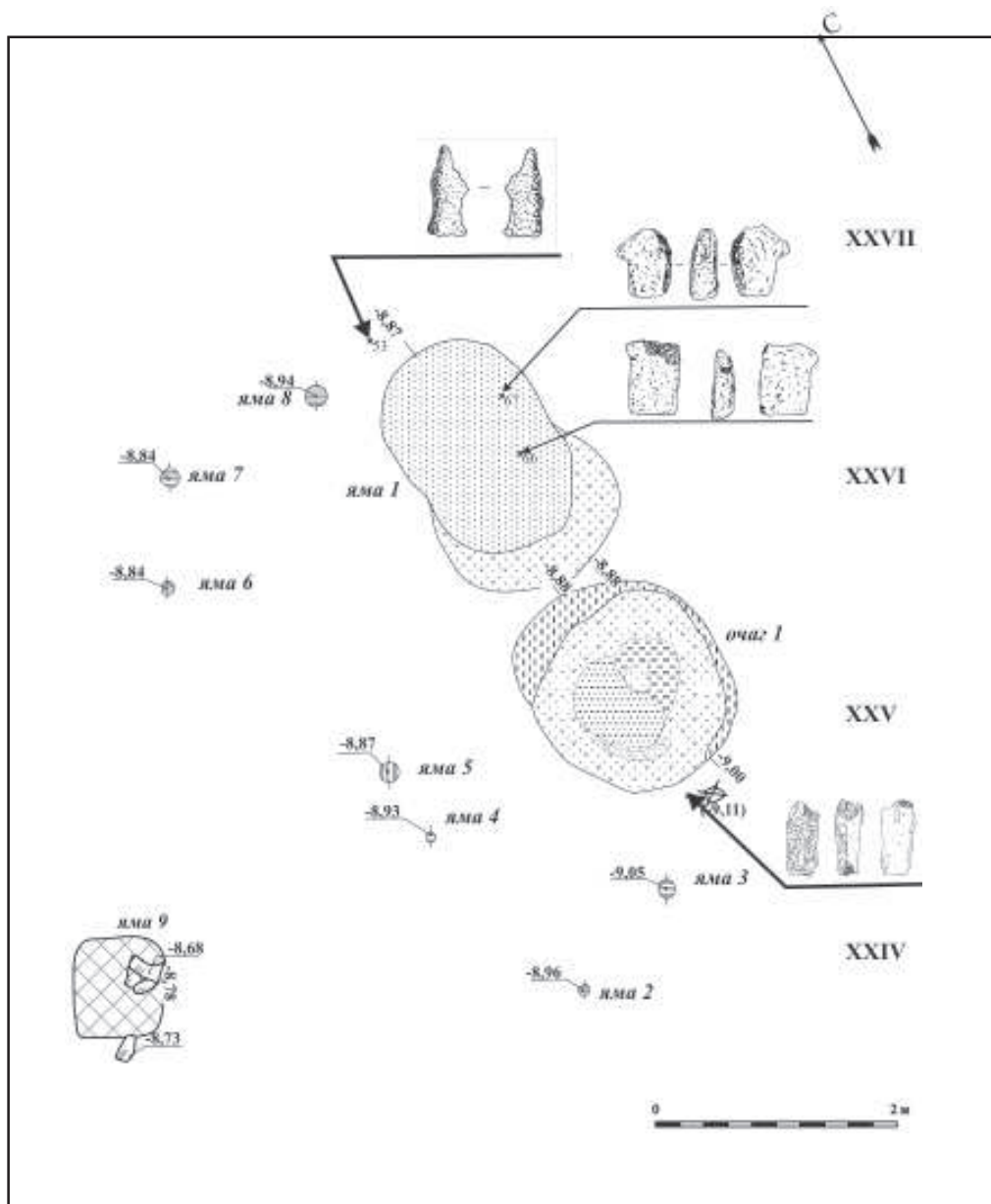

Рис. 3. Культовая постройка на раскопе XIV

ство пестов-терочников, оселков, накопечников стрел и жертвенных чашечек, найденных в заполнении очага и ямы 1. Тем не менее, не исключено, что найденные женские изображения также могут символизировать и покровительницу, и хранительницу очага.

Оставшиеся две фигурки (Рис. 2-6,9) найдены в пахотном слое (стоит отметить, что культурный слой на памятнике распахан практически всю глубину - до

предматерикового слоя), поэтому отнести их к вышеупомянутому культовому сооружению нельзя.

А.В. Васильева, М.Л. Перескоков
ПОСЕЛЕНИЕ КОСОГОРЫ 1

Памятник археологии «Косогоры 1, поселение» находится на северо-восточной окраине д. Косогоры, на правом берегу р. Нижняя Мулянка, левого притока р. Кама (Камское водохранилище). Памятник открыт в 1988 году А.Н. Лепихиным, повторно обследовался им же в 1990 году, до 2007 года раскопки на памятнике не проводились. По исследованиям А.Н. Лепихина, памятник датировался ананьинской культурой, VI-III вв. до н.э. Площадка памятника находится на высокой террасе (до 50 м), представляет собой вспаханное и засеянное поле. С запада памятник ограничен глубоким логом, заросшим хвойным лесом, с юга – д. Косогоры и небольшим ложком, с севера – полем (Рис. 1-1). Исходя из распространения находок на пахоте, длина памятника по оси север-юг – 80 м, ширина по оси запад-восток – 90 м, т.о. предварительная площадь памятника составляет – 7500 кв. м.

Подготовительные работы по строительству автодороги были проведены еще до начала археологических исследований, поэтому местами на памятнике культурные напластования были разрушены тяжелой техникой. С востока, в непосредственной близости от границы памятника, был выкопан строительный котлован.

Раскоп I был разбит в центральной части площадки памятника (на месте максимального скопления подъемного материала). Площадь раскопа составила 1680 кв. м.

В ходе работ было выявлено несколько углублений и ям. Основными

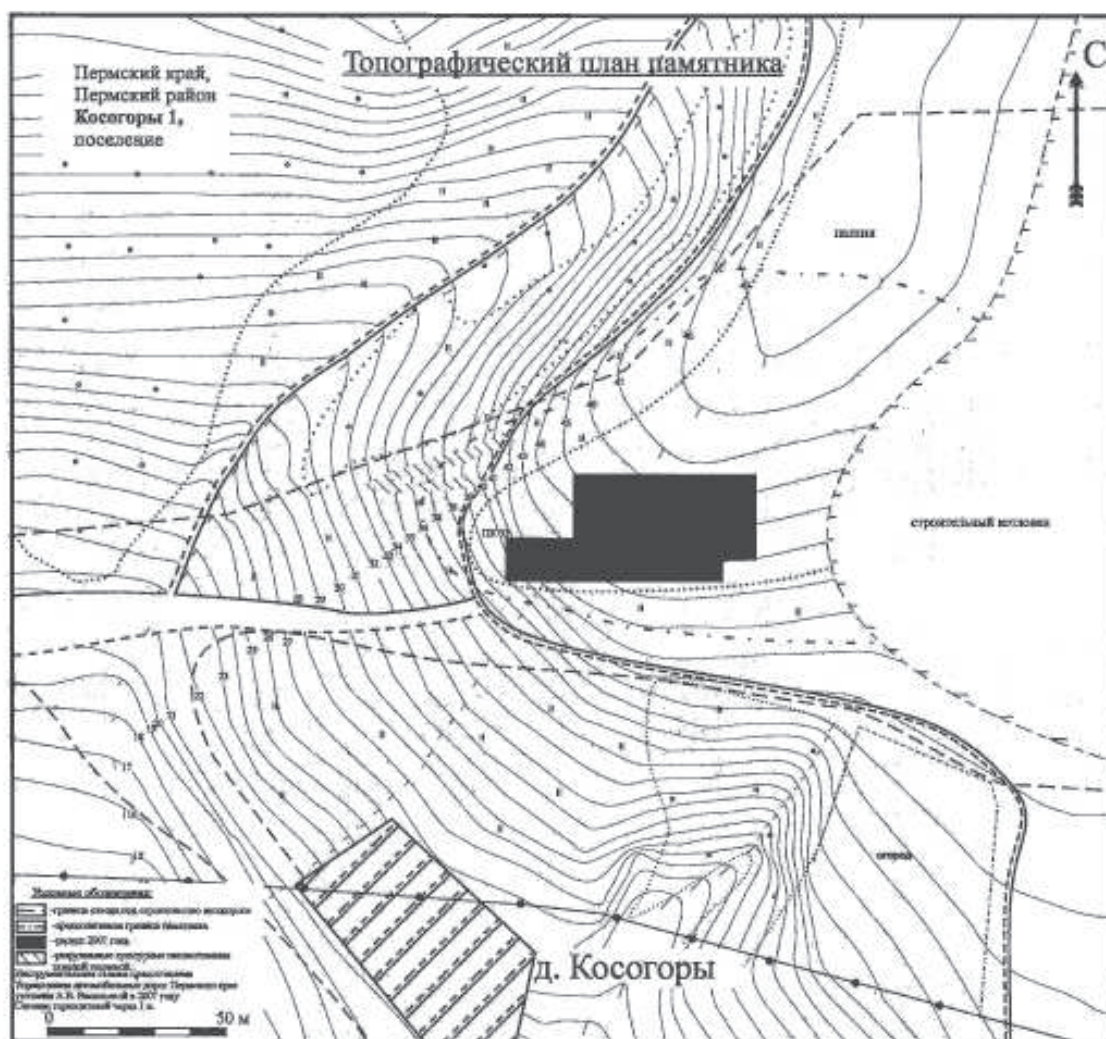
были два канавообразных сооружения, и прилегающие к ним ямки.

Жилище №1. (Рис. 1-2). Сооружение вытянутой П-образной формы, вытянуто по оси северо-восток – юго-запад. По своим размерам достаточно велико, фиксируется на нескольких секторах. Представляло собой канавку, шириной от 0,56 до 1,66 м. Длина сооружения составляет 21 м, ширина сооружения составляет 8 м.

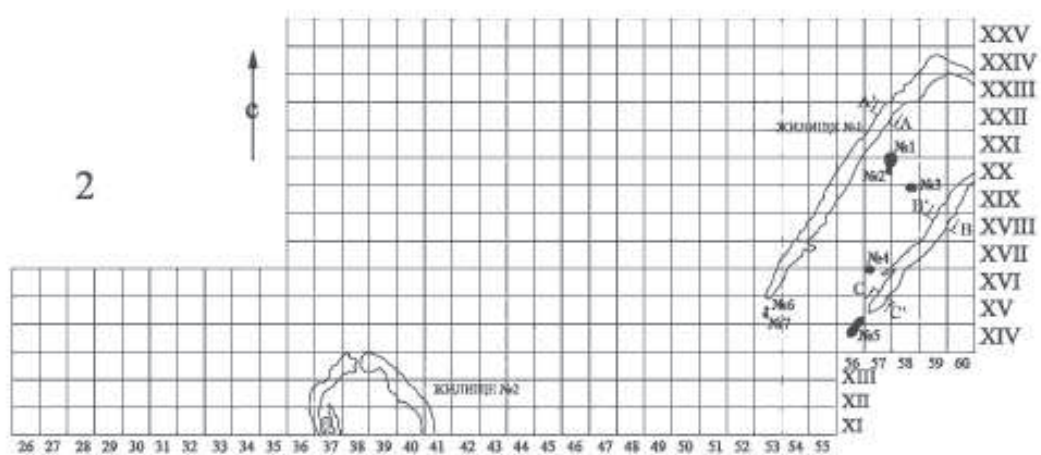
Канавка имела на различных участках различную форму в профиле, но, в основном, близкую к котловидной. Глубина канавки достигала 0,45 м.

На уч. XXII/57 был сделан разрез по линии AA', который позволил уточнить заполнение сооружения 3. Сверху располагался слой черно - коричневой супеси (слой (3)) максимальной мощностью 0,34 м, под ним располагался слой серого суглинка (слой (4)) мощностью до 0,11 м, с левого края разреза фиксируется линза обожженной глины (слой (7)), прорезающая слой серого суглинка. Левый край линзы фиксируется на глубине 0,16 м от поверхности сооружения, правый – на глубине 0,4 м, средняя мощность линзы 0,12 м. Таким образом, мощность сооружения, зафиксированная в разрезе по линии AA', составляет 0,45 м.

На уч. XVIII/59 был сделан разрез по линии BB', который позволил уточнить заполнение сооружения 3. Сверху располагался слой черно - коричневой супеси (слой (3)) максимальной мощностью 0,14 м, под ним с левого края разреза располагалась прослойка серого суглинка (слой (4)), шириной 0,55 м мощностью до 0,15 м. С правого края разреза фиксируется прослойка углистой супеси (слой (13)), правый край прослойки фиксируется практически от поверхности сооружения, левый – на глубине 0,14 м, средняя мощность прослойки – 0,02 м. Ниже располагался слой серого

1

2

Рис.1.Поселение Косогоры 1. 1. План памятника; 2. План раскопа

суглинка (слой (слой (4)), средняя мощность которого 0,11 м. В правом краю разреза в слое серого суглинка

(размеры 0,10x0,09 м) располагается на глубине 0,06 м от поверхности сооружения. Таким образом, мощность сооруже-

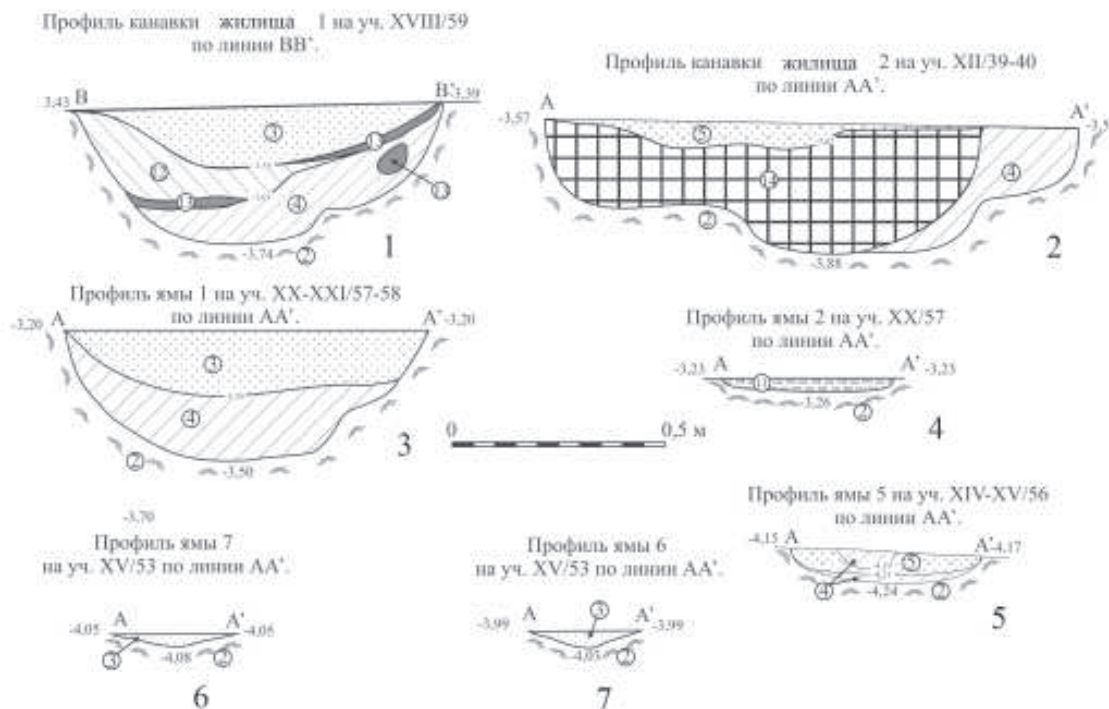

Рис.2. Поселение Косогоры 1. Профиля ям и канавок. 1. Профиль канавки постройки №1, на уч. XVIII/59 по линии BB'; 2. Профиль канавки постройки №2 на уч. XII/39-40 по линии AA'; 3. Профиль ямы №1; 4. Профиль ямы №2; 5. Профиль ямы №5; 6. Профиль ямы №7; 7. Профиль ямы №6.

фиксируется небольшая линза углистой супеси, размеры которой 0,06x0,05 м. Таким образом, мощность сооружения, зафиксированная в разрезе по линии BB', составляет 0,33 м (Рис. 2-1).

На уч. XVI/57 был сделан разрез по линии CC', который также позволил уточнить заполнение сооружения 3. Основное заполнение сооружения, зафиксированное в разрезе CC' – черно - коричневая супесь (слой (3)) максимальной мощностью 0,2 м, в которой фиксируется две небольшие линзы обожженной глины (слой (7)). Меньшая по размеру линза округлой формы (размеры 0,07 x 0,05 м) располагается на глубине 0,02 от поверхности сооружения; большая же по размеру линза также округлой формы

ния, зафиксированная в разрезе по линии CC', составляет 0,20 м.

В заполнении канавки встречались костяные наконечники стрел, обломок тигля, фрагменты керамики.

Жилище №2 (Рис. 1-2) практически целиком располагается на секторе XI-XIII/36-40, занимает XI-XIII/36-40, а также фиксируется на XI-XII/41. Сооружение также представляет собой канавку, имеет подковообразную форму, размеры углубленной в материк части сооружения варьируются от 0,24 м (на уч. XI/37) до 1,40 м (на уч. XII/40), вытянуто по оси северо-запад – юго-запад. Средняя мощность канавки сооружения 0,3 м. Заполнением сооружения служила серо-коричневая супесь с вкраплениями обо-

женной глины, также на уч. XIII/39 и XII/40 фиксируются пятна обожженной глины, черно-коричневой супеси и серого суглинка. В профиле форма канавки так же отличалась на разных участках, и варьировалась от котловидной, до формы с наклонными закругленными стенками, ровным дном и котловидным углублением посередине.

На уч. XII/39-40 был сделан разрез по линии AA', который позволил уточнить заполнение сооружения. Сверху располагалась прослойка черно - коричневой супеси (слой (3)), шириной 1,04 м, максимальной мощностью 0,06 м, под ним располагался слой зольной серо-желто-зеленой супеси, перемешанной с обожженной глиной (слой (14)) мощностью до 0,26 м. С правого края разреза в заполнении фиксируется прослойка серого суглинка (слой (4)), ширина которой 0,21 м, максимальная мощность – 0,16 м. Таким образом, мощность сооружения, зафиксированная в разрезе по линии AA', составляет 0,3 м (Рис. 2-2).

На уч. XII/37 был сделан разрез по линии BB', который также позволил уточнить заполнение сооружения 5. Основное заполнение сооружения, зафиксированное в разрезе BB' – серо-коричневая супесь, местами с вкраплениями обожженной глины (слой (5)) максимальной мощностью 0,16 м, в которой фиксируется линза серо-белого песка (слой (15)) диаметром 0,13 м. Таким образом, мощность канавки, зафиксированная в разрезе по линии BB', составляет 0,18 м.

На площади, окруженной канавкой сооружения 1, зафиксировано несколько ямок.

Яма №1 зафиксирована на уч. XX-XXI/57-58. В плане яма имела овальную форму диаметром 110 м. В профиле яма имела чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение ямы неодно-

родно, сверху располагался слой черно-коричневой супеси мощностью 15 см, под ним располагался слой серого суглинка мощностью 15 м, достигая глубины – 0,30 м.

Яма №2 зафиксирована рядом с ямой №1 на уч. XX/57. В плане яма имела округлую форму диаметром 0,44 м. В профиле яма имела чашевидную форму с прямыми стенками. Заполнена яма была зелено-коричневым песком без находок, мощностью 3 см.

Яма №3 зафиксирована на уч. XIX-XX/58. В плане яма имела округлую форму диаметром 0,74 м. В профиле яма имела чашевидную форму с прямыми стенками. Заполнена яма была пестроцветом (прослойки углистого слоя, обожженной глины и серого суглинка), без находок, глубина ямы составила 12 см.

Яма №4 зафиксирована на уч. XVI-XVII/57. В плане яма имела овальную форму диаметром 0,60 м. В профиле яма имела чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнена яма была серо-коричневым суглинком, перемешанным с серой супесью без находок, мощностью 10 см.

Яма №5 (Рис. 2-5) зафиксирована на уч. XIV-XV/56. В плане яма имела подовальную вытянутую с северо-востока на юго-запад форму размером 1,26 x 0,36 м. В профиле яма имела чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение ямы неоднородно. Основное заполнение - серо-коричневая супесь, с вкраплениями обожженной глины (слой (5)) максимальной мощностью 0,05 м, в которой фиксируется линза серого суглинка в профиле имеет чашевидную форму (шириной 14 см, мощностью 4 см). Под слоем серо-коричневой супеси местами с вкраплениями обожженной глины располагается слой серого суглинка (слой (4)) мощностью 0,03 м. Глубина ямы составила 7 см.

Яма №6 (Рис. 2-7) зафиксирована на

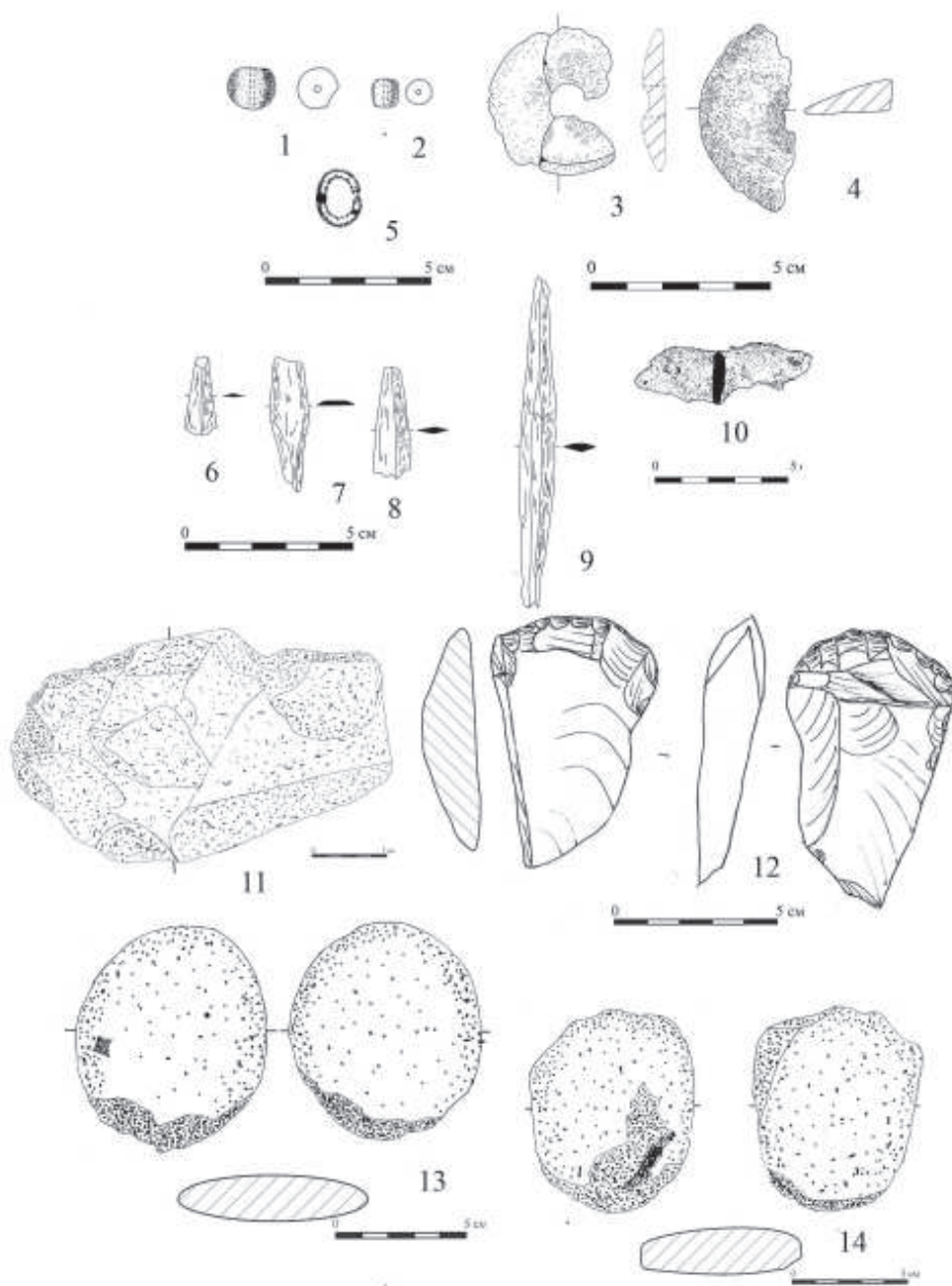

Рис. 3. Поселение Косогоры 1. Предметы материальной культуры. 1-2. Бусины (стекло); 3-4. Пряслища (глина); 5. Рамка от бронзовой пряжки; 6-9. Костяные наконечники стрел; 10. Железный нож; 11. Курант (камень); 12. Каменный выемчатый топорик; 13-14. Каменные песты-терочники.

уч. XV/53. В плане яма имела округлую форму диаметром 0,15 м. В профиле яма имела чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнена яма была черным углистым песком без находок, глубина ямы составила 4 см.

Яма №7 (Рис. 2-6) зафиксирована на

уч. XV/53. В плане яма имела подовальную форму диаметром 0,24 м. В профиле яма имела чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнена яма была черным углистым песком без находок. Глубина ямы составила 3 см.

Описанные сооружения можно ин-

терпретировать как остатки наземных бревенчатых жилищ, окруженных канавкой и завалинкой. Жилища такого типа характерны для памятников позднего этапа гляденовской культуры, таких как Федотовское городище (Генинг, 1959, с. 173), селище Пеньки (Мельничук, Соболева, 1986, с. 100-101), а также постройка, исследованная 2009 г. при раскопках Заюрчимского VI поселения (Раскопки С.Н. Коренюка). Наиболее полно исследована постройка №1, где канавка огораживает снаружи стены постройки. Внутри постройка, вероятно, делилась на две части – «жилая» и тамбур. Остатки перегородки зафиксированы как в северо-западной, так и в северо-восточной стенках жилища, к ним же, вероятно, относиться и яма №4. Яма №5, вероятно являлась продолжением канавки, которая прерывается вследствие разрушения пахотой. Ямка №7 и №8, могли являться остатками внешней стенки тамбура, которая обычно была не бревенчатой, а выполнялась в виде клетки. Ямы же №№1-3 находящиеся в центре жилой зоны постройки, вероятно, имели хозяйственное назначение. Непонятным остается вопрос отсутствия очага. Ответа на него может быть два. Или очага в постройке не было, и постройка являлась просто хозяйственной не отапливаемой. Либо существовавший в постройке простой открытый неуглубленный очаг (коstriще) просто полностью был разрушен пахотой.

Материальная культура поселения Косогоры 1, представлена следующими категориями вещей:

Изделия из кости представлены четырьмя целыми и обломками наконечниками стрел:

Обломок наконечника стрелы - Яма 1 (на уч. XX-XXI/57), (Рис. 3-6). Длина наконечника 23 мм, ширина 7 мм, в сечении имеет ромбовидную форму.

Обломок наконечника стрелы – уч. XII/40, (сооружение 2) (Рис. 3-7). Длина наконечника 38 мм, ширина 11 мм, в сечении имеет трапецевидную форму.

Обломок наконечника стрелы – уч. XVIII/59, (сооружение 1) (Рис. 3-8). Длина наконечника 33 мм, ширина 9,5 мм, в сечении имеет ромбовидную форму.

Наконечник стрелы – уч. XVIII/59, (сооружение 1) (Рис. 3-9). Длина наконечника 98 мм, ширина 10 мм, в сечении имеет ромбовидную форму.

Наконечники стрел такого типа широко распространены в памятниках раннего железного века Прикамья, в особенности широко представлены на Гляденовском костыще.

Также в коллекции находок с памятника присутствуют две бусины. Одна бусина из белого глухого стекла, диаметром бусины 8 мм, высота – 8,5 мм. Найдена бусина на уч. XIII/49 (Рис. 3-2). Вторая бусина стеклянная золоченая, найдена уч. XIV/46 (Рис. 3-1). Диаметр бусины 12 мм, высота также 12 мм.

Бусы такого типа характерны для поздней стадии гляденовской культуры и представлены в материалах малых костыщ.

Из металлических вещей присутствует рамка от бронзовой пряжки (Рис. 3-5) и обломок железного ножа, найденный в яме №1 (Рис. 3-10).

Среди находок из камня присутствуют четыре песты-терочника (Рис. 3-13,14), кресальный кремь и курант (Рис. 3-11). Находки из глины представлены фрагментом тигля, тремя жертвенными чашечками и двумя полусферическими пряслицами (Рис. 3-3,4).

Керамический материал составляет основную массу находок. В ходе обработки керамики с памятника археологии «Косогоры 1, поселение», удалось выделить 161 сосуд. Вся посуда лепная, изготовленная техникой ленточного налеса.

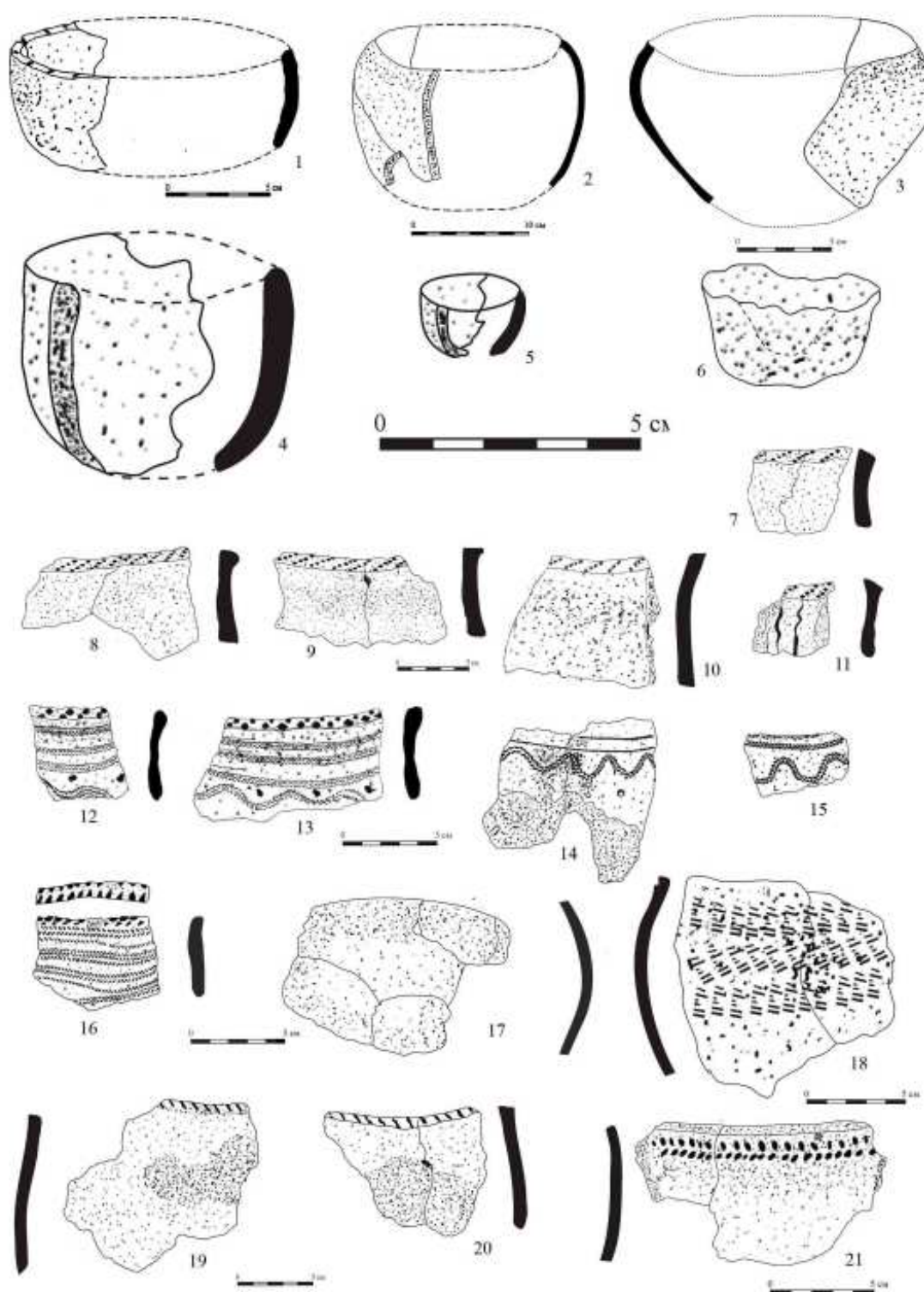

Рис. 4. Поселение Козогоры 1. Керамика.

Большинство керамического материала, поддающегося анализу, происходит из канавок жилищ.

Керамика поселения Козогоры 1

опубликована отдельной статьей (Васильева, Перескоков, 2008, с. 130-133), поэтому мы не видим смысла останавливаться на этом подробно в данной пуб-

ликации. В целом, керамический комплекс характерен для позднегляденовских памятников (Рис. 4).

Найденный вещевой материал также датируется этим периодом, что подтверждается хронологией Гляденовского костыща. К этому же времени относится тип постройки, исследованный на памятнике. Исходя из выше сказанного, изученный нами комплекс может быть датирован III-V вв. н.э., и относиться к позднему этапу гляденовской культуры.

Неожиданной находкой, стал найденный на пахоте каменный выямчатый топорик (Рис. 3-12).

Эти топоры имеют достаточно широкий диапазон функционирования (от эпохи верхнего палеолита до эпохи мезолита –10-8 тыс. до н.э.). Так как ни в раскопе, ни в строительном котловане культурных напластований этой эпохи обнаружено не было, можно считать эту находку либо случайным местонахождением, либо выямчатый топорик относится к стоянке, находящейся на соседнем мысу.

Таким образом, изучение поселения Косогоры 1 дало интересный и оригинальный материал не только эпохи финального раннего железного века, но и каменного века.

А.В. Вострокнутов КУЛЬТ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Поклонение водоплавающей птице появилось на обширной территории от Балтийского моря до западной Сибири в эпоху неолита и сохранялось до XIV в. н.э. Причём остатки его прослеживаются ещё в этнографическое время (сообщения Гр. Новицкого о поклонении обскими уграми гуся в XVIII в.). Для определения феномена культа водоплавающей птицы, думается, будет логичным рассмотрение его в двух ипостасях: мировоззренческой (мифы, предания и т.д.) и материальной (артефакты).

Мировоззренческий аспект.

Первое, на что ссылаются исследователи при рассмотрении культа водоплавающей птицы, это космогонические мифы финно-угров. Приведём некоторые из них:

В финском эпосе «Калевала» утка, сев на колено божественной девы Ильматар, снесла 7 яиц, из которых появились: земля, звёзды, тучи и месяц (Куранов, 2005, с. 4).

У саамов существовал миф о том, как утка снесла на плавающую в мировом океане травинку пять яиц. Из них возникли растения, источники, рыбы и птицы, звери, мужчина и женщина (Петрухин, 2005, с. 155).

В легендах коми Ен (небесный бог) и Омель (бог подземного царства) вылупились из двух яиц, снесённых уткой в воды первичного океана, куда упали ещё четыре яйца. Утка просит братьев достать утонувшие яйца и разбить их о её тело. Сама же она, ударившись о воду,

становится основанием земли. Из двух яиц, которые достал Ен, создаётся собственно земля, солнце и помощники Ена, из своих яиц Омоль творит луну, болота, озёра и злых духов (Петрухин, 2005, с. 198). В другом варианте Ен в образе лебедя, и Омоль в образе гагары, плавали по океану. Ен заставлял Омоля нырять на дно и доставать ил, из которого создал землю. Часть ила Омоль утаил в своём клюве, но когда по приказу Ена ил стал расширяться, Омоль выплюнул его. Так на ровной земле появились горы (Петрухин, 2005, с. 198).

В удмуртской космогонии нет мифов об утке – создательнице мира, зато сохранился обряд почитания двух лебедей. Их специально откармливали и приручали. А летом при них совершали жертвоприношение, кланялись, каждому привязывали на шею серебряную монету и отпускали в р. Вятку. Если лебеди плыли на юг, то люди верили, что их просьбы достигнут бога Инмара (удмуртского Ена) (Петрухин, 2005, с. 230).

В представлениях марийцев утка снесла на поверхность океана два яйца. Из них появились два брата-селезня Юма и Ёын. Они стали нырять на дно и доставать ил, из которого и появилась земля (Петрухин, 2005, с. 261).

У обских угров была похожая легенда: гагара, по приказу Нуми-Торума (верховного бога), ныряла на дно океана, доставая ил, из которого была создана земля (Петрухин, 2005, с. 337). Но в гагаре сидел злой дух – Куль-отыр, который утаил часть ила, создав из него своё Подземное царство.

Так же есть версия, что с неба к поверхности океана слетели две гагары. Одна большая, другая маленькая. Сначала они ныряли по очереди, но достигнуть дна не смогли. Тогда договорились нырять вместе, и на третий раз смогли поднять на поверхность маленькую час-

тичку земли. Но от долгого пребывания под водой у большой гагары пошла горлом кровь. Поэтому у неё теперь грудь красная. А у маленькой кровь пошла из затылка, и теперь затылок у неё тоже красный. А из крупы земли, поднятой гагарами, выросла большая земля (Легенды и мифы Севера, 1985, с. 102 - 103).

У близких к финно-уграм нганасан сохранилось поверье, что сотворённая богом утка нырнула на дно океана и принесла крупицу земли, из которой выросла первая сопка, а на её вершине родилось солнце (Легенды и мифы Севера, 1985, с. 122).

Сама водоплавающая птица, в частности утка, гусь, является в угорской мифологии ипостасью Калташ-эквы, супруги верховного бога – Нуми-Торума. Богиня эта считалась покровительницей женщин, плодородия и деторождения, её называли «мать-богиня» (Крыласова, Иванов, 2006, с. 61 - 63, 68). Кроме того, эта богиня была своеобразной угорской «мойрой» - она отмечала на специальных бирках весь жизненный путь людей (Мифы народов мира, 2001, с. 216). Костюм Калташ-эквы, по мнению Н.Б. Крыласовой, отчасти воспроизводился в женских костюмах Прикамья (Крыласова, Иванов, 2006, с. 61 - 63).

С гусём ассоциировался и Мир-Сусне-Хум, «За миром наблюдающий», младший сын Нуми-Торума, один из главных героев угорских мифов. Одним из его имён было Лунт-отыр – «Гусь-богатырь» (Мифы народов мира, 2001, с. 219).

Создатель зверей, Эква-пыриш (одно из имён Мир-сусне-хума), также обращается в гуся, когда за ним, похитителем Солнца и Луны из подземного царства, погнался Куль-отыр (Мифы народов мира, 2001, с. 220).

Вообще в финно-угорской мифологии герои часто обращаются в водопла-

вающих птиц для более быстрого передвижения.

У угров водоплавающая птица в некоторой мере являлась «мерилом». По легенде, периодически грехи всех людей накапливаются, давят на землю, она проседает, вода поднимается и топит всё живое. Когда вода доходит почти до Нуми-Торума, расстояние между ней и богом остаётся с лебединой шеей, он делает так, что всё в мире начинается заново (Фёдорова, 1996, с. 130).

У коми-зырян ранний прилёт уток означал раннюю весну. У чирков внимательно осматривали хлуп (область спины в районе крестца). Если он был белый, то лето должно было быть ясное, красным – дождливое, с красными пятнами – непостоянное; передняя часть хлупа белая, а остальная красная – начало лета ясное, а далее – дожди. Кроме этого по тому, где по берегу бегают утки-чирки, определяли уровень поднятия воды (Конаков, www.komi.com/Folk/komi). Даже после христианизации грудная кость утки считалась оберегом, и хранилась рядом с божницей, а на спине уток-солонок часто делали изображение утят, что похоже на отражение космогонического мифа коми. На лебедя не охотились и мясо его не употребляли в пищу (Белицер, 1958, с. 323). В 2007 году, в недавно заброшенной дер. Тошиб (Гайнский район Пермского края), кокоры крыш домов (поперечные рёбра), изогнутые концы которых были вырезаны в форме утки или лебедя. Таким образом, положительная роль водоплавающей птицы сохранилась не только в мифологии, но и в повседневной жизни финно-угорских народов.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что водоплавающая птица занимала важное мифологическое и мировоззренческое место у финно-угров как в древности, так и в наше время. О пер-

вом свидетельствуют различные мифы, сказки, предания, дошедшие до нас, а о втором – приметы и поверья, которые, разумеется, имеют под собой древнюю мифологическую подоснову.

Материальное проявление.

Следы присутствия культа водоплавающей птицы у финно-угорских народов мы встречаем и в костюме, а также в быту (орнамент посуды и т.д.).

Сразу стоит оговориться, что в рамках этой статьи будут рассматриваться только украшения. Эту категорию средневековых артефактов (с признаками водоплавающей птицы) можно разбить на несколько больших групп: пронизки, привески-лапки, подвески-лапки, ложечки. Отметим, что все эти украшения являются женскими, т. е. мы говорим о женском культе.

Пронизки в виде водоплавающей птицы можно разделить на 5 типов, в каждом из которых несколько вариантов. Рассмотрим основные типы:

Тип I. (2 экз.) Небольшие уточки с Рождественского городища, выполненные из кости, размером 2 x 1 см, в центре просверлено отверстие (для шнура) (рис. 1, 1). Головка небольшая (Белавин, Крыласова, 2008, с. 443, рис. 204, 9, 10).

Подобные пронизки широко представлены на городище Иднакар в Удмуртии, а также встречены в материалах Большеитицкого могильника IX – X вв. в Татарстане (Белавин, Крыласова, 2008, с. 443), на территории Восточного Приднепровья в XI – XII вв. и в материалах Муромского Тумовского селища IX – XI вв. (Рябинин, 1981, с. 35 - 36).

Тип II. (4 экз.) Бронзовые уточки с большим полым туловищем (4 x 2 см) и небольшой головкой в виде крючка. Низ тулова обрамлён валиком (рис. 1, 2 - 5).

Пронизки, подобные этому типу найдены в материалах памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X

– XI вв. (Голубева, 1979, с. 17), в материалах Кочергинской культуры (XI век) (Голдина, 2004, с. 320), в Печёрском Приуралье (поселение Киско) X – XI вв. (Мурыгин, 1992, с. 90, рис. 42, 9). Следует также отметить, что Л.А. Голубева считает появление петелек на уточках Типа II прикамским новшеством (Голубева, 1979, с. 17).

Тип III. (10 экз.) Небольшие (2 x 1,5 см) стилизованные фигурки. Головка в виде крючка расположена на довольно длинной, по отношению к туловищу, шее. У большей части пронизок этого типа на голове присутствуют маленькие рожки (рис. 1, 6 - 16). Рядом исследователей, благодаря этому, подобные украшения идентифицируются как «барашки», что на наш взгляд неправильно. Дело в том, что и среди водоплавающих птиц есть «рогатые», то есть с хохолком из перьев (например, чомги), кроме того, «рожки» вообще могут символизировать уши, и тогда головка уточки может интерпретироваться как голова лося, такой синтез среди пронизок есть, о нём будет сказано ниже.

Подобные пронизки известны в могильниках XI – XIII вв. Северо-Западной Руси, в поломско-чепецких древностях этого же времени (Белавин, Крыласова, 2008, с. 444), в материалах конца X – начала XII вв. вымских могильников, на городище древней корелы Паасондвуори XII – XIII вв. (Кочурина, 1981, с. 82, табл. 9, 9), а также на памятниках Приобья и Западной Сибири XIII – XV вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 444).

Тип IV. (6 экз.) Довольно крупные (3-5 x 2-3 см) уточки с большой головой и вытянутым телом (рис. 1, 17 - 23).

На территории Поволжья пронизки, подобные этому типу, встречены на Младшем Ахмыловском и Подболотьевском могильниках VI – VII вв. (Голубева, 1979, с. 17), на Вычегде – в материа-

лах Веслянского I могильника VI в. и могильника Борганъёль этого же времени (Археология республики Коми, 1997, с. 448).

Тип V. (15 экз.). Реалистичные пронизки – лебеди. Имеют крупное (4 x 2,5 см) тулово и крупную голову на длинной шее (рис. 1, 24 - 31).

Пронизки, подобные Типу V, встречаются в артефактах мыдланьшайской стадии Поломской культуры (конец VIII – IX вв.) (Голдина, 2004, с. 349). Для варианта В аналогия имеется в виде поллой фигурки лебедя (гуся), найденной близ с. Филинского на Нижнем Приобье. В.Н. Чернецов датирует это изображение IV в. (Чернецов, 1957, с. 184, табл. XVIII, 1). Обращает на себя внимание отсутствие аналогий подобным пронизкам на территории Поволжья и Руси, что позволяет считать их исключительно прикамскими.

Лапки-привески довольно трудно систематизировать ввиду их огромнейшего разнообразия. Можно выделить два основных центра существования этих привесок – Прикамье и Поволжье. Зачатки их, появившиеся в чегандинских памятниках как подвески, датируются В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной I в. до н.э. (Генинг, 1970, с. 93). Затем этот вид украшений «мельчает» и переходит в ранг привесок. Из Среднекамья они проникают на территорию Поволжья и Верхнюю Каму. Причём, поволжские лапки скоро приобретают индивидуальные черты: они больше по размерам, чем камские, и имеют плоский нижний край, тогда как лапки с территории современной Удмуртии и Пермского края ромбовидной формы. Расцвет этих привесок приходится на конец I - начало II тыс. н.э. При этом, лапки могут служить и датирующим материалом: у привесок VIII – IX вв. петля для привешивания располагается перпендикулярно плоскости

лапки, тогда как в X – XI в. - в одной плоскости. На территории Верхнего Прикамья подобные привески исчезают в XII в (рис. 2).

Лапки-подвески.

Особый интерес представляют собой сильно стилизованные лапки, которые были самостоятельными украшениями демёнковской стадии ломоватовской культуры (VII – VIII вв.) (Голдина, 1985, с. 270), а также бартымской стадии неволинской культуры (VII – VIII вв.). Они представляют собой металлические пластины трапецевидной формы с прорезями, благодаря которым на изображении угадываются «пальцы» (Голдина, 1985, с. 46). Поверхность украшения покрывалась узорами. По краям – пять отверстий. Размер: приблизительно 6 x 4 см. Эти подвески напоминают собой более ранние чегандинские подвески (Генинг, 1970, с. 93).

Лапки-подвески найдены в могильниках Мало-Аниково (VIII – IX вв.; 1 экз.), Демёнки (VII – VIII вв.; 3 экз.), Неволино (VII – VIII вв.; 9 экз.), Верх-Сая (VII – VIII вв.; 1 экз.), Бродовсий (VII – VIII вв.; 2 экз.) и близ д. Михалево (1 экз.).

Типологически их можно разделить на три неравные группы:

Тип I. (17 экз.; рис. 3, 1). Трапецевидной формы. По краям расположены четыре выступа. На лопасти четыре подтреугольных выреза, благодаря чему создаётся подобие «лапки». Внизу – три «пальца». Происходят с Демёнковского, Верх-Саинского, Бродовского могильников, а также из материалов д. Михалево и Мало-Аниковского могильника. Аналогии этим подвескам находятся в Печёрском Приуралье VIII – IX вв. (Археология республики Коми, 1997, Рис. 28). и на Вычегде в X – XI вв. (Археология республики Коми, 1997, с. 606, рис. 18,

29 - 30), а также в сибирских материалах обских угров (Чернецов, 1957, табл. XXVIII, 12 – 18, 22 - 27).

Тип II. (1 экз.; рис. 3, 2). Отличается округлыми формами, прорезей на лопасти две, подвеска покрыта кружковым орнаментом. Происходит из материалов Бродовского могильника (Голдина, Водолога, 1990, Табл. XXXIX, 21).

Тип III. (1 экз.; рис. 3, 3). Подвеска для этой группы украшений наиболее реалистична. Эта подвеска имеет аналогии из материалов Печёрского и вычегдского Приуралья, где подобные украшения типичны начиная с XI в. (Археология республики Коми, 1997, С. 606, рис. 18, 29 - 30), а также из западносибирских угорских материалов, откуда она, скорее всего, и попала на территорию Пермского Прикамья – такие украшения были типичными для обского населения в середине I тыс. н.э. (Чернецов, 1957, табл. XXVIII, 12 – 18, 22 - 27).

Подобные подвески существуют на территории Пермского Прикамья около столетия (с VII по начало VIII вв.), затем они исчезают, но продолжают существовать на территории республики Коми и в Западной Сибири. Они интересны тем, что составляют своеобразный пережиток влияния подобных среднекамских подвесок, вышедших из употребления за три века (в III – IV вв.) до появления подвесок-лапок на территории Пермского Прикамья.

Ложечки.

Ложечки с территории Пермского Прикамья подробно рассмотрены Н.Б.Крыласовой в монографии «Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья». Из всего многообразия этих изделий нас интересуют только две группы: первая - тип А1.1 (по типологии Н.Б. Крыласовой), относящиеся к отделу А – «ложки с укороченной рукоятью» (Крыласова, 2007,

с. 59, рис. 24) - имеют навершие рукояти напоминающее голову лебедя, Н.Б. Крыласова считает, что это лосиные, либо лошадиные головы; вторая - ложечки подгруппы АП.2 – с шумящими лапчатыми привесками (Крыласова, 2007, с. 66 – 68, рис. 28).

Ложечки первой группы имеют миниатюрные размеры: 5,5 – 6 см, рукоять округлого сечения и неглубокий черпак овальной формы, вытянутый вдоль рукояти. Происходят они из Демёнковского, Щукинского, Висимского, Загарского могильников и деревни Батуевой (Крыласова, 2007, с. 59, рис. 24). Аналогии имеются ещё в древностях Усть-Полуя I в. до н.э., Варнинского могильника IX – X вв., а так же городища Иднакар IX – XIII вв. в Удмуртии. Н.Б. Крыласова датирует их VIII – IX вв. (Крыласова, 2007, с. 59 - 60).

Ложечки второй группы имеют ещё меньшие размеры: 4,5 – 5 см. Черпак также овальной формы расположен перпендикулярно рукояти. На ручке имеются две петельки для крепления привесок. Н.Б. Крыласова считает, что в качестве привесок использовались только лапки. Ложечки этой группы найдены на Бояновском могильнике, близ д. Михалева, в Редикарском кладе, Чашкинском II селище, Кудымкарском городище, около д. Галинка на р. Обва и в материалах Кудымкарского селища. Похожая ложечка была найдена в Болгаре. Н.Б. Крыласова датирует эту группу ложечек концом X – первой половиной XI вв. (Крыласова, 2007, с. 67 - 68).

Украшения в виде водоплавающей птицы носились не только как собственно «украшения», но и наделялись смыслом и функцией. Следовательно, мы можем задать вопрос: **что они значили для населения средневекового Прикамья?**

Надевая на себя амулет-пронизку

в виде утки, средневековая женщина с анимистическими представлениями одевала не просто красивую металлическую фигурку, а некоего посредника между собой и внешним миром. Поскольку, возможно, эта фигурка служила амулетом, то посредничество заключалось в защите от «злых духов», которыми люди населяли окружающую среду – пронизка-уточка должна была отразить нападки со стороны враждебных сил. Но, в тоже время, утка – символ плодородия, птица-демиург, существо верхнего мира и «страны птиц» («Мартим ма» у угров), и, следовательно, ношение её изображения принесёт, через передачу качеств, какие-либо блага, например: защиту от болезней, сильных детей, удачу и т.д. При всём этом, украшение имело своё, строго определённое место в костюме (Леви-Стросс, 1999, с. 121), поскольку, одетая «не туда» уточка разрушала единый комплекс амулетов, тем самым понижая уровень защиты носителя. Говоря о ношении украшений, связанных с водоплавающей птицей, мы говорим о простейшей культовой практике.

Большой интерес, на наш взгляд представляет совмещение образов лося и утки. Оба этих образа появляются ещё в неолите. Это хорошо видно в сюжетах писаниц и орнаментах посуды (Оборин, 1976, с. 12). Лось, как и водоплавающая птица, почитался у многих племён лесной полосы как тотем (Оборин, 1976, с. 25). У манси этнографами зафиксирован миф о небесной охоте (Петрухин, 2005, с.347 - 348), где ковш Большой медведицы – это небесный лось, а три звезды (ручка ковша) – это преследующие его охотники. Учитывая, что созвездие Большой медведицы расположено в Млечном пути, который назывался «дорога перелётных птиц» и «гусиный путь» («Луд зазег сюррес»), но, в тоже время, считал-

ся лыжнёй охотника на небесного лося, можно предположить, что водоплавающую птицу и лося объединяло небесное положение в мифологическом пантеоне. Кроме того, эти животные относятся к числу промысловых, то есть от них зависело выживание человека (хотя, от утки менее). Появление головы лося в синтезе с телом утки на женских пронизках, можно объяснить попыткой удвоения защитной силы подобных амулетов, при этом, лосиная голова не имеет рогов, что намекает на её женскую сущность, в этом случае мы имеем дело с симбиозом лосихи и утки, что было бы более логично для женских украшений.

Лапки служили привесками к различным украшениям: биконьковым, умбоновидным, арочным подвескам. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет симбиоз образов коня и водоплавающей птицы. По утверждению А.Н. Павловой (Павлова, <http://vak.ed.gov.ru/>), часть целого в магии символизирует целое, то есть лапка водоплавающей птицы означала саму эту птицу и наделялась такими же функциями, а именно: плодородие, покровительство, связь с небесным миром. На биконьковых подвесках цепочки от привесок вполне могли

символизировать воду (которая наверняка считалась животворной) – одну из стихий обитания уток. Т.е. здесь мы можем говорить об «усилении» функций украшения.

Что касается ложечек с головками лебедей и привесками лапками, то использовались они в качестве амулетов поясного набора. При этом исследователи не исключают и их утилитарное применение – размеры вполне приемлемы для приёма пищи, но, скорее всего, ритуального (Крыласова, 2007, с. 58). Возможно, что, во время трапезы, человек, берясь за рукоять ложки, увенчанную головой лебедя, отдавал определённую дань уважения божеству.

Сама ложечка как предмет для приёма пищи наверняка наделялась жизнетворческой энергией, а прикреплённые лапки, опять же, эту энергию усиливали.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что образ водоплавающей птицы занимал важное место в мировоззрении средневекового населения Пермского Предуралья. На это указывает большое количество археологических находок, в которых воплотился этот образ (сохраняя духовные функции), тем самым, перейдя в новое качество – материальность.

Рис. 1. 1 – 5, 8 – 10, 12, 13 – Рождественский археологический комплекс, 6 – д. Михалева 7 – могильник Степаново плотбище, 11, 14 – коллекция Теплоуховых, 15 – 16, 18, 30 – могильник Мало-Аниково, 17 – Урьинский могильник, 19 – Больше-Висимский и Урьинский могильники, 20 – могильник Митинский, 21 – могильник Бурково, 22 – коллекция Теплоуховых, 22 – могильник Агафоново и могильник Плѣс, 24 – могильник Плѣс, 25 – селище Запоселье, 26 – могильник Бояново, 28 – могильник Грудята, 29 – неизвестно, 31 – могильник Плѣс

Века	Среднее Прикамье	Верхнее Прикамье	Поволжье
XII-XIII			
X-XI			
VIII-IX			
VI-VII			
III-V			
II			
I в. до н.э.			

Рис.2. Эволюция лапчатых привесок

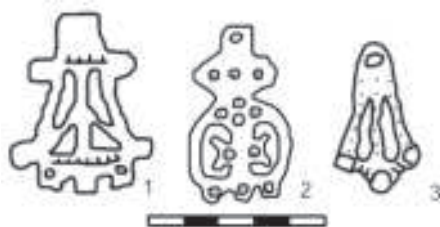

Рис. 3. Латки – подвески. 1 - Неволинский, Бродовский, Верх-Саинский, Демёнковский могильники, 2 – Бродовский могильник, 3 – Мало-Аниковский могильник

А.В. Данич
САБЛИ НА ТЕРРИТОРИИ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Сабли являются наиболее редкой находкой из всех предметов вооружения на территории Пермского Предуралья. Они определяют социальное и имущественное положение человека, которому принадлежат.

Клинковое оружие населения Пермского Предуралья на археологических материалах рассматривалось в работах А.М.Белавина, С.Р.Волкова, Р.Д.Голдиной, В.А.Оборина, А.Н.Кирпичникова и др. Значительная же часть материалов, несмотря на эти публикации, не подвергалась анализу. Таким образом, актуальность данной темы определяется отсутствием систематизации имеющегося материала и необходимостью комплексно интерпретировать его, тем более что монографического исследования по этой проблематике нет.

В статье рассматриваются материалы с территории ломоватовской (VII - XI вв.) и родановской (XII - XIV вв.) археологических культур, т.е. с территории бассейна Верхней Камы и р. Чусовой.

Цель исследования - дать характеристику прикамских сабель VII-XV вв. В работе использованы материалы из музеев городов Чердыни, Соликамска, Березников, Кудымкара, Перми, Чёрмоза, коллекции из раскопок ПГУ и ПГПУ, а также публикации по данной проблематике.

Средневековому клинковому оружию посвящены многочисленные статьи и монографии. В них существует большая проблема в терминологии рубяще-колющего оружия. По причине ограниченного объёма статьи останавливаться

на этой проблеме не буду, обозначу лишь, что к саблям относятся клинки с выгнутым (даже незначительно) лезвием и наклоном рукояти в сторону лезвия, а также клинки с одним из этих двух признаков, позволяющих наносить секущий удар.

Сабли попадали на территорию Пермского Предуралья, видимо, через Булгарию. Известно, что они и другие виды клинкового оружия ближнего боя были предметом торговли булгар с Вису и другими народами Севера. Так, ал-Мукаддаси, приводя обширный список товаров, вывозимых булгарами в различные страны, упоминает стрелы, мечи и кольчуги. Гарнати сообщает, что булгары ввозят в Вису сабли, изготовленные в мусульманских странах, и не имеющие никаких украшений и рукоятей – «одни клинки, в том виде, в котором они выходят из рук кузнецов». (Белавин, 2000. с. 114-115).

Типология.

Основой типологии сабель исследователи выбирают, как правило, либо перекрестие и навершие (Кирпичников, 1966 с.68; Плотников, 1981, с.165), либо отдельные характеристики клинка (Фёдоров-Давыдов, 1966, с.22-23; Плетнёва, 1973, с.17-18; Худяков, 1980, с.39-41; Циркин, 1987, с.159, 163-165 и др.).

Из основных признаков клинка в типологии сабель чаще всего учитывались: ширина и кривизна (Фёдоров-Давыдов, 1966, с.22-23; Циркин, 1987, с.163-165), кривизна и длина (Плетнёва, 1973, с.17-18), кривизна (Худяков, 1980, с.39-41; Иванов, 1987, с.185-186; Хузин, 1985, с.176-177), кривизна и остриё (Мерперт, 1955, с.134), остриё (Соловьёв, 1987, с.73-75).

Более подробную классификацию позднекочевнических сабель предложили Евглевский А.В. и Потёмкина Т.М., которые положили в основу класси-

кации кривизну, участок максимального изгиба клинка, пропорции соотношения длины и ширины клинка. А в качестве дополнительных признаков перекрестия, навершия, наконечники ножен, наклон стержня рукояти и остриё (Евглевский, Потёмкина, 2000, с.117-179).

На данный момент с территории Пермского Предуралья известно 43 сабли и их фрагментов, 9 перекрестий и 3 частей ножен. Только 14 сабель из них дошли до нас в целом состоянии, без повреждений.

К сожалению, незначительная в количественном и качественном отношении источниковая база не позволяет разработать подробную типологию сабель для нашей территории.

К основным типобразующим признакам сабли можно отнести следующие признаки: длина клинка, ширина, кривизна полосы, наклон стержня рукояти.

Длина клинка. Длину клинков удалось проследить у 21 сабли. Она находится в диапазоне от 60,9 до 79,6 см. Все данные клинки можно отнести к коротким.

Ширина клинков у перекрестия. Ширина клинков у перекрестия прослежена у 32 сабель и составляет от 2,2 см до 4 см.

Пропорциональное соотношение длины и ширины клинка также очень близко: 1:18 – 1:24.

Кривизна клинка. Изгиб лезвия клинка удалось проследить у 29 экземпляров. Все клинки можно отнести к слабоизогнутым (от 0,2 см до 1,3 см). Один клинок из Аверинского II могильника с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (0,8 см).

Аналогии клинкам с изгибом до 1 см известны в погребениях Больше-Тиганского могильника, датирующегося концом VIII – первой половиной IX в., в Дмитриевском могильнике IX в. (Коч-

каров, 2008, с.26), в могильниках енисейских кыргызов этого же времени (Худяков Ю.С., 1980).

Клинки с изгибом до 2 см встречаются в тюхтятских памятниках IX-X вв. и в венгерских погребениях X в. (Кочкаров, 2008, с.26).

Участок максимального изгиба клинка. В подавляющем количестве случаев максимальный изгиб клинка приходится на вторую треть, т.е. на среднюю часть клинка. И только у двух сабель (№ 34, 40) максимальный изгиб приходится на треть, ближнюю к острию клинка.

Дол. Присутствует на одной сабле (№ 1).

Остриё. Остриё у сабель узкое, острое с односторонней или двусторонней заточкой.

Односторонняя заточка присутствует у 4 экз. (№№ 9, 13, 15, 28).

Двусторонняя заточка – 22 экз. (№№ 1-8, 11, 25-27, 29, 30, 32, 34-40). Длина двусторонней заточки от 6,5 до 23,7 см.

В обработку попал экземпляр с Аверинского II могильника (№ 21) полностью с двусторонней заточкой на всю длину клинка. На первый взгляд, это признак меча, и во всех публикациях, где идут ссылки на него, его так и называют. Но нигде не обращают внимания на то, что рукоять находится с наклоном 5° к клинку. А это - уже признак сабли. Для чего была необходимость делать клинок обоюдоострым на всём продолжении клинка, остаётся непонятным.

Как можно убедиться из выше сказанного, в основу классификации нельзя положить не один из основных типобразующих признаков, кроме изгиба рукояти. Все сабли относятся к слабоизогнутым (0,2-1,3 см). Длина клинков колеблется между 76,5 и 89 см, ширина клинка между 2,2 и 4 см. Разбег величин минимален для детализированной

классификации.

Черенки рукоятей и навершия.

Важным элементом является рукоять сабли. Для ранних типов сабель отклонение рукояти к лезвию клинка было одним из главных формообразующих показателей, так как слабо искривлённый однолезвийный клинок за счёт наклона рукояти получил тот режущий эффект, который характерен для сабли.

Черенки рукоятей, которые можно замерить по длине сохранились на 22 саблях, угол наклона можно замерить у 34 сабель (разница в количестве состоит в нескольких экземплярах сабель, у которых обломлен небольшой фрагмент черенка и в экземплярах сабель с фото из грабительских раскопок, на которых нет масштаба №№ 48-53).

Длина черенка сабли колеблется от 7 до 11,8 см. Угол наклона от 0^0 до 18^0 .

По углу наклона рукояти к лезвию все сабли можно разделить на 5 типов:

Тип 1. Без наклона (0^0). К этому типу относятся 2 сабли (№№ 11 и 22). К сожалению, с саблями с Агафоновского I могильника лично мне ознакомиться не удалось, а по изображению в публикации небольшой наклон может быть не замечен.

Тип 2. Малый наклон (1^0 - 4^0). К этому типу относятся 9 рукоятей сабель (№№ 1, 4, 12, 15, 17, 25, 28, 31, 48).

Тип 3. Средний наклон (4^0 - 7^0). К этому типу относятся 11 рукоятей сабель (№№ 2, 3, 5, 20, 21, 29, 32, 33, 34, 35, 39).

Тип 4. Сильный наклон (8^0 - 12^0). К этому типу сабель относятся 6 рукоятей сабель (№№ 13, 26, 30, 40, 49, 53).

Тип 5. Очень сильный наклон ($>12^0$). К этому типу относится 3 рукояти сабель (№№ 36, 37, 52).

К черенку рукояти прикреплялись две деревянные накладки при помощи 1 – 2 шпеньков. По всей вероятности, сверху деревянные накладки обшива-

лись кожей или, как в погребении 138 Бояновского могильника (№ 39), – тканью. Как показали раскопки Бояновского могильника, накладки имели значительно большую длину и угол наклона, чем сам черенок (сабли № 26, 29). В месте, где черешок уже закончился, а накладки продолжались, они скреплены ещё одним шпеньком.

В затылочной части некоторые рукояти украшены навершиями. Они носили, в первую очередь, декоративную функцию, и предохраняли деревянные накладки от механических повреждений. Такие навершия были слишком лёгкими, и не выполняли функции противовеса, какую играли тяжёлые навершия мечей.

Типология наверший рукоятей была разработана Кирпичниковым А.Н. (Кирпичников, 1966, с.68). Наш материал практически полностью укладывается в эту типологию.

Тип 1. Навершия уплощённо-цилиндрической формы. Изготовлены из тонких серебряных пластинок (сабли № 25, 29, 33). Истоки таких наверший следует искать, по мнению Кирпичникова А.Н., в салтово-маяцкой культуре (Кирпичников, 1966, с.68).

Тип 2. Навершия грушевидной формы. Имеют в сечении эллипсоидную форму. Снизу от середины отходит один отросток для более прочного крепления с рукоятью. Изготовлены из железа (сабля № 37), серебра (сабли № 1, 2) или бронзы (сабля № 26). Серебряные навершия изготовлены из тонкой серебряной пластины, и украшены орнаментом. Для того, чтобы они были меньше подвержены деформации и излому, они были надеты на костяные цилиндрические навершия. Аналогии данному типу наверший можно найти в аланских и венгерских древностях (Кирпичников, 1966, с.68).

Тип 3. Бронзовая овальная накладка на торцевую часть ручки (сабля № 39).

Две рукояти (сабли № 1, 2) в районе перекрестия были украшены серебряными V-образными обоймочками. Прикреплялись они к рукояти при помощи небольшого гвоздика в центральной части обоймочки.

Перекрестия.

Клиновое оружие несёт в себе сочетание двух функций – поражение противника и отражение ударов. Последнюю функцию выполняет железное или бронзовое перекрестие. Все экземпляры перекрестий имеют достаточную длину и толщину, чтобы обеспечить её выполнение, что косвенно свидетельствует об определённом развитии фехтовального искусства. Перекрестие выполняло защитную функцию - задерживало скольжение оружия противника по полосе клинка, и не давало соскользнуть руке на клинок.

Непосредственно защищая руку, оно быстро реагировало на все изменения фехтовальных приёмов, поэтому его эволюция может служить одним из главных показателей развития сабли.

В обработку попало 38 перекрестий и их фрагментов с территории Пермского Предуралья. Большинство из них составные, состоящие из двух половинок. Есть несколько напускных перекрестий, которые одевались на оружие путём продевания стержня рукояти через его срединное отверстие. В горизонтальном положении перекрестие удерживалось за счёт плотного насаживания на обкладки рукояти, а также, возможно, за счёт небольших шипов с внутренней стороны перекрестия, которые втыкались в деревянные обкладки рукояти. Такие шипы прослежены на бронзовом перекрестии из Питерского (Степаново Плотбище) могильника (№ 47).

Типологию перекрестий древнерусских сабель разработал А.Н.Кирпичников (Кирпичников, 1966, с.68-72). Гар-

ды по форме им были разделены на несколько компактных хронологических групп. В основу моей типологии легла схема предложенная А.Н.Кирпичниковым.

Тип 1. Прямые, брусковидные перекрестия с ромбическим расширением в средней части. Это самая ранняя группа перекрестий. Датируется VIII-X вв.

Подтип А. (№ 1, 2, 4, 6, 17, 42, 44). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части. Такие перекрестия встречены на Редикорском городище и могильнике, могильнике Плёс, могильнике Телячий Брод, селище Володин Камень II. Аналогичные перекрестия найдены в салтово-маяцких могильниках, Дунайской Болгарии, у венгров времён Арпадов, в погребениях кимаков IX-X вв. (Измайлов, 1997, с.28)

Подтип Б. (№ 30, 37). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части и шарообразными окончаниями. Такие перекрестия встречены на Бояновском могильнике.

Подтип В. (№ 5). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части и ромбовидными окончаниями. Встречено такое перекрестие в единичном экземпляре на Ильинском городище.

Тип 2. Прямые, брусковидные перекрестия. Данный тип датируется IX-X вв.

Подтип А. (№ 15, 21, 26, 33, 34, 35, 41, 43, 48, 49, 50, 52). Прямое, брусковидное перекрестие. Такие перекрестия встречены на Аверинском II могильнике, Бояновском могильнике, Питер (Степаново Плотбище) могильнике. Перекрестия имеют многочисленные аналогии в древностях VIII-IX вв. (Кочкаров, 2008, с.32; Худяков, 1986, с.191-195). В большом количестве встречаются в алтайских материалах IX-X вв. (Кочкаров, 2008, с.32).

Подтип Б. (№ 3, 22, 38, 53). Прямое, брусковидное перекрестие с шарообразными окончаниями. Гарды этой формы восходят к аварскому времени, а в IX-XI вв. были распространены от Северного Предкавказья до Венгрии. Кирпичников А.Н. отмечает, что перекрестия рассматриваемого типа в X в. всё настойчивее вытесняются другими формами. Для XI в. они кажутся архаичными (Кирпичников, 1966, с.68). Такие перекрестия встречены на могильнике Плёс, Агафоновском I могильнике, Бояновском могильнике.

Подтип В. (№ 13, 46). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбовидными окончаниями. Такое перекрестие встречено на Загарском могильнике.

Тип 3. Изогнутые, брусковидные перекрестия. Развитие сабельных перекрестий идёт по пути искривления и загиба из концов книзу. Данные изменения были направлены на повышение защиты руки, т.к. различные скосы и вырезы перекрестия улучшают улавливание клинка противника. Данный тип датируется 2 половиной X-XI вв.

Подтип А. (№ 25, 29). Изогнутое, брусковидное перекрестие. Такие перекрестия встречены на Бояновском могильнике.

Подтип Б. (№ 31, 32, 40, 51). Изогнутое, брусковидное перекрестие с шарообразными окончаниями, опущенными вниз. Подобная защита руки была распространена у венгров времён Арпадов (Измайлов, 1997, с.28), кимаков (Худяков, 1986, с.166, рис. 2, 3), южно-уральских кочевников (Измайлов, 1997, с.28). Встречаются такие перекрестия и в западном Поволжье (Белорыбкин, 2003, с.124-142) и у северо-кавказских алан (Кирпичников, 1976, табл. III. 1, 2), у венгров, русских, мордвы (Кирпичников А.Н, 1966, стр. 69). На территории Пермского Предуралья такие перекрестия

встречены на Бояновском могильнике и могильнике Демёнки.

Подтип В. (№ 47). Изогнутое, брусковидное перекрестие с ромбовидными окончаниями, опущенными вниз. Встречено на Питерском (Степаново Плотбище) могильнике.

Тип 4. (№ 45). Перекрестие с ромбическими расширениями, в центре сужающимися к окончаниям. Считается, что этот тип появился под влиянием почти аналогичных, но более крупных мечевых перекрестий. Хронологически этот этап А.Н. Кирпичников относит к XIII в. (Кирпичников, 1966, с.71-75). Боковые стороны такой гарды оформлены в виде щиткообразных расширений. Благодаря этой особенности перекрестие приобретало большую прочность на излом при повреждении, а также более надёжно соединялось с рукоятью и плотнее удерживало надетые ножны. Кроме того, боковые мысовидные выступы, выдаваясь несколько над клинком, задерживали неприятельское оружие, падающее вдоль полосы, и не давали ему соскользнуть на рукоять. Такое перекрестие встречено на территории деревни Модороб.

Тип 5. (№ 58). Напускное перекрестие. Челнокообразное тело перекрестия оснащено овальными углублениями, расположенными с обеих сторон. В горизонтальном положении такое перекрестие удерживалось за счёт прижатия деревянными обкладками со стороны рукояти, а с обратной стороны – плечиками клинка. Перекрестие в виде круглого, вытянутого стержня. Соскакивание неприятельского клинка предотвращалось здесь не изгибами или задерживающими окончаниями на концах, а прочностью стержня. Перекрестие этого типа очень сходно с мечевым. Кирпичников А.Н. связывает данный тип перекрестий с XIII в. (Кирпичников, 1966, с.72). Та-

кое перекрестие встречено на Кыласово (Анюшкар) городище.

Детали ножен.

Ножны предназначаются для ношения сабли, и являются её неотъемлемой частью. Ножны сабель изготавливались из двух деревянных, тонких дощечек и обтягивались, по-видимому, кожей. Такой вариант отделки встречен на ножнах сабли из Агафоновского I могильника (№ 22). Основываясь на результатах раскопок Бояновского могильника, можно с уверенностью сказать, что ножны были длиннее сабли на 10-20 см. Наряду с деревянными существовали ножны, сделанные полностью из железа. Фрагменты таких ножен встречены на Корнинском городище (№ 24). Они свёрнуты из листа железа, повторяя форму клинка в виде треугольника. Длина фрагмента ножен 41 см, ширина 4,2 см.

Скобы для подвешивания.

Сабля подвешивалась к поясу с правой или левой стороны при помощи одного или двух ремешков. При использовании одного ремешка сабля висела вдоль ноги человека, а при использовании двух – в наклонном положении, придавая изогнутой ручке горизонтальное положение. Один ремешок располагался в верхней части ножен, второй – примерно на середине длины ножен. На ножнах имеются имитации обойм и пластин для подвешивания сабли к поясу. Как обоймы, так и пластины изготовлены из серебряной фольги, и, естественно, не могли выдержать положенную нагрузку, так что ремень, скорее всего, крепился непосредственно к деревянному корпусу. Указанные же украшения, вероятно, являлись только подражанием типу ножен с креплением ремня при помощи пластин. Как будет отмечено ниже, ножны с одной петлёй для подвешивания, возможно, не свидетельствуют о нали-

чии только одного ремня для подвешивания. Вероятно, второй ремень все же существовал, но была утеряна вторая скоба или она просто отсутствовала.

Наконечники ножен.

Обычно в комплект отделки ножен с серебряными петлями и обоймами входит серебряный наконечник, свёрнутый в трубицу из листового серебра. Длина таких наконечников 12 – 32 см.

Дополнительные детали отделки ножен:

На трёх ножнах встречены дополнительные детали отделки. В двух случаях под каждой скобой, в средней её части, находится небольшая серебряная накладка. Эти накладки, по-видимому, украшали ремень в месте обхвата им ножен. Наличие накладок в средней части ножен наводит на мысль о наличии второго ремня, без наличия второй скобы. И на то, что эти накладки украшали ремень в месте обхвата ножен. В третьем случае верхняя часть ножен украшена V-образной обоймочкой с кружковым орнаментом по краям.

Характеристика обрядовых черт.

Погребения с саблями встречены на 8 могильниках Пермского Предуралья (Демёнки, Телячий Брод, Редикарский, Бояновский, Плёс, Агафоновский I, Авринский II, Загарский), на которых изучено 1213 погребений, из которых только в 26 встречены сабли.

Интересно проследить взаимосвязь сабель с другими видами вооружения. В погребениях с саблями чаще всего встречаются наконечники стрел (в 46 % погребений), чуть реже топор (38% погребений), копьё (27 % погребений). В 15% погребений не встречено другого вида оружия, кроме сабли.

Если проанализировать различные комбинации, при которых отдельные категории вооружения встречаются в одном комплексе, то можно увидеть, что чаще

всего сочетается в одном комплексе с топором – 6 раз, с наконечниками стрел и топором – 5 раз, наконечниками стрел – 4 раза, с наконечниками стрел, с копьём и топором – 3 раза, с топором и копьём – 2 раза, с копьём – 2 раза, с наконечниками стрел и копьём – 0 раз.

На принадлежность погребённых с саблями к конным воинам указывают принадлежности конской сбруи - стремени, удила и подпружные пряжки. Они встречены в 62% погребений. Из них с удилами – 14 раз (54 % погребений), со стремнем – 5 раз (19% погребений) причём в одном из них было 2 стремени, подпружные пряжки – 4 раза (15% погребений), причём в двух погребениях по 2 шт., со стремнем и удилами – 4 раза (15 % погребений), со стремнем и подпружными пряжками – 3 раза (12 % погребений), с удилами и подпружной пряжкой – 2 раза (8 % погребений).

Для более точной картины был проведён анализ в статистическом пакете SPSS 14.0. В обработку вошли 280 погребений с оружием с 17 могильников Пермского Предуралья. Кластерный анализ меры сходства для переменных был проведён по формулам: Кульчинский 2 и Очия, которые дали одинаковые результаты (дендрограмма 1).

Исходя из полученных результатов, можно выделить два кластера:

1. Стремя, удила, подпружные пряжки.
2. Топор, сабля, наконечники стрел, копье.

Фрагменты кольчуги и колчаные крючки не имеют корреляции ни с одним видом вооружения.

Как мы видим, в первый кластер попали все принадлежности конской упряжи. По всей видимости, она являлась маркером мужчины-всадника, а не мужчины - профессионального воина.

Во второй кластер попали все пред-

меты вооружения: топор, сабля, наконечники стрел и копье. И самые близкие связи сабли мы наблюдаем с топором. По-видимому, сабля и топор были неотъемлемыми признаками профессионального воина. А копье и лук служили дополнениями к комплексу вооружения.

Интерес представляет местоположение сабель в погребении. Из 26 погребений, в которых обнаружены сабли, о конкретном местоположении мне известно в 19 погребениях.

Сабля в большинстве случаев располагалась остриём к ногам – 16 случаев и в 3 случаях остриём к лицу. В большинстве случаев сабля располагалась слева от погребённого – 11 раз (58 % погребений), и в 8 случаях справа (42 % погребений).

В расположении сабли вдоль тела, т.е. при нахождении рукояти сабли в отдельных зонах скелета человека удалось проследить в 15 случаях: у плечевой кости – 5 раз, у предплечья – 4 раза, у кисти – 6 раз.

При рассмотрении местоположения сабли относительно тела погребённого выделяется 4 зоны: с внутренней стороны руки – 2 раза, с наружной стороны руки – 1 раз, под ногой – 1 раз, с наружной стороны ноги – 1 раз. В тех случаях, когда сабля находилась у ноги, по-видимому, она была в составе костюма, и была подвешена на ремнях к поясу. В остальных случаях её укладывали отдельно, не как деталь костюма, а как подтверждение особого статуса владельца.

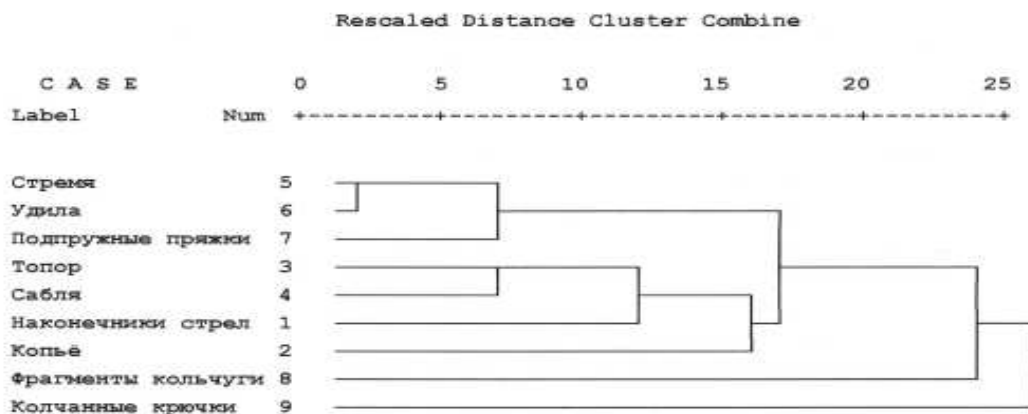
Сабля, учитывая её ценность, в большинстве семей передавалась по наследству, и положить её в погребение могли только богатые, состоятельные родственники. Попасть в могилу она могла и тогда, когда у погибшего отсутствовало мужское потомство (например, в Больше-тиганском могильнике 4 сабли из 9

обнаруженных найдены в погребениях юношей фертильного возраста (Измайлов, 1997, с.19). Следовательно, между значением сабли и числом её находок, видимо не прямая, а обратная зависимость: именно из-за высокого семантического значения и особого положения в комплексе вооружения она реже встречается в могильниках в качестве随葬品的 дар.

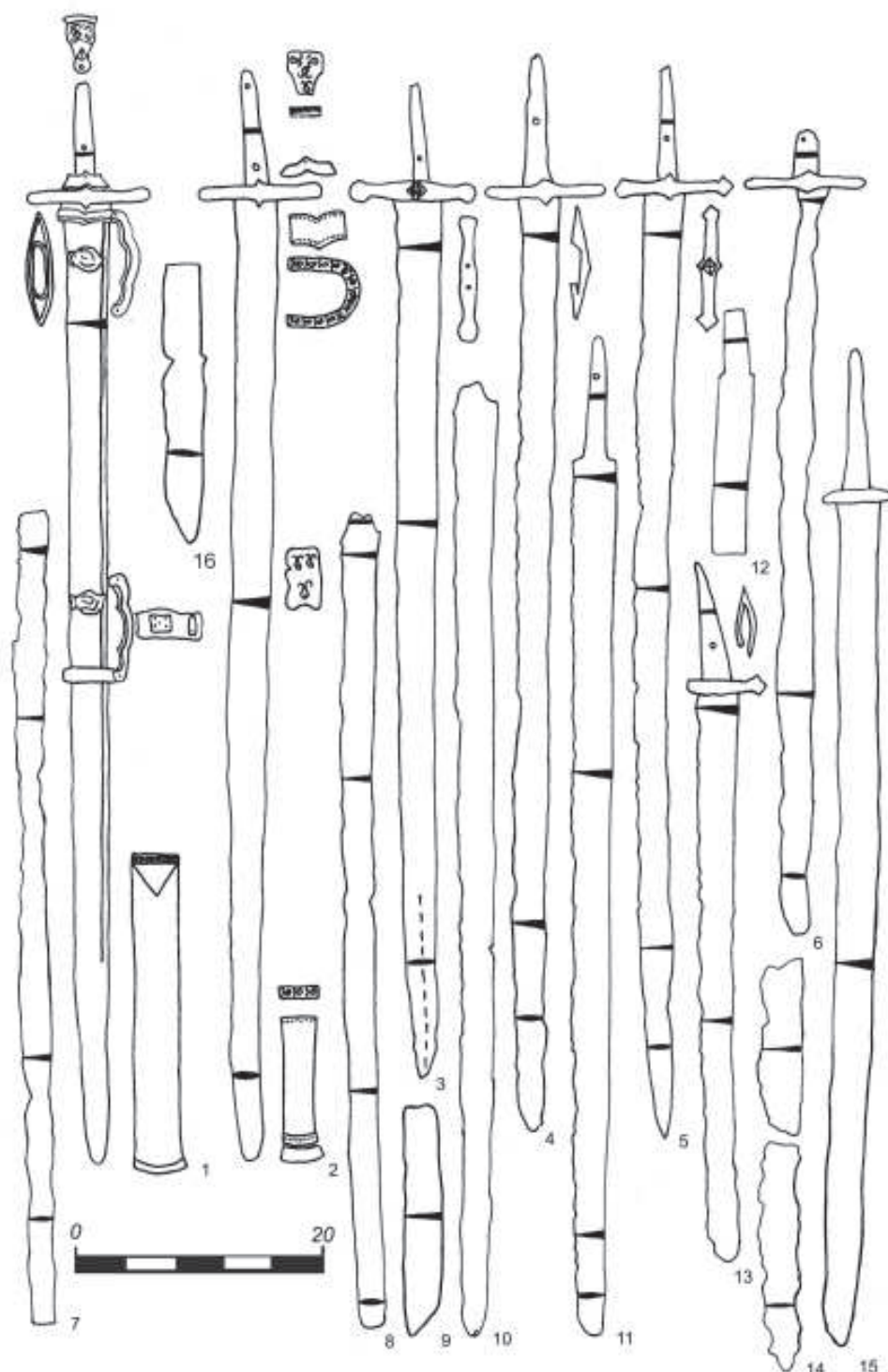
Как мы видим, сабля попадает в Пермское Предуралье в VIII-IX вв. и к IX-XI вв. укрепляет свои позиции. В этот период форма клинка не претерпевает никаких изменений, происходит только незначительные изменения перекрестия, в отличие от южных территорий нашей страны, где сабли получают больший

изгиб. По-видимому, это подтверждает то, что сабля не являлась значимым видом вооружения на нашей территории в эти века, а скорее являлась подтверждением высокого статуса её хозяина. Сказать, какое дальнейшее развитие и какой тип господствовал на нашей территории в более поздние времена, затруднительно из-за незначительного количества находок. Но известно, что сабля ни куда не делась из арсенала вооружения. Так в 1472 г. Гаврила Нелидов отобрал у Великопермских князей в числе других вещей «...3 пансыри, да шелом, да две сабли булатные» (Талицкий, 1951, с.63).

Dendrogram using Average Linkage (Between Groups)

Дендрограмма №1. Кластерный иерархический анализ предметов вооружения Пермского Предуралья по мере сходства Кульчинский 2

Рису. 1. Сабли. 1 – Плёс, могильник. Погр. 5; 2 – Плёс, могильник. Погр. 26; 3 – Плёс, могильник. Погр. 19; 4 – Редикор, могильник. Погр. 1; 5 – Ильинское городище; 6 – не известно; 7 – не известно; 8 – не известно (возможно Демёнки, могильник или Агафоновский I могильник); 9 – Эсперово городище; 10 – Агафоновский I могильник. Погр. 107; 11 – не известно; 12 – Искор, городище; 13 – Загарский могильник. Погр. 1; 14 – Огурдино, могильник; 15 – Аверинский II могильник. Погр. 158; 16 – Огурдино, могильник

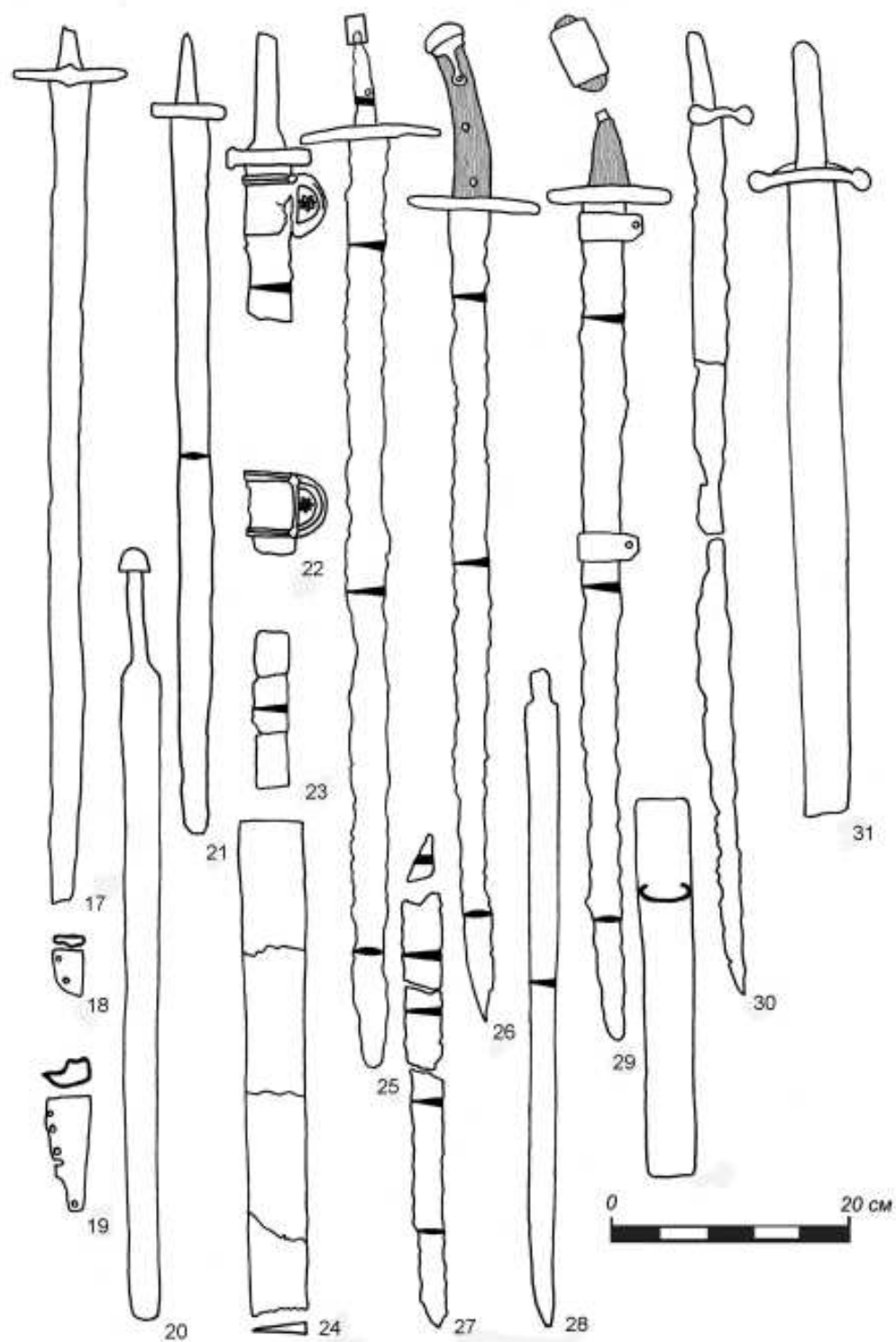

Рис. 2. Сабли. 17 – Телячий Брод, могильник. Погр. 4; 18 – Редикор, городище; 19 – Редикор, городище; 20 – Бояново, могильник. Погр. 9; 21 – Аверинский II могильник. Погр. 142; 22 – Агафоновский I могильник. Погр. 92; 23 – Агафоновский I могильник. Погр. 191; 24 – Корнинское городище; 25 – Бояново, могильник. Погр. 58; 26 – Бояново, могильник. Погр. 61; 27 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 28 – не известно (возможно Демёнки, могильник); 29 – Бояново, могильник. Погр. 59; 30 – Бояново, могильник; 31 – Демёнки, могильник. Погр. 124

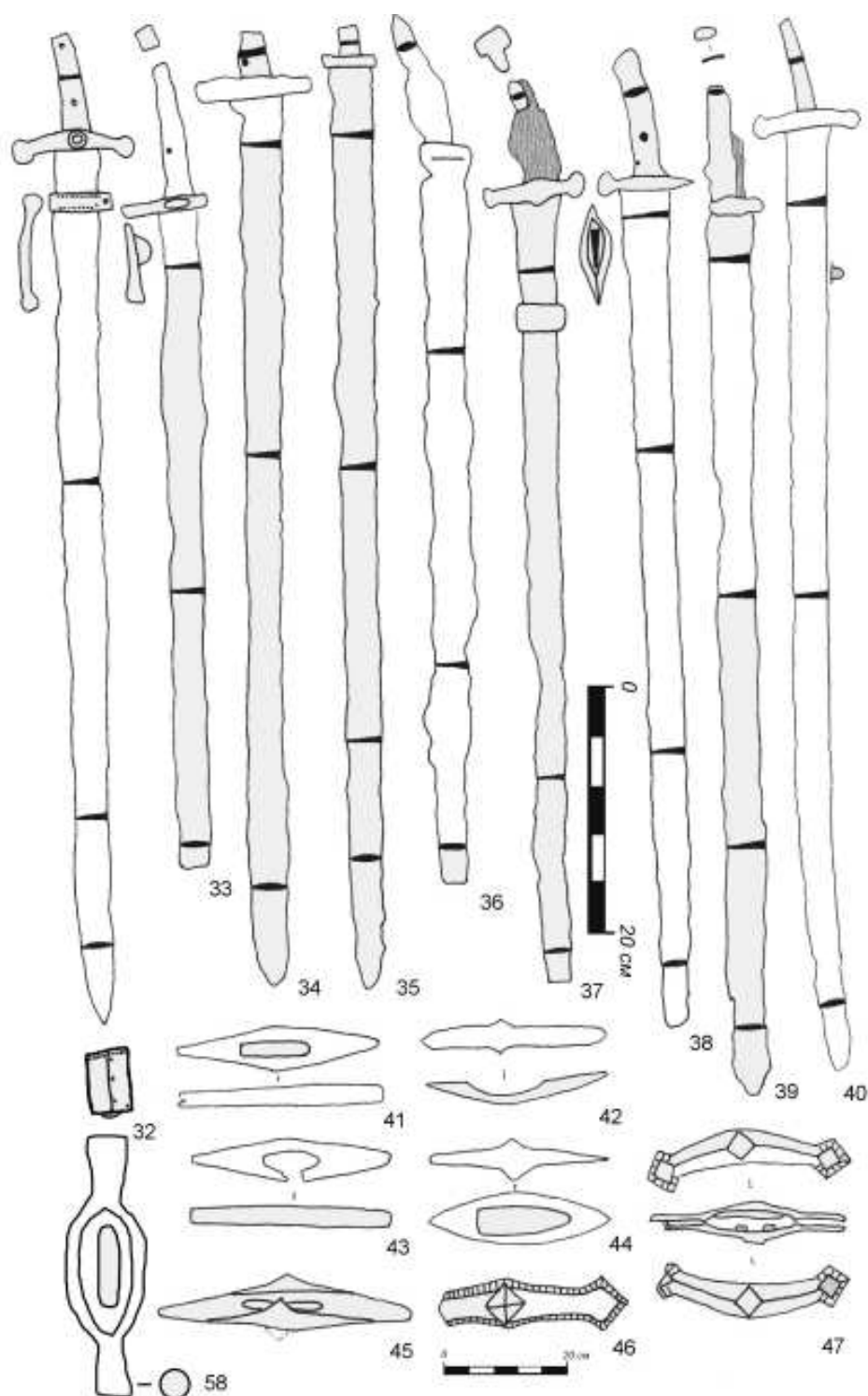

Рис. 3. Сабли и перекрестия. 32 – Бояново, могильник. Погр. 93; 33 – Бояново, могильник. Погр. 128; 34 – Бояново, могильник. Погр. 137; 35 – Бояново, могильник. Погр. 151; 36 – Бояново, могильник. Погр. 153; 37 – Бояново, могильник. Погр. 90; 38 – Бояново, могильник. Погр. 107; 39 – Бояново, могильник. Погр. 138. 40 – Демёнки, могильник. Погр. 196; 41 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 42 – Редикор, городище; 43 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 44 – Володин Камень II селище; 45 – Модороб, деревня; 46 – не известно; 47 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 58 – Кыласово (Анюшкар) городище

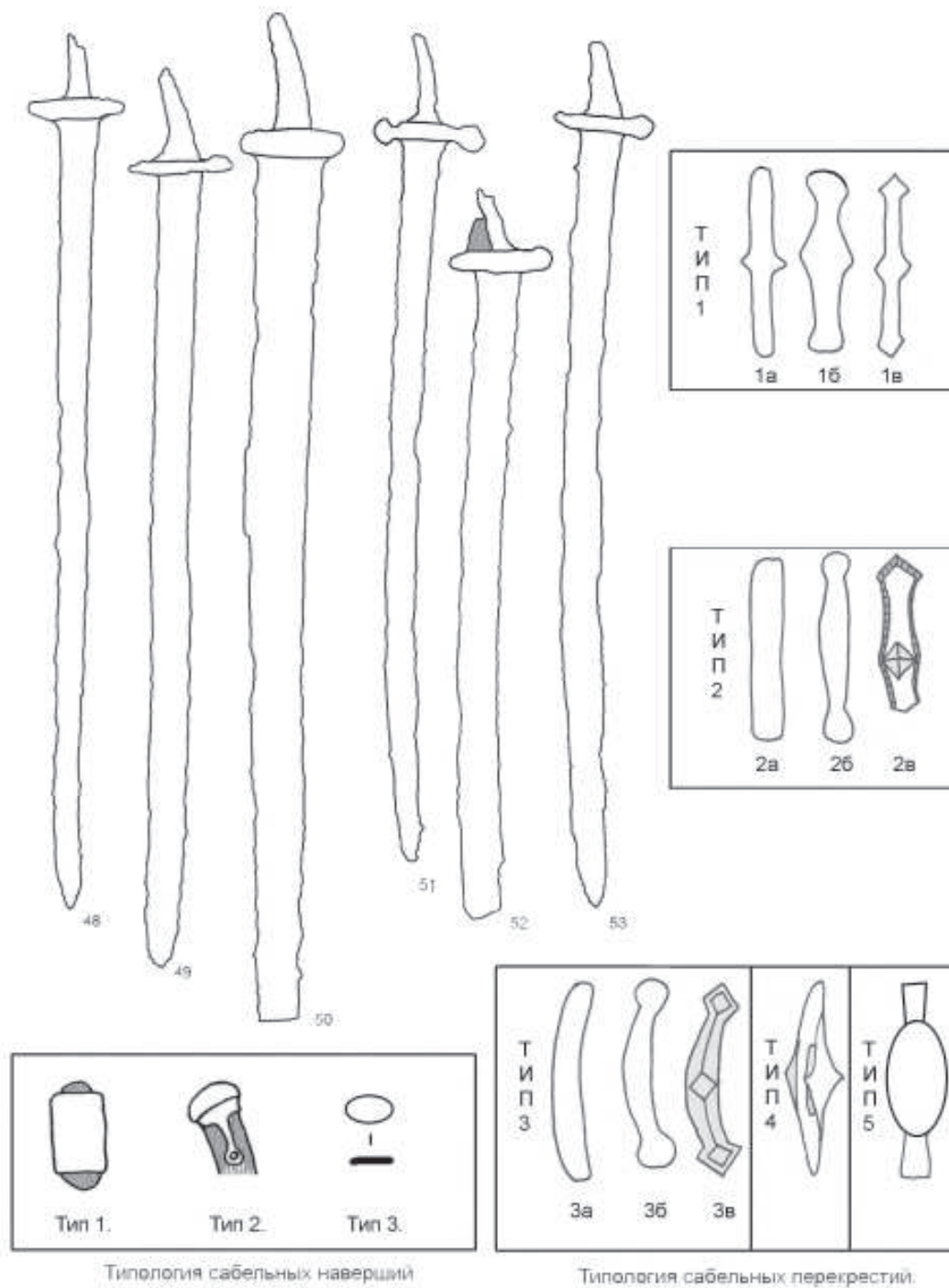

Рис. 4. Сабли. Типология сабельных наконечников и перекрестий. 48 – не известно; 49 – не известно; 50 – не известно; 51 – не известно; 52 – не известно; 53 – не известно

И.В. Журбин
КОМПЬЮТЕРНОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ОБЪЕКТОВ: ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Основная задача компьютерного моделирования при исследованиях археологических памятников состоит в построении пространственной модели культурного слоя, которая объединяет информацию об объектах и слоях, зафиксированных в процессе раскопок. Кроме напластований, в модель включены параметры всех находок – их координаты в трехмерном пространстве, материал, морфология, технология изготовления, датировка, культурно-историческая принадлежность и пр. Указанный набор характеристик, а также взаимное расположение находок и археологических объектов, являются исходной информацией для пространственного анализа процесса формирования культурного слоя (например, выявление структурных частей поселения, отдельных археологических комплексов и т.п.). Кроме того, совместный анализ структуры культурных напластований и тенденций в распределении находок позволяет моделировать расположение участков производственной и хозяйственной деятельности, а также прогнозировать назначение отдельных археологических комплексов. Апробация данного подхода проводится на материалах комплексного изучения средневекового городища Ид-

накар, расположенного в Удмуртии (Иванова, 1996).

Создание трехмерной модели культурного слоя включает в себя три основных этапа: формирование источника, компьютерное картографирование полевых материалов и создание пространственной модели (Иванова, Журбин, 2006). Реализация каждого из этих этапов требует разработки специализированных методов и алгоритмов геометрического моделирования и пространственного анализа археологических данных.

Первый этап – формирование источника – предполагает документирование археологической информации в форме, удобной для ввода в компьютер. Очевидно, решение этой проблемы связано с методикой полевых исследований и форматом документации. Для повышения точности пространственного моделирования необходимо в процессе раскопок использовать инструментальные замеры. Это позволяет сформировать исходные данные для представления в единой трехмерной системе координат различных составляющих культурного слоя: прослойки, напластования, локальные трехмерные объекты (очаги, остатки деревянных конструкций) и отдельные находки (Степанова, 2005). Очевидно, формат полевой документации определяет структуру баз данных находок и слоев. В настоящее время такой подход успешно используется при комплексных исследованиях поселений (Жуковский, Пушкина, 2005; Чича..., 2004, с. 13-16).

Этап компьютерного картографирования предполагает документирование результатов археологических раскопок в любой геоинформационной системе или иной программе, позволяющей сохранять графические данные в векторных форматах. Это позволяет создавать оцифрованные плоскостные карты горизон-

© Журбин И.В., 2009

Исследования поддержаны Программой интеграционных и междисциплинарных проектов фундаментальных исследований УрО РАН на 2009-2011 гг.

тальных и вертикальных разрезов культурного слоя. Расположение каждой из карт-разрезов определено относительно репера, что дает возможность установить расположение в пространстве любого объекта планировки (Иванова, Степанова, 2005). В результате оцифровки каждый планиграфический и стратиграфический разрез хранится в компьютере как совокупность границ, которые разделяют различные элементы культурного слоя – объекты планировки, прослойки, линзы и пр. Грунты разного состава и цветности кодируются в базе данных слоев в соответствии с исходной археологической документацией.

В большинстве случаев векторизация границ археологических слоев производится вручную. Следовательно, для корректного построения пространственных моделей необходима предварительная обработка данных. Эта процедура предполагает фильтрацию и оптимизацию двумерных контуров (границ напластований): удаление «менее информативных» вершин контура и удалением «петель» малой площади (Журбин, Смурыгин, 2009).

На заключительном этапе формируется модель культурного слоя – упорядоченный в пространстве набор трехмерных образов, геометрические параметры и взаимное расположение которых отражает соответствующие параметры слоя археологического памятника. При этом первоначально создается набор компьютерных моделей каждого из выделенных объектов и слоев. Дальнейшее развитие связано с расположением в виртуальном пространстве реализованных моделей, а также их координатная привязка. Таким образом, компьютерная модель является полноценным «образом» культурного слоя памятника. Кроме геометрических параметров, она описывает свойства всех его компонентов: структура, состав,

материал и пр.

С точки зрения компьютерного моделирования, входными данными к задаче построения геометрической модели археологического объекта являются множества оптимизированных замкнутых ломаных линий – сечения трехмерного объекта на различных плоскостях срезов. На каждом из срезов контуры границ описываются массивами пар координат вершин и могут представлять собой неодносвязные невыпуклые многоугольники. В общем случае способ построения трехмерной модели основан на формировании поверхности элемента культурного слоя. При этом на нескольких смежных разрезах выбирается группа контуров, ограничивающих области грунта одинакового типа (соответствующие выбранному слою по археологической документации). После чего строится поверхность, содержащая все выделенные границы. В сущности, описанный метод предполагает формирование псевдопризм по многоугольникам в качестве оснований и объединение их по признаку принадлежности одному типу грунта.

Таким образом, для построения пространственных моделей по археологическим данным может быть использован метод, который позволяет осуществить преобразование набора разнонаправленных плоскостных срезов в трехмерный образ – геометрическую модель археологического объекта. Реализация описанной процедуры требует разработки специализированных математических методов и программной системы, в которой сочетаются возможности нескольких классов программного обеспечения – баз данных, геоинформационных систем и программ графической пространственной визуализации объектов. Сложность разработки такого метода состоит в том, что при восстановлении пространствен-

ного образа каждого объекта может быть использован лишь ограниченный набор горизонтальных и вертикальных разрезов.

Моделирование формы археологических объектов

Формирование трехмерной модели археологических объектов основано на традиционной археологической документации. На городище Иднакар планиграфические разрезы, полученные при раскопках 1974-1995 гг., расположены в пространстве с шагом 0,20 м по аппликате (Z). В настоящее время, в связи с переходом на новую методику раскопок, расстояние между смежными планами по оси Z составляет 0,05 м. Стратиграфические разрезы расположены с шагом 3,0 м по абсциссе (X) и ординате (Y).

Для реализации предложенного метода выбирается набор контуров для построения базовой модели. Учитывая, что в процессе формирования пространственной модели происходит преобразование вертикальных и/или горизонтальных разрезов в трехмерный образ, необходимо определить, какие из сечений объекта наиболее информативны. В связи с этим, элементы культурного слоя можно условно разделить на локальные и протяженные пространственные объекты. В данном случае под протяженными объектами понимаются элементы культурного слоя, выходящие за рамки моделируемого пространства, по какой либо координате. Примером таких объектов могут служить различные регулярные слои и напластования (дерн, основной культурный слой), а также оборонительные сооружения (вал, ров). Локальные – это замкнутые объекты, которые целиком расположены в границах моделируемого пространства: ямы раз-

личного назначения, очаги, основания сооружений и другие подобные по пространственной организации элементы культурного слоя памятника. Следовательно, исходными данными для формирования базовой трехмерной модели протяженных объектов являются контуры границ, выявленные на стратиграфических разрезах. В данном случае планиграфические разрезы могут быть использованы для оценки качества построенной модели и ее уточнения. Иной подход применяется при моделировании локальных объектов: в качестве базовых корректнее использовать планиграфические карты, а стратиграфические разрезы – для уточнения модели.

Возможности рассмотренного метода и подхода наглядно демонстрируют результаты трехмерного моделирования протяженного объекта – внутренней линии оборонительных сооружений городища Иднакар. Раскопки этого участка укреплений проведены в 1992-1994 гг. Пространственная модель отражает особенности формы изученного участка этой линии укреплений: практически вертикальная внутренняя сторона вала, разнообразные врезки с его внешней стороны, а также позднее заполнение рва слоем глины (рис. 1а - при создании рисунков использованы данные археологических раскопок на городище Иднакар, IX-XIII вв. Автор раскопок – д.и.н., проф. М.Г. Иванова). Однако построение такой модели не является самоцелью. В частности, выбор ракурса модели относительно наблюдателя существенно повышает ее информативность. Кроме того, реализована возможность построения разреза модели произвольной плоскостью. Важно, что при этом создаются сечения, не существующие в исходной археологической документации. Например, дополнительный разрез наглядно показывает существенное уменьшение

глубины рва на участке позднего производственного сооружения (цв. вклейка №2, рис. 1-б). Следовательно, использование технологии пространственного моделирования позволяет детально изучать особенности формы объекта.

Моделирование формирования и развития археологических объектов

Основой данного направления моделирования является принцип восстановления относительной хронологии, который, в свою очередь, базируется на анализе стратиграфии культурных напластований (цв. вклейка №2, рис. 2). Начальный этап сооружения ямы хорошо выявляется по выбросу «материкового» суглинка, расположенного по периметру ямы. «Материковый» выброс перекрывает слой погребенной почвы. Вероятно, на начальной стадии существования ямы внутри нее была деревянная конструкция, остатки которой зафиксированы на дне (модели перечисленных прослоек на рис. 2 не отображены). Через некоторое время яма заполняется глиной с относительно небольшим количеством примесей (модель 1, слой 6), который по периметру уплотняется сильно перемешанным слоем на основе глины (модель 2, слой 15б). В результате вторичного использования полученной площадки скапливается мощный слой гумуса, угля, золы и кальцинированных костей (модель 3, слой 10). Мощность углистой прослойки достигает 10 см. На следующем этапе использования ямы остатки кострища перекрываются перемешанным слоем (модель 5, слой 16), содержащим уголь, гумус и коричневую глину. Вероятно, перемешанный слой 16 получился непосредственно в процессе забутовки, так как вокруг ямы выявлены линзы коричневой глины (модель 6, слой

7). Эти линзы перекрывают «материковый» выброс и расположены на одном уровне с «пестроцветом». В дальнейшем поверхность ямы выравнивается. Первоначально засыпается гумусированным слоем (модель 7, слой 10а), после чего песком (модель 4, слой 5), который при подсыпке перемешивается с глиной.

Очевидно, что предложенный вариант реконструкции носит вероятностный характер, то есть восстанавливает одну из возможных «траекторий» развития объекта. При выборе других правил, критериев и методов анализа результат будет отличаться от предложенного. Важно то, что разработанная методика позволит исследователю «разыгрывать» практически произвольные «сценарии», опираясь на единый набор исходных данных. В зависимости от поставленной задачи сам специалист-археолог может формировать методику анализа компьютерной модели памятника, а также контрастно выявлять интересующие его параметры культурного слоя.

Моделирование распределения находок

Для интерпретации археологических материалов традиционно используются статистические методы, основная идея применения которых состоит в том, что повторяемость тех или иных событий во времени и пространстве позволяет выявить тенденции развития исторических процессов и явлений. Именно на этом принципе базируется функционально-планиграфический метод, ориентированный на выявление участков производственной и хозяйственной деятельности на территории поселений (например, Коробкова, 2006). Кроме того, особенности распределения вещевого материала позволяют восстанавли-

вать конструкцию, размеры и внутреннюю планировку отдельных сооружений (например, Археология севернорусской деревни, 2007, с. 98-102; Волков, 2006; Поселение Быстрый Кульёган 66..., с. 40-46). При этом важную роль играет способ визуализации. Очевидно, что современный инструментарий для анализа пространственно распределенных археологических данных должен обеспечивать эффективное использование методов расчета численных показателей и возможность наглядного отображения выявленных тенденций.

Исходная информация объединена в базу данных вещевого материала. Это обеспечивает не только структурированное хранение данных, но и возможность выборки по атрибутам, например, материал, назначение, культурно-историческая принадлежность (цв. вклейка №2, рис. 3-а). Совместное использование трехмерных моделей слоев и базы данных находок обеспечивает дополнительные возможности выборки: по принадлежности артефактов к определенным напластованиям. При этом трехмерная модель археологического объекта помещается в соответствующую область виртуального культурного слоя и выбираются находки в пространстве, ограниченном поверхностью модели объекта (цв. вклейка №2, рис. 3-б). Необходимость такого режима очевидна, так как при анализе функций объектов планировки необходимо рассматривать только те находки, которые расположены в соответствующих прослойках. Кроме того, необходим режим дополнения карты распределения находок растровой подложкой (планом раскопа), так как анализировать функции сооружений или участков памятника возможно только при соотношении распределения находок с картой выявленных археологических объектов.

Реализовано несколько принципов

визуализации результатов исследований.

Точечное представление находок – артефакты отображаются как точка в трехмерном пространстве с использованием заданного набора пиктограмм (цв. вклейка №2 рис. 3-а, б). Такое отображение распределения вещевого материала может существенно повысить наглядность демонстрации результатов раскопок. Кроме того, точечное представление находок максимально приближено к традиционной археологической документации, следовательно, компьютерное отображение не вносит никакой искусственности.

Построение трехмерных областей концентрации пространственно-распределенного массива находок точнее характеризует тенденции их распространения в пределах изучаемого объекта (цв. вклейка №2, рис. 3-в). Методической основой построения областей является кластерный анализ – разбиение заданной выборки объектов на непересекающиеся подмножества, называемые кластерами, так, чтобы каждый кластер состоял из схожих объектов, а объекты разных кластеров существенно отличались (Wikipedia: Кластерный_анализ). Для определения компактности расположения артефактов используется евклидово расстояние между точками пространства (находками). После чего производится последовательное объединение группированных объектов: сначала самых близких, потом все более удаленных друг от друга. Условием прекращения является достижение порогового значения расстояния от геометрического центра текущего кластера до всех находок выборки, не вошедших в сформированные кластеры.

Таким образом, технология компьютерного моделирования обеспечивает выявление зон распределения находок на основе расчета их количества и ком-

пактности расположения. При этом возможность выбора режима визуализации обеспечивает наглядность при анализе материала. Использование запросов по заданной исследователем комбинации признаков позволяет осуществлять разноплановые выборки находок: по заданным границам в пространстве, по виду производственной и хозяйственной деятельности и пр. Эта процедура позволяет автоматически подготовить данные для анализа распределения вещевого материала в культурном слое.

Применение компьютерных технологий и пространственного моделирования культурного слоя позволяет решить ряд важных задач. Оно обеспечивает не только копирование и хранение информации об археологическом объекте, но и создание его виртуального образа, что разрешает противоречие между исследованием памятника и его сохранением как объекта историко-культурного наследия. Формирование многофункционального источника за счет преобразования полевой информации в компьютерную модель дает возможность изучать археологический памятник на основе не только визуально фиксируемой информации, но и структурной, выраженной во взаимном расположении элементов культурного слоя.

В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова
МОДЕЛИ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ КУЗНЕЧНОГО
ПРОИЗВОДСТВА У ФИННО-
УГРОВ В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Внедрение в археологию методов естественных наук значительно расширило информативность археологических артефактов. В частности, использование металлографического метода в изучении изделий из металла позволило решить многие вопросы производственной сферы деятельности человека (Вознесенська, Недопако, Паньков, 1996; Терехова и др., 1997; Pleiner, 2006). Накопленный в настоящее время массив аналитических данных в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (более 12000 анализов) даёт возможность не только реконструировать древние технологические процессы, но и обратиться к проблемам культурно-исторического характера (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007; 2009а; 2009б). Настоящая работа ставит задачей рассмотреть региональные особенности железообрабатывающего производства финно-угров в эпоху средневековья и на этой основе построить модели развития кузнечного ремесла.

Под моделью технологического развития мы понимаем совокупность трёх взаимозависимых составляющих, таких как технико-технологический стереотип, производственные традиции и инокультурные воздействия. Технический стереотип включает определённый набор и соотношение признаков, характеризующих материал, катего-

© Завьялов В.И., Терехова Н.Н., 2009

Работа выполнена при финансовом
содействии РГНФ, грант 08-01-00063а

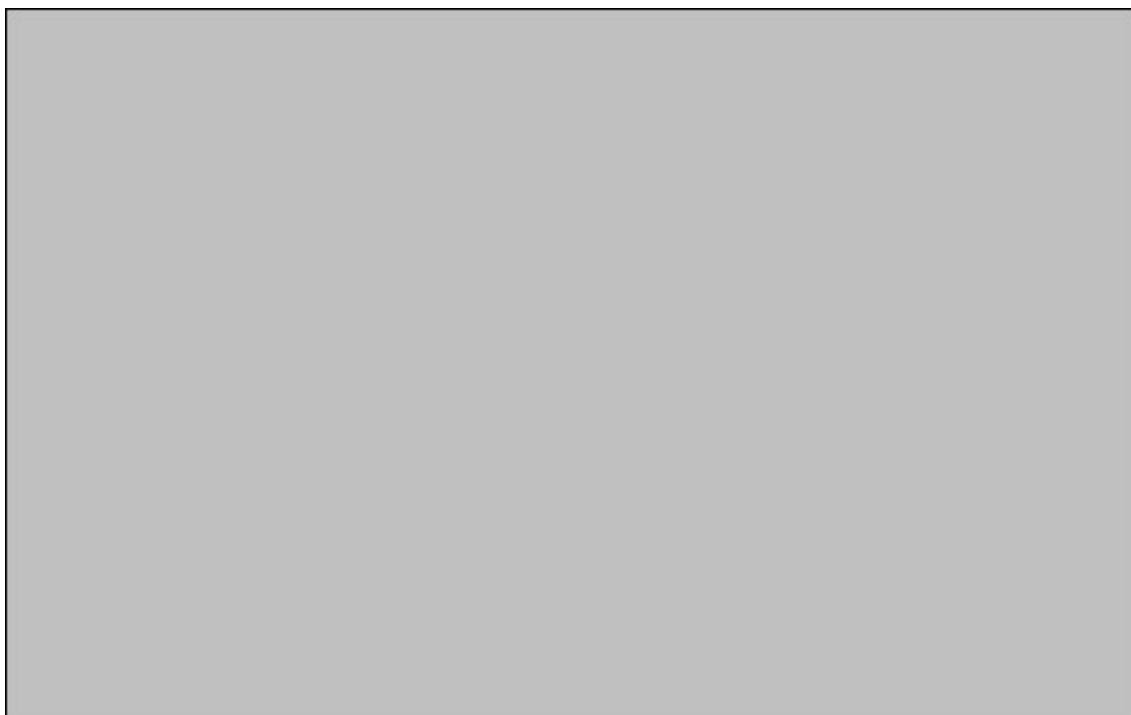

Рис. 1. Модель технологического развития кузнечного ремесла

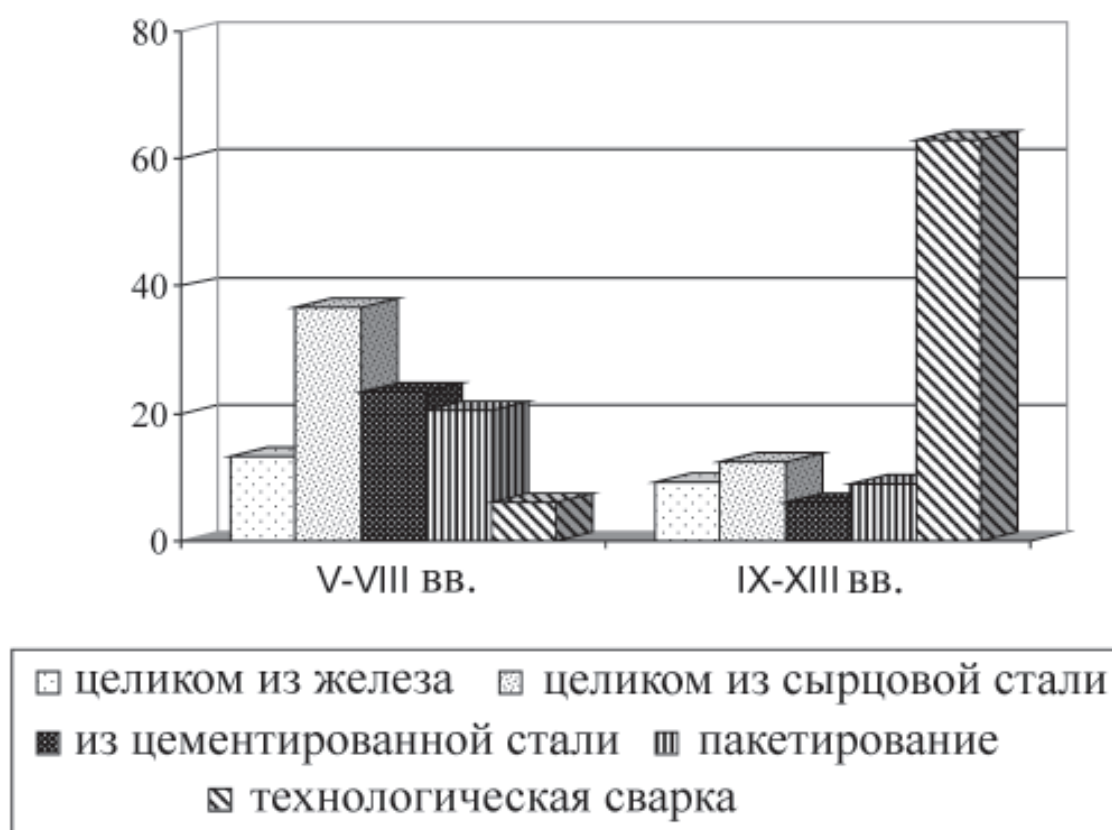

Рис. 2. Изменение технико-технологического стереотипа (по материалам финно-угорских памятников Предуралья)

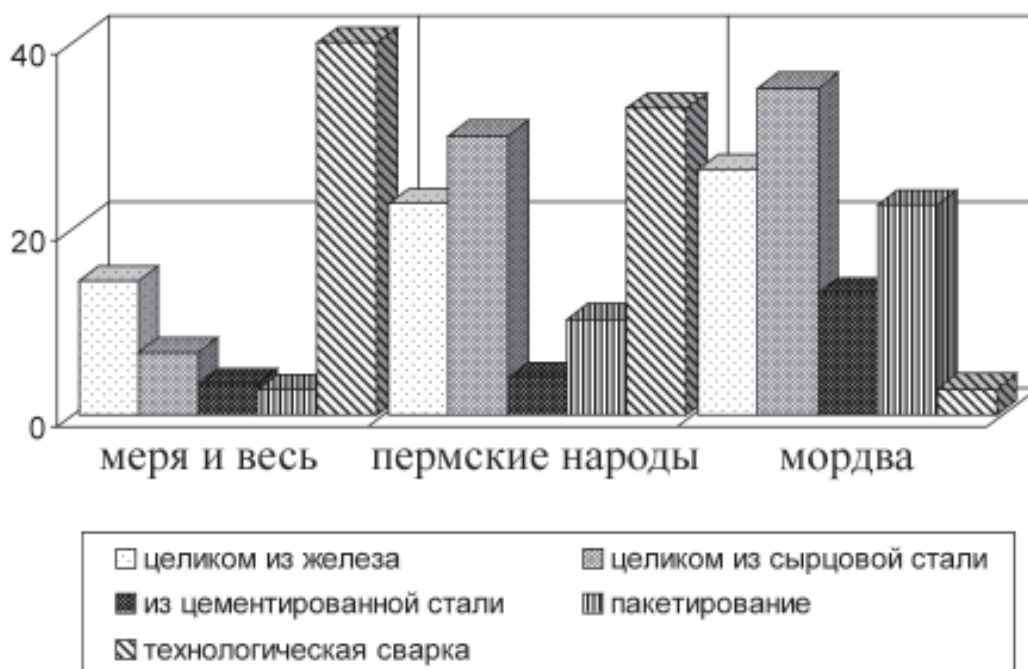

Рис. 3. Технологические особенности моделей развития кузнечного ремесла у финно-угров в эпоху средневековья

риальный состав, приёмы и способы изготовления изделий в конкретной археологической культуре. Техничко-технологический стереотип в кузнечном производстве представляет устойчивый элемент культуры. Закрепление технико-технологического стереотипа и передача его из поколения в поколение на протяжении длительного времени составляют суть производственных традиций. На фоне производственных традиций появляется возможность отследить инокультурные воздействия, проявляющиеся в различных формах: перемещение вещей, перемещение мастеров, распространение идей.

Накопленные за последние десятилетия аналитические данные, полученные при металлографическом изучении кузнечной продукции из памятников финно-угров, позволили воссоздать историю кузнечного ремесла одного из древнейших этносов лесной зоны Восточной Европы (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007; 2009а). Как установлено, появление первых изделий из чёрного

металла (VIII-VII вв. до н.э.) в финно-угорской среде связано с кавказским импульсом, который прослежен на материалах из памятников средневожского ареала ананьинской культурно-исторической общности. Однако кавказские технологические традиции не вошли в систему местного кузнечного производства, развитие которого пошло по линии использования простейших способов обработки чёрного металла.

Сложение финно-угорского технико-технологического стереотипа происходит на рубеже эр. Для него характерны следующие признаки: ограниченный ассортимент железных артефактов, применение при изготовлении изделий либо железа, либо сырцової стали, приёма пакетирования заготовки, крайне редкое использование приёмов цементации (искусственного получения стали) и термообработки. Описанный стереотип прослежен на материалах из памятников большинства археологических культур финно-угорского мира.

Но уже в этот период на территории дьяковской культуры прослеживается иной технико-технологический стереотип, сформировавшийся под влиянием инокультурных (балтских) воздействий. В основе его лежит использование развитых технологий: получение качественной высокоуглеродистой стали, использование сварки железа со сталью, широкое применение химико-термических и термических способов обработки чёрных металлов. Этот стереотип закрепился как устойчивая традиция в дьяковской среде и просуществовал до финального этапа культуры.

Таким образом, можно говорить о существовании в финно-угорском мире уже в раннем железном веке двух моделей технологического развития кузнечного производства. В основе одной из них лежит использование простых технологий, т.е. обработка сырьевого материала, полученного в ходе металлургического процесса, без попыток улучшения механических свойств изделия. В основе другой, сформировавшейся на основании инокультурного импульса, – широкое применение передовых для своего времени технологических приёмов.

Определённым рубежом в истории кузнечного ремесла финно-угров является конец I тысячелетия н.э. – период формирования раннегосударственных образований на территории Восточной Европы. Судьба многих финноугорских народов складывалась в зависимости от характера связей с новыми политическими образованиями, что влекло за собой и трансформацию технологических моделей. Изменения в производственной сфере выразились, прежде всего, в распространении кузнечных изделий новых форм и появлении новых технологий. Происходит смена технико-технологического стереотипа. Ведущим

признаком становится технологическая сварка (трёхслойный пакет, вварка, различные варианты наварки). Эта смена приводит к формированию в финно-угорском мире трёх моделей развития кузнечного производства.

Одна из них связана с племенами мери и веси, которые уже в IX-X вв. испытывали мощное воздействие трансевропейской торговой магистрали (Великий Волжский путь). Именно этот путь служил дорогой, по которой в Восточной Европе распространялась новая технология – трёхслойный пакет (Завьялов, Розанова, Терехова, 2008). Особенность этой технологии заключалась в следующем. В центре клинка помещалась полоса высокоуглеродистой стали, выходящей на рабочую часть, а по бокам – полосы железа. Причем использовалось железо особого сорта – с высоким содержанием фосфора. Такое железо, с одной стороны, имеет положительное свойство – хорошо сваривается с высокоуглеродистой сталью, но, с другой стороны, присутствие фосфора препятствует насыщению железа углеродом, а, следовательно, возможности получения стали.

Трёхслойные ножи обладали как высокими техническими, так и эстетическими свойствами. Такой нож мог быть использован практически до полного стачивания клинка. Кроме того, его поверхность после полировки фосфористого железа приобретала серебристый блеск. Неудивительно, что подобные изделия быстро завоевали популярность у многих народов, вытеснив их собственную продукцию. Трёхслойные ножи в большом количестве встречаются на всем протяжении Балтийско-Волжского пути (северного отрезка Великого Волжского пути), где главенствующая роль в торговых операциях принадлежала скандинавам.

Приведенные исследователями

Б.Аррениус, С. Модин и Р. Плейнером данные о форме, технологии и подделочном материале орудий из Скандинавии (Arrhenius, 1970; Modin, Pleiner, 1978), в частности из поселения Хельгё VII в. (Швеция), позволяют нам связывать происхождение ножей, выполненных в трёхслойной технологией, именно с этой территорией.

По имеющимся данным, древнейшие находки трёхслойных изделий в финно-угорском мире происходят с территории веси и мери. Для выявления особенностей кузнечного производства веси нами были использованы материалы памятников Крутик, Минино 5, группы памятников у деревни Никольское; мери – Сарского и Поповского городищ. Отметим, что традиции мери и веси в кузнечном производстве до этого времени характеризует консервативный подход как к сырью, так и к технологическим приемам, то есть отражают общефинскую модель кузнечного производства раннего железного века. Начиная с IX в. на памятниках фиксируется абсолютное преобладание кузнечной продукции, изготовленной по технологии многослойной сварки (трёхслойный пакет) и не связанной с местными производственными традициями. Истоки технологической новации, как уже отмечалось, восходят к материалам из Скандинавии, что хорошо укладывается в историко-археологический контекст. Можно говорить о том, что в это время шел мощный поток изделий, выполненных в сложных технологиях и изготовленных в специализированных мастерских. Об этом свидетельствуют инновации в кузнечной продукции (появление общеευропейских форм орудий труда и оружия; распространение ножей скандинавского типа, сочетавших стандартность формы-материала-технологии). Под воздействием скандинавских традиций проис-

ходит изменение местного технико-технологического стереотипа: кузнецы осваивают технологическую сварку, овладевают искусством получения цементированной стали. Дальнейшее развитие местной железообработки связано с вхождением мери и веси в состав Древнерусского государства. Ассимиляция этих народов привела к установлению в регионе древнерусской модели развития ремесла.

Другая технологическая модель связана с пермскими народами Предуралья (поломско-чепецкая, ломоватовская, ванвиздинская, вымская культуры). На основании металлографических данных можно говорить о том, что в IX – начале X в. в пермской железообработке также происходят существенные изменения. В плане морфологии они связаны с распространением на предуральских памятниках кузнечных изделий европейских типов. При этом из обихода вытесняются как орудия местных форм (функционально менее эффективные, например, топоры-кельты), так и некоторые заимствованные формы железных предметов (ножи «аланского» типа).

Наиболее заметно и ярко новации в пермском кузнечестве проявились в технологии изготовления кузнечных изделий. Здесь, прежде всего, нужно отметить освоение местными кузнецами технологической сварки и, в частности, схемы трёхслойного пакета. Трёхслойные ножи быстро (в течение IX–X вв.) и широко (от Средней Камы до Повыхегодья) распространились на территории Предуралья. Несомненно, что появление новой технологии произошло под воздействием кузнечных традиций, сложившихся в скандинавском мире. Контакты пермских кузнецов с мастерами, работавшими в этих традициях, возможно, проходили в регионе Белозерья, где фиксируется присутствие предуральского на-

селения, с одной стороны, и носителей североευропейской кузнечной традиции, с другой. Новации в кузнечной сфере проявились и в подходе к использованию сырья. Новшеством стало целенаправленное применение такого вида сырья как фосфористое железо.

В отличие от модели, прослеженной на материалах из памятников веси и мери, в Предуралье воспринятая скандинавская традиция законсервировалась на несколько столетий, превратившись в основу пермского кузнечного ремесла. Хотя существовали активные контакты пермских народов и с Волжской Болгарией (позднее с Золотой Ордой), и с Древней Русью, в железообрабатывающем производстве это не нашло отражение.

Другую картину мы наблюдаем на примере кузнечного ремесла мордовских племён (Крюково-Кужновский и Лядинский могильники), которые остаются в рамках традиционных способов обработки чёрного металла. Основное развитие шло по металлургической линии (увеличение объёмов получаемого металла). Что же касается приёмов обработки металла, то они оставались на уровне ранних этапов развития железообработки финно-угров: использовались в основном железо и сырьевая сталь, приёмы пакетирования заготовки. Территорию мордвы практически не затро-

нула широко распространившаяся в Восточной Европе технологическая инновация в виде многослойной сварки. Это во многом объясняется территориальной замкнутостью населения, а также ориентацией культурно-исторических связей на Хазарию и Волжскую Болгарию, где технология многослойной сварки не имела распространения. Инокультурное воздействие в производственной сфере на мордовские племена ограничивалось либо получением готовых кузнечных изделий, либо местным подражанием формам привозных изделий.

Располагая огромным фондом аналитических данных, характеризующих кузнечное ремесло разных народов в различные исторические эпохи, мы можем констатировать, что основой модели развития кузнечного ремесла является технико-технологический стереотип. Возможность его изменения в догосударственных образованиях связана, на наш взгляд, прежде всего с интеграцией носителей инокультурных традиций в местную среду. Что же касается государственных образований, то здесь на первый план выдвигаются экономические факторы, предполагающие определённую систему организации самого производства (дифференциация, регламентация, институт ученичества и т.п.) и сбыта продукции.

В.А. Иванов
ФИННО-ПЕРМСКАЯ
«ОЙКУМЕНА» В ЮЖНОМ
ПРИУРАЛЬЕ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ,
ДИНАМИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ
СУДЬБА

Вопрос о присутствии носителей финно-пермского этноса на территории южного Прикамья в эпоху раннего средневековья в общем-то можно считать решенным¹. Более того, сейчас мы можем совершенно четко обозначить и географические, и хронологические границы финно-пермской «ойкумены» в регионе, а также описать археологическое содержание этого понятия. Что, собственно говоря, уже и сделано Р.Д. Голдиной (Голдина, 1999, с.307-309). В настоящей статье автор предлагает расширенные комментарии и статистические дополнения к заключению Р.Д.Голдиной по поводу линии этнокультурного развития населения южного Прикамья (уже – междуречья Белой и Уфы), тезисно изложенному исследовательницей в означенной выше работе. Тезис этот звучит так: «бахмутинская культура сложилась на основе кара-абызской и чегандинской² культур предшествующей поры» (Голдина, 1999, с.307).

Сейчас можно считать установленным, что этнокультурное развитие населения камско-бельского бассейна во второй половине I тыс. до н.э. развивалось

по следующей схеме:

прекращение в V в. до н.э. существования в Волго-Камье памятников ахмыловской (или акозинской?)³ культуры сопровождалось появлением в бассейне нижней и средней Белой памятников раннекараабызского типа;

типологическая близость раннекараабызской и ахмыловско-акозинской керамики определенно указывает на переселение в бассейн р.Белой племен, в Среднем Поволжье известных как «ахмыловцы/акозинцы» - волжских финнов;

появление в IV в. до н.э. на правобережье среднего течения р.Белой носителей керамики «гафурийского» типа вызвало обратную подвижку теперь уже «караабызцев» из правобережья Средней Белой в ее низовья;

на правобережье Средней Белой в результате этнокультурного симбиоза «ранних караабызцев» и «гафурийцев» складывается караабызская культура в ее «классическом» варианте, каковой всем нам хорошо известен по работам А.Х.Пшеничнюка, а в низовьях р.Белой на основе ранних «караабызцев» формируется пьяноборская культура.

То есть, район Бельского устья, ниже по течению от г.Бирска, представлял собой территорию «отпочковавшихся» от «караабызцев» - стало быть, в основе своей тоже волжско-финнских – «пьяноборцев». Если оперировать этнокультурными категориями, то носители пьяноборской культуры являлись более сохранившимися в своей этнической

© Иванов В.А., 2009

1-Предметом научного спора являются лишь границы этой «ойкумены» - прим. редколлегии.

2-Поскольку автор этих строк относится к категории «традиционалистов», то ниже он будет использовать более привычное для него определение – пьяноборская культура. Тем более, что вопрос о токсонимическом соотношении понятий «пьяноборская общность» и «чегандинская культура» до сих пор так и висит в воздухе.

3-Автор не участвует в дискуссии между В.С.Патрушевым и его оппонентами С.В.Кузьминых и А.А.Чижевским по поводу правомерности выделения ахмыловской или акозинской культур, поэтому к обоим названиям относится в равной степени индифферентно.

Таблица 1. Альтернативные признаки погребального обряда могильников эпохи раннего железного века Южного Предуралья (в %%)

№	Содержание признака	К у л ь т у р а				
		Ананьинская (Зуевский мог.)	Шипово кург.	Уфимский	Караабызская	Пьяноборская
1	Могила простая	100	48,1	100	82,2	88,5
2	Обложена камнем	-	-	-	12,6	0,49
3	Неизв.	-	51,9	-	17,4	11,5
4	Ориентировка на Запад	-	9,2	18	26,6	2,5
5	Восток	-	-	-	1,1	13,1
6	Север	-	24	3,5	31,8	10,8
7	Юг	-	-	10,7	5,5	1,35
8	Юго-запад	-	-	28	16,6	6,3
9	Юго-восток	4	-	7	-	19,5
10	Северо-запад	88	14,8	21	15,2	12,0
11	Северо-восток	5	-	-	1,5	30,4
12	Не установлена	-	38,9	7	1,5	4,0
13	Поза вытянуто	86	42,3	93	87	68,1
14	На боку	-	-	-	1,1	0,8
15	Одна рука согнута	-	-	18	3,3	4,3
16	Обе согнуты	-	-	12	2,2	4,5
17	Погр. парное	8	-	-	1,8	
18	Кости животного	5	-	-	25,2	2,5
19	Сосуд	26	38,8	-	12,2	2,8
20	Жертвенный комплекс	-	-	-	2,6	-
21	Удила	-	11,1	-	11,1	2,3
22	Стрелы бронз.	есть	31,5	26,6	1,8	1,1
23	Стрелы железн.	есть	-	-	18,1	3,2
24	Стрелы кост.	есть	-	6	17,4	6,8
25	Колчан. крючок	-	-	-	9,6	0,6
26	Меч	-	-	-	2,2	1,3
27	Кинжал	2	-	-	4,4	1,5
28	Копье	11	11,1	10	18,9	2,5
29	Топор	20	-	-	-	1
30	Пояс. накл.	есть	-	-	15,2	6,7
31	Поясные пряжки	-	-	21	27,7	12,7
32	Целый пояс	-	-	-	9,6	2,7
33	Серьги	6	13	25	8,5	7,2
34	Подвески	-	7,4	-	7,8	39,3
35	Бусы	6	11,1	3	19,6	27,6
36	Перстень	-	7,4	10	8,9	3,5
37	Браслет	-	-	7	6,6	5,9
38	Нашивные бляхи	2	24	3	21,5	16,6
39	Обоймы	5	16,6	8	17,4	9,3
40	Гривна	-	-	17	2,2	6
41	Обувные пряжки	-	-	-	4,4	5,6
42	Застежки	-	-	-	1,1	4,9
43	Нож	16	16,6	28	46,6	-
44	Пряслице	2	7,4	-	14,4	0,6
45	Оселок	3	-	-	3,3	0,8
46	Кост. лопаточка	-	-	-	5,5	-
Всего погребений:		218	54	28	270	2191

чистоте потомками волжских финнов эпохи раннего железного века. Причем, складывается впечатление, что в немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что их генезис происходил на территории, сравнительно свободной от других иноэтничных и инोकультурных элементов.

По логике вещей, таковыми должны были быть носители позднего ямочно-шнурового прикамского ананьина. Однако результаты сравнительно-типологического анализа погребального обряда ананьинской, пьяноборской и карабызской культур на предмет выяснения степени их типологической близости и, соответственно, генетической связи, показывают, что прямую генетическую преемственность проследить между ними очень проблематично.

Аналогичный анализ в свое время провели В.В.Овсянников и А.Ф.Яминов с целью выяснения культурной принадлежности Уфимского могильника IV-III вв. до н.э. В качестве реперных памятников исследователи использовали позднеананьинский Зуевский могильник, пьяноборский Уяндыкский I могильник и позднекарабызский Биктимировский могильник. Сравнивая эти памятники по 54 альтернативным признакам обряда, исследователи пришли к выводу о том, что погребальный обряд сравниваемых могильников различается незначительно и по основным его признакам Уфимский могильник ближе стоит к Уяндыкскому и Биктимировскому (Овсянников, Яминов, 2003). Уязвимость проделанной названными исследователями работы заключается в том, что они произвели недостаточно корректный отбор исходных данных: сравниваемые выборки, очень незначительные по

объему, сравнивались по всем зафиксированным признакам, а не по представительным. Я предлагаю свой вариант сравнительно-статистического анализа могильников ананьинской (Зуевский – 218 погребений, нижний порог значимости = 2%), карабызской (Шиповский грунтовый и Охлебининский могильники – 270 погребений, порог значимости = 1%⁴), пьяноборской (Кушулевский III, Уяндыкский I, Юлдашевский, Ново-Сасыкульский, Чеганда II, Ныргында I и II, Старо-Киргизовский, Камышлытамакский, Урманаевский, Деуковский II и др. – 2191 погребений, порог значимости = 0,2%) культур. Основным же объектом анализа в данном случае выступает Шиповский курганный могильник – единственный пока в бассейне р.Белой погребальный памятник «гафурийского» типа (54 погребения, порог значимости = 5%⁵).

Значения показателей формально-типологического сходства между сравниваемыми группами памятников (C_2), подсчитанные по 46 альтернативным представительным признакам (табл.1), показывают, что между ананьинскими (Зуево-Ключевской), карабызскими и пьяноборскими могильниками существует определенная типологическая связь, но не настолько тесная, чтобы можно было говорить о прямой генетической преемственности между ними (табл.2). Шиповский курганный могильник типологически стоит примерно на одной и той же степени удаленности как от ананьинских, так и от карабызских и пьяноборских могильников. Что вполне понятно, если учесть, что оставившие этот могильник «гафурийцы» в этнокультурном отношении являлись чужеродным элементом для местного раннека-

4-При критерии значимости R равно 0,9. О пороге и критерии значимости см.: Генинг, Буянтян, Пустовалов, Рычков. 1990, с.84-87.

5-При критерии значимости R равно 0,9.

раабызского населения. Их этническая принадлежность хотя условно и определяется, как древнеугорская, но, по мнению В.В.Овсянникова и Н.С.Савельева, исходной территорией «гафурийцев» являлись степи Южного Приуралья. Отмеченная исследователями культурная близость Шиповских курганов с такими могильниками, как Филипповка и Переволочан, позволяет предполагать наличие у «гафурийцев» и сарматского этнического субстрата (Овсянников, Савель-

стороны «гафурийских» племен, пришедших из степей Южного Приуралья. Их этнический состав не был однородным, но угорский субстрат среди них, безусловно, присутствовал. Под нажимом «гафурийцев» ранние «караабызцы» перемещаются вниз по течению р.Белой, и в районе Охлебнино-Шипово складывается такая этнокультурная ситуация, когда на одной сравнительно небольшой территории начинается «период хаотичной ассими-

Таблица 2. Значения показателей типологического сходства (С.) между могильниками эпохи раннего железного века Южного Предуралья

ев, Акбулатов, Васильев, 2007, с.81).

Итак, явной генетической связи между «караабызцами» и «гафурийцами» не прослеживается и считать последних генетической основой для караабызской культуры, тем более, доминирующей, нет оснований. Равным образом нет достаточных оснований и для того, чтобы выводить караабызский погребальный обряд из обряда ямочно-шнурового («классического») ананьина (именно к нему относится Зуево-Ключевской могильник).

Таким образом, остается только одно предположение, логически вытекающее из имеющегося археологического материала. Продвинувшиеся на правобережье Средней Белой аозинско-ахмыловские (или аозинско-постмаклашеевские – по В.Н.Маркову и А.А.Чижевскому) племена - восточные финны - в IV в. до н.э. на территории современного Гафурийского района Башкортостана испытали давление со

стороны пришлого гафурийско-раннепрохоровского и усиления такого же пришлого раннебаларского населения, происходивших на фоне активных контактов с кочевавшими на противоположном берегу р.Белая поздними прохоровцами кишинско-бишунгаровской группы» (Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007, с.83). Но все эти процессы, по-видимому, не затрагивали северо-западные прикамские районы бассейна р.Белой, где в конце I тыс. до н.э. в результате каких-то, пока еще не прослеживающихся на имеющемся археологическом материале, этнокультурных процессов, формируется пьяноборская культура, по своим морфологическим признакам (погребальный обряд) близкая караабызской (табл.2). Процесс этот мог происходить по двум сценариям. Возможное содержание первого: эволюция ананьинской КИО Прикамья и распад ее на две культуры (общности) – пьяноборскую в Нижнем Прикамье и гляденов-

Таблица 3. Упорядоченная матрица коэффициентов формально-типологического сходства погребального обряда культур рубежа – первой половины I тыс. н.э. Прикамья и Приуралья (по Ф.А.Сунгатову)

	караабызская	пьяноборская	мазунинская	Бирск III-V вв	Бирск V-VIII вв.
караабызская	–	0,62	0,59	0,69	0,59
пьяноборская		–	0,83	0,83	0,79
мазунинская			–	0,86	0,76
Бирск III-V вв.				–	0,81
Бирск V-VIII вв.					–

кую на Средней и Верхней Каме.

Что касается генетической связи ямочно-шнурового варианта АКЮ с пьяноборской культурой, то в свое время Б.Б.Агеев на материалах раннепьяноборских могильников низовьев р.Белой и городищ убедительно показал, что прямой преемственности между ними и позднеананьинскими памятниками данного района не прослеживается. Достаточно сказать, что между ними не прослеживается и хронологической преемственности. Самые ранние из известных пьяноборских могильников (Уяндынский I, Кушулевский III, Юлдашевский) датируются не ранее конца II в. до н.э., тогда как позднеананьинских памятников, хотя бы приближающихся к этой дате, мы вообще не знаем. И хотя, отдавая дань археологической традиции, Б.Б.Агеев и допускал участие в генезисе «пьяноборцев» каких-то гипотетических «потомков позднеананьинских племен Нижнего Прикамья», но решающую роль в этом процессе он все-таки отводил караабызскому населению среднего течения р.Белой (Агеев, 1992, с.102-106).

Возвращаясь к сценариям генезиса пьяноборской культуры, рассмотрим второй, на наш взгляд, более соответствующий имеющимся археологическим материалам сценарий. Согласно ему,

появление «караабызцев» в низовьях р.Белой после IV в. до н.э. вызвало смещение носителей ямочно-шнурового «классического» ананьина на север, вверх по течению р.Камы. Там они продолжают свое существование уже в виде гляденовской культуры со всеми ее вариантами, объединяющим признаком которых является сохранение традиции ямочно-шнуровой и ямочно-гребенчатой орнаментации глиняной посуды. То есть, той традиции, которая в район Бельского устья была когда-то оттуда же и принесена.

Здесь же из «отпочковавшихся» от среднебельского этнокультурного массива «караабызцев» формируется пьяноборская культура. То есть, это она являлась локальным вариантом караабызской культуры, а не наоборот, как считают некоторые современные исследователи (Голдина, 1999, с. 242-245). Отличия компонентов материальной культуры «пьяноборцев» и поздних «караабызцев», выразившиеся, главным образом, в ассортименте вооружения и женских украшениях, объясняются, скорее всего, не этнокультурными, а экономическими факторами: тесными и стабильными торговыми связями среднебельских «караабызцев» с сарматами-прохоровцами. Именно сарматский (прохоровский) мир

Южного Приуралья являлся источником и подпиткой карабызского звериного стиля, комплекса вооружения и конского снаряжения (Савельев, 2008). И здесь нельзя не вспомнить об аналогичных проявлениях культурного влияния на носителей ахмыловской культуры и Нижнекамского варианта (Кама I) ананьинской КИО. То есть, традиция культурных связей с индо-иранским кочевым миром, сложившаяся у поволжских финнов еще в начале эпохи раннего железа, была сохранена их потомками, волею судеб оказавшимися в Приуралье.

Этническая доминанта восточных финнов в южных районах Прикамья в первой половине I тыс. н.э. очевидна. Без какого-либо явного вмешательства извне пьяноборская культура в конце II-первой половине III вв. н.э. трансформируется в мазунинскую культуру. Сейчас, после исследования Тарасовского могильника, вопрос этот можно считать решенным и не нуждающимся в дальнейшем обсуждении. Участие носителей карабызской культуры в этом процессе, возможно, и имело место, но оно было скорее всего опосредованным. Как показывает Т.И.О-станина, значение коэффициента формально-типологического сходства погребального обряда пьяноборских и карабызских могильников с мазунинскими равно 0,76 и 0,59 соответственно (Останина, 1997, с.174). Впрочем, на мой взгляд, эти показатели могут быть объяснены и просто общностью этнической основы «пьяноборцев» и «карабызцев», о чем уже говорилось выше. Тем более что современные исследователи карабызских памятников отрицают участие карабызского населения Средней Белой в генезисе мазунинской культуры (Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007, с.84).

Хотя, с другой стороны названные исследователи дают повод предполагать, что «поздние карабызцы» внесли определенную лепту в формирование мазунинской культуры. По их мнению, «наиболее вероятными разрушителями грунтовых погребений Шиповского могильника могли быть носители керамики убаларского типа. Именно убаларская керамика преобладает в верхнем горизонте Шиповского городища, а погребения, содержащие ее, в большинстве случаев не несут следов разрушения» (Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007, с.84). Этнокультурная принадлежность носителей убаларской керамики из-за малочисленности материала и слабой изученности памятников убаларского типа не может быть пока установлена с уверенностью, хотя их пришлый для рассматриваемого региона характер сомнений не вызывает. Но генетическая связь убаларской керамики с гафурийской также не может быть отброшена однозначно. Следовательно, в населении, оставившем убаларские памятники, мы можем видеть те же сарматско-угорские (или близко родственные им) племена, которые в свое время нарушили естественный ход этнической истории волжских финнов в Приуралье. Тогда получается, что именно давление этих племен вынудило поздних «карабызцев» вливаться в родственную пьяноборскую среду, и тем самым способствовать трансформации пьяноборской культуры в мазунинскую. Гипотеза, конечно, еще рабочая, но, исходя из имеющегося археологического материала, не лишенная логики.

Эпоха Великого переселения народов коренных изменений в состав этнокультурной карты южных районов Прикамья не принесла. Носители именьковской культуры Волго-Камья (протославяне – по Г.И.Матвеевой и В.В.Се-

дову, в чем их поддерживают многие современные исследователи региона) на рассматриваемую территорию практически не проникали. Население, оставившее в Нижнем Прикамье памятники типа Тураевских курганов (по Р.Д.Голдиной и Г.И.Матвеевой – выходцы из гото-славянского этнического мира, «взбаламученного» гуннским нашествием), благополучно растворилось в местном финском (мазунинском) населении. Правда, скорее всего, именно под их влиянием, во-первых, усилился удельный вес южных артефактов – поясная гарнитура и некоторые типы женских украшений – в материальной культуре племен Волго-Камья и Приуралья (Заинтересованного читателя отсылаем к материалам Тураевского и близкого к нему территориально Старо-Муштинского курганно-грунтовых могильников). Во-вторых, произошло некоторое изменение границ этнической территории прикамских финнов. В данном случае речь идет о территории бахмутинской культуры, генетическая связь которой с мазунинской сейчас можно считать бесспорной.

Таковой она может считаться потому, что все основные исследователи мазунинско-бахмутинских древностей, даже те, кто стоит на противоположных позициях относительно культурно-типологического соотношения мазунинской и бахмутинской культур – Н.А.Мажитов и Т.И.Останина – считают, что и та, и другая в этнокультурном плане едины. Только по Н.А.Мажитову, бахмутинская культура – это результат вливания в «раннебахмутинскую» среду пришлого населения, принесшего с собой характерную круглодонную керамику, сплошь покрытую ямочными наколами (Мажитов, 1987, с.125). По Т.И.Останиной, она же

– есть следствие активной ассимиляции местного «мазунинского» населения пришлыми племенами турбаслинской и кушнаренковской культур (Останина, 1997, с.181). То есть, разница во взглядах исследователей на происхождение бахмутинской культуры только терминологическая: местный этнический субстрат был все-таки «мазунинским» или «раннебахмутинским»?

Генетическую преемственность по линии «пьяноборье – мазунино - бахмутино» очень четко конкретизировал в своих исследованиях Ф.А.Сунгатов, сделавший сравнительно-статистический анализ погребального обряда указанных культур. Опираясь на хронологию Бирского могильника, разработанную А.Н.Султановой, он выделил на нем группу ранних (III-V вв. – 418 погребений) и группу поздних (V-VIII вв. – 274 погребения) погребений. Сравнив их по 42 альтернативным признакам обряда с погребениями карабызской (223 погребения), пьяноборской (165 погребений) и мазунинской (697 погребений) культур, исследователь получил следующие результаты (табл.3).

Используя критерий значимости $R=0,95$, мы видим, что что пьяноборские, мазунинские и ранние погребения Бирского могильника (те же самые мазунинские) образуют замкнутый типологический блок с показателями коэффициента сходства 0,83-0,86. То есть, вне всякого сомнения, это – памятники одной культуры и, соответственно, одной этнической принадлежности. А от мазунинских погребений III-V вв. прямая генетическая линия ведет к поздним бирским (бахмутинским) ($C_2 = 0,81$).⁶

Все исследователи бахмутинской культуры настойчиво проводят мысль об

6-Все эти данные взяты из главы 4 «Этнокультурные процессы в Приуралье в IV-VIII вв. н.э.», написанной Ф.А.Сунгатовым для несостоявшейся коллективной монографии «Этническая история Южного Урала в эпоху средневековья», с любезного согласия автора.

участии в ее происхождении пришлого этнокультурного элемента - турбаслинского и кушнаренковского. Основной упор при этом делается на обработанный М.С.Акимовой антропологический материал Бирского могильника (раскопки Н.А.Мажитова конца 1960-х годов). Хотя выводы самой исследовательницы сводятся к тому, что смешение пришельцев с местным мазунинским/раннебахмутинским населением шло в направлении ассимиляции первых вторыми (Акимова, 1968, с.64,83). К еще более радикальным выводам относительно роли турбаслинских племен в расогенезе бахмутинского населения приходит Р.М.Юсупов, утверждающий, что «турбаслинцы» – выраженные европеоиды южного типа – с мазунинско-бахмутинским населением (представителями уральской расы) если и контактировали, то не значительно и вообще «их («турбаслинцев» – В.И.) участие в расогенетических процессах в крае в последующее время не прослеживается» (Юсупов, 2002, с.33 и сл.).

* * *

Таким образом, археологические и антропологические материалы совершенно определенно указывают на то, что первая половина I тыс.н.э. в южных районах Прикамья и Приуралья протекала при выраженной восточно-финской этнокультурной доминанте. Завершается этот период вытеснением «бахмутинцев» носителями кушнаренковской культуры (уграми) на запад, в результате чего восточная граница восточно-финского (по Р.Д.Голдиной – пермского) массива «сместилась на запад и стала проходить по Каме, являвшейся естественной преградой на пути массового притока кочевников» (Голдина, 1999, с.309). Позже такой отчетливо выраженной восточно-финской (или финно-пермской?) этно-

культурной доминанты в Камско-Бельско-Уфимском междуречье мы уже не наблюдаем.

© Иванова М.Г., Степанов Г.А., 2009
Исследования поддержаны
Программой интеграционных и
междисциплинарных проектов
фундаментальных исследований УрО
РАН на 2009-2011 гг.

М.Г. Иванова, Г.А. Степанова
ФОРМИРОВАНИЕ
ИСТОЧНИКА ДЛЯ
КОМПЬЮТЕРНОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА
МАТЕРИАЛАХ ГОРОДИЩА
ИДНАКАР)

В процессе получения фундаментальных научных знаний в реконструкции этапов культурно- и социогенеза, элементов мировоззрения и общественной организации наряду с общепризнанными методами все большее признание получает разработка теоретических и методических проблем сохранения историко-культурного наследия. Наиболее вероятной возможностью реализации намеченной задачи является создание пространственной компьютерной модели археологического памятника на основе материалов раскопок. Однако для корректного ввода источников в базы данных требуется существенный пересмотр методов полевых и лабораторных (камеральных) исследований.

Со всей остротой такая проблема встала перед авторским коллективом в исследованиях древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. Ориентация археологических работ на создание компьютерной модели потребовала смены отношения к выборке слоя, фиксации и обработке артефактов. В настоящее время в качестве обязательного элемента методики раскопок введены инструментальные замеры и единая трехмерная система координат. Разработанный формат полевой документации определил структуры создаваемых баз данных находок и слоев. Кроме того, документирование результатов археологических раскопок на основе технологии компьютерного картографирования в среде геоинформационной системы (ГИС)

MapInfo позволила создавать цифровые карты планиграфических и стратиграфических разрезов культурного слоя как основы восстановления планировки городища.

Использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации материалов, их документирования, хранения и обработки, разработка механизмов определения функциональной специализации отдельных участков расширили возможности детального изучения, интерпретации объектов и реконструкции городища на всех этапах развития с проработкой хронологических рамок структурных частей и периодов. Кроме того, были созданы условия для дальнейшего развития этого направления – разработке **пространственной модели** культурных напластований памятника, которая включает модели всех объектов и слоев, зафиксированных в процессе раскопок. Задача моделирования состоит в максимально точном восстановлении формы, геометрических параметров и особенностей взаимного расположения каждого из объектов. Созданная пространственная модель является полноценным «образом» культурного слоя памятника. Кроме геометрических параметров, она включает свойства всех компонентов культурного слоя, например, структуру, состав, материал, морфологию, технологию изготовления, датировку и пр.

Специфика исследований городища обусловлена длительным периодом его функционирования на протяжении четырех столетий, постепенным расширением территории, неоднократной перепланировкой участков застройки (отдельные объекты планировки подновлялись, полностью перестраивались, некоторые из них забрасывались, на их месте строились новые, подчас совсем другой функциональной направленности). Из-

за неудовлетворительной сохранности сооружений из дерева в слое поселений лесной зоны особое внимание уделено идентификации слоев, которые определяют структуру культурных напластований памятника.

Культурное напластование городища мощностью от 0,7–1,4 м, в ямах – до 3,0 м, представляет собой серию отдельных почвенно-литологических образований с различным набором слоев и разной степенью их планиграфической и стратиграфической концентрации на том или ином участке. На настоящий момент с учетом камней и остатков дерева выделено 33 слоя, каждый из которых содержит специфический набор информации, отражающий факторы их формирования (Таблица 1).

Многообразие элементов структуры культурных отложений потребовало обоснованного вычленения тех из них, которые могли бы являться маркерами наличия или функциональной характеристики объектов планировки. Возникшие в ходе исследований проблемы анализа и интерпретации слоев в соответствии с поставленными задачами привели к необходимости поисков методических приемов их решения. Процесс интерпретации материала включил следующие этапы:

выявление в культурных отложениях следов, соотносимых с объектами планировки;

определение пространственных взаимосвязей слоев, отождествляемых со следами объектов планировки, определение уровней их стратиграфического расположения относительно друг друга;

определение функциональной на-

правленности.

Предварительный анализ показал информационную неравноценность исследуемых материалов. Поэтому для изучения свойств, признаков и состояния культурного напластования использованы материалы исследований последних 10 лет, проводившихся с использованием новых подходов к фиксации.

Установление групповых идентификационных признаков базировалось на визуальном пространственно-морфологическом анализе слоев с учетом объема занимаемого пространства; морфологических характеристик (цветность, структура, характер границ); пространственной взаимосвязи с другими слоями; предметного наполнения. Следует указать, что количественных параметров, связанных с пространственными характеристиками слоев, для объекта анализа установить невозможно. В основу положено их визуально фиксируемое метрическое соотношение.

По объему занимаемого пространства в культурном напластовании выделено две категории.

Первая категория включила слои № 12, 12а, 10, 10б, заполняющие основную часть пространства культурного напластования по всей исследуемой площади в виде непрерывных массивов с локальными включениями слоев с другими морфологическими характеристиками. Основные слои имеют значительную мощность (20–70 см), закономерностей их стратиграфического залегания не прослежено.

Слои этой категории имеют однородную рыхлую структуру, ровную тонкую, близкую по цвету темную

7-Слой 10 б, согласно принципу группировки, может соответствовать критериям выделения обеих категорий. В нижней части стратиграфической шкалы его пространственные параметры соответствуют слоям первой категории; при расположении в центральной части стратиграфической шкалы – соответствует слоям второй категории.

окраску с небольшой оттеночной разницей. Иногда внутри слоя наблюдаются плавные переходы от слабой цветовой насыщенности к более сильной. Границы при переходе одного слоя в другой (в случае их соседства), как правило, размыты и плохо читаемы в плане, но могут проявляться на стратиграфических разрезах. Встречаемость находок относительно равномерна, в некоторых случаях достаточно высока.

Эта категория отличается близостью основных визуально фиксируемых признаков и составляет в большинстве случаев фон для слоев других морфологических характеристик, поэтому условно определена как «фоновые культурные слои».

Ко второй категории отнесены слои № 5–9, 10а, 10б⁷, 11, 13, 14, 15, 15а, 16, 16а, 17, 19, 22–25 с ограниченными пространственными параметрами, которые занимали небольшие локальные участки. Мощность их не превышает 2–20 см, в редких случаях достигает 30 см. Они разнообразны по структуре (рыхлые, плотные, смешанные), характеризуются контрастным, относительно ярким разнообразным окрасом (однотонные – светлые и темные; пестроцветные). Границы их, за редким исключением, четкие, хорошо фиксируемые в плане и в профиле. Внутри групп слои разделились по цветности и структуре:

с однородной структурой и цветом (№ 5-9, 10а, 10б, 10в, 11, 14, 19, 22);

неоднородной структуры, создающей ее пеструю окраску (вариации слоя № 15, 16, 24).

Среди однородных слоев выделяются светлые желто-коричнево-красных оттенков, преимущественно плотной структуры без находок (№ 5–7) и темные ярких тонов рыхлой структуры с находками (№ 8, 9, 10а, 10б, 10в, 11, 19,

22). Помимо структурно-цветовых признаков, эти слои отличает отсутствие находок в светлых плотных слоях. Стратиграфической закономерности их расположения не прослежено.

Их особенностью является визуально фиксируемое планиметрическое и стратиграфическое групповое расположение – не менее двух-трех видов слоев в группе. Особо отличаются плотные светлые слои, не содержащие находок и неоднородные с пестрым составом (пестроцветные, композитные), содержащие включения слоев обеих категорий.

Культурное напластование является особым способом сформированным наслоением грунтов, и его срез представляет собой почвенный профиль. Поэтому в качестве идентифицирующих образцов использованы характеристики почвенных горизонтов естественных и антропогенных ландшафтов.

В результате сравнительного анализа определено, что набор признаков слоев первой категории более соотносится с естественными слоями верхних гумусовых горизонтов, нередко отличаясь только наличием находок. Поэтому можно предположить и схожий процесс их накопления – постепенное ритмичное формирование при стабильном наборе факторов.

Сходство слоев второй категории с горизонтами естественного профиля минимально (небольшие углистые и зольные прослойки и пятна – следы огня; пестроцветные пятна, следы вывернутых деревьев). Подобные слои в естественном профиле встречаются в исключительных случаях, т.е. не свойственны общему процессу слоеобразования и, как правило, образованы в результате ограниченных во времени случайных воздействий (пожары, костры, ветровалы и пр.). А плотные светлые слои

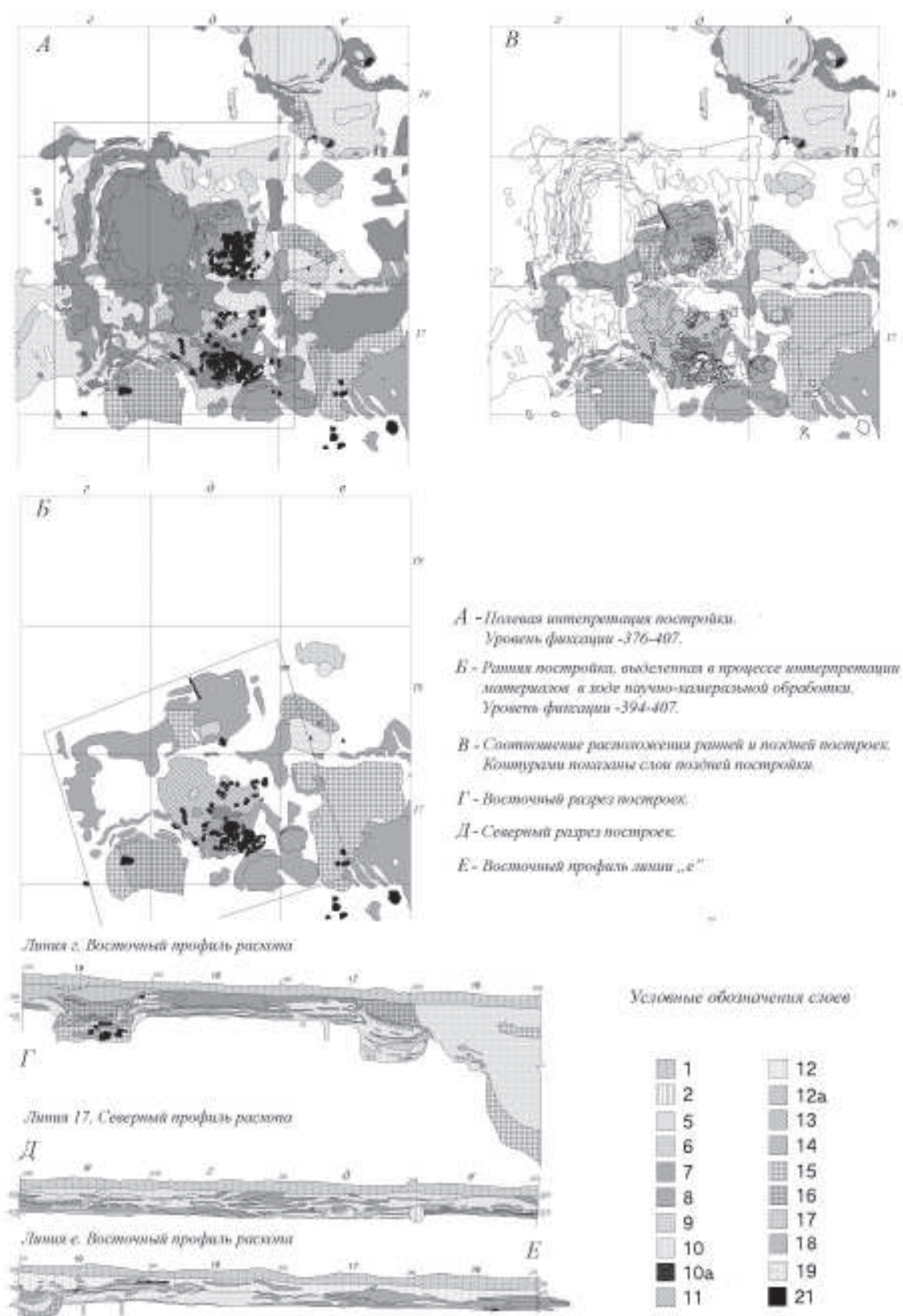

Рис.1. Иднакар. Материалы исследований 1997г.

имеют почти полное сходство с материнскими породами горизонтов почвенных профилей, отличаясь только объемом занимаемого пространства и неустойчивым стратиграфическим местоположением. Поэтому можно предположить, что фоновые слои образованы в результате пассивного и стабильного функционирования, а отложения второй категории практически не обнаруживают схожих черт с горизонтами естественно-го профиля:

плотные светлых тонов по морфологическим свойствам аналогичны слоям естественного образования, но при этом их пространственное расположение в профиле противоречит естественным закономерностям их формирования, но не редкость для профилей антропогенных ландшафтов – перемещенные, насыпные;

пестроцветные слои образованы в результате нарушения поверхности, инородных привнесений и под влиянием факторов, вызывающих их перемешивание. В горизонтах природного почвенного профиля они встречаются редко, но характерны для антропогенных грунтов;

рыхлые однородные темных тонов отличаются от фоновых выраженной яркостью, которой не может быть в естественных условиях. Из визуально и тактильно определяемых к ним можно отнести сильно гумусированные слои.

Морфологические характеристики слоев этой категории позволяют говорить об относительно кратковременном периоде их формирования в результате активного и преобразующего вмешательства человека в процесс слоеобразования.

Реконструкция формирования выделенных слоев может быть основана на анализе грунтовых отложений, возникающих при традиционном строительстве. Вероятно, этот процесс аналогичен про-

цессу возникновения и функционирования древних поселений: строительство жилых и подсобных построек, их эксплуатация, приводящая к постепенному износу, капитальная перестройка, или их «ликвидация» (разборка, забрасывание и постепенное разрушение). Соответственно, можно предполагать определенное сходство в процессе и факторах их образования.

Как и в современности, процесс освоения участка территории происходил поэтапно: подготовка, застройка площадки, последующее обустройство и ее использование.

Начальным этапом планировочной организации участка территории является его подготовка под использование. Это принято и в современной практике строительства, основанной, как известно, на многовековом опыте народного строительства, отмечено и исследователями древних поселений (Семенов, 1979. С. 150).

Подготовительные работы включают уничтожение имеющейся растительности, что обосновано препятствованием застройке древостоя и целями гигиены. В более древнее время этому процессу могли придавать сакральный смысл (Садиков, 2001. С. 103). Результатом этой деятельности является образование углистых и зольных прослоек и пятен. Далее при необходимости происходит выравнивание поверхности («срезка» или засыпка естественных и искусственно образованных неровностей, удаление почвенного слоя с участков). При проведении этих работ возникают условия смешения разнородных грунтов, которые могут выглядеть как неравномерные пестроцветы с различным набором, долей и объемом включений различного механического состава и цветности. Состав и цветность будут

№ слоя	Описание слоя	Категории слоев культурного напластования				Примечание
		1 категория	2 категория			
			фоновые	строительные	сопутствующие	
1	2	3	4	5	6	7
1.	Темно-серый с буроватым оттенком ровно окрашенный суглинок, мощностью 0,20–0,30 м с четкой ровной нижней границей; с находками; фиксировался только в верхней части культурного напластования.					Разрушенный пахот
2.	Перемешанные слои различного состава и цветности, встречаются яркие ровно окрашенные, очень рыхлые, мощностью до 0,95 м, границы четкие; встречаются в виде врезок в культурное напластования, как правило, вертикальное расположение их идет от современной поверхности; содержит находки.					Разрушения современным испс так же норы, разрул системой и пр.
3.	Красно-коричневая плотная, однородная тяжелая глина, иногда чередуется с линзами коричневых или красных суглинков с голубоватыми вкраплениями, местами переходит в песок от серых до красноватый оттенков; залегает на глубине 0,70-3,0 м от поверхности, верхняя граница четко фиксируема; находок не содержит.					Естественный матер
4.	Серый ровно окрашенный с коричневатым или зеленоватым оттенком плотный однородный суглинок мощностью 0,03–0,20 м преимущественно с четкими границами; иногда верхняя граница не прослеживается; фиксировался под культурным напластованием; в верхней части встречаются находки.					В археологическ определен как пред представляет соб гумусовый горизонт (почву).
<i>а</i>	Аналогичен слою № 4, ярко-красного цвета, нижние границы размыты, окрас неравномерный, в верхней части более интенсивный; встречается небольшими линзами в слое № 4; без находок.					Образованы в результате термического воздействия; вох предматериковый с.
<i>б</i>	Аналогичен слою № 4а, но имеющий черный, иногда с буроватым оттенком цвет; границы размыты, встречается небольшими линзами в слое № 4, находок не содержит.					
5.	Желто-коричневый, иногда серый, однородный плотный переотложенный песок; встречается в виде прослоек мощностью 0,10 м; границы, как правило, четкие; находки в этом слое крайне редки. Культурный слой.					Встречается преим районе древних сс рядом с ними.
6.	Плотная необожженная глина различных оттенков (от желтого до красно-коричневого) часто с примесью отличающейся глины в виде крупинки и небольших пятен, с четко фиксируемыми границами. Встречается прослойками мощностью 0,20 м в фоновых слоях; находок, как правило, не содержит, в нижней части напластований имеет светлый желтый цвет и отличную от основных слоев пластичность. Культурный слой.					Встречается хозяйственных ям заполнении

Таблица 1. Характеристика слоев культурного напластования Городища Иднакар

7.	Обожженная однородная или комковатой структуры глина, часто с примесью инородной глины с четко фиксируемыми границами, при высыхании может изменять цвет на более светлый; встречается в виде прослоек мощностью от 0,04 до 0,40 м; находки присутствуют в исключительных случаях. Культурный слой.				Встречается в сооружениях, хозяйств вокруг них.
8.	Черный, углистый или гумусовый, насыщенный углем, слой с четко фиксируемыми границами, в части случаев границы размыты; при высыхании приобретает более светлый цвет и сероватый оттенок; встречается в виде пятен и прослоек различной мощности, но не более 10 см. Не содержит находок. Культурный слой.				Встречается, преим области сооружений.
9.	Зола различных оттенков от белого до розового и серого; встречается в виде прослоек и пятен (линз) мощностью 0,02–0,20 м; в редких случаях – прослойками в массивах суглинистых или гумусовых слоев; границы могут быть как четкими, так и размытыми; находки редки. Культурный слой.				Встречается в границах иногда с каменными кл границам пятна.
10.	Темно-коричневый, буроватый ровно окрашенный гумус, иногда с мелкими включениями глины, границы не всегда четкие (в зависимости от характера сопряженного слоя), встречается большими массивами, преимущественно под слоями 12а, реже 12. Содержит находки. Культурный слой.				
а.	Темный, почти черный однородный ровно окрашенный гумус, при высыхании приобретает серовато-черный оттенок; границы не всегда четкие (в зависимости от характера сопряженного слоя). Встречается в любой части культурного напластования в виде относительно больших массивов. Может содержать находки. Культурный слой				Встречается сооружений и хозяйств
б.	Темный, иногда с преобладанием буровато-зеленоватого оттенка гумусированный слой, часты случаи мелких фрагментов дерева (щепы?) и мелких включений светло-желтой пластичной глины, границы не всегда четкие; встречается в виде достаточно больших массивов, преимущественно в нижней части культурных напластований и небольшими областями в других частях стратиграфической вертикали; частота встречаемости находок значительно реже, чем других гумусовых слоях. Культурный слой.				Иногда встречается построек.
в.	Введен в 2002 г. Основные характеристики черного гумуса (слой № 10а), но с большим количеством примеси древесных включений, часто встречаются пятна тлена; границы слоя размыты, мощность не велика, ориентировочно не более 0,05–0,10 м; встречаются находки. Культурный слой.				Встречается сооружений.
11.	Темный, почти черный с буроватым оттенком жирный гумус с большим количеством органики (?), сажки (?), чаще всего с размытыми границами; встречается в виде прослоек или небольших пятен; при высыхании сохраняет темно-бурый или черный цвет и «мокрый» эффект, может содержать находки. Культурный слой.				Встречается в ра планировки, а так сооружений и я комплексов.
12.	Светло-серый однородный ровно окрашенный легкосуглинистый слой (возможно, с включением золы) мощностью до 0,4 м, залегает в верхней части культурных напластований преимущественно сразу под слоем пахоты; границы в плане фиксируются не всегда четко, чаще всего наблюдается постепенный переход к слою № 12а; в профиле границы в большинстве случаев фиксируются четкой ровной линией. В наполнении – разнохарактерные находки; при высыхании имеет ровный серый цвет. Культурный слой.				Отличить изолиров друга слои 12 и 12а сложно. Разница на только когда эти сл общую границу. Пр еще не встречен на
а	Темно-серый однородный ровно окрашенный среднесуглинистый слой мощностью до 0,3 м; залегает большими массивами преимущественно под слоем № 12, но может встречаться на любом участке стратиграфической вертикали; в плане границы размыты, иногда не прослеживаются; в профиле отделяется от слоя № 12 четкой ровной границей; в наполнении часто встречаются разнохарактерные находки. Культурный слой.				Есть возможность что различие в эти природным фактор вымывания и вымыв;
13.	Плотный суглинок с размытыми пятнами гумуса, достаточно однородный, с четкими границами; встречается в виде прослоек мощностью до 0,05 м, или в виде небольших массивов. Находки не встречены. Культурный слой.				Встречены преим области пос хозяйственных ям.
14.	Коричневая различных оттенков переотложенная опесчаненная глина с четко фиксируемыми границами мощностью от 0,02 до 0,30 м; встречается как в виде небольших прослоек и линз, в плане в виде массивов; иногда обнаруживается примесь песка в виде мозаичных пятен с размытыми границами. Находки отсутствуют. Культурный слой.				Встречен в области ям.

Таблица 1 (ПРОДОЛЖЕНИЕ). Характеристика слоев культурного напластования Городища Иднакар

15.	Пестроцветный слой гумуса или серых суглинков, перемешанных с большим количеством глинистых включений различной цветности в виде крупинок или пятен разной величины, границы могут быть как четко фиксируемыми, так и размытыми; мощность его от 0,10 до 0,50 см; встречается в виде небольших пятен и достаточно больших массивов; находки редки. Культурный слой.					Встречается чаще в сооружениях и заполов
а.	Пестроцветный слой, состоящий только из смешения разноцветных глин (чаще всего серая плотная в сочетании с коричневыми и красновато-коричневыми глинами), каждая из них может выступать как в качестве основы слоя, так и в качестве примеси, мощность от 0,20 м. Границы, как правило четкие, размытость наблюдается только в случае постепенного перехода между слоями № 15а, 16а, 6, иногда и в гумусовые слои, 10б; находки редки. Культурный слой.					Встречается преим придонных частях вдоль их границ.
16.	Пестроцветный слой гумуса или суглинка, перемешанного с большим количеством глины различной цветности и угля, границы могут быть как четко фиксируемыми, так и размытыми; мощность в пределах 0,10–0,50 м, находки редки. Культурный слой.					Встречается в сооружениях, в заполов
а.	По характеру фиксации границ, мощности и составу основы и наполнению аналогичен слою № 15а, отличается только добавлением крупинок и/или фракций угля. Культурный слой.					Встречается преим придонных частях вдоль их границ.
17.	Плотный слой мелких кальцинированных костей, иногда с примесью золы, гумусовых или суглинистых слоев, линия границы как четко фиксируемая, так и размытая; встречается в виде линз и прослоек, мощность до 0,4 м; находки редки. Культурный слой.					Встречается вблизи ям, а так же в за столбовых ямок.
18.	Спекшийся слой золы и гальки мощностью до 0,12 м; встречен в виде линзы. Культурный слой.					Встречен в един небольшой области входил.
19.	Светло-серый слой с вкраплениями фракций угля, часто с нечеткими границами; встречается в виде пятен в слое № 12 и 12а; с находками. Культурный слой.					
20.	Номер принят для обозначения остатков деревянных конструкций и иных достаточно больших фрагментов дерева, а также обгорелых плах.					
а.	Номер введен для обозначения древесной трухи.					
б.	Номер установлен для обозначения древесного тлена черно-бурого цвета.					
21.	Номер введен для обозначения камней.					
22.	Бурый, местами почти черный гумус; встречается в виде тонких прослоек и пятен в нижней части культурных напластований преимущественно на границе культурного и предматерикового слоя. Находки редки.					Определен как л поверхности – (дер)
23.	Номер введен для деформированных термическим воздействием рыхлых слоев, подробные характеристики дать достаточно сложно: цвета размыты, встречаются от белого до красного и серого тонов, границы размыты, встречен на разных уровнях.					процесс проведения слое затруднен из-за и сыпучести. В области сооружения
24.	Выделен в 2003 г. Плотная серая глина с ярко выраженными остатками дерева, границы, как правило, фиксируются четко, но иногда наблюдается его плавный переход в черные гумусовые слои. Мощность варьируется в пределах 0,10 м. Находки не встречены. Культурный слой.					Встречается пс котлованов нижн Образцы для ср найдены, опреде предварительный х
25.	Выделен в 2003 г. Представляет собой прозрачные пятна зеленовато-желтого тона, через которые, как правило, просвечивает основной слой. Пятна эти, как правило, не имеют профиля. Судя по наблюдениям, они чаще всего сопровождают массивные деревянные остатки и могут повторять форму столбов и бревен.					Такие пятна ранее столбовые ямы н Позднее зафиксиро других слоев. образования не яс найдены.

Таблица 1 (ПРОДОЛЖЕНИЕ). Характеристика слоев культурного напластования Городища Иднакар

соответствовать грунтам, «участвующим» в этом процессе и, прежде всего, слоям местного почвенного профиля. При перепланировке территории возникает возможность участия в формировании пестроцветов и успешных образоваться «фоновых слоев». В их составе могут встречаться и включения перемещенных (плотных) грунтов, применяемых в строительстве.

В результате подготовки территории к ее последующему использованию могли быть образованы слои № 9, 15, 15а, 16, 16а, в некоторых случаях – 8, небольшие участки переотложенных материковых слоев № 5, 6, 14.

Процесс возведения самой постройки связан с подготовкой и использованием строительных материалов (обработки дерева; обжиг столбов или нижних венцов сруба и т.д.), формированием оснований сооружений и возведением конструкции.

Народное домостроительство предполагает использование таких грунтов как глина, песок, гравий, щебень и др., в некоторых случаях применяются смеси глин, гравия и песка и т.д., при закладке фундаментов могут применяться камни. Эти материалы используются преимущественно при формировании искусственных оснований капитальных построек, прежде всего, жилищ (Егоров, 2002. С. 76–81; Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия. С. 664). Использование указанных перемещенных слоев в строительстве обусловлено характеристиками грунтов естественных оснований, а так же нормами гигиены (Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия, с. 662).

Процесс формирования оснований сооружений также связан с направленным или случайным перемешиванием различных грунтов при рытье ям, выемке котлованов и т.д. Вынутый грунт ес-

тественных почвенных горизонтов перемешивался с уже находящимися на поверхности, часть его спадала в котлованы, образуя пестроцветную окантовку сооружений между краем котлована и ограниченным внутренним (функциональным) пространством, а также прослойку на дне (между линией пола и дном котлована).

При подготовке строительного материала (дерева) попавшие на поверхность отходы обработки постепенно перемешиваются с поверхностным грунтом как в процессе строительства, так и последующего функционирования площадки (втаптывание), перекрытия нарастающим новым слоем, перемешивание с ним до постепенной консервации. Подобным образом может быть сформирован слой 10б, а в определенных условиях (выжженная поверхность; перепланировка территории на участках активного использования и др.) – 10в, 10а.

В практике народного строительства при формировании основания постройки, подготовке и обработке материалов нередко прибегали к обжигу оснований столбов, деревянных комлей для «стульев», нижних венцов сруба (Садиков, 2001. С. 53). Огонь использовался и для прокалывания (укрепления или сушки) глинистых площадок и котлованов. Вследствие этого могли образоваться пятна кострищ, содержащие угли и золу, следы прокалов подстилающих слоев и т.д. Можно предположить подобный процесс образования для слоев № 4а, 4б, 8, 9, 23. В период последующего обустройства и функционирования площадки они могли смешиваться с другими слоями и формировать пестроцветы (слои № 16, 16а).

Таким образом, образование слоев № 4а, 4б, 8, 9, 23, а так же 15, 15а, 16, 16а можно связывать и с процессом строительства.

При использовании глинистых и суглинистых грунтов, песка и камней для формирования искусственных оснований построек, изоляционного покрытия и фундаментов, могли образоваться слои № 5, 6, 7, 14.

Третий этап связан с искусственным (дополнительное выравнивание площадки, ее огораживания и др.) или естественным (стихийное формирование жилой среды) обустройством территории, при котором так же могут формироваться пестроцветы (слои № 16, 16а). При отсутствии специального обустройства происходит консервация стихийно растащенных кострищ, остатков грунтов, приготовленных для формирования искусственных оснований построек, мест обработки дерева (слои № 8, 9, 10б, незначительные остатки слоев № 5, 6, 14).

Четвертый этап – стадия бытования, для которой характерна ритмичность функционирования на длительном отрезке времени. Сложившаяся к этому моменту планировка предполагает наличие участков активного и пассивного использования. Соответственно, формирование и накопление слоев на таких участках будет различно. Цветность, структура и предметное наполнение будут свидетельствовать о характере производимой человеком деятельности на каждом участке.

На участках активного использования формирование слоя будет зависеть от направления деятельности: обработка и производство сельскохозяйственной продукции; различные виды ремесленного производства, в том числе, с использованием огня; складирование и рубка дров; хозяйственное использование (помещение, загон, навесы для скота) и др. В результате этого могут формироваться слои № 8, 9, 10а, 11, 17, 19 и пестроцветы соответствующих составов.

В качестве частных признаков, указы-

вающих на непосредственный характер использования площадки, будут выступать количественный и качественный набор предметного наполнения, прежде всего, массовые категории находок.

* * *

Таким образом, в процессе идентификации все слои культурного напластования городища разделены на интерпретационные группы с условными названиями:

Строительные – слои, связанные с возведением искусственных оснований и изоляции сооружений: плотные светлые однородные слои, формирующие глинобитные площадки № 5, 6, 7, 13, 14.

Сопутствующие слои, образованные в процессе возведения сооружений и функционирования отдельных участков городища в период его бытования. Формирование их носит сопутствующий характер. К ним можно отнести различные виды пестроцветов, слои, насыщенные строительными остатками, связанные с временным использованием огня № 8, 9, 15, 15а, 16, 16а, 19, 23, 24, а так же № 4а, 4б.

Функциональные слои связаны с длительным активным использованием отдельных участков однотипной деятельности (№ 8, 9, 10а, 17, 23, 4а, б).

Фоновые № 12, 12а, 10 сформированы в процессе функционирования городища без активного вмешательства человека в период бытования поселения.

Выделенные интерпретационные группы показали, что некоторые слои одновременно могут выступать и как сопутствующие, и как функциональные (№ 8, 9, 23, 10б).

По своим генетическим характеристикам, слои № 4а, 4б; 8; 9; 23 связаны с горением. Следы огня соотносятся не только с технологическим процессом сооружения построек. Они логично связаны с организацией быта (обогрев помещений, приготовление пищи); производственной

[illegible][illegible]

явился у представителей т.н. крепостной интеллигенции.

В.А. Волегов происходил из семьи крепостных и получил образование в Школе горнозаводских и лесных наук. Показав себя как талантливый управленец, Волегов был назначен главным управляющим имений Строгановых (с 1846 по 1864 гг.), центр которых находился к этому времени в селе Ильинском. Волегов, заинтересовавшись древностями, собирал, прежде всего, случайные находки. Сведения об его собрании впервые встречаются в описаниях П.И. Мельникова. Эта коллекция состояла из разного рода медных и бронзовых фигурок, бляшек, подвесок, пронизок и т.д. П.И. Мельников свидетельствует и об обстоятельствах появления этого собрания: «Близ села Ильинского есть Чудское Городище на Масляной-Горе, на берегу реки Масляной, впадающей в Обву... Около этого-го городища были вырыты в разные времена те вещи, которые хранятся теперь в кабинете г. Волегова. Время открытия их между 1830 и 1839 гг.» (Мельников, 1841, с. 4 - 5).

Чем был вызван непосредственный интерес В.А. Волегова к предметам древности, почему он заинтересовался сбором археологической коллекции, точно неизвестно, нет никаких сведений об этом. Возможно, определенное влияние на В.А. Волегова оказал его старший брат, известный историк-краевед Федор Алексеевич Волегов, который, прежде всего, собирал письменные источники по истории края. Ф.А. Волегов состоял в переписке с издателем журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньиным, в котором печатались материалы по археологии и древней истории России в жанре записок путешественника. По словам А.А. Формозова: «Для широких кругов читателей они явились фактически одним из первых источников сведе-

ний о памятниках прошлого России» (Формозов, 1967, с. 209).

В.А. Волегов не только собирал археологические древности, но и с помощью способных мальчиков, учившихся в школе села Ильинское, а также крепостного рисовальщика Г.К. Козьминых зарисовывал их в альбом, записывал условия находок и обстоятельства приобретения.

Традиция частного коллекционирования древностей не прервалась в селе Ильинском и после смерти В.А. Волегова, но теперь она была инициирована личным участием С.Г. Строганова. Личность такого масштаба, страстный коллекционер, создатель Императорской Археологической Комиссии, конечно, был заинтересован в том, чтобы в пермских имениях после Волегова появился посредник в приобретении предметов древности.

Им стал А.Е. Теплоухов, новый главный управляющий и лесничий, личность замечательная и неординарная, о чем, в том числе, говорят и его успехи за время обучения и его деятельности в качестве главного лесничего.

Инициатива в коллекционировании археологических находок в первое время исходила не от него самого, а от С.Г. Строганова, который обратился с письмом к А.Е., содержащим просьбу приобретать интересные находки и высылать их в Петербург. Но стремление выполнить данную просьбу очень быстро переросло в увлечение и собственное коллекционирование древностей. А.Е. Теплоухов выкупил у вдовы Волегова часть его собрания, чем, видимо, заложил ядро своей коллекции. Заинтересовавшись археологией, А.Е. Теплоухов привлек к делу собирания древностей лесничих, народных учителей, передовых крестьян. Торговцы везли ему любопытные «штучки» из самых далеких и

глухих местностей. Теплоухов не жалел денег для покупки интересных предметов, много переплачивая продавцам... Находчик опрашивался по возможности подробнее; его показания записывались и хранились. Вследствие этого собрание Теплоухова представляет в высокой степени ценный научный материал, а не беспорядочную грудку занятых вещей, как, к сожалению, некоторые частные и даже музейные собрания» (Шмидт, 1926, с. 75).

Назвать его дилетантом от археологии невозможно, поскольку интерес коллекционера быстро перерастает в интерес исследователя. Ведется дневник находок, сам А.Е. во время заграничной поездки по Европе интересуется всеми новейшими технологиями хранения и учета археологических древностей. В конце концов, появляются научные публикации, сначала в заграничных изданиях, а потом и в России.

Наверное, он был бы заинтересован и в популяризации своего собрания, но тревоги относительно С.Г. Строганова, боязнь потерять свое любимое детище, привели к тому, что о публикации коллекции не могло быть и речи. Это будет сделано сыном А.Е., Федором Александровичем, которому после смерти отца достанется не только сама коллекция, но и должность управляющего. Таким образом, складывается семейная традиция коллекционирования древностей, которая прервется в 1917 г., и коллекция будет вывезена в Пермь, в Пермский музей, без особых церемоний в отношении владельцев. В одном из писем из переписки относительно этого собрания будет сказано, что коллекции такого масштаба место не в селе Ильинском, а в таком крупном центре, как Пермь.

По-своему складывается история коллекционирования древностей в Казанской губернии, здесь именно Казань

стала центром собирательства, одним из важных факторов в этом отношении стало создание Казанского университета. По мнению К.А. Руденко, к 1840-50-м гг. складывается казанская историко-археологическая школа, а первыми профессиональными коллекционерами стали преподаватели университета (Руденко, 2007, с. 223).

Интересна в этой связи личность профессора истории С.В. Ешевского, с которым связана и история музея археологии при Казанском университете. Он выступил и как коллекционер древностей, в том числе и Пермского края, и как первый историк коллекций. В 1859 г. в «Пермском сборнике» Ешевский публикует статью о пермских древностях, которая может считаться одной из первых научных публикаций.

Отмечая слабую изученность Пермского края с точки зрения истории и археологии, С.В. Ешевский отмечает, что территория эта богата памятниками и древностями. И в результате, археологические памятники «разрываются кладоискателями, убежденными что под этими насыпями искали со своими сокровищами последнего убежища Чудаки или Чудь, не хотевшие покориться власти Русских и принять христианство» (Ешевский, 1859, с. 133).

«Большая часть золотых и серебряных вещей попадает в плавильный горшок, или безвестно хранится в руках немногих любителей», «почти все ценные вещи пропадают для науки» (Ешевский, 1859, с. 133).

Обращаясь к редакции Пермского Сборника, С.В. Ешевский предлагал содействовать собиранию и приведению в известность памятников Пермской старины, определив ряд задач:

1). Собрать и перепечатать или вполне или в извлечениях отрывочные указания и известия о памятниках и

древностях Пермской губернии, которые рассеяны по разным сочинениям и периодическим изданиям (Ешевский, 1859, с. 136).

Таким образом, в Пермском Сборнике могли бы быть помещены: а) список и описание известных археологических памятников, находящихся на территории Пермской губернии; б) указания на изображения, которые встречаются на скалах и камнях, по берегам рек и описание их; в) список находок, о которых есть печатные сведения (Ешевский, 1859, с. 137).

2). Привести в известность собрания, находящиеся в руках частных лиц, и издание рисунков (Ешевский, 1859, с. 137).

3). Редакция, находясь на месте и имея довольно обширные сношения, могла бы содействовать отысканию и собиранию древностей или новых описаний там, где прежние недостаточны (Ешевский, 1859, с. 138).

В своей статье автор описывает и приводит рисунки собственной коллекции, в том числе и предметов пермского звериного стиля: зооморфных изображений – 7 предметов, антропоморфных изображений и птицевидных – по 3 предмета.

Среди других коллекций пермских древностей, С.В. Ешевским особо отмечаются собрания графа Строганова и Казанского университета.

В Казани складывается своеобразный рынок коллекционирования со своими поставщиками, ценами и пр. В конце XIX – начале XX вв. открываются торговые лавки и магазины по продаже «древностей». Одним из известных казанских коллекционеров был Андрей Федорович Лихачев «как собиратель древностей, не скупившийся на плату за интересные для него вещи». «Можно без преувеличения сказать, что через руки

Андрея Федоровича прошли едва ли не все более или менее интересные находки того времени», - писал его сын в 1906 году (Ежегодник Казанского городского научно-промышленного музея, 1907, с. 7).

Известно, что первыми экспонатами собрания А.Ф. Лихачева стали древние находки из окрестностей Болгарского и Билярского городищ, которые были найдены самим коллекционером. Позднее в собрание вошли семейные реликвии, перешедшие к нему по наследству после раздела имущества. Значительная часть предметов приобреталась у родственников и знакомых, покупалась через старьевщиков и коллекционеров, пополнялась через заказы и покупки в антикварных магазинах Казани и других городах. Посещая Италию, Германию и Францию Лихачев приобретал и художественные полотна, гравюры, памятники античной культуры. По широте коллекционирования, конечно, собрание А.Ф. Лихачева было более разноплановым, чем, например, собрание Теплоуховых. Оно включало не только археологические и этнографические экспонаты, но и монеты, иконы, оружие, а также произведения искусства.

Но, вместе с тем, сближает Лихачева с «ильинскими» коллекционерами серьезное отношение к фиксации условий находок, так он писал: «Для науки важны не столько самые древности, сколько точное знание места, где их находят и подробности обстоятельства нахождения; тогда и формы и материал, и назначение предметов получают особый смысл и значение. Случайно же найденные предметы, без точного определения места, где они были найдены, не могут иметь для научных целей никакого смысла, никакой цены, ибо в подобном случае очень трудно, а часто даже и совсем невозможно приурочивать их к какой-

либо местности или народности» (НМ РТ, фонд письменных источников, архив В.В. Егерев (Черновик письма А.Ф. Лихачева Н.И. Фирсову от 15 февраля 1874 года)).

Кроме того, и А.Ф. Лихачев, и Теплоуховы состояли в переписке и постоянных взаимоотношениях с научными обществами, участвовали в Археологических съездах, сами обращались к изучению тех вопросов, на которые могли пролить свет экспонаты их коллекций.

Зная о стремлении практически всех коллекционеров к получению сведений о коллекциях друг друга, конечно, интересно узнать и о возможных отношениях между Лихачевым и А.Е. Теплоуховым. В переписке они не состояли, возможно, и в связи с разным социальным положением. Но А.А. Спицын упоминает, что А.Е. Теплоухов в 1877 г. некоторые вещи из своей коллекции уступил А.Ф. Лихачеву.

С появлением Императорской Археологической Комиссии (1859 г.) и научных обществ, в частности Московского Археологического Общества (1864 г.), в коллекционировании археологических древностей происходят важные изменения.

По сути, произошло разделение сфер влияния в этом отношении. Императорская Археологическая Комиссия стремилась контролировать находки на казенных землях. В переписке ИАК с местными ведомствами встречаются отдельные сведения и о коллекционерах, которые, покупая от местного населения случайные находки, вынуждены были уступать их ИАК. Например, коллекция урядника Береженцева была вытребована ИАК, а затем и определена в Эрмитаж, сам же бывший владелец получил 50 руб.

Московское Археологическое Общество, имея контакты на местах, среди

представителей губернских статистических комитетов, узнав о каких-то ярких находках, стремилось их приобрести, минуя Императорскую Археологическую Комиссию.

Так, в архиве Кировской области хранится интересная переписка с Вятским губернским статистическим комитетом относительно найденных двух серебряных блюд в Глазовском уезде крестьянином Короваемым (29.09.1887 – 24.12.1887 г.):

Телеграмма гр. Уваровой Н.А. Спаскому: «Благоволите уступить Императорскому Московскому Археологическому обществу присланные Вам из Глазова серебряные блюда. Председатель графиня Уварова». (28.09.1887 г.) (ГАКО, Ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1115, л. 1).

Находка была оценена Императорской Археологической Комиссией в 500 рублей, а в письме Вятскому губернатору было указано: «Что касается предложенной Вам графинею Уваровой уступки означенных блюд Московскому Археологическому Обществу, то Археологическая Комиссия считает долгом присовокупить, что такое предложение графини составляет попытку прямого нарушения существующего закона относительно случайных находок древности» (ГАКО, Ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1115, л. 9).

Понимая, что конкурировать с Императорской Археологической Комиссией в плане покупки древностей, найденных на казенных землях, не приходится, гр. Уварова рассылает в губернские статистические комитеты следующие письма: «желало-бы иметь более точные сведения о коллекциях археологических предметов, предметов одеяния, рукописей, оружия, утвари и т.п., принадлежащих частным владельцам»... «Вполне понимая, что только Статистические Комитеты могут сообщить подобные сведения, Общество имеет честь обра-

титься в Вятский государственный статистический комитет с покорнейшею просьбою не отказать в сообщении ему имени, отчества и фамилии, а также адресов тех лиц, о коллекциях которых комитет имеет сведения» (17.06.1888 г.). (ГАКО, Ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1157, л. 1).

Определялся и круг лиц, которые могли иметь подобные сведения: инспекторы народных училищ, уездные исправники, учителя, священники. Информация начала поступать разного характера, как об имеющихся собирателях, так и о случайных личностях, занимавшихся кладоискательством. Например, один из священников Вятской губернии сообщает: «По рассказам жителей деревни (?) не так давно лет 20-ти тому назад прибыл сюда какой-то кладоискатель из Казанской Губернии, который вместе с близживущими крестьянами старался около полугода над разрытием городища. Этот кладоискатель, по рассказам его сотрудников – жителей деревни, довольно замечательная личность. Он будто-бы имел какие-то данные относительно местности, в которой сокрыты сокровища. По свидетельству очевидцев при нем была какая-то очень объемистая книга, с которой он никогда не разлучался. Из этой книги он вынимал огромный свиток, на котором был снят план со всего городища с указанием мест, где что скрыто. Так или нет, но все-таки этот кладоискатель, по рассказам его сотрудников, нарвался на следы подземного жилища. То место, которое было рыто по его распоряжению, сверху было покрыто толстым слоем песка, под песком нашли несколько рядов кирпича, далее – толченный уголь, потом обожженные бревна и наконец дорылись до отверстия выделанного из глины, из которого имел в свою пору дым. Эта дымовая труба, по сказанию замечательного кладоискателя и была ключом к сокровищам. Несмотря

на значительную глубину отверстия, смелый кладоискатель хотел опуститься через него вниз, но вмешательство правленских властей спутало все дело. По рассказам крестьян, казанский кладоискатель надеялся найти здесь три бочки драгоценных камней и многие множество золота и серебра» (ГАКО, Ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1022, л. 16 – 17).

Возникающие по инициативе Московского археологического общества археологические научные общества в провинции осознавали свою роль по отношению к государственным учреждениям, так в обращении Казанского Общества археологии, истории и этнографии к Императорской Археологической Комиссии читаем: «Если до Императорской Археологической Комиссии, при посредстве полицейских органов, доходят только некоторые золотые и серебряные находки, то прочие ученые общества, организовавшиеся г.о. в Университетских центрах, ставят свою задачу несколько шире, оценивая по достоинству и всякий другой археологический материал – кости человека и животных, костяные, каменные, глиняные, бронз., медные и железные находки. Скупая подобные предметы древности, минувшие руки Имп. Арх. Ком., Казанское и все др. подобные Общества являются, конечно, не конкурентами ей, а только оберегателями отечественной древности и старины, т.к. в противном случае все подобные находки или теряются, или попадают в руки кузнецов, медников и сереб-

рянников, что и практикуется в провинции в самых широких размерах, не смотря на существование такого в высшей степени почтенного учреждения, как Импер. Арх. Ком. Некоторые находки перепродаются даже за границу» (Архив ИИМК. Ф. 1, д. 69, л. 83).

Поэтому, неудивительно, что, стремясь к сохранению археологических находок на местах, Общества активно участвовали в создании музеев, привлекая, как правило, к этому коллекционеров древностей. Этому содействовали и археологические съезды.

* * *

Таким образом, в истории частного коллекционирования древностей остается еще много «белых пятен». В недостаточной степени исследованы как сами коллекционеры и их собрания, так и взаимоотношения между ними и научным сообществом. Вместе с тем, там, где появлялись частные собрания древностей, быстрее происходил процесс консолидации регионального самосознания, формировались научные общества и велись самостоятельные археологические исследования. Большая часть коллекционеров в провинции к концу XIX – началу XX вв. стремилось сделать свои собрания доступными для общества, если, не передавая их непосредственно в музеи, то, публикуя их, участвуя в научных исследованиях и популяризаторской деятельности в отношении местного населения.

**Р.С. Казанцев, Д.А. Изосимов, Д.А.
Майстренко, А.Ф. Мельничук
КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В
ПРЕДГОРНОЙ ЧАСТИ Р.
ВИШЕРЫ**

Ранний железный век Северного Прикамья изучен крайне недостаточно. Несмотря на разведки в этих районах концентрация памятников ананьинского и гляденовского культурного круга зафиксировано только в районе Чусовского озера на границе с Коми республикой (исследования В. П. Денисова, В. А. Оборина) и в бассейне р. Весляны в Гайнском районе Пермского края (разведки К. М. Соболевой в 1976) – (Оборин, 1969, с. 157 – 160. Рис. 1, 1, 2, 9-12).

В тоже время на берегах верхнего течения р. Камы и ее крупных притоков Яйвы и Вишеры с Колвой памятники раннего железного века чрезвычайно редки. На р. Колве известен только один памятник – стоянка Подбобыка (исследования Д.А. Изосимова 2005г.), на котором, помимо слоя эпохи бронзы, относящиеся к лебяжскому культурному кругу (исследования В.П. Денисова, 1963 г.), выявлен комплекс раннего железного века, представленный керамикой конецгорского позднеананьинского облика. По верхнему течению р. Камы известны лишь отдельные небольшие стоянки ананьинской культуры - Вилесово (исследования Ю.А. Полякова), ананьинский комплекс Эсперова городища (исследования В.А. Оборина), ананьинский комплекс поселения Огурдино (исследования О.Н. Бадера, А.Ф. Мельничука, А.М. Белавина). Отдельные ананьинские объекты располагаются в глу-

бинных от верхнего течения р. Камы районах Верхнего Прикамья (Уржа – бассейн р. Косы; находка бронзового копья в верхнем течении р. Боровой). Столь неравномерное распространение памятников раннего железного века на обширной территории от устья р. Чусовой до северных границ Пермского края объясняется традиционной присваивающей формой хозяйства древних общин этого региона, что отражено в отсутствии городищ (самое северное ананьинское городище Чумкосна, расположено к северу от устья р. Чусовой) и открытых поселений, с культурными напластованиями, насыщенными различными объектами и предметами материальной культуры (Мельничук, 2002, с.102 – 105).

Один из крупнейших притоков р. Камы Вишера славится, в основном в своем нижнем течении, памятниками эпохи средневековья. Ранний железный век долгое время характеризовали лишь два памятника в предгорной части р. Вишеры – жертвенные места в пещере Темной и Камень Бычок, приуроченные к известному природному массиву Писаный камень, которые были исследованы В.Ф. Генингом в 1949 (Генинг, 1951). В последние годы количество памятников раннего железного века в предгорной части р. Вишеры в результате работ отрядов КАЭ ПГУ несколько увеличилось.

Пещера Бадера (Темная). Пещера расположен на территории Красновисерского района Пермского края, в 3 км к юго-востоку от д. Писаная, на правом скалистом берегу р. Вишеры (Камень Бычок, Белоусовский, малый Писаный), на высоте 20 м над уровнем реки. Площадка памятника включает предвходовую часть пещеры и два грота. Нижний этаж пещеры, с двумя очень низкими сводами, имеет протяженность около 60 м. Памятник впервые был обследован

В.Ф. Генингом в 1949 г. В ходе небольших раскопок в ее предвходовой части исследователем был выявлен культурный слой эпохи раннего железного века с керамикой конецгорского облика поздней стадии развития ананьинской культуры. Вместе с ананьинской посудой найден сложный зооантропоморфный идол. Эта находка позволила В.Ф. Генингу трактовать этот памятник как кратковременное святилище (Генинг, 1951). В 1996 г. пещера была обследована повторно А.Ф. Мельничуком. В предвходовой части кастового объекта

В 1997 г. в пещера Р.С. Казанцевым были проведены небольшие разведочные раскопки (Казанцев, Мельничук, 1998). Раскоп площадью 16 кв. м. был заложен у входа в пещеру. Его северные участки оказались впоследствии вписанными в сетку раскопок В. Ф. Генинга. В южной части раскопа отмечен рыхлый слой коричневатого-серого суглинка с мелким щебнем без находок, возможно, отвалы раскопок 1949 г. Его мощность достигала 25 см. На основной части раскопа прямо с поверхности фиксировался слой темно-серого суглинка с включени-

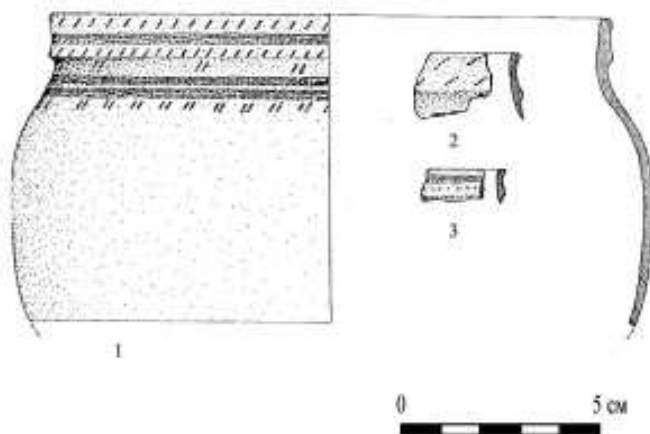

Рис. 1. Пещера Бадера (Темная). Ананьинская керамика

собраны мелко раздробленные кости голоценных животных и мелкие фрагменты позднеананьинской посуды. В глубине первого грота пещеры на поверхности собраны кости позднеплейстоценовых животных (северный олень, пещерный медведь – определение П.А. Косинцева) - (Казанцев, Лепихин, Мельничук, 1997). Как показало обследование, пещера подвергалась браконьерским раскопкам.

В дальнем гроте пещеры в браконьерских шурфах отмечаются отложения в виде супесчаного суглинка мощностью до 50 см, в котором находились крупные кости конечностей пещерного медведя, перекрытые кальцитовым щитом.

ем щебня, угольков, золы, мощностью от 30 до 50 см. В нем содержались раздробленные кости животных и фрагменты ананьинской посуды. В основании слоя отмечался мощный очаг с прокалом. Ниже культурного горизонта следовал светло-серый вязкий суглинок, насыщенный мелкой щебенкой и крупными обломками известняка. Следов человеческой деятельности в нем не обнаружено. Возможно, процесс формирования этого слоя относится к финалу плейстоцена – раннему голоцену. Под слоем светло-серого суглинка следовала серо-желтая вязкая плейстоценовая глина, насыщенная крупными известковыми образованиями, которая из-за тру-

доемкости работ в 1997 г. не исследовалась. Однако, учитывая, что в глубине пещеры, где чехол четвертичных отложений маломощен и в нем встречаются кости плейстоценовых животных, можно прогнозировать наличие костеносного горизонта на предвходовой площадке в толще слоев предголоценового возраста.

В центре раскопа на глубине 30 см от поверхности зафиксированы остатки значительного вытянутого очага, насыщенного костной золой оранжевого цвета, которая перекрывала ярко-красный провал. Мощность очага в восточной части достигала 10 см, в западной – всего 3-4 см. Его размеры составляли 2,6 x 1-0,6 м. Данное кострище в северной

скопления фрагментов ананьинских воротничковых сосудов типа Конецгорского поселения (V – III вв. до н. э.) с гребенчато-шнуровым орнаментом. Интерес представляют находки конечностей медведя (фаланги), найденные в юго-западном углу раскопа. У восточной оконечности очага обнаружен кусок красной охры

Керамический комплекс памятника включает несколько десятков фрагментов ананьинской керамики конецгорского типа (V-III вв. до н.э.) с гребенчато-шнуровым орнаментом, широко распространенной на территории ананьинской общности от Печоро-Вычегодского бассейна до Осинского Прикамья. Посуда имеет насыщенную примесь раковины в

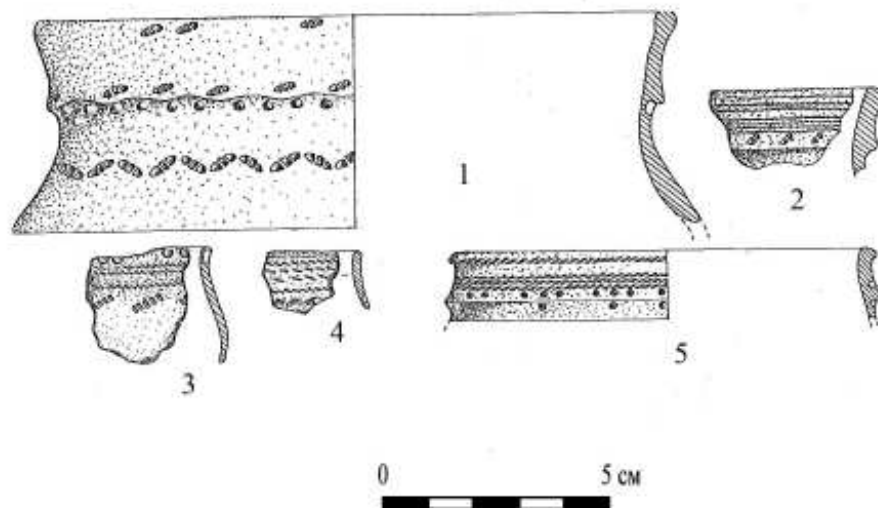

Рис. 2. Камень Белоусовский (Бычок). Позднеананьинская керамика

предвходовой части пещеры изучалось В. Ф. Генингом. Очажное пятно, привлекающая материалы раскопок 1949 г., полностью перекрывало вход в карстовую полость.

К очажному пятну тяготели основные находки: раздробленные кости животных, часть из которых со следами воздействия огня и фрагменты лепной посуды раннего железного века. В восточной части очага отмечены небольшие

глиняном тесте. Памятники декорированы выступом воротничком и в верхней части по воротничку и по шейке украшены многорядным шнуром в сочетании с короткой гребенкой или только короткой наклонной гребенкой (рис. 1).

К керамическому комплексу относятся куски обожженной сформованной глины, возможно, представляющие собой фрагменты антропоморфной статуэтки. Изделия из кости представлены

единственным целым наконечником стрелы, найденным в ходе раскопок 1949 г.

Наибольший интерес из коллекции памятника вызывает идол, обнаруженный В.Ф. Генингом в предвходовой части пещеры. Химический анализ, произведенный В.Г. Поповой в спектрально-аналитической лаборатории ПГУ, показал, что идол сделан из чистой меди, способом отливки, поверхность обработке не подвергалась. В верхней части идол имел продолжение, впоследствии обломанное. В нижней части изображена фигура мужчины с подчеркнутыми половыми признаками. Руки фигуры изображены в виде крыльев птицы. Изображение

из раскопок Н.Н. Новокрещенных на Гляденовском костыще и с зооантропоморфным идолом с четырьмя головами и разведенными лохматыми крыльями (I–III вв.), обнаруженным в береговой осыпи на р. Язьва в 1965 году (Оборин, Чагин, 1988, рис. 14–15). И.А. Лунегов, автор первой публикации Усть-Язьвинского идола справедливо отмечал: «Эта пластина очень близка по манере изображения шаманскому идолу, найденному в 1949 г. на р. Вишере около Писаного Камня» (Лунегов, 1967, с. 242).

Раскопки явно свидетельствуют о том, что в предвходовой части пещеры Бадера (Темная) выявлено жертвенное место ананьинской культуры. Свя-

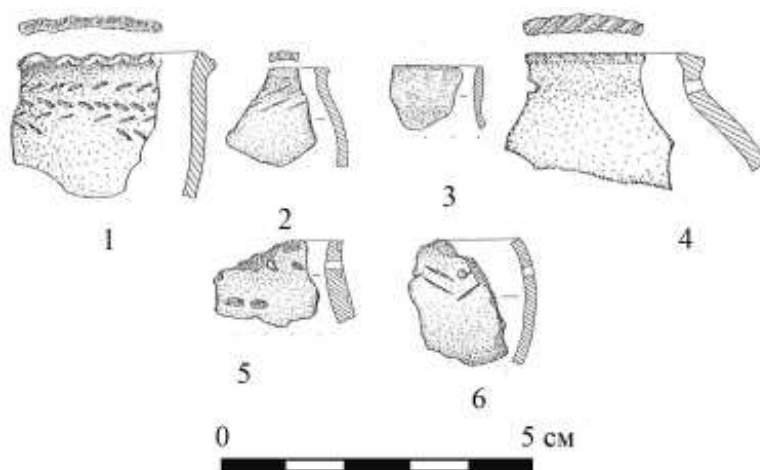

Рис. 3. Камень Белоусовский (Бычок). Гляденовская керамика

лица выполнено простыми поперечными выпуклостями, обозначающими глаза и рот (или нос). Сравнительный анализ идола из пещеры Темной с культовым литьем раннего железного века Приуралья (ананьинская, гляденовская культуры) и Зауралья показал отсутствие точных параллелей. Принципиальное сходство идол (изображение фигуры мужчины с крыльями) имеет с антропоморфным идолом с птичьими крыльями (I–III вв.)

тилище функционировало, судя по незначительному количеству материала, непродолжительный срок и после завершения определенного цикла культовых обрядов, включая очистительное перекрытие входа в пещеру кострищем, было покинуто. После этого данную карстовую полость в другие исторические эпохи никто не посещал, что, очевидно, свидетельствует о табуированности этого места.

Наличие в раскопе 1997 г. находки

фаланг бурого медведя, очевидно, связано с поклонением этому животному, которое осуществляло население предгорной части р. Вишеры, начиная, судя по наскальным изображениям Писаного камня, с эпохи неолита. В ананьинскую эпоху культ медведя прекрасно отражен в костяной пластике (Гремяча, Половинное I).

Следует обратить внимание, что в первом гроте прямо на поверхности были выявлены тщательно расколотые фрагменты черепных костей пещерного медведя, среди которых найдены и клыки. Нам представляется, что древние позднеананьинские охотники, проникнув во второй грот, неожиданно для себя обнаружили небольшое кладбище пещерных медведей, которые могли представляться им олицетворением подземного сакрального существа. Очевидно, с костями пещерных медведей ананьинские охотники проводили какие-то культовые церемонии, приведшие к тщательному уничтожению этих черепов. После проведения этих действий в предвходовой части карстовой полости был создан огромный, видимо, очистительный очаг, перекрывающий вход в пещеру. К сожалению, пока не ясно семантическое назначение, идола найденного на жертвенном месте. К сожалению, пещера Бадера (Темная) активно подвергается браконьерским раскопкам. По последним данным мародеры разграбили кладбище пещерных медведей в дальнем гроте этой карстовой полости, что естественно затруднит объективную интерпретацию этого редкого памятника раннего железного века в Верхнем Прикамье.

Характерно, что именно после появления кратковременного жертвенного места в предвходовой части пещеры Бадера (Темной) внизу на площадке у камня Бычок на месте многослойной стоянке охотников и рыболовов (по-

здний энеолит, поздняя бронза – ерзовская культура, гамаюн) появляется в позднеананьинское время святилище, которое функционировало в гляденовское время и в эпоху средневековья.

Камень Бычок (Малый Писаный, Белоусовский). Памятник расположен на территории Красновишерского района Пермского края, в 3 км к юго-востоку от д. Писаная на небольшой площадке, высотой до 6 м, правого берега р. Вишеры. Поверхность памятника представляет собой седловину, ограниченную с севера скальными выступами. Размер площадки не превышает 80 кв.м. Памятник защищен от осадков мощным карнизом скалы, который перекрывает большую часть его площади. В 1949 г. он обследован В. Ф. Генингом, а в 1997-98 гг. Р. С. Казанцевым.

Пачка культурных слоев памятника представляется следующим образом: сверху отмечался тонкий дерновый слой мощностью не более 0,05 м, нарушенный в центре площадки современными кострищами; сразу под дерном располагалась темная супесь с включением щебенки и угля и насыщенная находками, мощностью 0,4-0,5 м. В северной части раскопа под ней залегала серая заиленная суглинистая супесь, заполненная костями рыб и в верхней части насыщенная находками, мощностью до 0,9 м. У восточной стенки раскопа непосредственно под ней располагался материк. В южной части раскопа, сразу под дерном, обнаружен каменистый завал щебенки, перемешанной с темно-гумусированной супесью, в котором также встречались находки, мощностью до 1 м. В северо-западной части раскопа залегала пачка линзовидных прокалов, зольников и углистых слоев, принадлежащих трем разновременным очагам, каждый мощностью не более 0,1 м. Общая мощность пач-

ки очажных линз, включая современный прокал, составила 0,4 м. Площадь зольника достигает 6 кв.м. Описанные слои подстилаются темно-серая материковая глина.

Коллекция находок составляет 1854 предмета, в том числе: 778 фрагментов костей различных животных, рыб и птиц; 46 осколков и орудий из кремня различного качества; 992 фрагмента керамики; костяные, металлические орудия и украшения. Большинство изделий было преднамеренно сломано в древности. Керамический комплекс представляет собой самую многочисленную серию предметов и характеризует культуро-хронологическую историю памятника, начиная с эпохи энеолита и кончая эпохой раннего средневековья.

Самый многочисленный комплекс, составляют фрагменты керамики поздней стадии ананьинской культуры типа Концгорского поселения (V – III вв. до н. э.). Для этой посуды характерен налепной «воротничок» по краю венчика, орнаментация коротким зубчатым штампом, одним рядом мелких круглых ямок под венчиком, оттисками шнура (рис. 2). Вся посуда имеет традиционную примесь раковины в глиняном тесте.

На памятнике собрана поредавательная коллекция фрагментов керамики гляденовского времени (кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.). Посуда представлена обломками круглодонных чаш с резным орнаментом, характерные для ранних комплексов Гляденовского костяща (рис. 3).

По планиграфическим и стратиграфическим данным к эпохе раннего железного века могут быть отнесены часть из 22 костяных наконечники стрел различных размеров и форм. По сечению можно выделить следующие группы: трех-, четырех- и шестигранные, а также овальные наконечники стрел. Боль-

шая часть из них (64%) повреждена вследствие либо преднамеренного слома, либо стрельбы в скалу. К комплексу костяных изделий также относятся рыболовные орудия: четыре обломка острия костяного гарпуна и костяной рыболовный крючок поворотного действия, известный по этнографическим данным.

Кремневый комплекс памятника представлен 46 изделиями. Наиболее многочисленной группой являются сколы с кремня разного качества и отщепы. Выделяются 15 скребков: один нуклеидный кусок на сколе, один пластинчатый отщеп, два кресальных кремня, а также две каменных точильных плитки. Часть этих предметов, очевидно, связана с эпохой раннего железного века.

Площадка изученного памятника, начиная с эпохи раннего металла, использовалась в качестве кратковременной стоянки, а с эпохи раннего железного века и вплоть до эпохи раннего средневековья - как святилище. Предметы, связанные с культовой обрядностью, тяготеют к мощным зольным линзам в центре памятника (наконечники стрел, керамика).

Пещера в камне Дыроватый. Памятник находится на левом берегу р. Вишера, восточнее бывшей деревни Мартино, на высоте до 6 м. в межень. Со стороны реки пещера имеет соединенные узкими расщелинами два входа, экспонируемые на запад. В ходе раскопок 2002 г. здесь было обнаружено небольшое жертвенное место камской неолитической культуры с костями бурого медведя, лося, бобра и волка (Мельничук, Косинцев, Фадеева, Болотов, 2001. С. 135). В верхних слоях был найден двустороннеобработанный наконечник стрелы турбинско-сейминской эпохи. При осмотре одной из расщелин пещеры были найдены небольшие фрагменты позднеананьинского сосуда с орна-

ментом в виде короткого двузубого штампа.

Малочисленность памятников эпохи бронзы и раннего железного века в бассейне такого крупного притока Камы, как Вишера, на наш взгляд обусловлено тем, что совершенно не обследовались старичные образования в пределах этой водной артерии. Достаточно отметить, что участок р. Вишеры от г. Красновшерска до пос. Рябинино до последнего времени вообще не обследовался археологами.

Памятники среднего течения р. Вишеры. В 2009 г. на правом берегу р. Вишеры к северо-востоку от с. Усть-Язьва на песчаных берегах старичных озер Глубокое и Ораловское найдено 4 археологических объекта, среди которых привлекает внимание поселение Ораловское озеро II, на котором зафиксировано 6 жилищных впадины. При обследовании памятника были найдены мелкие фрагменты классической лебяжской посуды с гребенчатым орнаментом. Ей сопутствовал фрагмент талькированной керамики коршаковского облика. Однако, памятник очевидно двуслойный. Помимо комплекса эпохи бронзы (середина – вторая половина II тыс. до н.э.) на памятнике найдены фрагменты сосуда, характерного для переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному

веку с характерными ямкам-жемчужинами по шейке, которые декорированы своеобразными отворотиками и орнаментом в виде горизонтальных линий шнура.

На стоянке Глубокое озеро I под остатками коми-пермяцкой охотничьей постройки XVII – XVIII вв. типа «воркерка» обнаружены два фрагмента лепной керамики с примесью раковины орнаментированные коротким гребенчатым штампом, близкие по облику позднеананьинским комплексам предгорной части р. Вишеры.

Таким образом, памятники предгорной части р. Вишеры относятся к самой восточной периферии ананьинской общности. Учитывая, что здесь обнаружены, хотя и небольшие, комплексы лебяжской, ерзовской и гамаюнской культур, бассейн р. Вишеры входил в ареал формирования классической раннеананьинской гребенчато-шнуровой керамики. Дальнейшие разведки в этом регионе, особенно, по берегам старичных образований и раскопки относительно чистого поселения эпохи бронзы-начала раннего железного века Ораловское озеро II позволят более детально изучить сложные этнические процессы протекавшие в этот период в Северном Прикамье.

Н.Б. Крыласова ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСКА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УГРОВ

Обращение к данной теме было вызвано появлением публикации материалов погребения № 70 могильника Арантур 27 в Тюменской области (Степанова, 2008). В этом погребении под слоями бересты и меха, полностью закрывающими погребенного и часть могильной ямы, над останками погребенного была зафиксирована прослойка чистого, отличного от материкового, песка, мощностью не более 1 см (Степанова, 2008, с.5). По поводу этой детали погребального обряда Г.А. Степанова пишет: «Вызывает интерес покрытие из песка, искусственное происхождение которого в погребении бесспорно. Ана-

Впоследствии благодаря имеющемуся опыту прослойки песка также были зафиксированы на Огурдинском могильнике XI в., хотя здесь, в отличие от Рождественского могильника, материковым слоем является не глина, а песок. Песок в искусственных прослойках отличался от материкового цветом (белесый), фактурой (крупнозернистый) и содержанием мелкой речной гальки. Материалы из раскопок данного могильника пока полностью не опубликованы, но попытка интерпретировать назначение песчаных подсыпок в засыпи могильных ям содержится в одной из статей (Крыласова, 2004, с.44).

В дальнейшем в процессе работ КАЭЭ ПГПУ на Баяновском могильнике IX-XI вв. тонкие прослойки крупнозернистого песка с мелкой галькой наблюдались на дне значительной части погребений.

Могильник	<i>Рождественский</i>	<i>Огурдинский</i>	<i>Баяновский</i>
Кол-во погребений с песчаными прослойками	27	14	56
%	18	5	25

Таблица 1. Данные о количестве погребений с песчаными прослойками на могильниках Пермского Предуралья

логов в погребальном обряде могильников в археологической литературе автором не встречено. Возможно, что при выборках погребений на подобный факт просто не обращали внимания. Этнографические параллели также не встречены (или не опубликованы)» (Степанова, 2008, с.10).

В действительности подобный элемент погребального обряда был отмечен еще в 1990-х гг. при раскопках Рождественского языческого могильника X-XI вв. и кратко упомянут в публикациях (Белавин, Крыласова, 2008, с.96).

Таким образом, присутствие прослоек песка в заполнении могильных ям погребений конца IX – первой половины XI вв. является вовсе не уникальным явлением для могильников Пермского Предуралья. Накопленные к настоящему времени материалы позволяют дать обобщенную характеристику данного элемента погребальной обрядности. А выявление подобных захоронений за пределами Пермского края делают обращение к данной теме особенно актуальным.

Как видно по данным, приведенным в табл.1, погребения с прослойками песка в заполнении встречаются доста-

Таблица 2. Место расположения песчаных прослоек в заполнении могильных ям

Погребение	На дне	В верхней части заполнения	Линза у короткой стенки ямы	Прослойка в центральной части заполнения	"Кучкой" в центральной части заполнения
ОМ-17		+			
ОМ-143			+		
ОМ-151	+				
ОМ-152				+	
ОМ-153		+	+		
ОМ-155	+				
ОМ-169	+				
ОМ-172	+				
ОМ-209				+	
ОМ-239				+	
ОМ-249		+			
ОМ-255					+
ОМ-279				+	
РМ-22			+		
РМ-23				+	
РМ-28	+			+	
РМ-34			+		
РМ-36	+				
РМ-38		+			
РМ-45					+
РМ-48					+
РМ-49					+
РМ-57				+	
РМ-58				+	
РМ-60			+		
РМ-79	+				
РМ-88		+			
РМ-92	+				
РМ-101				+	
РМ-102				+	
РМ-103	+				
РМ-107				+	
РМ-109				+	
РМ-110				+	
РМ-111				+	
РМ-112				+	
РМ-113					+
РМ-120		+			
РМ-121	+				
РМ-122			+		
Итого:	10 / 23,8%	6 / 14,2%	6 / 14,2%	15 / 35,7%	5 / 11,9%

точно часто. Анализ расположения подобных погребений не выявил какой-то определенной закономерности в их размещении. Исключение составляет только Баяновский могильник, где, по свидетельству автора раскопок А.В. Данича, на секторах, изученных в 2005-2006 гг., подавляющее количество погребений

имело на дне подсыпку из песка.

На Рождественском (РМ) и Огурдинском (ОМ) могильниках включения песчаных прослоек наблюдалось в заполнении могильных ям в разных местах. Чтобы проследить различные варианты данного обряда мы занесли данные в таблицу (см. табл. 2).

Если рассматривать эти данные в совокупности с материалами Баяновского могильника, получается, что наиболее массовый вариант использования песка – подсыпка на дне могильной ямы. На Баяновском могильнике этот вариант составляет 100%, на Рождественском и Огурдинском – 23,8%. Прослойки песка в придонной части ямы имеют разную толщину – от 1 до 30-35 см (погр. 155, 169 Огурдинского могильника). Чаще всего песок насыпался равномерно по всему дну либо непосредственно поверх материкового слоя, либо, как в погр. № 36 Рождественского могильника – поверх деревянного настила. Иногда присутствие песчаной подсыпки на дне оказывает помощь при разборке погребений. Например, на Баяновском могильнике, где заполнение могильных ям очень невыразительное и существенно не отличается от материкового слоя, наличие прослойки песка с мелкой галькой четко маркирует дно погребений. На Огурдинском могильнике на раскопе

2000 г. на участке Ег28 сразу под слоем лесного подстила было обнаружено скопление находок, которое располагалось в овальном пятне крупнозернистого белесого песка. В данном случае песчаная подсыпка позволила зафиксировать поверхностное захоронение.

Второй по распространенности вариант – наличие песчаной прослойки в центральной части заполнения могильной ямы. На Рождественском и Огурдинском могильниках этот вариант наблюдается в 35,7% случаев.

При внимательном рассмотрении этого варианта выявляется его неоднозначность.

Во-первых, часть погребений на Рождественском и Огурдинском могильниках совершалась на помостах. При таком способе захоронения над ямой, в которую иногда в процессе определенных ритуалов насыпалась земля с угольками, укладывался настил из досок, на который помещался покойник. Сверху насыпалось небольшое количество зем-

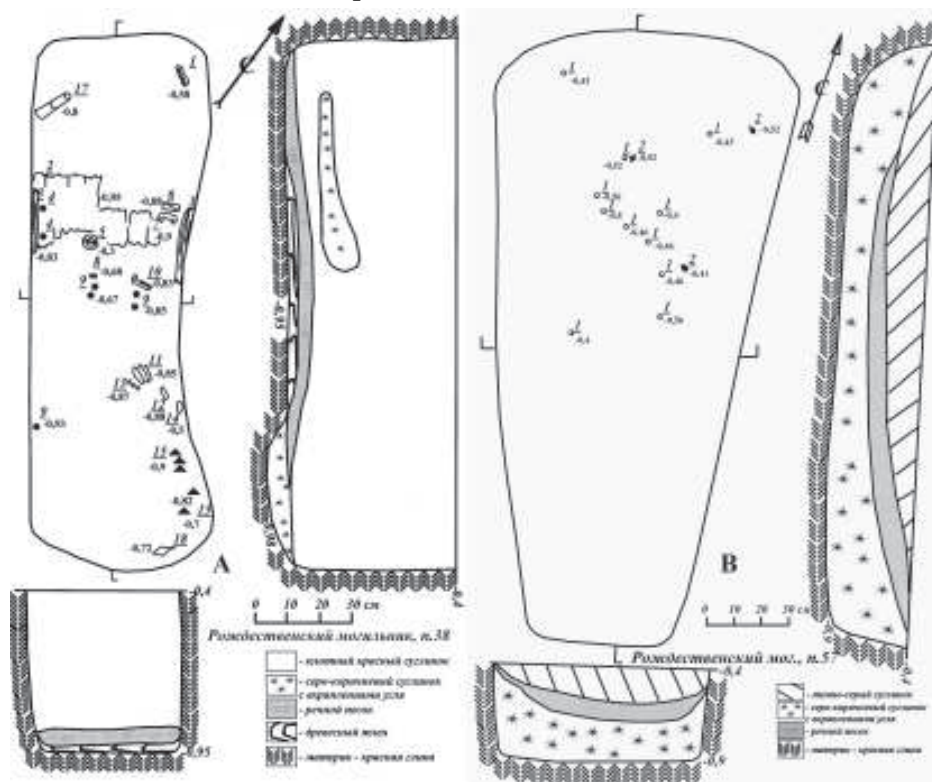

Рис.1 – А – вариант 1 (песок на дне могильной ямы); В – вариант 2 (песок на помосте)

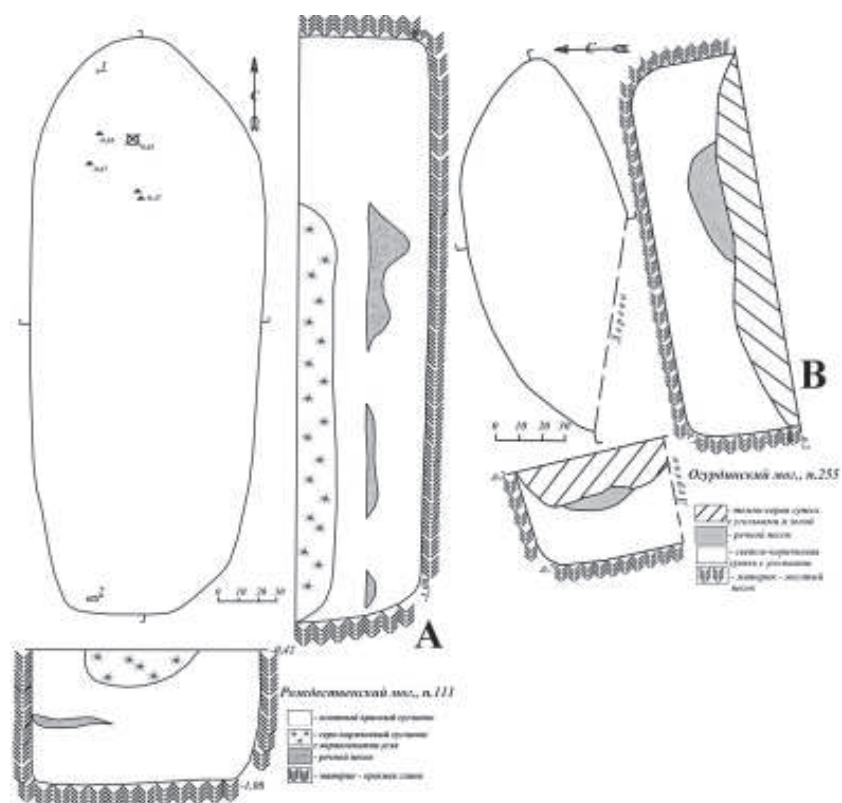

Рис.2 – А – вариант 3 (песок поверх останков погребенного); В – вариант 4 (песок поверх погребенного «кучкой»)

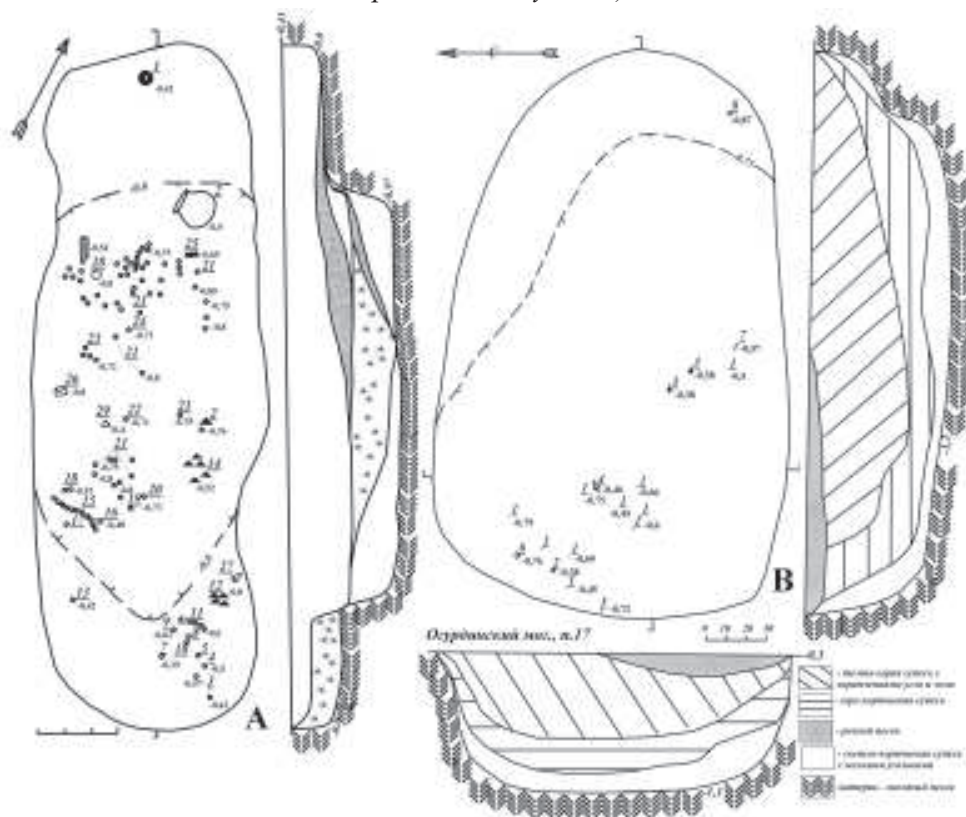

Рис.3 – А – вариант 5 (песок у короткой стенки могильной ямы на месте концентрации сопровождающего инвентаря); В – вариант 6 (песок в верхнем слое засыпи могильной ямы)

ли, над погребением, вероятно, устанавливалось сооружение типа шалаша. Со временем помост прогнивал, обычно в центральной части, и обрушивался в яму. В результате мы имеем дело с редкими фрагментами костей, расположенными вне анатомического порядка и вещевым материалом, расположенным в заполнении могильной ямы на разной глубине и смещенным к центру. Профили заполнения могильных ям в таких погребениях обычно многослойные, на них хорошо прослеживается, как происходило проседание верхних слоев в яму. В ряде случаев видно, что на помост был насыпан песок. Таким образом, в данном случае проводился ритуал, близкий к засыпанию песком дна могильной ямы – это было покрытие, на которое укладывался умерший.

Во-вторых, в ряде случаев по профилю заполнения могильных ям отчетливо видно, что слоем песка засыпали останки погребенного. При этом иногда (напр., в погребении № 111 Рождественского могильника) на профиле хорошо видно, что сверху слой песка чем-то перекрывался, прежде чем продолжалась засыпка ямы другим типом грунта, - верхняя граница песчаной прослойки плоская, горизонтальная. Т.о., этот вариант использования песка аналогичен описанному Г.А.Степановой в случае с погребением из могильника Арантур 27, где погребенный был засыпан песком, сверху которого находилось покрытие из бересты и меха (Степанова, 2008, с.5).

Подобным является вариант, когда песчаное покрытие не распределялось по всей поверхности могильной ямы, а насыпалось кучкой поверх погребенного в районе центральной части ямы. На Рождественском и Огурдинском могильниках этот вариант фиксируется в 11,9% случаев.

В 14,2% случаев на Рождественском и Огурдинском могильниках песчаные прослойки наблюдались в заполнении могильной ямы возле короткой стенки в виде линзы. Чаще всего именно в этом месте в погребениях располагается сосуд, комплекс орудий труда или иные элементы погребального инвентаря, не относящиеся к костюмному комплексу.

И, наконец, последний вариант использования песка – в верхних слоях засыпки могильной ямы (на Рождественском и Огурдинском могильниках – 14,2%). В погребении № 28 Рождественского могильника зафиксировано использование песка, как для подсыпки дна, так и в засыпки могильной ямы.

Таким образом, подытоживая проведенный анализ, можно сделать вывод, что песок употреблялся преимущественно в качестве подсыпки под покойника или для его покрытия, реже – в качестве подсыпки под комплекс сопровождающего инвентаря или при засыпки могильной ямы.

Поскольку данный элемент погребального обряда явление далеко не единичное, возникает резонный вопрос – какую цель он преследовал?

Как уже упоминалось выше, песок, зафиксированный в заполнении погребений, вероятнее всего, речной – он крупнозернистый, белесый, иногда с включением мелкой речной гальки. Несомненно, что присутствие такого песка в могильной яме как-то связано с представлениями о реке.

На наш взгляд, прикамские могильники, на который зафиксировано наличие песка в заполнении могильных ям, оставлены преимущественно носителями угорской культуры, погр. № 70 могильника Арантур 27 в Тюменской области также расценивается автором как угорское (Степанова, 2008), поэтому попытаемся найти объяснения в представ-

лениях современных угров – хантов и манси.

В ломоватовских могильниках с VII в., когда полностью исчез курганный способ захоронения, могильники всегда взаимосвязаны с рекой: погребения располагаются рядами, обычно параллельными берегу водоема, умершие укладывались чаще всего – ногами к реке (Бочаров, 1997, с.163). Хотя, как это отмечено при раскопках Рождественского и Огурдинского могильников, на фоне общей закономерности ориентировки погребенных ногами к реке, погребения, выделяющиеся особо богатым набором инвентаря и наличием серебряных масок, были ориентированы головой к реке. «Речные захоронения» отражают горизонтальную модель мира с размещением «мира мертвых» в низовьях рек (Кулемзин, 1990, с.92). К примеру, северные ханты и манси считают, что одна из душ умершего – душа призрак, буквально «уходящая вниз (по реке) душа» (Косарев, 2003, с.98-99), уходит вниз по реке, где находится отверстие в нижний мир (Мифы..., 1990, с.16). С этими представлениями и связана частая ориентировка покойных ногами к реке или вниз по реке. М.Ф. Косарев отмечает, что обские угры нередко хоронили покойников ногами вниз по течению реки (чтобы душа-тень сразу же нашла «нужную» дорогу) или ногами к реке (чтобы душа-тень вышла к речному берегу и далее следовала вниз по течению) (Косарев, 2003, с.137-138). Таким образом, присутствие речного песка в погребениях могло быть связано с идеей о том, что путь в «нижний мир» лежит по реке.

С другой стороны, помимо песка в погребениях рассматриваемых могиль-

ников в засыпи всегда присутствуют мелкие угольки. По нашим предположениям, в процессе похорон в могильную яму сбрасывали остатки поминального костра. В.Д.Викторова, на основании анализа обрядовой практики манси, пришла к выводу о том, что огонь в погребальном обряде использовался в качестве очистительного средства при жертвоприношениях, в качестве оберега живых от умерших, как домашний огонь, сопровождающий умершего для жизни в ином мире (Викторова, 2008, с.45). Первостепенной, вероятно, является очистительная функция огня. Она использовалась как универсальное средство многими народами в частности и финно-уграми, и нередко в сочетании с водой – небесной (дождевой) или проточной (речной). Тесная взаимосвязь культов огня и воды прослеживается на множестве примеров на предметах материальной культуры. Наиболее яркими примерами являются характерные для предуральских угров шумящие биконьковые подвески, на основе которых изображены кони, связанные с культом солнца и, соответственно, огня, а привесками служат утиные лапки, связанные с водной стихией, или биметаллические кресала, которые уже по своему утилитарному предназначению олицетворяют огонь, а на пластических рукоятках у них нередко изображаются существа связанные с водой. Учитывая, что прослойки песка использовались как подстилка либо как покрытие самого умершего или сопровождающего погребального инвентаря, нельзя исключать, что речной песок использовался в качестве очистительного средства.

Л. И. Липина **СЮЖЕТЫ**
С ОБРАЗОМ КОНЯ В
БРОНЗОЛИТЕЙНОМ
ИСКУССТВЕ ПРИКАМЬЯ

Изображения домашней лошади появилось в искусстве Прикамья гораздо позднее изображений диких животных, таких, к примеру, как, лось и медведь. Но к концу I тысячелетия до н.э. образ коня в художественной бронзе этого региона стал одним из ведущих. Он использовался на подвесках, пронизках, застёжках, накладках, гребешках, кресалах и в композициях культовых изделий.

Для изучения предметов искусства в археологических исследованиях принято применять прежде всего иконографический анализ, сущность которого заключается в выявлении и классификации основных элементов, составляющих средства воплощения художественного образа в произведении (Королькова, 1996. С. 53). Изучение взаиморасположения частей композиции и их комбинации относительно друг друга является первым шагом в постижении смысла изображения.

Прикамские композиции с образом коня включают в себя абстрактно-геометрические элементы: круг (полугорошины, кружковый орнамент и т.п.), полукруг (арки), линию (в виде «жгутика» иногда витого, или в виде «косички»), ромб (в качестве шумящих дополнений); и реалистические изображения: змеи, человека, лапок водоплавающих животных, колокольчиков. Другие формы считаются промежуточными.

Очень обобщённо в этих композициях можно выявить 4 сюжета: «змееборческий», «солярный», «близнечный» и «конь под мировым деревом». Под «сю-

жетом» обычно понимается развитие действия, но в пермском искусстве действие отсутствует. Зооморфное искусство использует «изобразительные блоки или формулы» некоего мифологического текста вместо воспроизводства развертывания событий. Зооморфные образы звериного стиля выступают в качестве своего рода знаков, являющихся ключом к расшифровке всего подтекста (Королькова, 1996, с. 34).

Рассмотрим выделенные сюжеты.

«**Змееборческий**» сюжет на прикамских изделиях используется в виде композиции - конь, стоящий на змее (что может означать – попирающий змею, или борющийся с ней). Он служит украшением преимущественно застёжек, подвесок и культовых изделий. Наиболее реалистично этот сюжет представлен на щитках двух неволинских пряжек, которые, по-видимому, являются привозными, так как стиль их исполнения отличен от основной массы прикамских бронзовых изделий (рис. 1 - 1).

Композиция, состоящая из коня с всадником и змеей, изображена на культовых подвесках со средневековых памятников бассейна р. Чепцы (рис. 1 – 2). Конь стоит на змее и его морда соприкасается с её головой так же как на неволинских пряжках. Больше реалистических изображений змеи, присутствующих на изделиях с образом коня нет. Но деталь в виде «жгутика», находящуюся под ногами коня или достигающую его морды, по аналогии можно считать изображением пресмыкающегося животного, символизирующего хтонический мир, например, на подвеске из Агафоновского II и крючке из Охлебининского могильников (рис. 1 – 3,5). У некоторых «всадников» гляденовского времени так же имеется жгут-перемычка, соединяющий ноги коня (рис. 1 – 4).

Персонаж всадника является харак-

терным для «змееборческого» сюжета, поэтому остановимся на его воплощении в прикамском искусстве подробнее.

Самые ранние из «всадников» обнаружены на святилищах гляденовской культуры. Истоков этого образа в предшествующих памятниках ананьинской эпохи в Волго-Камье не обнаружено, нет его и в памятниках пьяноборских культур. По мнению исследователей, рассматривавших вопросы происхождения его иконографии, образ всадника сформировался на местной этномифологической основе с использованием в качестве образцов художественных металлических изделий и монет восточно-иранских государств (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2008, с. 63). Гляденовские всадники, будучи иконографическим заимствованием индо-иранского образа, могли быть отражением культа какого-то местного культурного героя, как к примеру, Мир-суснэ-хум у угров, Войпель у предков коми, или Пурьгине-паз в древнемордовской мифологии (Конаков, 1999; Лепихин, Мельничук, 1999, с. 45).

Культовые всадники с реки Чепцы относятся к средневековому периоду истории Прикамья. Едва ли они были дальнейшим развитием образа гляденовских «воинов», но черты некоторого сходства у них имеются. Общими для тех и для других являются: во-первых, местонахождение на культовых местах и в составе кладов, что может свидетельствовать об их одинаковом использовании; во-вторых, присутствие образа змеи (на некоторых гляденовских поделках передние и задние ноги коня соединены перемычкой, которая, возможно, является изображением змеи, кроме того, бронзовые изображения змей сопутствовали находкам всадников) (Лепихин, Мельничук, 1999, с. 45). Отличительной особенностью

средневековых изделий является их повышенная декоративность и семантическая сложность всего образа. Одежда чепецкого всадника, его поза и отсутствие воинских атрибутов не дают однозначной характеристики его половой принадлежности. Так, исследователи называли серию этих изделий «прикамскими всадницами»; женским существом - символом потустороннего мира; Великой Богиней; лесным божеством; богом, свершившим выдающийся подвиг – убийство змея (Смирнов, 1952, с. 206; Грибова, 1975, с. 102; Владыкин, 1994, с. 91-92; Куликов, 2002, с. 69-70; Павлова, 2009). По всей видимости, в основе этого образа действительно лежит змееборческий сюжет, восходящий к индоиранскому космогоническому мифу о победе бога над силами зла и освобождении им плодородных сил природы. Но в позднесредневековых чепецких изделиях, образ коня и связанные с ним религиозно-мифологические представления были полностью ассимилированы в пермской среде. «Двуполость» персонажа может быть соотнесена с образами божеств типа Шунды-мумы или Кылдысина, которые из-за древности существования «меняли» половую принадлежность, или свидетельствовать о его шаманской или жреческой природе.

Одним из самых ранних воплощений «змееборческого» сюжета является композиция на крючке из Охлебенинского могильника (рис. 1 - 3). На нем изображена стоящая на «жгутике» лошадь, часть «жгутика» отломана и поэтому, сложно сказать, завершался он змеиной головой или нет. Многие коньковые подвески имеют витые перемычки, соединяющие ноги коня. Л.А. Голубева объясняла семантику этих изделий как «конь в путах, или конь, стоящий на земле» (Голубева, 1979, с. 33; Голубева, Варёнов,

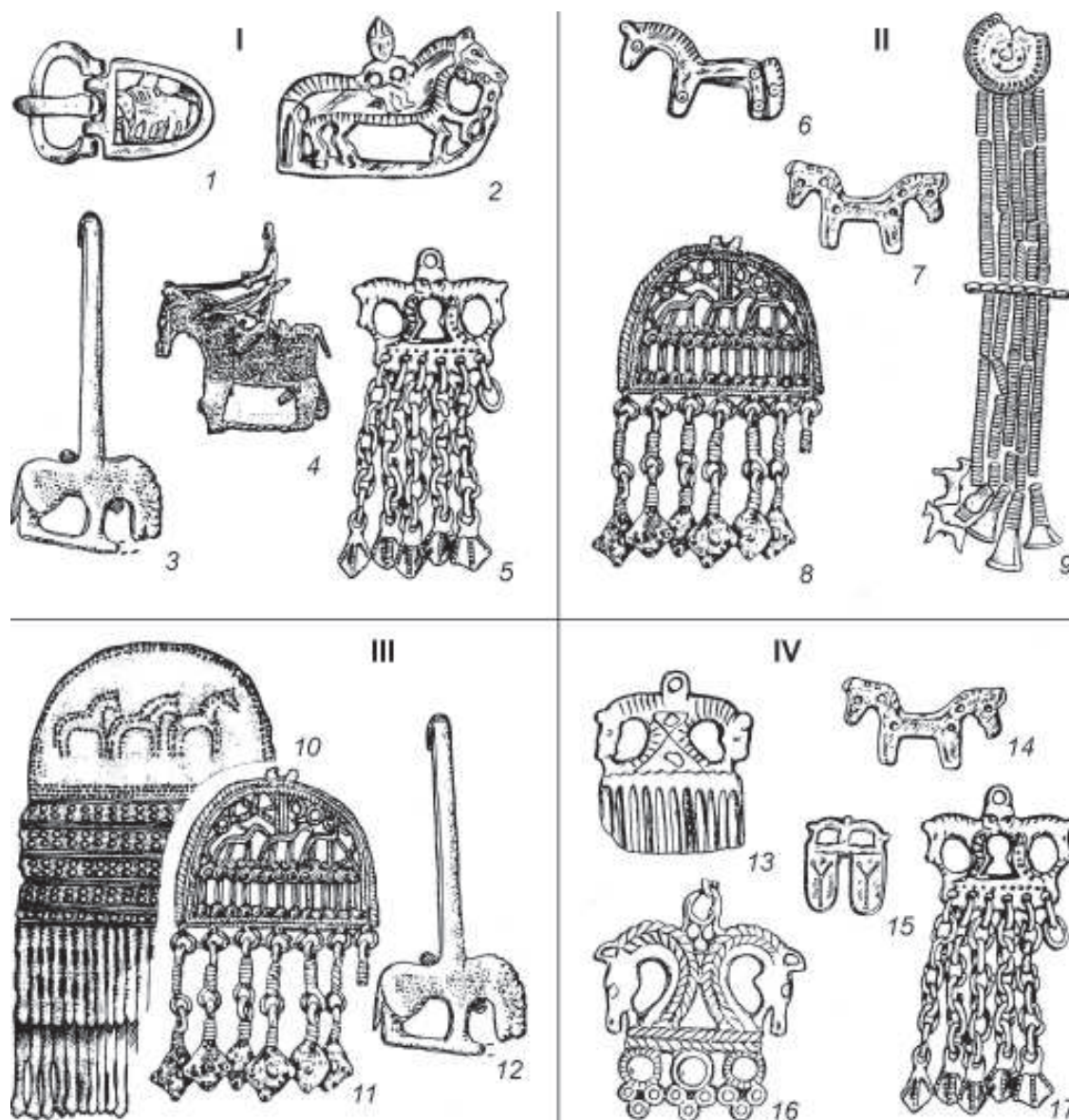

Рис. 1. Сюжеты с образом коня в художественной бронзе Прикамья.

I. «Змееборческий» сюжет.

1 – пряжка (Неволинский могильник), 2 – культовая подвеска (Рябиновский клад), 3 – крючок (Охлебининский могильник), 4 – культовое изделие (Гляденовское костыще), 5 – шумящая подвеска (Агафоновский II могильник).

II. «Солярный» сюжет.

6 – пронизка (Верх-Саинский могильник), 7 – пронизка (случайная находка у д. Грудята), 8 – арочная шумящая подвеска (могильник Тюм-Тюм), 9 – составное нагрудное украшение с пронизками-коньками (Тат-Боярский могильник).

III. Сюжет «конь у мирового дерева».

10 – «передник» (Суворовский могильник), 11 – арочная шумящая подвеска (могильник Тюм-Тюм), 12 – крючок (Охлебининский могильник).

IV. «Близнечный» сюжет.

13 – «гребешок» (Сухоложский могильник), 14 – пронизка (случайная находка у д. Грудята), 15 – поясная накладка (Важгортский могильник), 16 – подвеска (Омутницкий могильник), 17 – шумящая подвеска (Агафоновский II могильник).

1976, с. 69). Однако, судя по общей иконографии пермского звериного стиля, витую перемычку можно трактовать, как хтоническое существо, змею, обитающую под землёй или, возможно, как саму землю, границу между земным и подземным мирами. В мифологии и фольклоре всех индоиранцев коню в битве с тёмными силами принадлежала важная роль. Конь Индры носит эпитет «драконоубийца», он затаптывает змеёнышей (Кузьмина, 2002 а, с. 61). Можно сказать, что композиции со «змееборческим» сюжетом - это изображение модели мира, построенной на семантических противопоставлениях, где лошадь – положительный персонаж солярного свойства, а змея – его противоположность. Их бесконечная борьба служила гарантом жизненного равновесия. Она являлась одной из самых ранних в человеческом сознании и до появления в искусстве прикамских народов образа коня, сцена борьбы света и тьмы была представлена композициями, состоящими из образов лося и медведя, лося и ящера (Липина, 2006, с. 18).

«Солярный» сюжет в бронзолитейном искусстве Прикамья – это изображения коней, орнаментированных круглыми знаками или входящих в составные композиции с дисковидными бляхами-накладками. Чаще всего он используется на пронизках и подвесках. Конёк из Поломского могильника покрыт серебристой полудой и кружковым орнаментом по тулову и ногам. Иногда солярные знаки беспорядочно нанесены на всё изделие, как на находках из Верх-Саинского могильника (рис. 1 - 6). В такой же манере в прикамском искусстве воплощались образы медведя и птицы, известные с ананьинского времени как эквиваленты солнца (Збруева, 1952, с. 132; Голубева, 1979, с. 33). Часто коньки-пронизки играли роль шумящих до-

полнений и являлись частью сложных украшений, в комплексе которых обязательно присутствовали круглые накладки, изображающие дневное светило (рис. 1 – 9). Вероятно, большинство пронизок - коньков были шумящими элементами несохранившихся солярных композиций.

Исследование мифологических сюжетов с образом коня, которые чаще всего встречаются у индоиранских народов, свидетельствует о том, что это было небесное существо, перевозящее солнце, или олицетворяющее небесное светило (Топоров, 1998, с. 369-370).

Сюжет «**конь под мировым деревом**» представлен преимущественно на арочных шумящих подвесках (рис. 1 – 11). При формальном анализе изображений на этих изделиях, выявляется устойчивая иконография композиций. В верхней части подвесок аркообразной формы, что, как правило, есть образ небесного свода, - три коня стоят у ствола дерева, в ветвях которого различимы окружности – «небесные светила», в средней части – орнаментальная полоса, в нижней - шумящие подвески в виде ромбов с точками, лапок водоплавающих животных или колокольчиков. Связь образа коня с солнцем и жертвенным столбом/мировым деревом свидетельствует, кроме солярной, о жертвенной природе коня. Заклание коня считалось главным жертвоприношением у многих индоевропейских народов (Кузьмина, 2002 а, с. 50). К примеру, скифские композиции в виде ряда идущих друг за другом животных Д.Г. Савинов рассматривает как отражение церемонии жертвоприношения, а саму «идею» считает заимствованной из сейминских изобразительных традиций (Савинов, 2000, с.182). В религиозно-мифологической системе прикамских народов конь так же был жертвенным

животным многих богов. К примеру, удмурты жертвовали Инмару жеребёнка белой масти, Кылдысину – чёрной, Шунды-мумы – солового жеребёнка, Вумурту, Булде – любого жеребца, Черу – гнедую старую лошадь. Конь был основной жертвой в обрядах, посвящённых культу предков. Причём, жертвование было чётко разграничено по мировым сферам – Инмару жертву сжигали, чтобы она с дымом поднималась вверх, Кылдысину закапывали, «дарили» земле, Куазю – шкуру животного подвешивали на дерево (Владыкин, 1994, с.111).

Изделия с идентичным композиционным строем, что и арочные подвески - азелинские «передники», состоящие из бронзового или кожаного полукруга, фигурок коней на нём и шумящих привесок, относятся к этой же сюжетной категории. Примером служат передники из Суворовского могильника (рис. 1 – 10).

К «**близнечному**» сюжету можно отнести изображения противопоставленных коней или раздвоенных в зеркальной симметрии их передних частей (протом) на подвесках, пронизках, накладках, гребешках и кресалах (рис. 1 – 13-17). По мнению Е.Е. Кузьминой, художественный образ двух противостоящих коней возник в архаическое время, в сако-скифском мире известны композиции в виде двух противопоставленных всадников, коней или конских голов, иногда с женщиной или деревом между ними (Кузьмина, 2002 а, с.53). В композициях развёрнутых в разные стороны конских протом на прикамских изделиях, как правило, присутствует антропоморфный персонаж – женская фигура (рис. 1 – 13, 15-17). Изображение богини с близнецами, считает Е.Е. Кузьмина, возникло независимо у разных индоевропейских народов на рубеже II –

начале I тыс. до н.э. как отражение сходных религиозно-мифологических представлений (Кузьмина, 2002 а, с.55; она же, 2002 в, с.131). Для понимания этого сюжета следует обратиться к образу богини-матери. В скифской культуре «владычица зверей с протомами животных по бокам» олицетворяла функции плодородия как человеческого, так и животного, была покровительницей умерших, великим божеством жизни и смерти (Бессонова, 1989, с.121, табл. 37, рис. 17). В этнографии многих народов мира есть представления о матери близнецов, как об обладательнице дара повышенного плодородия, а о самих близнецах, как о символе плодородия. В этом контексте, близнецы выступают главными персонажами темы «небесной свадьбы». В мифе о «небесной свадьбе» близнецы едут к дому невесты – дочери бога солнца на двух конях (Иванов, Топоров, 1998, с.188). Отголоски близнечного культа были зафиксированы в начале XX в. в свадебном обряде коми: «Два участника игры становятся спиной друг к другу и в таком положении привязываются в области таза один к другому; каждый из них берёт в руки по дуге за концы её, изображая собою запряжённого коня, и наклоняется к полу. Потом прикрывается всё это пологом, получается вид двухголового коня. На середину такой фигуры садится голый мальчик, держа в руке сырой веник. Фигура выходит на игрище и начинает двигаться назад и вперёд, постукивая по полу концами дуг, как копытами, а мальчик при этом кропит всех веником», голый мальчик в этом обряде изображает солнце, а «кони» - зооморфные фигуры солнца (Сидров, цит. по Грибовой, 1975, с.77-78). Сходство сценографии этого обычая с иконографией коньковых подвесок очевидно.

В мировой мифологии образ коня наиболее интенсивно использовался у

индоевропейских народов (древних индийцев, иранцев, греков). В эпических сказаниях, явлении более позднем, чем мифы этот персонаж присутствует у всех евразийцев (Мифология, 1998).

Сюжетный анализ изображений с образом коня в прикамском искусстве периода сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э. имеет много общего с индоевропейским мифологическим источником. Это не случайно, считается, что одомашнивание лошади, её название, весь цикл религиозно-мифологических представлений и обрядовых действий возникли первоначально у ираноязычного населения евразийских степей и впоследствии были заимствованы соседними народами (Кузьмина, 1977; она же, 2002 б, с.77; Нестеров, 1990, с.104-107). По мнению Ю.Б. Полидовича, звериный стиль в целом является одним из признаков ираноязычного этноса и изделия с образами животных в Прикамье обязаны своим появлением иранскому влиянию (Полидович, 2007, с.329).

Систематизация мифических сюжетов, где конь - основное действующее лицо, даёт несколько направлений раскрытия этого образа. Конь является небесным существом, которое перевозит солнце/бога/царя и само может быть символом солнца. Первоначальная природа коня - хтоническая, он рожден в морской пучине и способен опускаться под землю/воду. Кони или боги-близнецы, принявшие обличье коней несут с собой богатство, сыновей, общее плодородие, это является следствием первых двух его характеристик – солнечной и хтонической. Конь выступает в роли жертвы, прикованной к столбу/мировому дереву. И, наконец, конь – верный друг и помощник главного героя в путешествии по разным мирам, подвигах и особенно, борьбе с драконами/змеями

(Мифология, 1998). Все эти сюжеты не имеют четкого разграничения, взаимозаменяются или дополняют друг друга.

В разных категориях мифов один и тот же сюжет с образом коня может иметь разное значение, например, мотив поединка коня со змеевидным противником. В солярных мифах – это сюжет борьбы солнца-коня с тьмой – хтоническим существом. В дуалистических мифах – это противостояние двух основных сил, на оппозиции которых держится всё мироустройство. В героических мифах – это поединок героя со змеем. В некоторых вариантах близнечных мифов есть сцена сражения с чудовищем с целью возврата людям плодородия и богатства. В календарных мифах так же присутствует эта идея.

Однозначно соотносить композиции прикамских изделий с образом коня с каким-либо мифологическим сюжетом не представляется возможным. К примеру, охлебининский крючок может содержать в себе как «змееборческую» характеристику образа, так и «жертвенную», так как это изображение коня у столба (рис. 1 – 3,12). Такая же многозначность присутствует в композициях арочных подвесок, имеющих солнечную/небесную (о чём свидетельствует арочная форма изделия), жертвенную (три коня в ряд у дерева) и хтоническую (наличие лапок водоплавающих животных) характеристики образа (рис. 1 – 8,11).

Рассмотренные четыре сюжета на бронзовой гарнитуре не исчерпывают глубины образа коня в прикамских культурных традициях. Кроме того, большинство предметов с изображением коня – это одиночные неорнаментированные изделия, понимание композиций которых и их назначение затруднено отсутствием контекста находки, но, если кратко обобщить всё вышесказанное, то

получается, что изделия с образом коня заключают в себе идеи плодородия и защиты.

О.О. Малых ПАЛАШИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ

Статья посвящена проблеме распространения палашей на территории Прикамья в Раннем железном веке.

Традиционно считается, что палаш это оружие, созданное и получившее распространение в эпоху средневековья. На сегодняшний день высказывается предположение, что палашы в Прикамье появляются в VII в. н.э. Проведенное нами исследование позволяет удревнить традицию однолезвого длинноклинкового оружия на территории Прикамья. Палашы в нашем регионе появляются в период III- II в. до н.э. в памятниках караабызской археологической культуры и в период II-III в. н.э. в памятниках чегандинской культуры.

Прежде чем говорить о распространении палашей, необходимо определить, что же представляет собой данное оружие. Палаш – это разновидность длинноклинкового однолезвого оружия, предназначенная для нанесения колюще-режущих повреждений. К характерным особенностям данного оружия относятся однолезвийная или полуторная заточка клинка и прямой или почти прямой клинок. Острие и хвостовик оружия находятся на одной прямой.

В Прикамье в Раннем железном веке существовало две традиции палашей: караабызская и чегандинская, названные так по археологическим культурам в памятниках которых обнаружено оружие.

Древнейшие прикамские палашы происходят из могильников караабызской археологической культуры, относящихся к периоду II в. до н.э. – II в. н.э.

Караабызские палашы представля-

ют собой оружие с прямым однолезвным клинком длиной 30-40см, хвостовик является продолжением спинки клинка. Следов полуторной заточки не зафиксировано. Особенности перехода от клинка к хвостовику позволяют утверждать, что рукоять не была рассчитана на применение металлического перекрестия. Вероятнее всего, общая длина оружия составляла около 45-50см.

Большинство палашей, обнаруженных в погребениях караабызской культуры, представляют собой однотипное оружие, отличающиеся друг от друга незначительной разницей параметров.

Исходя из конструкции оружия и его параметров, правомерно будет предположить, что палаши рассчитаны для нанесения колюще-режущих повреждений, для нанесения эффективных рубящих ударов оружие не обладает достаточной массой и длиной.

На данный момент нам известно об обнаружении палашей в погребениях №2,69,70,75,76,85,128 Юлдашевского могильника (Агеев, 1992. с.99), погребениях №.6,8,21,23,87,90 Камышлы – Таманского могильника (Агеев, 1992. с.99), погребениях № 6,9,27,28,33,35,69,75,76,80,82,112 Охлебининского могильника (Пшеничнюк, 1968. с.93-102), погребении 137 Ново-Сысыкульского могильника (Васюткин, Калинин, 1986. с.116). Такое количество оружия может свидетельствовать о распространенности и устойчивости традиции ранних палашей в среде населения, оставившего данные могильники.

Отчасти, широкое распространение можно объяснить возможностью использования оружия для хозяйственных и бытовых нужд. На основании формы палашей можно предположить, что они развиваются из ножей.

Существует вероятность того, что палаши происходят из одного производ-

ственного центра, расположенного в среде караабызских племен.

С одной стороны, об этом может свидетельствовать простота конструкции оружия. С другой стороны, большинство палашей однотипны, и отличаются друг от друга незначительной разницей параметров.

Традиция ранних палашей могла возникнуть в среде носителей караабызской культуры, возможно, на развитие палашей влияние оказали традиции сарматского вооружения. Прямых аналогий в материалах синхронных или предшествующих культур, тем не менее, нам не известно.

На наш взгляд, караабызских палашей традиция существовала в период II в. до н.э. – I-II в. н.э. В начале первого тысячелетия усложняется военная обстановка в Прикамье в связи с миграционными процессами, происходящими в регионе. Увеличение военных столкновений приводит к повышению значимости оружия ближнего боя и его совершенствованию. Вероятнее всего, караабызские палаши выходят из употребления вследствие того, что они были менее эффективны, чем мечи, распространенные в данный период.

Возникает закономерный вопрос о влиянии караабызских палашей на клинковое оружие Прикамья.

На наш взгляд, аналогии ранним палашам можно обнаружить только в материалах Бирского могильника, датируемых периодом II-VII в. н.э. В погребениях №77, 156, 206 обнаружены длинные палаши (Мажитов, 1968. с.38), у которых переход от клинка к хвостовику имеет подтреугольную форму, что исключает наличие металлического перекрестия. Вероятнее всего, эти погребения относятся к бахмутинскому этапу функционирования памятника.

Вполне возможно, что бирские па-

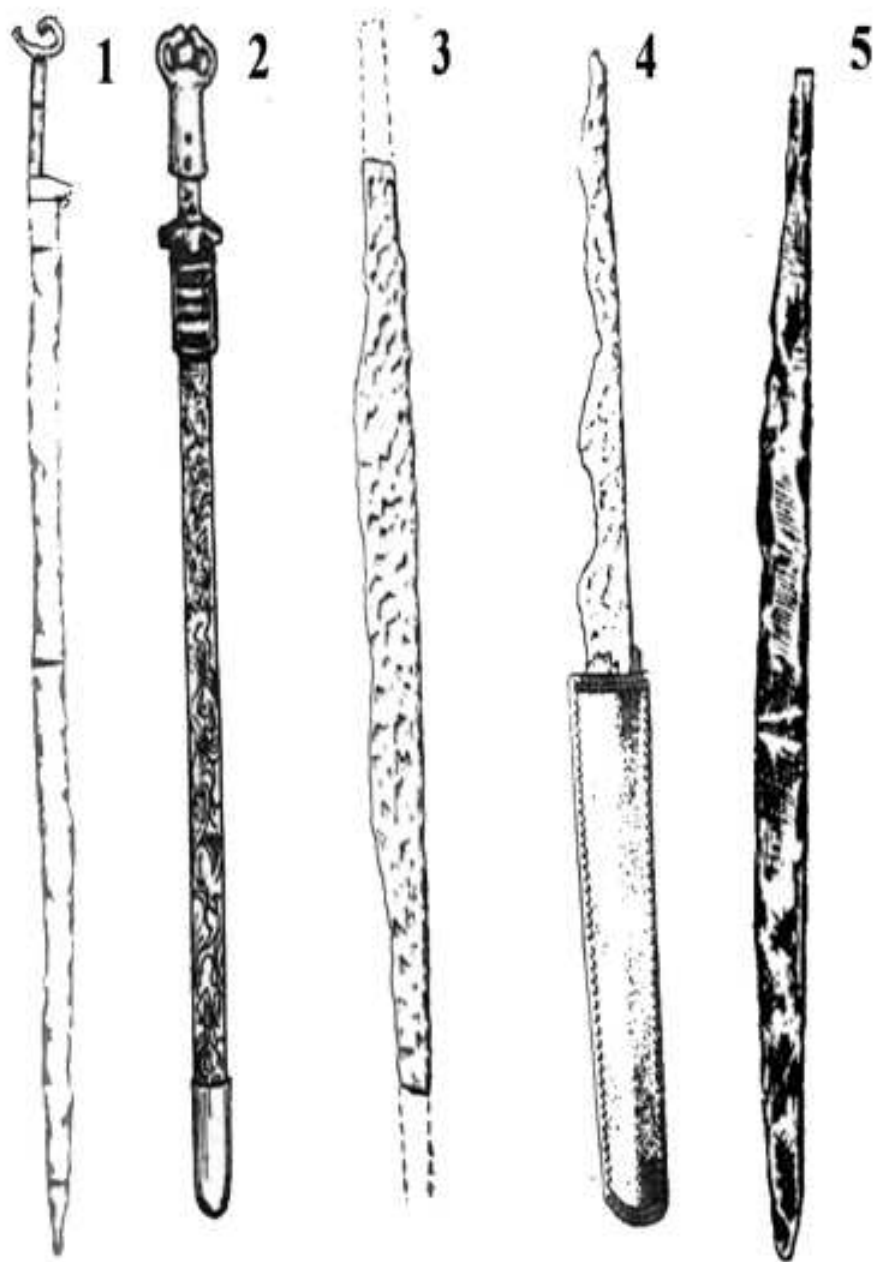

Рис. 1. Палаши из памятников Прикамья.

1. Тарасовский могильник п.1317. (Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Ижевск Т.2 таб.509 рис.10); 2. могильник Чеганда II погребение 7. (Генинг В.Ф., 1971. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. //ВАУ вып.11 таб XI рис. 1.); 3. Охлебнинский могильник (Пшеничнюк А.Х., 1968. Охлебнинский могильник. // Археология и этнография Башкирии. Уфа Т.3 с. 94. рис. 16); 4. Охлебнинский могильник (Пшеничнюк А.Х., 1968. Охлебнинский могильник. // Археология и этнография Башкирии. Уфа Т.3 с. 96. рис. 22); 5. Ново - Сысыкульский могильник погребение 137. Васюткин С.М., Калинин В.К. 1986. (Ново - Сысыкульский могильник.// Археологические работы в низовьях Белой. Уфа. с.116, рис.16.8)

лаши являются продолжением традиции караабызского оружия. В пользу караабызского происхождения традиции бирских палашей может свидетельствовать конструктивная особенность оружия. Караабызские и бирские палаши не имеют металлических перекрестий.

На сегодняшний день мы не можем с уверенностью говорить о наличии взаимосвязи между бирскими и караабызскими палашами, но нам кажется, что бирские палаши продолжают традиции караабызского оружия.

Не меньший интерес представляют палаши, обнаруженные в погребениях № 7, 33 Чегандинского II могильника (Генинг, 1971. с.7,64), погребениях №133, 143 Афонинского могильника (Агеев, 1992. с.46, 118), погребениях № 733, 1291, 1317 Тарасовского могильника (Голдина, 2004. с.134,207,210), погребениях № 71, 78, 79 могильника Нырганда II (Агеев 1992. с.46, 118) чегандинской культуры.

Чегандинские палаши - это оружие с однолезвым кликом длиной от 50 до 80 см и навершием округлой формы, изготовленным в виде двух противостоящих друг другу змей.

Если различия между караабызскими палашами заключаются в небольшой разнице параметров, то чегандинские палаши имеют индивидуальные отличия позволяющие, по крайней мере, отнести их к разным подтипам.

В качестве примера приведем описание оружия из погребения 7 Чегандинского II могильника и погребения 1317 Тарасовского могильника.

В погребении № 7 слева от костяка обнаружен палаш с прямым однолезвым клинком длиной 55 см и шириной 3 см (Генинг, 1971. с.7). Рукоять снабжена прямым перекрестием, отлитым из меди или бронзы, и украшенным орнаментом, состоящим из треугольников. Рукоять

увенчана литым надсадным навершием, состоящим из раструба и антенн, оформленных в виде двух противостоящих друг другу змей. Ножны снабжены литыми обоями, изготовленными в едином стиле с навершием. Необходимо отметить, что обоймы ножен чегандинского палаша имеют аналогичную форму с обоями палашей Охлебининского могильника.

Оружие из погребения №1317 представлено палашом с прямым однолезвым клинком длиной 77,4 см и шириной 3,2 см (Голдина, 2004 Т.2 таб.509 рис.10). Перекрестие представлено железной пластиной, обернутой вокруг пяты клинка и заклепанной на конце. Навершие представлено в виде двух антенн, оформленных в виде двух противостоящих друг другу змей. Особенностью данного оружия является необычно широкая спинка клинка до 1,2 см. По всей видимости, спинка клинка откована необычно широкой для того, чтобы клинок имел достаточную массу, что обеспечит эффективное нанесение рубящего удара, и в тоже время, был пригоден для нанесения колющего удара за счет небольшой ширины оружия. Конструктивные элементы клинка изначально рассчитаны на нанесение эффективных колющих и рубящих повреждений.

Если палаш из погребения 7 Чегандинского могильника представляет собой в большей степени статусное оружие, то палаш из погребения 1317 Тарасовского могильника представляет собой утилитарное оружие, рассчитанное для боевого применения.

Характерной особенностью всех известных нам палашей, происходящих из чегандинских могильников, являются навершия изготовленные в рамках одного сюжета, две противостоящие друг другу змеи, образующие незамкнутый круг. Навершия могут быть отлиты из

меди или бронзы или откованы из железа заодно с хвостовиком.

Наверший в виде двух противостоящих змей встречаются на савроматских акинаках. В качестве примера можно привести меч, относящийся к V-IV в. до н.э. из Осьмушенского кургана (Смирнов, Петрушенко, 1963. с.25). На наш взгляд, логично предположить, что сюжет оформления наверший заимствован из среды савромато-сарматских племен.

Интересна особенность палашей, происходящих из погребений №78, 79 Нырганда II могильника (Агеев, 1992. с.46). Острия клинков слегка изогнуты, что в большей степени характерно для сабель, нежели для палашей. Говорить о возникновении сабель в раннем железном веке все не стоит. В раннем железном веке встречаются экземпляры оружия, которые можно отнести к саблям, но устойчивой традиции так и не сложилось.

К сожалению, большая часть материалов раскопок Ныргандинского II и Афонинского могильников не опубликована, поэтому о палашах, происходящих из этих памятников, нам судить сложно.

Судить о происхождении традиции палашей достаточно сложно. С одной стороны, палаши могут попасть к чегандинскому населению из среды носителей каабызской культуры. В пользу данного предположения может свидетельствовать факт того, что в период II в. до н.э. – II в. н.э. в среде каабызского населения существует традиция ранних палашей, которая могла быть перенята чегандинским населением. Однако прямых аналогий между караабызскими и чеган-

динскими палашами нам пока не удается найти. Среди караабызских палашей не известно «змеевидных» наверший, общая длина большинства нижнекамских палашей не превышает 50 – 60 см, в то время, как длина чегандинских палашей варьирует в пределах 80 см.

В период II-III веков однолезвое длинноклинковое оружие известно в гуннских материалах. Гуннское оружие в большей степени напоминает однолезвые мечи, нежели палаши и вероятнее всего не могут быть истоком традиции чегандинских палашей.

Возможно, что палаши были принесены населением, оставившим часть воинских погребений Тарасовского могильника. Тарасовские палаши - это весьма эффективное боевое оружие, которое могло возникнуть только в регионе, где тактика ведения ближнего боя весьма распространена и клинковое оружие имеет большое значение. Логично предположить, что местное население начало копировать более эффективное оружие, пришедшее вместе с мигрировавшим населением, тем самым создав традицию чегандинских палашей.

Возможно, традиция могла возникнуть в среде носителей чегандинской культуры, но, на наш взгляд, это маловероятно. Во-первых, в оформлении оружия присутствуют явные степные мотивы, известные еще в савроматские времена. Во-вторых, в нашем регионе до эпохи Великого переселения народов длинноклинковое оружие, по-видимому, не имело большого значения в военном деле, следовательно, нет оснований для развития местных традиций.

В материалах какэльской (Худяков, 1986. с.79-80) и таштыкской (Худяков, 1986. с.100) культуры существовавшей на территории Западной Сибири, известны палаши и их модели с кольцевыми навершиями, которые можно считать ближайшими аналогами чегандин-

ских палашей. На наш взгляд, маловероятно, что традиция чегандинских палашей заимствована в Западной Сибири, хотя полностью отвергать такую возможность нельзя.

Версий происхождения чегандинских палашей достаточно много, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют нам отдавать приоритет какой-либо из них.

На наш взгляд, чегандинские палаши были распространены в период II-III в. н.э. Вероятнее всего, что большая часть чегандинских палашей попала в регион извне. Часть оружия оказалась в составе погребальных комплексов, часть могла быть повреждена и переработана, часть оружия могла быть утрачена. Выход из употребления имеющихся палашей приводит к прекращению традиции.

Подводя итог всему выше сказанному, можно смело утверждать, что появление палашей на территории Прикамья можно отнести к периоду III -II в. до н.э. В Прикамье существовало две традиции ранних палашей - чегандинская и каабызская, не находящие прямых аналогий в материалах археологических культур соседних с Прикамьем регионов. Традиции прикамских палашей прерываются в раннем железном веке, и не могут считаться основой для развития средневекового оружия.

**А.Ф. Мельничук, С.Н. Кореньюк,
М.Л. Перескоков**
**ШНУРОВОЙ ОРНАМЕНТ –
ЭТНИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР В
КУЛЬТУРАХ ЖЕЛЕЗНОГО
ВЕКА СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ?**

«Шнуровой орнамент вообще настолько широко распространен в мире, что было бы наоборот странно не найти его в Эквадоре»

*Дмитрий Беляев, сайт
«Желтые Колумбы»*

В последние десятилетия в стабильное этнокультурное восприятие памятников ломоватовской и родановской культур, которые обычно рассматривались как археологические системы, связанные с этногенезом пермских финнов, стали проникать взгляды археологов, реанимирующие старые позиции А.Ф. Теплоухова, А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой, выдвинувших тезис о преобладании тюркско-угорского населения в Среднем Приуралье в эпоху раннего средневековья (Теплоухов, 1924; Халиков, 1971. С. 35 – 37; Халикова, 1969).

В статье мы обратимся к шнуровому орнаменту – технической традиции в декорировании глиняной посуды, использовавшейся в Европе с эпохи неолита – палеометалла, которая вкупе с другими видами керамического декора является, по мнению ряда исследователей, в железном веке Среднего Приуралья «важнейшей чертой угорской культуры». По взглядам Е.П. Казакова, одним из основных этнических маркеров угров является круглодонная посуда, украшенная шнуровым орнаментом, часто в сочетании с оттисками гребенки с приме-

сью толченой раковины и талька в глиняном тесте (Казаков, 2003, 2004). Эту точку зрения поддерживали и развивают сейчас исследователи, занимающиеся зауральской и южноприуральской археологией железного века (В.Н Чернецов, В.А Могильников, В.Д Викторова, В.А. Иванов). В разрез с взглядами пермской школы археологов на этногенез коми-пермяков, которые корректно были сформулированы В.А. Обориным, рассматривавшим сложение культур пермских финнов как процесс явно не изолированный от влияния других этносов (угорский, тюркский, самодийский), исследователи Пермского педуниверситета отнесли территорию Пермского Приуралья в эпоху железного века к жизненному ареалу древнеугорского населения (Оборин, 1972; Белавин, Крыласова, 1997). Однако они были вынуждены скорректировать свои взгляды, сохранив на раннесредневековой карте Среднего Приуралья подчиненную роль древних пермских финнов в системе основного («вмещающего?») угорского этноса (Белавин, 2007). Читая статьи, посвященные угорской концепции в археологии Пермского Приуралья, приходишь к выводу, что только для угров характерны круглодонные сосуды со шнуровой и шнуро-гребенчатой орнаментацией, резным декором и примесью раковины в глиняном тесте.

Возникает вопрос о времени появления взгляда о том, что шнуровая и шнуро-гребенчатая керамика ассоциируется с «угорским» этносом. Впервые это положение высказал В. Н. Чернецов, опираясь на скудные материалы Перейминского могильника VI – VII вв. (Чернецов, 1957. С. 180. Табл. XV, 3). В Среднем Приуралье, явно под влиянием взглядов В. Н. Чернецова, памятники харинской эпохи, содержавшие в курганных некрополях чашевидные остроре-

берные сосуды с шнуровыми узорами в виде горизонтальных рядов, «подковок», «волны», В. А. Оборин и В. Ф. Генинг связали с «пришлыми угорскими племенами» (Бадер, Оборин, 1958. С. 147; Генинг, 1955, С. 115 – 123; 1959. С. 157 – 219; 1961. С. 46). В дальнейшем соотносить прикамскую посуду со шнуровыми и шнуро-гребенчатыми отпечатками с «угорским этносом» стало традицией в археологии Приуралья и Зауралья, хотя ни одного документированного харинского комплекса за пределами Пермского Приуралья до сих пор не обнаружено (Викторова, 1964. С. 246).

Рассмотрим развитие прикамской посуды с шнуровым декором или с шнуро-гребенчатым орнаментом на всем протяжении железного века Среднего Приуралья.

Впервые на территории Среднего и Верхнего Прикамья шнуровые отпечатки в качестве декора сосудов появляются в эпоху финальной бронзы. Шнуровой декор отмечается на сосудах 2 и 3 стадии ерзовской культуры (рис.1) в предананьинское время – конец II тыс. до н. э. (Денисов, 1960; 1967; Коренюк, Мельничук, 1992). Иногда возле пояса ямок-жемчужин, расположенных на шейке сосудов отмечаются «отворотики», свойственные для гамаюнской посуды. Представительные керамические комплексы со шнуровым декором выявлены в Удмуртском Прикамье (Быргиндинская культура – конец XI – X вв. до н.), на основе которых сложился, по мнению исследователей, местный вариант ананьинской культуры (Ашихмина, Генинг, 1977. С. 112. Рис. 10; Голдина, 1999. С. 155. Рис. 70).

Нам представляется, что наши коллеги, постулируя тезис о шнуровой и шнуро-гребенчатой керамике «как этнического угорского маркера» в железном веке Среднего Приуралья, вынуждены

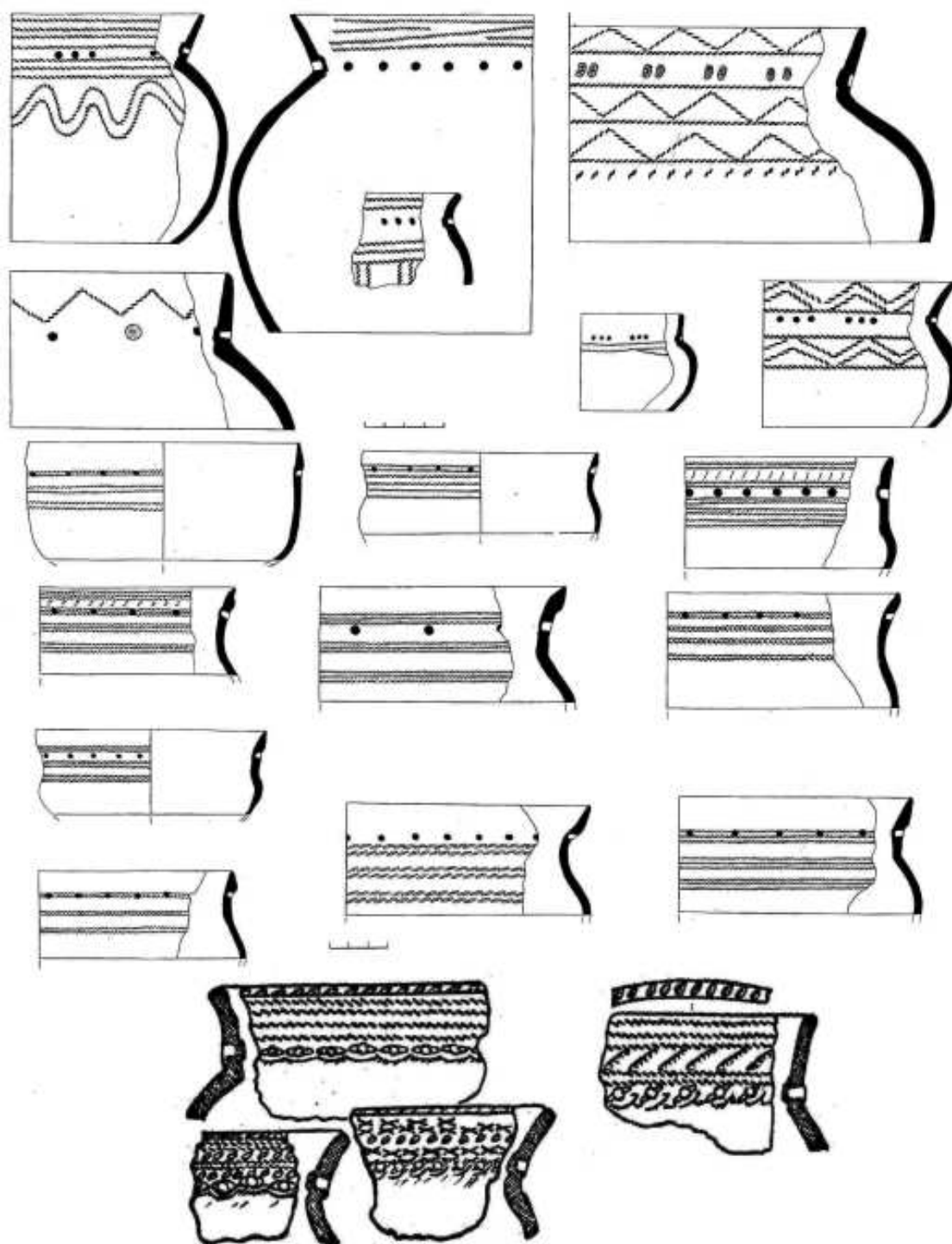

Рис. 1. Шнуровая керамика ерзовской культуры

как-то объяснить появление мощного пласта ананьинской шнуровой и шнурогребенчатой керамики в раннем железном веке региона, и проиллюстрировать научной общественности, что эта культурная общность, традиционно рассмат-

риваемая многими исследователями как этническая колыбель финно-пермских народов, входит в «единое праугорское пространство». Учитывая, что на собственно «протоугорской» территории Западной Сибири в эпоху бронзы дос-

товерных шнуровых комплексов нет (Борзунов, 1992; Косарев, 1981; Матющенко, 1999. С. 92 – 95) А. М. Белавин, опираясь на взгляды В. Н. Маркова, для защиты своей концепции использовал редкие в Среднем Прикамье гамаюнские, а также лебяжские культурные комплексы, которые якобы сыграли значительную роль в генезисе ананьинской культуры и в формировании шнуро-гребенчатой керамики (Марков, 2007. С. 56 – 57)

Гамаюнский тип керамики встречается очень редко в жилищных комплексах Верхнего и Среднего Прикамья как примесь к посуде 3 стадии ерзовской культуры (Заюрчим I, Заосиново VI). Носителей гамаюнской посуды А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова необоснованно объявили «протоугорскими переселенцами», ставшими «причиной складывания единого прагоурского пространства на восточных и западных склонах Среднего и Южного Урала в последующий период железа» (Белавин, Крыласова, 2002. С. 98) Удивительно, что к таким выводам не пришел основной исследователь этого культурного образования В. А. Борзунов, с осторожностью отмечавший: «гамаюнская культура, вероятнее всего, угорская. Безусловное ее влияние в сложении финно-угорских культур раннего железного века – иткульской и отчасти ананьинской» (Борзунов, 1992. С. 143).

Считать постгаринскую лебяжскую культуру, нижняя дата которой определяется как минимум финалом сейминско-турбинской эпохи (середина II тыс до н. э), «протоугорской» нет никаких оснований (Канивец, 1964; Лузгин, 1972; Стоколос, 2005. С. 20; Белавин, Крыласова, 2002 С. 98). Тем более в Северном Прикамье классические лебяжские комплексы малочисленны, слабо изучены,

и если и влияли на формирование памятников ананьинской культуры, то только в этом ограниченном районе. Так называемая поздняя лебяжская керамика с гребенчатым орнаментом является одним из компонентов раннеананьинской керамической традиции, и встречается совместно с гребенчато-шнуровой посудой в жилищных комплексах Среднего Приуралья, относящихся как минимум к VII в до н. э. (Заюрчим I - II, Половинное I, Больше-Вятское поселение, Позде-евское озеро I). Интересно, что «поздне-лебяжские сосуды» обнаружены в 2 захоронениях Залазнинского могильника, характерного некрополя раннеананьинской культуры (исследования С. Н. Коренюка). В тоже время в более ранних закрытых комплексах поселения Заюрчим VI, насыщенных гребенчато-шнуровой керамикой, никаких следов «поздне-лебяжской» посуды не обнаружено. Таким образом, гребенчатая посуда на раннеананьинских памятниках Среднего Приуралья является неотъемлемым элементом керамической традиции местного населения. Выделять в раннеананьинской системе какие-то две различные культурные группы по системе декора явно нецелесообразно. Используя подобную методику для характеристики позднеананьинской посуды, пришлось бы керамику с различными типами орнамента (гребенчатым, ямочным, шнуровым) также относить к разным культурным системам.

Таким образом, попытка распространить «протоугорское» лебяжское и гамаюнское влияние на генезис раннеананьинской посуды со шнуровым и шнуро-гребенчатым керамикой является необоснованной.

Раннеананьинская эпоха характеризуется полным преобладанием в керамике посуды со шнуровой и шнуро-гребен-

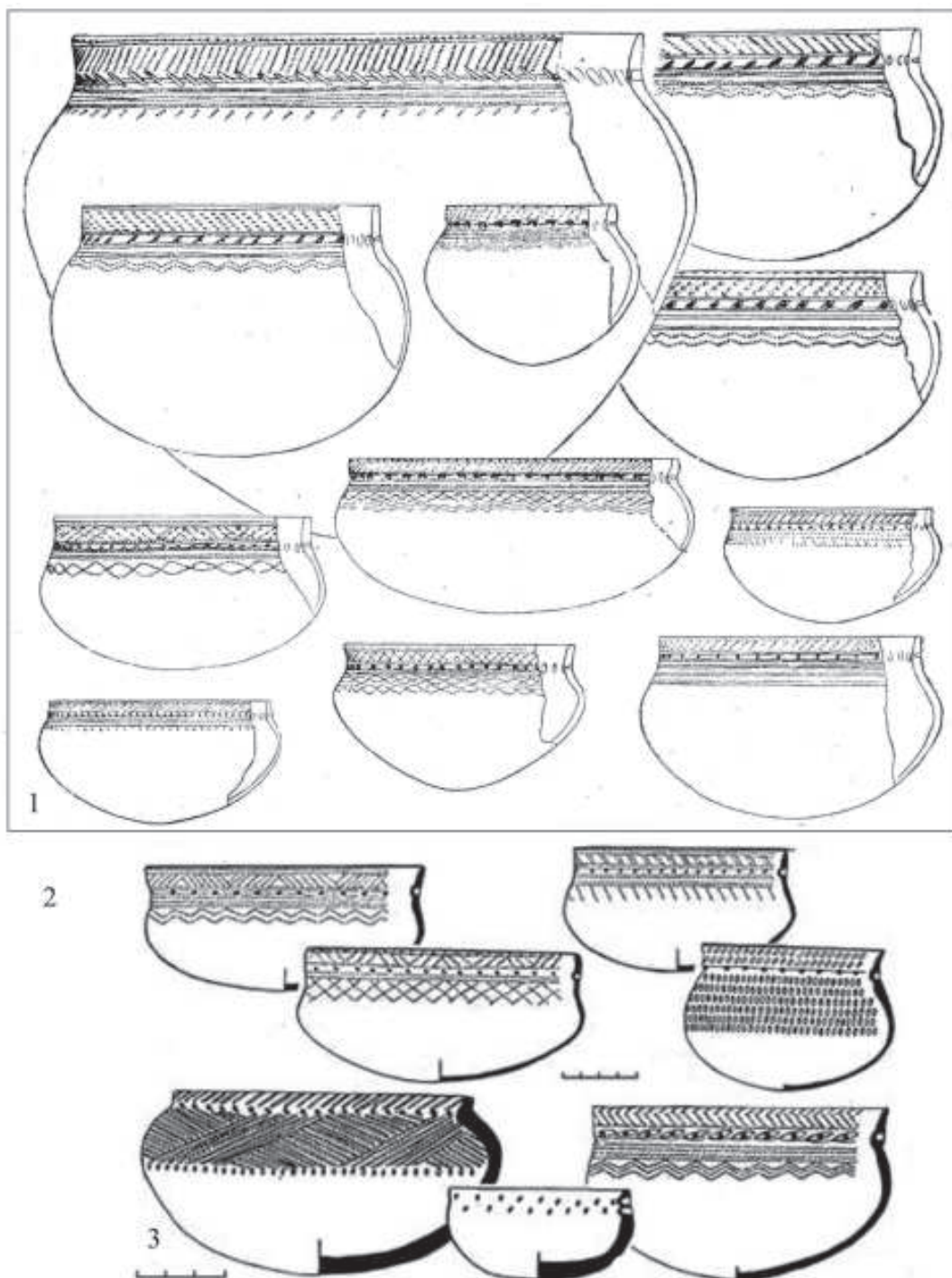

Рис. 2. Раннеананьинская шнуровая керамика: 1. Поселение Заюрчим VI (по В.П. Денисову); 2. Першинский могильник 3. Иткульский сосуд из погребения Першинского могильника

чатой керамикой (рис. 2) с примесью гребенчатой, т. н. «позднелебяжской». (Заюрчим 1 – VI, Половинное I, Сосновка, Елово, Баш-Култаево, Больше-Вятское и т. д.). Близкие шнуровые и шнуро-гре-

бенчатые комплексы изучены в Удмуртском Прикамье и бассейне р. Вятки. Шнуровые и шнуро-гребенчатые раннеананьинские керамические группы (тип Ластва) характерны для памятников ран-

него железного века Печоро-Вычегодского бассейна. В целом следует согласиться с мнением исследователей, что истоки шнуровой керамики ананьинского типа надо искать в области Среднего и Верхнего Прикамья (Иванов, 1982; Ашихмина, Васкул. С. 333.).

Удивительно, в зауральских районах, «исконных угорских», шнуровой и шнуро-гребенчатой керамики близкой к раннеананьинской нет. Посуда иткульской культуры (VII – III вв. до н. э.), как на своей ранней, так и на своей поздней стадии, ничего общего в орнаментике с посудой ананьинской культуры не имеет (Бельтикова, 1977. С. 71. Рис. 7). Раннеананьинское население Среднего Приуралья поддерживало связи с зауральским населением, о чем говорит находка в одном из погребений Першинского могильника талькированного иткульского сосуда (исследования С. Н. Коренюка) (Рис. 2, 3). Однако коллег, развивающих «угорскую концепцию» вопросы культурно-этнических отношений между Приуральем и Зауральем не волнуют. Им надо объяснить столь высокий уровень в ананьинскую эпоху шнуровой и шнуро-гребенчатой орнаментации, являющейся на Урале этническим «угорским маркером».

Нам это объяснили. Оказывается «по мнению В. Н. Маркова и А. М. Белавина в ананьинской КИО можно выделить по меньшей два-три этнокультурных компонента, причем среднекамское ананьино (классическое) является основой для формирования угорского населения Урала. На это указали также В. М. Морозов и В. Д. Викторова, считавшие, что именно в среднекамском ананьино сложилась шнуро-гребенчатая керамика носителей праугорских языков» (Белавин, Голдобин, 2002. С. 104). Что тут сказать. Из всех представленных археологов памятниками ананьинской культу-

ры занимался В. Н. Марков (Марков, 2007), у которого столь оригинальные взгляд на генезис ананьинских и пьяноборских древностей Приуралья, что он, по справедливому мнению Р. Д. Голдиной, «относится к разряду научных заблуждений» (Голдина, 1999. С. 193). Остальные исследователи (А. М. Белавин, В. М. Морозов, В. Д. Викторова) ананьинской проблемой не занимались, и их мнение следует воспринимать как частное историографическое явление.

Преемственность керамических традиций раннеананьинской шнуровой и шнуро-гребенчатой посуды прослеживаются на памятниках более поздних этапов ананьинской культуры Среднего Приуралья (Заюрчим, Половинное, Галкино, Скородум, Гремяча и т. д.), что свидетельствует о том, что никаких серьезных миграций «угорского» населения в ареал финно-пермских общин не было. На среднем (VI – V вв. до н. э.) и поздних этапах (IV – III вв. до н. э.) ананьинской культуры Среднего Приуралья форма сосудов и их декор (появление воротничков) несколько меняется. Однако сохраняется значительное количество сосудов декорированных как простым шнуровым орнаментом, так и сочетаниями шнура с другими орнаментальными мотивами. В целом индекс орнаментации шнуровыми отпечатками, включая сложные узоры, достигает 20-30%. Для среднего этапа ананьинской культуры характерна посуда, декорированная горизонтальными отпечатками шнура, «волной», «подковками». Отдельные сосуды имеют ребристое тулово. Если бы не горизонтальный ряд ямок по шейке и намечающийся воротничок эти сосуды ассоциировались бы с ребристой керамикой харинского типа.

Если мы обратимся к материалам Западной Сибири, то представительных шнуровых и шнуро-гребенчатых комп-

лексов, синхронных позднеананьинской эпохе (V – III вв. до н. э.), мы в этом регионе не обнаружим. Небольшой материал, содержащий керамику с шнуровыми оттисками был обнаружен на Рафайловском городище и селище в Тюменской области. Посуда помимо гребенчатых узоров была декорирована горизонтальными шнуровыми отпечатками, которые образуют иногда узоры в виде «подковок». Авторы относят этот комплекс к памятникам кашинского типа, который датируется второй половиной I тыс. до н. э. (Чикунова, 2000; Матвеева, Ларина, Берлина, Чикунова, 2005. С. 82. Рис. 43. 3). Отдельные сосуды с шнуровым декором встречаются среди керамических комплексов перегребнинского типа. Она ассоциируется у исследователей с «ананьинской керамикой Приуралья» (Морозов, Чемякин, 2008. С. 217. Рис. 9, 8).

Памятники гляденовской культуры (II в. до н. э. – IV – V н. э.) формируются на базе позднеананьинских древностей, что четко характеризуется многослойными памятниками раннего железного века (Скородум, Половинное I, Галкино, Усть-Сылва, Гляденовское костыще, Юго-Камское костыще и т. д.). Удельный вес шнуровой и шнуро-гребенчатой керамики гляденовских памятниках несколько падает. На Култаевском селище раннего этапа гляденовской культуры индекс шнурового орнамента равен 25 %, Юго-Камское и Гляденовское костыща – 12 %. (Поляков, 1999. С. 4). На памятниках позднего этапа гляденовской культуры (Рис. 3), количество шнурового орнамента представляется следующим образом: Пещерское городище – 3, 5%, Осинское городище – 7%, Горюхалинское городище – 9%, Черновское городище – 14 %, Бутырское городище – 27, 6 %, Опутятское городище – 27, 9 % (Генинг, 1959а; 1980; 1988; Поляков,

1999; Павлова А. О., 2009).

Разница в индексах шнурового орнамента объясняется локальными особенностями племенных территорий (Поляков, 1999; 2001), а также хронологическими рамками памятников. Для осинских памятников характерен более высокий индекс гребенчатого и резного орнамента, для верхнекамских (таких как городища Бутыры и Опутята, которые несколько позже осинских памятников) – свойственны гребенчато-шнуровые комплексы. Характерно, что памятники верхнекамского варианта, появившись на позднем этапе гляденовской культуры, продолжали существовать и в харинское время, причем традиция производства и орнаментация керамики остается неизменной.

Сторонники «угорского вектора» развития культур железного века в Среднем Приуралье раз признали среднекамские ананьинские памятники «протоугорскими», вынуждены также постулировать и «праугорскую» принадлежность среднекамских гляденовских древностей. Отсюда следует оригинальный, но противоречивый вывод: «А.М. Белавин, И.В. Бочаров рассматривают гляденовские памятники Прикамья, как праугорские, а памятники гляденовского типа ЕСВ, как прапермские. На наш взгляд, такой подход может объяснить смешанность и субстратность (угры и финны) населения ЕСВ, так и Пермского Предуралья в последующий период раннего средневековья» (Белавин, 2002. С. 117, 119). На наш взгляд, авторы этого тезиса совершенно не имеют представления о близости гляденовской посуды среднего Прикамья (Турбино, Усть-Сылва, Гляденово) и верхнего Прикамья (бассейн р. Вишера, Скородум, памятники Чусовского озера), облик которых идентичен гляденовским керамическим комплексам Европейского Северо-Востока (Васкул,

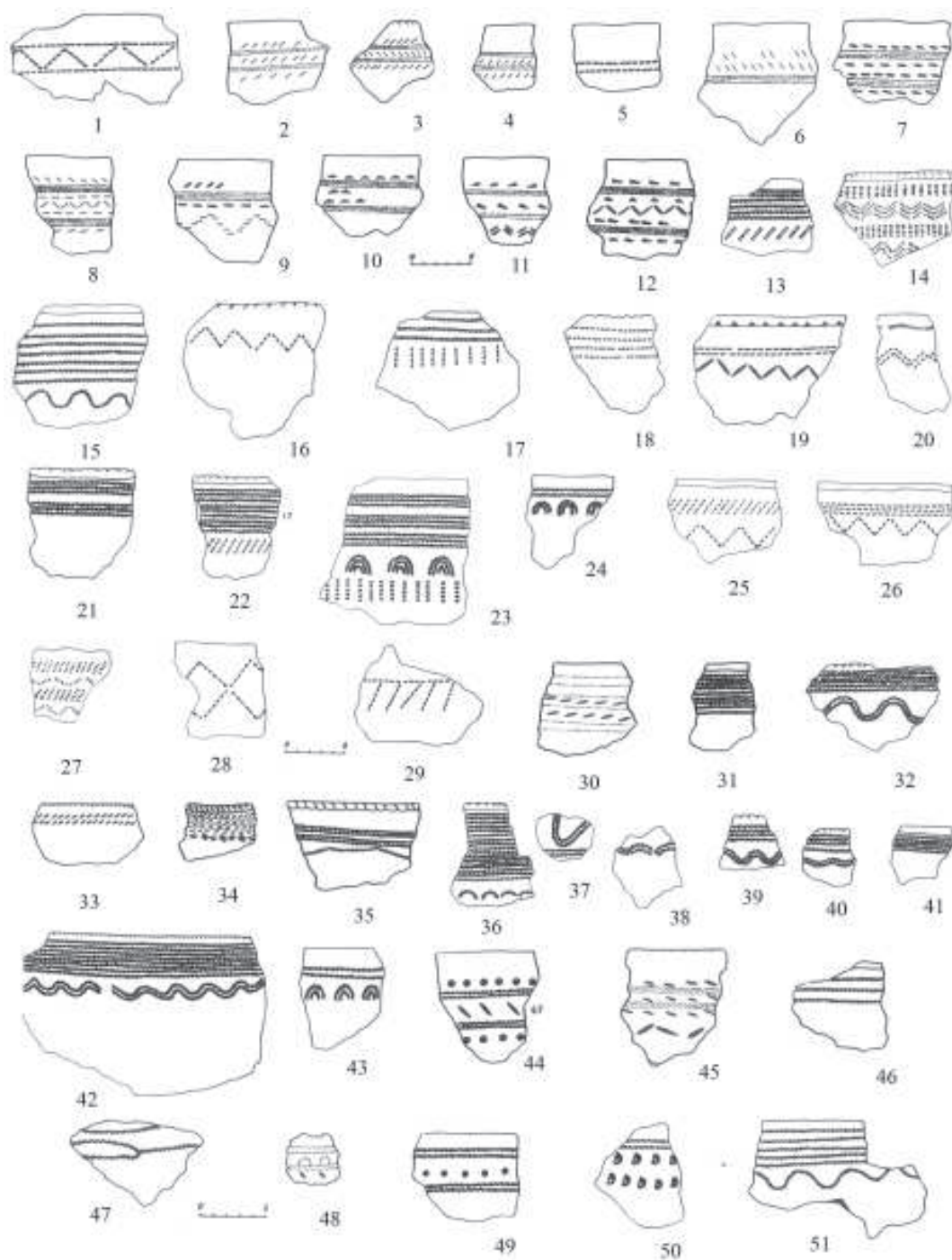

Рис. 3. Шнуровая керамика гляденовской культуры (по Ю.А. Полякову): 1-5. Турбинское селище; 6-12. Скородумское селище; 13-21. Черновское 1, городище; 22-29. Федотовское городище; 30-31, 33-35. Гляденовское костыще; 32, 36-44. Култаевское селище; 45-51. Юго-камское костыще

2002). Критика «угорской концепции» в гляденовской археологии была проведена одним из авторов (Мельничук, 2003; 2004). Авторы «угорского» вектора в археологии раннего железно-

го века Среднего Приуралья явно не желают замечать, что ананьинская культурная общность географически располагается именно в ареале обитания современных финно-пермских народов (ма-

рийцы, удмурты, коми-пермяки, коми-зыряне), а гляденовская культурная общность удивительным образом сопрягается с этнической территорией народов коми.

В харинский время удельный вес шнуровой и шнуро-гребенчатой посуды увеличивается. Объяснить это явление внедрением «угорских» групп вряд ли оправданно, так как подобной керамики в Зауралье и в Башкирии нет, как нет там харинских погребальных комплексов. Шнуровая керамика в Зауралье появляется только во второй половине I тыс. н. э. (Петрогром). На наш взгляд, под влиянием как социально-политических, так и социально-экономических процессов у гляденовского населения вновь стала популярна орнаментика, которая была распространена в средний период ананьинской культуры (многорядный шнур, «волна», «подковки») и острореберность сосудов.

В дальнейшем в эпоху раннего средневековья памятники ломоватовской, родановской, ванвиздинской, полумской культур, содержащие шнуровые и шнуро-гребенчатые керамические комплексы, с легкой руки Е.М. Казакова, приобщены к «угорскому» этническому миру. Таким образом, по данным исследователя и его сторонников, получается, что именно Среднее Приуралье является этнической колыбелью «угров», которую они неожиданно покинули в XI – XII вв. и ушли в какое-то историческое небытие. Для нас совершенно ясно, что шнуровые и шнуро-гребенчатые керамические комплексы петрогромского, чияликского, юдинского культурных кругов, которые, «возможно», являются угорскими, явно не соотносятся с памятниками средневековых культуры Среднего и Северного Приуралья как по характеру оформления декора, так и по технологии изготовления сосудов. Отдельные

местонахождения петрогромской керамики (Сылвенско-Иренское поречье), чияликской посуды (Усть-Букорок - Чайковский район; Мало-Никольское разграбленное захоронение – Осинский район), погребальные комплексы близкие к юдинским (могильники Селянино Озеро, Кишерть) не входят в ареал распространения ломоватовских, полумских, ванвиздинских древностей, что кажется странным (Пастушенко, 2004).

Сразу возникает вопрос: отчего в «родственной угорской» ломоватовской или раннеродановской среде мы не обнаружили ни одного фрагмента юдинской, чияликской, петрогромской посуды? В тоже время на среднекамских и верхнекамских памятниках с комплексами ломоватовской и родановской культур встречается кушнаренковская посуда, зауральская посуда кинтусовского облика (Кудымкар, Редикор, Анюшкар, Острая Грива), которая явно ассоциируется с угорскими керамическими комплексами. Определение А.М. Белавиным одного сосуда с плотной гребенчато-шнуровой орнаментацией из раскопок Редикарского городища, как юдинского, вызывает явное недоумение, так как представленная посуда имеет очевидный ванвиздинский облик (Белавин, 2007. С. 32. Рис. 6)

Следует отметить, что петрогромские, чияликские, юдинские древности на фоне хорошо изученных культурных раннесредневековых массивов лесного Приуралья смотрятся крайне непрезентабельно. Они до сих пор объемно не исследованы. У памятников петрогромского типа «до сих пор не установлено, что собой представляют места постоян-

* При этом, однако, не следует думать, что Ф.Ш. Хузин отрицает угорскую этническую принадлежность как петрогрому так и постпетрогрому, он напротив её подчеркивает (см. Хузин, 2008, с.11) – прим. редколлегии

ного жительство населения, поскольку все известные памятники петрогромского типа были временными стоянками, либо местами металлургического производства, либо жертвенными местами» (Бельтикова, Викторова, Морозов, 1998). До настоящего дня не ясна хронология этих памятников. В связи с этим связывать петрогром с традиционными шнурово-гребенчатыми комплексами ломоватовской и родановской культур, и формировать на их основе какой-то «постпетрогромский фантом» более чем странно (Казаков, 2004). Неправомерность выделения особых постпетрогромских древностей в Приуралье справедливо отметил недавно Ф. Ш. Хузин (Хузин, 2008)*.

Таким образом, Среднее и Северное Приуралье входило в ареал, где формировались самые ранние керамические шнуровые комплексы в таежной Евразии, начиная с эпохи финальной бронзы. Именно, на этой территории шнуровой и шнуро-гребенчатый орнамент на протяжении всего железного века являлся одним из важнейших элементов декора керамической тары различных культур (ананьинская, гляденовская, полонская, чепецкая, ломоватовская, родановская, ванвиздинская), которые основными их исследователями рассматриваются как древнепермские. В Среднем Приуралье шнур в керамическом декоре начинает, по нашему мнению, исчезать в послемонгольское время, когда на территорию региона проникает западно-финское и славянское население.

На исконной «угорской» территории Западной Сибири и лесостепного Зауралья шнуровой и шнуро-гребенчатый орнамент появляется значительно позднее, чем в Лесном Приуралье. Отдельные редкие шнуровые элементы прослеживаются в кашинских и перегребнинских комплексах конца I тыс. до н. э. и полу-

чают дальнейшее развитие во второй половине I тыс. н. э. - первой половине II тыс. до н. э. (могильники Перейминский, Калмацкий Брод, петрогромские, юдинские древности). Однако, шнуро-гребенчатые комплексы Зауралья на фоне других орнаментальных мотивов культур железного века Западной Сибири крайне не представительны. На наш взгляд, традиция изготовления шнурового декора на ряде археологических культур лесного Зауралья могла проникнуть из области Камского бассейна, населенного древнепермскими общинами, начиная с позднеананьинской эпохи.

Таким образом, определение сосудов Среднего Приуралья с шнуро-гребенчатым декором и примесью раковины в глиняном тесте как «угорский этномаркер», явно не объективно. Археологические источники свидетельствуют о том, что эта посуда имеет культурно-хронологическую преемственность в географическом ареале обитания финно-пермских народов, начиная с финальной бронзы, что не скажешь о районах жизнедеятельности зауральских и южноприуральских «угров».

© Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2009

**А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова
ШНУРОВОЙ ОРНАМЕНТ –
ЭТНИЧЕСКИЙ МАРКЕР В
КУЛЬТУРАХ ПРЕДУРАЛЬЯ
ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА!**

*«Сложные проблемы, как
правило, имеют простые,
легкие для понимания не-
правильные решения»
Закон Мэрфи*

На страницах «Трудов КАЭЭ», начиная с первых их выпусков, имеют место разные по остроте научные дискуссии, связанные с обсуждениями тех или иных важных и актуальных для археологии Волго-Камья проблем. Не исключением стал и данный выпуск, ориентированный на публикацию широкой дискуссии, связанной с определением роли и места угорских и финских этносов в древней и средневековой истории Волго-Камья, и, в частности, Пермского (Среднего) Предуралья.

История этой дискуссии достойна отдельного описания. Еще в конце XIX - начале XX вв. археологами и этнографами был поставлен вопрос о возможном широком проживании угров в Предуралье в древности и средние века. Уже тогда ведущие специалисты по древней истории и археологии Урала высказывались не в пользу автохтонности аборигенного финно-пермского населения этой территории, считая, что еще в эпоху раннего средневековья Среднее Предуралье было заселено некими уграми – в том числе, предками вогул и остяков (манси и хантэ). Так, известный собиратель и исследователь приуральских древностей Ф.А. Теплоухов считал т.н. «пермскую чудь» предками остяков и вогул (Теплоухов, 1893.). Этнограф и историк И.Н. Смирнов термины «чудской» и «югорский» считал синонимами

(Смирнов, 1904.).

Сомневался в финской принадлежности средневековых пермских древностей и известный отечественный археолог-систематизатор А.С. Спицын. А.В. Шмидт считал, что вплоть до IX-X вв. в Предуралье обитали представители угорских этносов, а А.Ф. Теплоухов датировал приход финнов в Предуралье и смену ими там угров временем не ранее X-XI вв. (Теплоухов, 1927; Теплоухов, 1960, с. 270-275.). Этническая принадлежность населения Пермского Предуралья эпохи средневековья – «Камской Чуди» – большинством исследователей конца XIX - начала XX вв., таким образом, определялась как древнеугорская. Впервые мысль о возможной принадлежности «чудских» древностей не древним уграм, а коми была высказана географом и историком И.Я. Кривошековым, одним из ярких представителей нарождающейся в это время коми интеллигенции.

Эта концепция финно-пермского автохтонизма, т. е. извечной связи народа с занимаемой им ныне территорией, проявлялась в дальнейшем как естественная реакция на идеи и практику «национального размежевания» в 1920—1930-е гг., проявившуюся в образовании автономных республик и округов по этническому признаку. Тогда идеи автохтонизма получили мощную государственно-политическую поддержку в исторической науке, и широко распространилась в советской археологии. Автохтонами стали не только пермские, но и вообще все «советские финны» и, одновременно, славяне. В археологии Предуралья наиболее ярко идеи «извечности пермских народов» на местах их современного обитания нашли свое место в трудах А.П. Смирнова и его учеников и научных последователей. Так возникла

дискуссия, имевшая место быть вплоть до проведения в середине XX столетия серии научных совещаний по этногенезу финно-угорских народов.

Решения этих совещаний «ставили точку» на дискуссии и, как справедливо отметила Е.И. Горюнова почти полвека назад: ««Угорская» теория происхождения народностей Поволжья не была удостоена даже научной критики. Она попросту была забыта» (Горюнова 1961, с. 40), эти слова справедливы и по сию пору.

Однако вскоре затухшая было дискуссия, получила новое развитие в первых, весьма осторожных, высказываниях Е.П. Казакова, позже в той или иной степени поддержанных А.Х. и Е.А. Халиковыми, В.А. Могильниковым и рядом других исследователей. Постепенно дискуссия вновь набрала свои обороты, и стала особенно острой с 1990-х годов, не взирая на то, что концепция «научного автохтонизма» невольно стала идеологической основой для обособления истории каждого народа, разделения региональных и общероссийских исторических процессов на «национальные направления», которые приобрели новую этнополитическую популярность в российской реальности конца 1980—1990-е гг.

Столь длинное вступление понадобилось нам, дабы объяснить пытливому читателю первые фразы из статьи А.Ф. Мельничука с соавторами из настоящего сборника, которые по своему строю являются заявлением о личной преданности авторов идеям «пермского автохтонизма», и должны настроить читателя на отрицательное отношение ко всем, кто эти идеи подвергает сомнению.

Далее попытаемся рассмотреть положения, постулируемые нашими оппонентами в указанной статье.

Безусловно, определенную роль в

формировании населения Пермского Предуралья эпохи железа сыграли племена, населявшие территорию Урала и Предуралья в эпоху бронзы. Свое место в этом процессе имеет ерзовская археологическая культура. Генетическая подоснова «ерзовки» – межовская культура (Обыденнов, Шорин, 1995, с.101), памятники раннего этапа ерзовской культуры включены исследователями в круг межовских памятников (Обыденнов, Шорин, 1995, с.52). Если сказанное рассматривать в этнокультурном контексте, то, согласно мнению современных исследователей, речь должна идти об участии носителей древнеугорского этноса («межовцев») в формировании этнокультурной карты Прикамья и Приуралья в эпоху поздней бронзы (Обыденнов, Шорин, 1995, с.117). В древнеугорской (праугорской) этнокультурной принадлежности «межовцев» у большинства исследователей этой культуры сомнений не возникает.

Безусловно, свою лепту в формирование населения Пермского Предуралья внесли и представители гамаюнской культуры (культура периода перехода от поздней бронзы к раннему железному веку и раннего железного века), чье влияние на Прикамье (Борзунов, 1992) и Европейский Северо-Восток (ЕСВ) неоднократно отмечалось исследователями. Так чаркобожский культурный тип сосудов ЕСВ эпохи раннего железа В.И. Канивец считает родственным гамаюнской (каменогорской) культуре, чаркобожская керамика имеет корни в гамаюнской керамике Зауралья (Овчинников и др., 1999). Этнокультурную принадлежность «гамаюнцеv» большинство авторов считает угорской, хотя В.А. Борзунов, в отличие от В.И. Канивца, делает это несколько осторожно (см. цитату, приведенную в оппонируемой статье), но А.Д. Таиров высказывается со всей опреде-

ленностью: «Этнолингвистическая принадлежность носителей гамаюнской культуры большинством исследователей определяется как угорская» (Таиров). Авторы разбираемой нами статьи оставляют читателей в полном неведении относительно собственной этнокультурной оценки «гамаюнцев».

Лебяжская культура распространялась в обширном ареале, и, в том числе, вплоть до Среднего Прикамья. Использование оттисков шнура в орнаментации лебяжской керамики, по мнению Г.М. - Букова, проявляется в конце функционирования лебяжской культуры в VIII-VI вв. до н.э., уже на стадии начала раннего железного века (Буков, 1967, с.122). В формировании лебяжской культуры помимо местных племен принял участие какой-то зауральский элемент, Г.М. Буков считает лебяжскую культуру угорской (Буков, 1967, с.183). Заявление о том, что лебяжскую культуру считать протоугорской нет никаких оснований, является слишком смелым. Вероятность именно угорской окраски лебяжских древностей весьма высока.

Согласится с утверждением нашим оппонентов, что мнение В.Н. Маркова о нескольких (не менее двух) этнокультурных компонентах ананьинской КИО «относится к разряду научных заблуждений» мы не можем. Установленная А.А.Чижевским в недавней монографии иерархия признаков погребального обряда ананьинских памятников привела исследователя к выводу о том, что «культуры, входящие в состав АКИО, несмотря на наличие у них некоторых общих черт, **весьма специфичны и отражают, вероятно, существование разных этнических групп** (выделено нами – авт.) в пределах одной культурно-исторической области» (Чижевский, 2008, с.86). Как пишет С.В. Кузьминых, АКИО - разнотипное и неоднородное в этни-

ческом плане образование, сложившееся из разных этнокультурных компонентов, связанных своими истоками с различными в культурном и этническом плане популяциями (Кузьминых, 2008). В сложении «классического» (шнурового) варианта ананьинской заметную роль сыграло движение северных (скорее всего, позднелебяжских) групп в Прикамье.

Характерно, что на вероятность подобного сценария развития этнокультурной истории прикамских племен эпохи раннего железного века еще 50 лет тому назад указывали О.Н.Бадер и В.А.Оборин, писавшие о том, что «основные черты ананьинской культуры складывались в конце бронзовой эпохи в недрах северо-камских, приуральских племен, обитавших выше устья Вятки», но, и это очень важно, испытанными в VIII-VII вв. до н.э. какой-то толчок из-за Урала, «принудивший их, отчасти вместе с пришельцами, сместиться на запад и занять территорию Нижней Камы, Средней Волги и даже Ветлуги. В этих районах заметна резкая смена местных культур ананьинской культурой, которая принесла с собой и свежий, резко выраженный монголоидный тип. С этого времени вся огромная территория Прикамья и некоторые смежные районы объединяются как область обитания единокультурных, родственных ананьинских племен. В их состав вошло и местное население, что отразилось в известном культурном своеобразии отдельных групп ананьинских памятников» (Бадер, Оборин, 1958, с.94 и сл.). Через 20 лет было вполне определенно установлено, что «классическая» ананьинская керамика с ямочно-шнуровой орнаментацией не имеет генетических корней ни в низовьях р.Белой, ни в Среднем Прикамье – т.е. на территориях распространения курмантауской и ерзовской культур. Более

того, по своим морфологическим признакам и хронологии керамика курмантауской культуры вообще должна быть исключена из генезиса раннеананьинской ямочно-шнуровой керамики, поскольку оба эти комплекса оказываются синхронными (Иванов, 1982; Гарустович, Савельев, 2004; Морозов, 2004).

Статистика типов керамики также не дает нам ни оснований, ни возможности рассматривать ерзовскую, маклашеевскую, быргындинскую и раннеананьинскую ямочно-шнуровую керамику как единый генетический ряд. Сравнение орнаментики раннеананьинской шнуровой керамики Прикамья с орнаментикой предшествующих керамических комплексов эпохи финальной бронзы – маклашеевских, быргындинских и ерзовских – показывает, что те элементы орнамента, которые характеризуют керамику предананьинских культур Прикамья – зигзаги, елочки, «флажки» (заштрихованные треугольники), ряды каплевидных или клиновидных вдавлений – **в раннеананьинской орнаментике отсутствуют вовсе или представлены незначительно** (Иванов, 2008).

Следовательно, вывод здесь может быть только один – **«классическая» раннеананьинская керамика с ямочно-шнуровым орнаментом на территории Среднего Прикамья и в бассейне р.Белой появляется в уже сложившемся виде.** И ее носители и создатели (скорее всего, северные) явились одним из компонентов (одной из этнических групп), обусловивших сложную этническую и этнокультурную структуру АКЮ. Заметим при этом, что мы не являемся в прямом смысле «специалистами в области изучения ананьино», в чем нас собственно и укоряют авторы оппонируемой статьи. Т.е. нами не были предприняты широкие раскопки ананьинских

памятников (хотя, например, раскопки Огурдинского селища АКЮ наших рук дело). Но мы пытаемся исправить этот наш «недостаток» путем регулярного внимательного знакомства с современными публикациями по ананьинской тематике. Считаем, что делаем это достаточно успешно.

Гляденовская культура, на наш взгляд, также, по меньшей мере, двухкомпонента. Безусловно, что Гляденовская культура ЕСВ имеет очень серьезные отличия от Прикамского «гляденово» (здесь нет городищ, костеносных святилищ, нет свидетельств занятий скотоводством и земледелием, погребальный обряд представлен исключительно трупосожжением, практически не представлена собственная культовая пластика – большая часть находок соотносится с кулайским литьем, представлены вещи пьяноборских типов (например, эполеобразная застежка), керамика имеет ряд отличий в составе теста (минеральные примеси – влияние населения Карелии), больше плоскодонных сосудов, меньше шнуровых орнаментов – в среднем около 20%). Кроме того, мы не разделяем точку зрения наших оппонентов на продление гляденовского времени до V в. н.э. и, вслед за В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной, исключаем из гляденовского ареала Осинское Прикамье.

Авторы оппонируемой статьи касаются вопроса о роли карабызской культуры в формировании этнокультурной карты Прикамья в эпоху раннего железа. В качестве основного аргумента они используют точку зрения В.Ф.Генинга, базировавшуюся на давно уже устаревших представлениях о ямочно-шнуровом ананьино, как о генетической основе карабызской и пьяноборской культур. Игнорируя сознательно или по незнанию точку зрения В.А. Иванова, еще в конце 1970-х годов установившего, что

этнокультурной основой карабызской культуры среднего течения р.Белой явились носители ахмыловской/акозинской АК, в середине I тыс. до н.э. переселившиеся в Приуралье из низовьев Камы и к носителям «классической» ямочно-шнуровой керамики отношения не имеющие (Иванов, 1978; 2002), они тем самым демонстрируют или заведомо субъективный или некомпетентный подход к проблемам этнокультурной истории Южного Прикамья в эпоху раннего железного века. Тем более, что, как показывают последние исследования уфимских археологов, носители керамики «гафурийского типа», в IV в. до н.э. внедрившиеся в бассейн среднего течения р.Белой и повлиявшие как на этнокультурный облик ранних «карабызцев», так и на географию их последующего расселения, представляли собой смешанный, угорско-сарматский компонент (Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007, с.81). Поэтому появление в Среднем Предуралье реминисценций карабызской культуры вполне указывает на то, что они появились здесь не без участия угорских племен.

Подчеркнем, однако, что наша концепция «угорской ойкумены», не выбрасывает древнефиннское (прафинно-пермское) население из Предуралья. Напротив, мы всегда подчеркивали, что на протяжении всего периода железа на территории Предуралья представлены как древние угры, так и древние финны. Речь идет лишь о том, что в определенные периоды угорская составляющая финно-угорского мира Предуралья в той или иной его части становилась преобладающей. Однако период раннего средневековья, со всеми его этническими и политическими коллизиями стал эпохой, когда именно угорский компонент на несколько столетий стал доминантой, подчинившей себе финский компонент

в идеологическом, культурном и хозяйственном плане.

Шнуровая орнаментация в Зауралье хорошо представлена в материалах III-V вв. прыговской культуры (Викторова, 2008, с.111). Шнуровая орнаментация сосудов представлена в материалах IV-V вв. могильников Калмацкий брод и Аятский (Берс, 1963, с. 103, 106). Р.Д. - Голдина отмечала, что указанные могильники имеют большое сходство с Кляповским могильником на р. Сылва. Это сходство проявляется в деталях погребального обряда: небольшой глубине захоронений, положении костяка вытянутого на спине и почти полной идентичности вещевого материала. По мнению исследовательницы, эти памятники **оставлены одной этнической группой**, территория которой охватывала бассейн р. Сылва, верховья Чусовой и район Исети (Голдина, 1968, с.88-89). В.Ф. Генинг считал, что указанные могильники, как и харинские курганы, принадлежали уграм-кочевникам, продвигавшимся в лесную зону восточного и западного склона Урала в эпоху Великого переселения народов (Генинг, 1959). Таким образом, заявление наших оппонентов о том, что шнуровая керамика в Зауралье появляется только во второй половине I тыс. н. э., ложно. Мы видим (в т.ч., и на основании керамических комплексов), что, начиная с IV-V вв. на территории от Прикамья до Приобья включительно в зоне Среднего и Южного Урала складывается «угорская ойкумена».

Единство этой территории проявляется во всей комплексности этнической культуры: от погребальной обрядности (см. статью Белафина в настоящем сборнике) до «шнуровой традиции» в оформлении глиняной посуды. И если угорский этнический окрас культурных комплексов данной территории, отчетливо понятный

многим исследователям, находит свои продолжения в культуре ранних мадьяр, в культуре угорского населения Приобья этнографического времени, то в Пермском Предуралье к XII столетию угорская культурная традиция прерывается. Разница между культурным комплексом населения Предуралья XII-XV вв. и предшествующего периода совершенно отчетливая. Более того, культурные традиции ломоватовского времени не находят своего продолжения в культуре коми-пермяков, как этого бы ни хотелось сторонникам «пермского автохтонизма». Это касается и керамической традиции. Во второй половине XI – начале XII существенно меняется как форма сосудов, так и их орнаментация. Получают широкое распространение сосуды т.н. «баночной» формы, керамические котлы с уплощенным и плоским дном, традиционные формы сосудов, получившие в литературе наименование «прикамские чаши», также изготавливаются с уплощенным дном. Многие сосуды начинают снабжаться ручками. Казалось бы, можно объяснить смену форм сосудов простой эволюцией, но хорошо известно, насколько консервативными были взгляды на то, какая должна быть форма и орнаментация у посуды. Когда в жилищах стали появляться элементы интерьера с плоской поверхностью, для установки круглодонных сосудов были

придуманы специальные керамические подставки, но форма посуды изменениям не подверглась. И что же в таком случае произошло с сознанием людей, что они вдруг разом отказались от своих ревностно оберегаемых традиций? В орнаментации шнур больше не встречается, прежние гребенчатые орнаменты в виде «подковок» также окончательно исчезают, остаются лишь композиции в виде «елочек» и «зигзагов», которые иногда дополняются совершенно неизвестными ранее рельефными наlepными элементами («пуговками», «калачиками» – Анюшкар, Роданово, Городищенское городище). Т.о., с XI до XVI-XVII вв., когда можно говорить о складывающемся коми-пермяцком этносе, на протяжении пяти столетий посуда, связываемая нами с угорским этническим компонентом (круглодонные чаши с многорядным шнуром по шейке в сочетании с гребенчатым орнаментом, чаще «подковками» по плечу), не встречалась. Как же она может связываться с коми-пермяками?

Соглашаясь с исследователями (их перечисление см. в оппонированной нами статье) в том, что шнуровая посуда является «важнейшей чертой угорской культуры» мы продолжаем настаивать, что рассматривать такую посуду как угорский маркер следует вкупе с другими реперами культуры. Однако и сама по себе «шнуровая» посуда представляется достаточно выразительным в этнокультурном плане угорским элементом применительно к периоду железа на территории Урала и прилегающих к нему местностей. К сожалению, авторы рассматриваемой статьи так и не представили ни одного обоснованного доказательства того, что «шнуровая керамика» к западу от Уральских гор составляет характерную черту финно-пермского культурного комплекса, в отличие от восточного склона, где она

по единодушному и доказанному мнению исследователей является характерной чертой угорской культуры.

И в заключение хотелось бы высказать мнение о том, что на наш взгляд, выбранный нашими оппонентами тон статьи не корректен для научной публикации. Подобную иронию, резкие, а порой и оскорбительные высказывания еще можно представить в устной дискуссии, но не в серьезном научном издании, каким мы видим «Труды КАЭЭ». Однако в традиции нашего издания сохранять авторский стиль, включая пунктуацию и орфографию.

Мы надеемся, что история все расставит по своим местам. Подобные бурные дискуссии побуждают к движению научной мысли. Возможно и сторонники автохтонной теории когда-нибудь приведут хоть какие-то доказательства того, на каких основаниях можно связывать с финно-пермяками прикамские материалы эпохи бронзы и раннего железа. Отдавая дань уважаемым нами исследователям середины XX в., мы считаем, что они постулировали связь древних культур с коми-пермяками и иными «пермскими финнами» весьма поверхностно, в частности, основываясь на совпадении территории археологических культур и проживания современных народов, цвете бус, одном из способов ношения полушубков, сопоставлении древних бронзовых украшений костюма с деревянными украшениями крыш в традиционной архитектуре коми. Подобные сравнения не допустимы, и ничего не доказывают.

В.В. Мингалев КЕРАМИКА ЧАЗЕВСКОГО I МОГИЛЬНИКА

1. Общее описание Чазевского археологического комплекса

В районе дер. Чазево на сегодняшний день выявлено 9 археологических памятников: 4 могильника, два из которых курганные, 4 селища и одно историческое поселение. Местное население совершает (или совершало в недавнее время) поминальные обряды на трех могильниках, которые называет «могильниками старых людей». Поселенческие памятники явно имеют взаимосвязь с могильниками.

Чазевский I могильник расположен на небольшом островке в болоте на левом берегу руч. Шойна-ыб. На краю правой террасы того ручья располагаются два селища (Шойна-ыб I и II) в 200 м от могильника. Керамика, найденная на могильнике, однотипна с керамикой, найденной на селищах.

Рядом с могильником Чазево II располагается селище Чазево I. Селище Кушдор, по преданиям местных жителей, связано с существованием могильника Чазево III. Историческое же поселение Подъячее, которое должно датироваться не позднее XVII в., соответствует могильнику Чазево IV, расположенного рядом с поселением, в том месте, где до революции располагалась церковь.

Все косвенные факты указывают на историческую преемственность как поселений, так и могильников. Вероятнее всего, хронология памятников выстраивается в последовательность:

1 этап. Могильник Чазево I (Шойна-ыб) и селища Шойна-ыб I и II (VI в.). Датировка примерная, мы даем ее исходя из анализа культурного материала, найденного в ходе раскопок 2007 г., зная находки «черных археологов» на памят-

нике 2006 г. (со слов местного жителя) и особенности конструкции курганов.

2 этап. Могильник Чазево II (Нюрмудер) и селище Чазево I (VI-VIII вв.). Датировку мы определяем по находкам с могильника из раскопок Генинга В.Ф. и «черных археологов» 2007 г. Могильник оказался в два раза больше, чем по плану Генинга В.Ф.

3 этап. Могильник Чазево III (Важ-Чазев) и селище Кушдор (до XVI в.). В XVI в. жители решили переселиться со старого места (Важ-Чазев) на новое около колодцев, на горе современного Чазево. Раскопки и сборы Генинга В.Ф. не дали результатов, керамика, найденная на памятниках, круговая. Местные жители связывают данное место с Чазь, Бач, Юкся и Пукся - основателями сел Чазево, Бачманова, Юкеево и Пуксиб.

4 этап. Могильник Чазево IV и историческое поселение Подъячее. Основано в XVII в., по переписи Кайсарова. Могильник выявлен местными жителями при земляных работах, упоминали, что найдены «чудские вещи» и колоды. Рядом с местом могильника располагалась до революции церковь.

2. Могильник Чазево I (Шойна-ыб).

Урочище «Шойна-ыб» (с коми-пермяцкого ~могильное поле) известно у местных жителей, как «чудской могильник». Первые упоминание могильника в научной литературе мы встречаем у Иванова А.П. В 1889 г. Кривошековым И.Я. на могильнике Чазево I (Шойна-ыб), было выявлено 19 курганных насыпей, на одной из которых был заложен раскоп размером 4,0 x 4,0 м (16 м²). Курган оказался грабленным в древности, в ходе раскопок были найдены кусочки железа, угли и кусочки древесины.

В советский период могильник

впервые обследовался в 1956 г. отрядом Археологической экспедицией Коми-Пермяцкого окружного музея под руководством Генинга В.Ф., на нем было зафиксировано 40 курганных насыпей, составлен глазомерный план и заложено два раскопа на двух курганах общей площадью 45,54 м². Оба кургана оказались грабленными в древности. Ориентация погребений запад-северо-западная. Вещевой инвентарь в ходе работ не был выявлен. Сохранность могильника всеми исследователями признавалась, как удовлетворительная. Могильник Чазево I является наиболее сохранившимся из курганных могильников харинского круга, так как никогда не подвергался распахиванию.

В 2006 г. в ПГПУ поступили сведения о грабительских раскопах на памятнике. В ходе натурного обследования памятника экспертной группой было выявлено 11 крупных и 9 мелких грабительских раскопов (вкопов). В этом же году был составлен инструментальный план и выявлено 37 курганов. В 2007 г. на памятнике были проведены раскопки. Перед началом работ, памятник был осмотрен для анализа состояния и корректировки плана. Обследование выявило 7 новых вкопов, которые разрушили 7 курганов. Вкопы 2007 года отличаются большей площадью, «черные археологи» полностью сносили насыпь кургана. С учетом вкопов 2006 г. всего «черными археологами» разрушено 19 курганов из 37. При сохранении существующей тенденции памятник будет уничтожен за 2008-2009 гг.

Было заложено два раскопа неправильной конфигурации, общей площадью 131 м². В ходе раскопок было вскрыто 4 кургана, 17 ям и 4 погребения в анатомическом соответствии.

3. Особенности выявления керамического комплекса на могильнике

Чазево I.

Керамика была выявлена в культовых курганных канавках (28%) и в курганных насыпях (64,3%), в межкурганном пространстве керамики крайне мало (7,7%). При этом керамика сильно фрагментирована. Всего в ходе камеральных работ (по фрагментам венчиков и шейкам) было выделено 66 сосудов.

4. Особенности керамического комплекса Чазевского I могильника.

4.1. Типы сосудов.

Из 66 сосудов лишь у 14 (21,2 %) можно было определить тип сосуда. Всего на памятнике представлено три типа сосудов. 1 тип – чашеобразные сосуды без шейки достаточно глубокие, по срав-

Табл. №1. Орнамент по венчику (37 сосудов)

№	Кол-во	%
Вдавления	4	10,81
Шнур	1	2,7
Кружковый штамп	1	2,7
Накол	1	2,7
Защипы	2	5,41
Резной	1	2,7
Гребенчатый	27	72,97

Табл. №2. Орнамент по шейке (17 сосудов).

№	Кол-во	%
Шнур	11	64,7
Кружковый штамп	1	5,88
Накол	1	5,88
Резной	1	5,88
Гребенчатый	3	17,65

нению с гляденовскими (5 сосудов,

Табл. №3. Орнамент по плечу (6 сосудов)

№	Кол-во	%
Шнур	5	83,33%
Гребенчатый	1	16,67

Табл. №4. Орнамент по тулову (11 сосудов)

№	Кол-во	%
Шнур	5	45,46
Кружковый штамп	1	9,09
Накол	3	27,27
Резной	1	9,09
Гребенчатый	1	9,09

Табл. №5. Орнаментация сосудов (общая)

№	Кол-во	%
Гребенчатый	31	47
Шнур	15	22,7
Ямочный	2	3
Резной	3	4,6
Защипы	2	3
Вдавления палочкой	5	7,6
Накол	4	6
Кружковый	3	4,6
Отверстия	1	1,5

33,33%), 2 тип – невысокие сосуды с четко выраженной шейкой (9 сосудов, 60%), 3 тип - невысокие сосуды с четко выраженной шейкой, имеющие ребро на плечике (1 сосуд, 6,67%). Зафиксировано два фрагмента дна, оба округлые. Основная масса сосудов имеет толщину 3,5-5,5 мм., т.е. является тонкостенной.

4.2. Анализ керамического теста.

Глиняное тесто у половины сосудов сильно запесоченное (50%), раковина фиксируется в качестве добавки только у 37,8% сосудов. Внутренняя и внешняя поверхность сосуда грубо заглажена щепкой. Термическая обработка сосудов

была недостаточная, у большинства сосудов тесто не прокалено, а, следовательно, растворяется при соприкосновении с водой. Лишь на двух фрагментах сосудов заметны следы нагара.

4.3. Анализ орнамента.

Из 66 сосудов лишь один не имеет орнамента, т.е. орнаментировано 98,5%. 56,6 % орнаментированы по венчику, 25,76% орнаментированы по шейке, 1,5% - по дну, 9% - по плечу и 16,67 % - по тулову. У 21% сосудов орнаментационных зон более, чем одна. Около 12,3 % сосудов имеет комбинированный (сложный) орнамент. На сосудах с плохим обжигом узор плохо нанесенный, в свою очередь, на сосудах с хорошим обжигом орнамент нанесен очень хорошо, сильно заглублен в тесто, шнур с внут-

ренней стороны сосуда представлен валиками. Существует большое разнообразие орнаментов (10 видов), внутри видов орнаменты сильно варьируют. Так, в шнуровом орнаменте существует два подвида: тонкий шнур и широкий шнур. Гребенчатый штамп существует двузубый, трех- и четырехзубый.

5. Сравнение керамического комплекса Чазевского I могильника керамическими комплексами памятников Прикамья и Привычегодья раннего средневековья.

Для того, что бы определить место керамики Чазевского I могильника в историко-культурном контексте, мы провели сравнение с керамикой могильников,

Табл. №6. Соотношение орнаментации керамического материала с разных памятников I тыс. н.э. (%)

№	Памятники	Венчик					Шейка и плечико					Источники
		Орнаментация	Гребенчатый	Насечки	Звон	Ямки	Орнаментация	Шнуровой	Резной	Гребенчатый	Ямочный	
1	Гаденовское костище	41	1,7	91,7	0,3	6,3	31	7,5	51	4	31	Летихин, 2007, с.63
2	Юго-Камское костище	19	1,3	93	1,7	4	16	14	19	6	52	Летихин, 2007, с.66
3	Ильинское костище	7,7	3,3	61	0	6	1,3	90	0	0	0	Летихин, 2007, с.68
4	Слепушиновское костище	50	0	85	0	15	19	10,2	20,4	0	10,2	Летихин, 2007, с. 69
5	Гаревское костище	14	50	50	0	0	3,2	66	0	33	0	Летихин, 2007, с. 70
6	Усть-Туйское костище	92,5	64	30,5	2,75	2,75	29,6	46	9	18	27	Летихин, 2007, с. 71
7	Можайский могильник	35,4	55	36	5,7	11,3	11	37,5	0	43	12,5	Соколова, 1989, с.19-20; Норпола А.А., 1992, с.17
8	Можайский могильник, раскопан 1987 г.	48	60	38	2	0	7	37,5	0	50	12,5	Оборина, 1987
9	Половинное I поселение	81	95	5	0	0	9	25	15	58	17	Чурилов, 1992, с.19
10	Можайское II селение	65,5	0	0	0	0	65,5	9	61,9	9	9	Каминский, 1991, с. 25
11	Чазевский I могильник	98,5	73	12,5	5,41	2,7	27,8	64,7	5,88	17,7	0	
12	Култаевское I селение	47	9,5	90,5	0	0	41	21,2	35,9	2,9	20,8	Полляков, 1963, с.9-10
13	Пещерское городище	34	6	79,5	0	3	12	5	26	44	12	Полляков, 2001, с.34-35
14	Катинское городище	0	0	0	0	0	46	0	0	5	95	Полляков, 1999, с.4-5
15	Гурбинское селение	0	0	78	0	0	0	0	77	0	0	Полляков, 1999, с.4-5
16	Горюханское городище	42	62	33	2	3	12	4	8	64	0	Мельничук, 1986, с.104
17	Бутырское городище, раскопан 1972 г.	80	65,5	34,5	0	0	11,5	8,3	0	58,4	0	Полляков, 1972, с.15-16.
18	Опукское городище	84	12,4	26,7	59	1,9	12	27,9	11,8	36,8	14,7	Гевинг, 1980, с.118-126
19	Коноваловское селение	52	11	21	63	3	11	37	25	31	7	Полляков, 1960, с.213.
20	Махонинское городище	0	0	0	0	0	1	0	0	0	100	Полляков, 1962, с.90-94.
21	Селение Певыи	56	68	24	4	4	14	38	5	42	3	Мельничук, 1986, с.102-104
22	Зародитское селение	71	78	12,5	6,5	3	10	27	0	67	6	Голдина, 1985, с.96-97.
23	Шудьярское гор. слои VI-VII вв.	57,5	36,1	36,1	26,4	11,5	54,7	10,1	2,8	68,1	13,4	Голдина, 1983, с.96-97
24	Аверино II могильник	20	32,2	54,8	0	6,5	25	76,5	0	25	0	Голдина, 1989, с.52-53
25	Коноваловское селение	52	11	21	63	8,3	11	37	25	31	7	Голдина, 1985, с.96-97
26	Русиновое II селение	10	28,6	57,1	14,3	0	30	22,3	0	77,7	0	Голдина, 1985, с.96-97
27	Шойнитский могильник	100	50	25	25	0	75	75	0	100	0	Васкул, 1999, с.50, 53
29	Бурковский могильник	54	83	0	17	0	0	0	0	0	0	Гевинг, 1973, с.84
30	Гайская группа по Гевингу	83	38	12	25	19	88	58	0	58	12	Гевинг, 1973, с.84
31	Черновское I городище, раскопан 1960 г.	63	15	32	49	4	15,5	15,5	26	48	8,5	Оборина, 1960, с.34-39

поселений и святилищ Гляденовского, Мазунинского, Ванвиздинского, Неволинского и Харинского кругов памятников, всего использовались данные с 31 памятника.

Анализ проводился по степени орнаментации сосудов (венчика и шейки) и по типу орнамента.

Первичный анализ заключался в составлении таблицы, в которую по вертикали были внесены все способы орнаментации, используемые в раннем средневековье, разделенные по орнаментационным зонам (венчик, шейка, плечико-тулово), а по горизонтали располагались памятники. Первичный анализ показал, что доминирующими типами орнаментов для территории Прикамья и Привычегодья I тыс. н.э. являются: резной, ямочный, гребенчатый, шнуровой, зацеп и насечка, для снижения статистического шума все прочие способы орнаментации были исключены из обработки данных.

Для выделения культурно-хронологических групп памятников, которые будут выделены на основе анализа культурного материала, мы применили кластерный иерархический анализ, в котором переменные классифицируются на основании расстояний между переменными в кластерах. Метод формирования кластеров определяем, как кластеризация *between group linkage*, для измерения расстояния между переменными в кластерах используем метод корреляции Пирсона, который является наиболее часто применяемым методом для интервальных переменных (0-100%). Для того чтобы провести проверку метода, данные по Мокинскому могильнику, были введены дважды: в первой строчке были введены данные с Мокинского могильника раскопок 1987 г. (Оборин, 1987), во второй использовались данные из статьи Норицына А.А., в которой был об-

работан керамический материал с раскопок 1989-1990, 1992 гг. (Норицын, 1992, с.15-17). В случае если применяемый нами статистический метод оказался бы ошибочен, Мокинский могильник и Мокинский могильник 1987 г. оказались бы в разных кластерах, или расстояние между ними превышало допустимый (25) предел. В результате верификации связь между Мокинским могильником и Мокинским могильником 1987 г. оказалась чрезвычайно сильной, что является доказательством допустимости использования данного метода.

Всего было выделено пять кластеров.

Первый кластер (Пьяноборско-Мазунинский керамический комплекс). Калиновское и Махонинское городища показали высокую степень близости, и могут условно быть отнесены к группе носителей ямочной традиции орнаментации сосудов. Оба городища расположены в южных районах Пермского края (Еловском и Частинском, соответственно). Для данного кластера характерно доминирование ямочной орнаментации при низкой орнаментации венчика является отличительной чертой керамики пьяноборской и мазунинской культуры, что позволяет говорить о том, что Частинский, Еловский, и, вероятно, Чайковский, Бардымский и Куединский районы Пермского края входят сферу влияния южно-уральских культур.

Второй кластер (Гляденовский керамический комплекс). В кластер входят Пещерское городище, Гляденовское костыще, Юго-Камское костыще, Турбинское селище, Култаевское I селище, Слепушкинское костыще и поселение Усть-Телесс. Для данного кластера характерно доминирование ямочно-резной орнаментации по шейке и насечки по срезу венчика, наблюдается высокая

вариативность внутри кластера. Большая часть памятников расположена в Пермском районе Пермского края, за исключением Юго-Камского костыща (Юго-Камский район), Пещерского городища (Осинский район) и поселения Усть-Телесс (Уинский район). Все указывает, что здесь мы имеем дело с классической гляденовской керамикой, зону распространения которой можно обозначить, как Пермский, Юго-Камский и Осинский районы. Керамика пос. Усть-Телесс оказалась тесным образом связана с гляденовским комплексом, при этом исследователи связывают данный памятник с Неволинской археологической культурой (Соболева, 2001, с.102). Связь Усть-Телесского керамического комплекса подтверждает мысль, которая много раз высказывалась на конференциях – кулуарно, о том, что Неволинская культура своим происхождением обязана не приходу «мифического» населения, а сдвигу в сторону р. Сылвы и ее притоков гляденовского населения Мулянского поречья. Для верификации данного вывода необходимо большое количество материалов с памятников неволинской культуры.

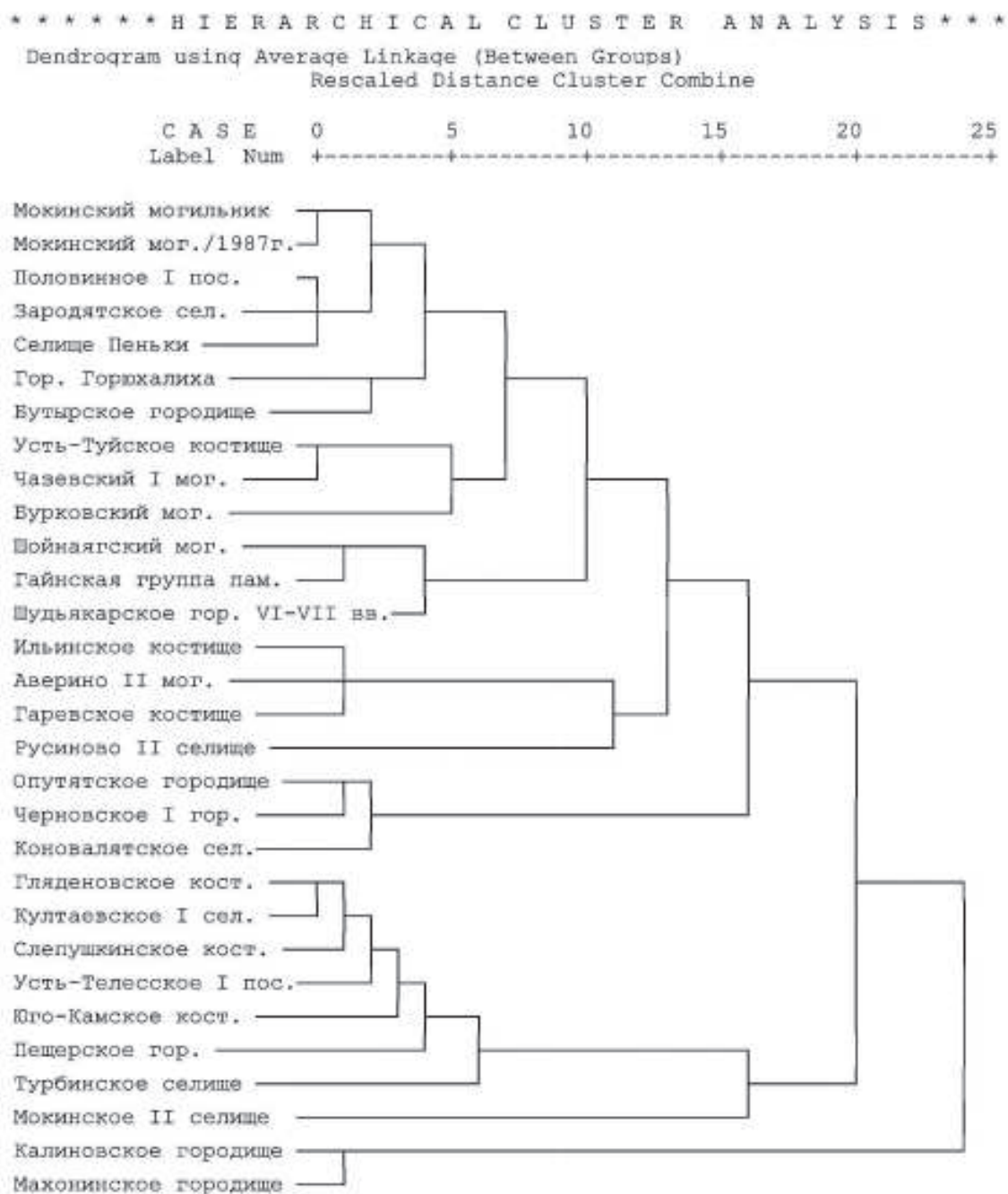
Третий кластер (разновидность Гляденовского керамического комплекса). Кластер представлен всего одним памятником - Мокинским II селищем. Учитывая, что у керамического материала с данного памятника наблюдается слабая связь со вторым кластером, думаю вполне резонно считать, что данный памятник образует обособленную группу гляденовских памятников. Слабость связи связана с отсутствием промежуточных памятников, которые помогли бы программе связать памятник с гляденовским комплексом.

Четвертый кластер (Опутятско-Черновской керамический комплекс). Кластер представлен тремя памятника-

ми - Опутятским городищем, Коновалытским селищем и Черновским I городищем. Для данного кластера характерно доминирование гребенчато-шнуровой орнаментации по шейке и защипа по срезу венчика. Опутятское городище и Коновалытское селища расположены в непосредственной близости друг от друга в Ильинском районе Пермского края, Черновское I городище расположено в Краснокамском районе. Данный кластер, подтверждает миграционную концепцию Полякова Ю.А., который утверждал о миграции гляденовского населения с территории средней Камы на территорию верхней Камы (Поляков, 2001, с.19).

Пятый кластер (Харинский керамический комплекс). Кластер представлен 16 памятниками: Мокинский могильник, Половинное I поселение, Зародытское селище, Селище Пеньки, городище Горюхалиха, Бутырское городище, Усть-Туйское костыще, Чазевский I могильник, Бурковский могильник, Шойнаягский могильник, Гайнская группа курганных могильников (по Генингу), Шудьякарское городище (слой VI-VII вв.), Ильинское костыще, Аверинский II могильник, Гаревское костыще, Русиновское II селище. Для данного кластера характерно доминирование гребенчато-шнуровой орнаментации по шейке, с фактически полным отсутствием резного орнамента, по срезу венчика штамп наносился гребенчатым и гладким штампом. В целом, как хорошо заметно по дендрограмме, данный кластер неоднороден, и может быть разбит на кластеры с большой силой связей. Данный кластер сильно изменился при выведении из критериев анализа степени орнаментации венчика и шейки (см. Табл. 8), что позволяет говорить о культурной неоднородности памятников, попавших в данный кластер, при увеличении данных, скорее всего, данный кла-

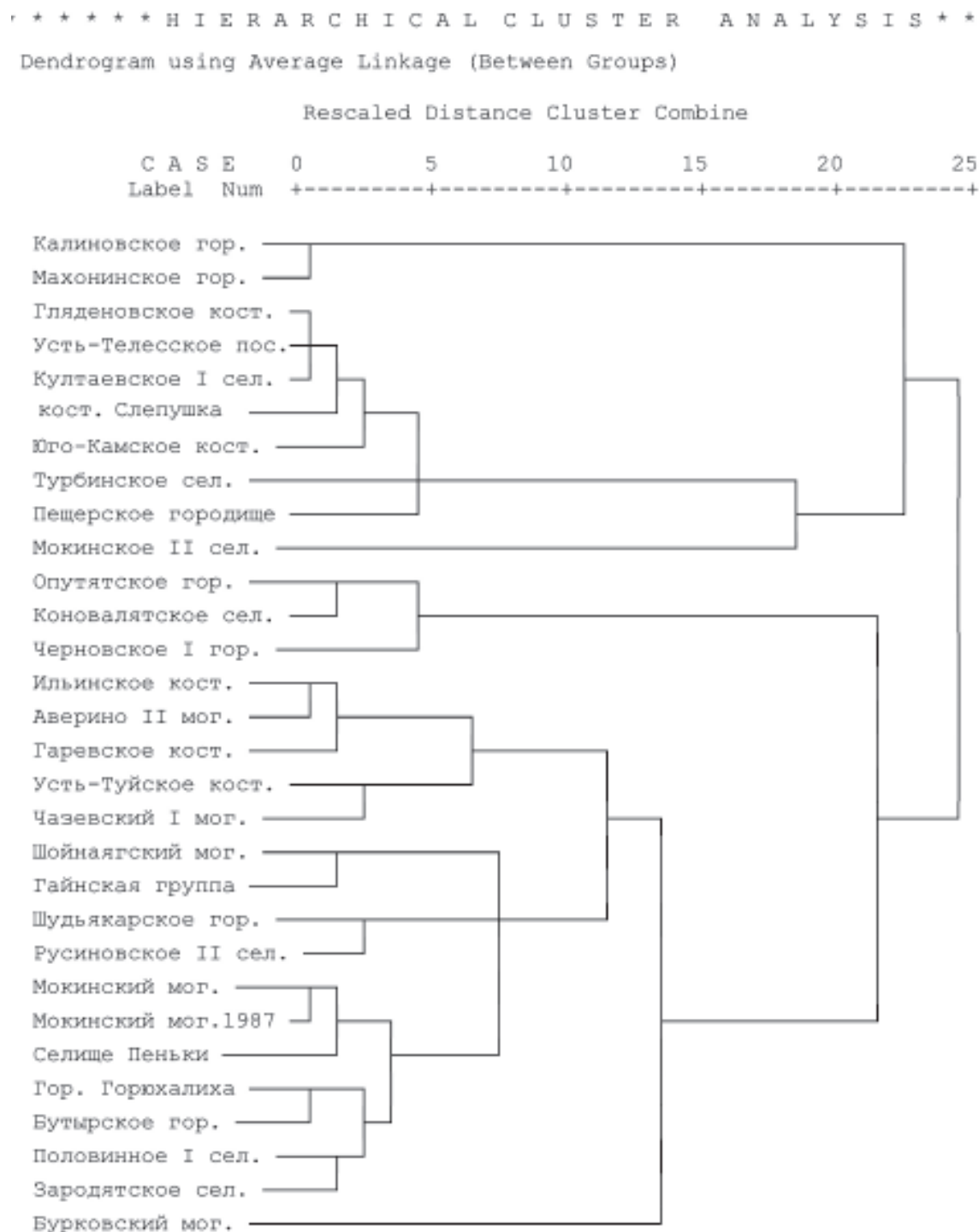
Табл. №7. Дендрограмма кластерного анализа памятников раннего средневековья по степени и типу орнаментации керамики.

стер разобьется на несколько независимых кластерных групп, сохраняя целостность на уровне 15-20. Выделение методом статистики данного кластера указывает на объективность выделения рядом исследователей особого Харинского культурного феномена, как определенного этапа в формировании Ломоватов-

ской культуры, Ванвиздинской культуры и Верхокамского варианта Ломоватовской культуры. Попадание малых костищ Ильинского района в пятый кластер, а не во второй, как основной массы костищ Пермского края, подтверждает правильность введения данных памятников в состав Ломоватовской археологической

Табл. №8. Дендрограмма кластерного анализа памятников раннего средневековья по типам орнаментации керамики

культуры Р.Д. Голдиной (Голдина, 1985, с.99-104).

Исходя из связей между памятниками внутри пятого кластера можно говорить о большой миграционной активно-

сти в эпоху раннего средневековья, что не является секретом для исследователей, но вариативность связей указывает пути данных миграций.

Гляденовское население Пермского

района (Мокинский могильник, Половинное I селище) в V-VI вв. мигрируют на территорию нижней Чусовой (селище Пеньки) и в Обвинское поречье (Зародятское селище). В это же время происходит миграция жителей Очерского поречья (Городища Горюхалиха) на территорию Обвинского поречья (Бутырское городище), о чем во многих своих статьях неоднократно говорил Поляков Ю.А. (Поляков, 2001; Поляков, 1999). Устойчивая связь между Зародятским селищем и Бутырским городищем может свидетельствовать о смешении данных волн мигрантов в единую группу. Миграции приводят к существенному увеличению численности населения на данной территории, превышающему допустимые приделы, срабатывает «эффект домино». В VI-VII в. жители Обвинского поречья (Ильинское, Гаревское, Усть-Туйское костыще, Бурковский могильник и Бутырское городище) осваивают территорию Косинского района (Чазевский I могильник) и Верховья Камы (Аверинский II могильник, Русиновское II селище, Шудьякарское гор. и гайнская группа памятников). В свою очередь, гайнцы в кон. VI-VII вв. начинают миграцию в Вычегодское поречье. Данные из табл. 7 позволяют говорить о том, что, возможно, гайнцы осваивали не только Вычегодское поречье, но и Верхокамье (Шудьякарское гор.).

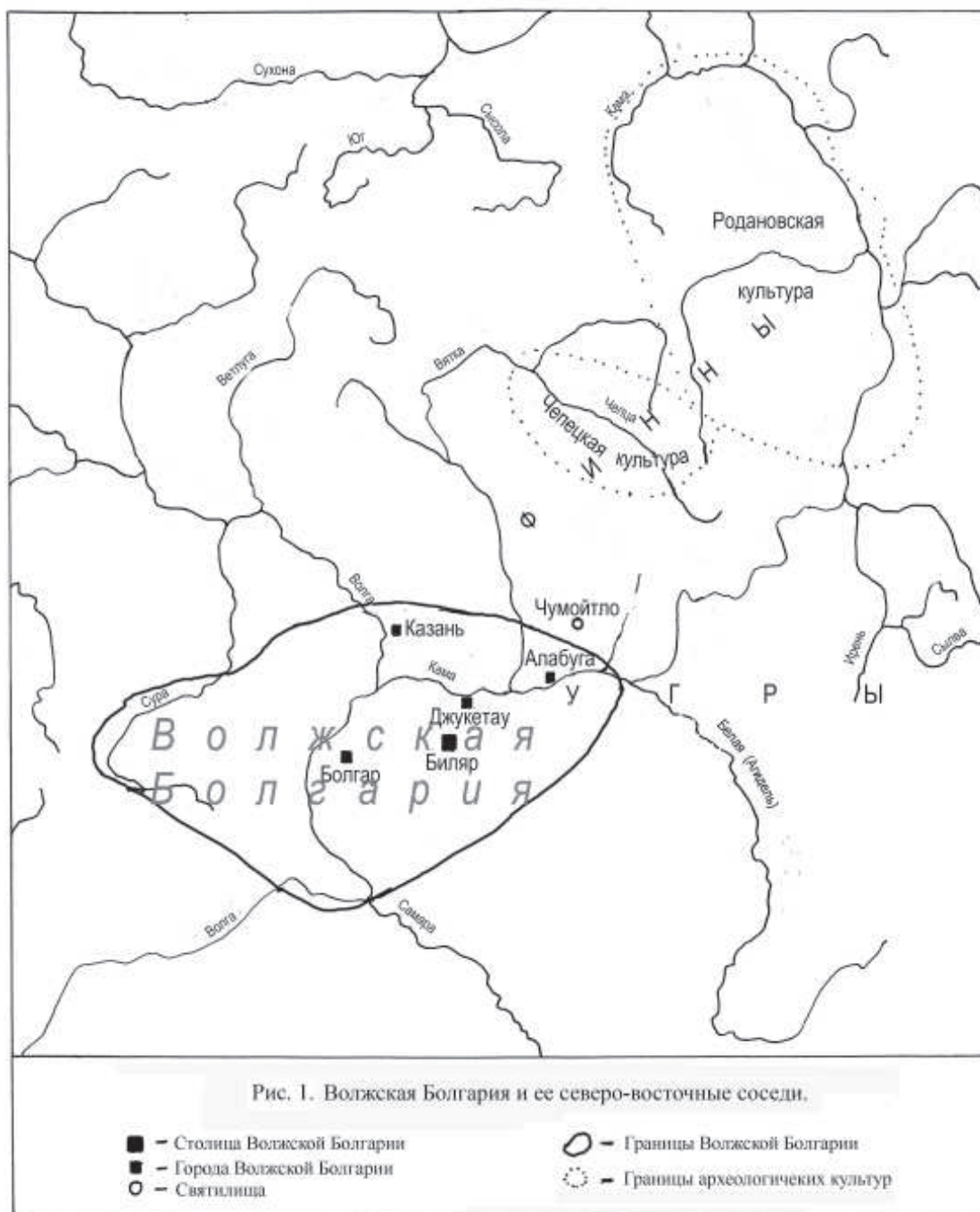
В целом предложенная схема не противоречит современным взглядам археологов на систему заселения Верхокамья в эпоху раннего средневековья.

Табл. 7-8 дают право говорить о трассовой секвенции между керамической орнаментационной традицией Гляденовской культуры и керамической орнаментационной традицией культур раннего средневековья Прикамья и Привычегодья.

Подводя итог всему выше сказанному, можно утверждать, что керамика Чазевского I могильника относится к харинской орнаментационной традиции. Сильная связь данного керамического комплекса с керамическим комплексом костыщ Ильинского района и Бурковского могильника позволяет говорить о том, что данная керамика относится к времени первых переселенцев из обвинского поречья (не позднее VI в.), что подтверждается и радиоуглеродными датами.

А.З. Нигамаев
ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКОЕ

ется с проблемами, которые затрагивались региональными археологами не

НАСЕЛЕНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПАМЯТНИКАХ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Освещение данной темы сталкива-

единожды. Во-первых, это проблема датировки памятника или культуры. Не секрет, что тот или иной памятник, а зачастую и культура в целом, датируются различными исследователями по-разному. Нередко это приводит к определен-

ным казусам, т.к. процессы, происходившие в течение истории так или иначе взаимосвязаны, а археологи, занимающиеся исследованием конкретного памятника, рассматривают их по отдельности, в разрыве. В конечном итоге получается, что некоторые памятники в регионе датированы исследователями более ранним периодом, чем там появилось население, их создавшее. За примером далеко ходить не надо. Со времен первых краеведческих трудов, а в научной археологии с работ А.П. Смирнова болгарское поселение на Елабужском городище датируется чуть ли не раннеболгарским временем (Смирнов, 1951, с.32). В то же время, исследования последних лет показывают, что появление данного опорного пункта на Каме совпало с миграцией угорского населения вниз по Каме, т.е. к.Х в.

Вторая проблема, которая остро стоит перед региональной археологией, – это все нарастающая тенденция выделения новых археологических культур. Это свою очередь приводит к неоправданному усложнению исторической реконструкции и серьезным спорам и дебатам среди исследователей (Хузин, 2008, с.11-22). Здесь в виде примера можно привести выделенные нашими коллегами из Ижевска и Казани культур «чумойтло» и «постпетрогром». Вопрос, соответствуют ли вышеназванные и ряд других появившихся в последние десятилетия этнокультурных сообществ к определению археологическая культура, или целесообразным будет оставить за ними более расплывчатые понятия, как население такой-то группы памятников, носители такой-то керамики? Сейчас по отношению к угорскому населению, проникшему на территорию Нижней Камы в конце X в., применяются такие определения, как прикамско-приуральское население, носители прикамско-приураль-

ской посуды, носители гребенчато-шнуровой керамики, носители VII группы керамики Волжской Болгарии, культура «постпетрогром», мрясимовская и чияликская (раннечияликская) культуры. На наш взгляд, для данного немногочисленного угорского населения это многовато.

В третьих, проблема определения территории археологических культур и территории расселения того или иного населения. Здесь мы наблюдаем, особенно в последнее время, явное передергивание сведений и вольное отношение к исторической реконструкции. Это очень важная проблема. Одно дело, когда речь идет о границах государства. Обычно границы государств устанавливались в рамках определенных юридических и военно-политических акций, которые часто подтверждаются и письменными источниками. Интересно, что они сопровождалась строительством городищ – военных крепостей вдоль естественных рубежей, будь то это берега Камы или рек, впадающих в неё. И в этих крепостях мы обнаруживаем предметы, связанные с материальной культурой данного государства. Перенеся все то на карту Волго-Камья эпохи средневековья мы увидим небольшую территорию Волжской Болгарии, на востоке ограниченную в домонгольский период по линии устья Агидели – р. Мензеля – верхнее течение р. Зай (рис.1).

Северо – восточные пределы государства на территории Предкамья вообще представляли узкую полосу, начинающуюся намного западнее устья Агидели и выходящее к Вятке чуть севернее современного г. Мамадыш. Далее на восток и север простирались зависимые от Волжской Болгарии земли, население которых платило джизью. Никто не считает болгарской территорией Верхнюю Каму, хотя там есть памятники, где бол-

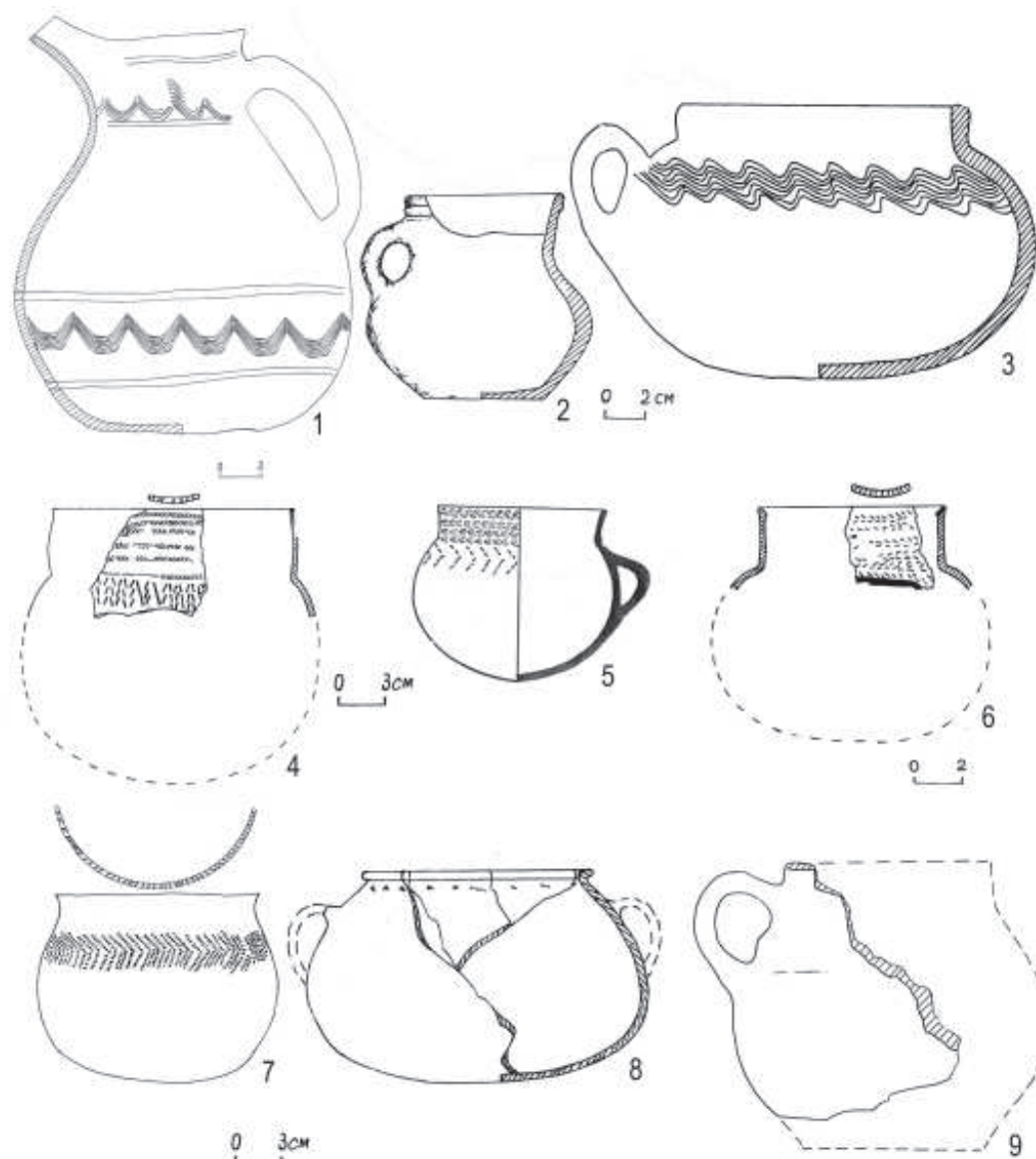

Рис. 2. Посуда из северо-восточных памятников Волжской Болгарии. (1, 2 - I гр.; 3 - XIII гр.; 4-6 - VII гр.; 7-9 - XVIII гр. по Т.А. Хлебниковой)

гарское присутствие более чем заметно (Рождественское, Родановское городища и т.д.), есть даже мусульманские могильники. То есть границы государств обычно четко определены, и по сути не оставляют места разным домыслам. Правда, бывают исключения. Например, традиционно в цвет Новгородской республики домонгольского периода на школьных картах окрашиваются северные земли вплоть до Урала, что абсолютно необоснованно.

Другое дело, когда речь идет об ар-

хеологической культуре, тем более, если ее материальная культура еще не достаточно интерпретирована. Так информация, присутствующая в одном из изданных в 2007 году в Ижевске академических изданий оставляет больше вопросов, чем вносит ясность. Там, ссылаясь на работы Р.Д. Голдиной (1987, с. 84-106) и Т.К. Ютиной (2002, с.164-168), говорится, что «средневековое население на территории современной Южной Удмуртии проживало на городищах (Благодатское I, Каменный Лог, Котловское

I, Елабужское), возведенных в предшествующие эпохи. Но, по всей видимости, основная его часть занимала неукрепленные селища. Погребальные памятники чумойтлинской культуры не известны. Лучше изучено жертвенное место XII – XIII вв. у д. Чумойтло Можгинского района. Его культурный слой содержит сырые и обожженные кости животных, которые, вероятно, приносились в жертву. Найдены также скопления железных наконечников стрел и отдельные металлические и костяные предметы. Глиняная посуда памятников отражает традиции предшествующего времени: пьяноборско-мазунинские-верхнеутчанские, чепецкие, отчасти угорские и болгарские» (История Удмуртии, 2007, с.248). Здесь если посуда чепецкая, угорская (речь идет о VII группе по Т.А. Хлебниковой) и болгарская (общebolгарская I группы) в целом идентифицируются, то пьяноборско-мазунинско-верхнеутчанских традиций керамика представляется с трудом. Если есть «чумойтлинская культура» почему вышеназванную керамику не назвать чумойтлинской? Почему памятник, давший название очень крупной культуре X – XV вв. (судя по приведенной карте, ее территория в 5 раз превышает территории соседней чепецкой культуры), такой невыразительный (и датируется XII – XIII вв.)? Почему в ряду основных памятников указаны Елабужское и Котловское I городище? За все эти годы исследований на Елабужском городище нами не было обнаружено не одного фрагмента керамики, которого можно было связывать с южными удмуртами. Здесь, в отличие от посада Алабуги, финно-пермское население никак не представлено. А Котловское I городище из-за его кратковременного функционирования можно считать пустым памятником (оттуда происходят

несколько десятков общebolгарской и лепной керамики). А где могильники «чумойтлинской культуры» (возвращаясь ко второй поставленной проблеме)? И, самое главное, как Елабужское и Котловское I городища, находящиеся довольно далеко от межреспубликанских административных границ, оказались на территории современной Южной Удмуртии? Это чем-то смахивает на «исторический Башкортостан» от Волги до Тобола. Надо сказать, что это не последние проблемы, стоящее перед исследователями.

Северо-восточные территории Волжской Болгарии по интенсивности освоения, что в определенной степени просматривается в общем количестве памятников, превосходят юго-восточные, восточные и даже северо-западные окраины государства. Причин тому несколько. Во-первых, наличие Камской пушной магистрали, расцвет торговли по которой совпал с ростом колонизаторских возможностей Болгарии. Во-вторых, иммиграция населения с северо-востока уступала по интенсивности, скорее всего, лишь переселению с юго-запада. Поэтому, говоря о северо-восточных памятниках Волжской Болгарии, следует учитывать как опорные пункты собственно болгар, так и памятники населения, генетически связанного с Приуральем.

В общем перечне памятников, где встречаются следы присутствия выходцев с бассейна Средней и Верхней Камы, следует отметить памятники-маркеры, которые выделяются своей значимостью, размерами, своеобразием материальной культуры населения и хорошей исследованностью. К числу таких следует отнести исторические города как Джукетау, Чаллы, Кирмень, Алабугу. В то же время, нельзя не

обратить внимание на группу памятников второго и третьего эшелонов, многие из которых только определены как средневековые, или находятся на начальной стадии исследования. Но именно в таких поселениях и крупных могильниках как, скажем, Краснокадкинское городище, Глюковский и Дербешкинский могильники порой присутствует весьма выразительный материал по этнокультурной идентификации населения.

В настоящее время на северо-востоке Татарстана, северо-западе Башкортостана и юго-востоке Удмуртии выявлено более 40 памятников, где в разной степени представлены материалы домонгольской и золотоордынской Болгарии. В большинстве из них, особенно в памятниках Южной Удмуртии, таких как Быргындинское II (Каменный Лог), Чегандинское, Зуево-Ключевские I и II, Благодатское I городища, комплекс представлен немногочисленными изделиями болгарских ремесленников и керамикой прикамско-приуральских истоков (VII гр. по Т.А. Хлебниковой).

Процесс вливания выходцев с Верхней Камы и Приуралья в состав населения Волжской Болгарии был постоянным в течение всего домонгольского периода, и продолжался в первой половине золотоордынского периода.

Отток угорско-мадьярского населения из Предуралья, оставившего в памятниках Волжской Болгарии IV группу керамики, по Т.А. Хлебниковой (1984), приводит к новому переселению туда лесного зауральского угорского населения петрогромско-макушинского и позднебакальского (лыбаевского) типов, которые изготавливали специфичную круглодонную посуду с цилиндрической шейкой, украшенной гребенчато – шнуровой орнаментацией (рис. 2–5). Памятники с такой посудой, отнесенные Е.П.-

Казаковым к постпетрогромской культуре (среди уфимских и пермских археологов они известны как раннечияликский круг памятников), изучены на широкой территории Приуралья и Прикамья. С этим населением связано появление в Мясогутовской лесостепи и бассейне реки Уфы комплексов мряслимовского типа (Мряслимовские, поздние Каранаевские, Идельбаевские, Муракаевские курганы) и затем чуть западнее памятников чияликского типа (Казаков, 1978, с. 67-75; Гарустович, Иванов, 1992, с.25). Пришельцы достаточно быстро ассимилировали остатки караякуповцев и других живших здесь ранее угорских племен. За весьма короткое время это приуральское население по довольно узкому коридору вдоль Камы добралось до Волги, дойдя до Самарских Лугов. На правом берегу Волги следы их прибытия не наблюдается.

Исследования последних лет позволяют предполагать, что к началу болгарской колонизации края на территории Елабужского городища в пределах первой линии обороны уже проживала группа угорского населения. Время его прихода на устье р. Тоймы представляется возможным отнести к последней четверти X столетия. Наличие рядом с городищем языческого II некрополя доказывает, что носители гребенчато-шнуровой керамики освоили Елабужское городище до прихода сюда болгар-мусульман. Выбор места для постоянного проживания был обусловлен природно-географическими условиями местности, в частности, близостью переправы через Каму (Луговое – Бетки), за которой начинались основные территории обитания угорского населения, и возможностью контролировать р.Тойму, по которым, впоследствии, можно было добраться до святилища Чумойтло.

Безусловно, прибрежная зона Восточного Предкамья была знакома болгарам задолго до конца X в. Из исторической части Елабуги происходит цельный красноглиняный кувшин салтовских истоков с бомбовидным туловом и уплощенным дном. Сосуд имеет сплошное лощение и орнамент в виде многорядных волн. Аналогичные кувшины из Танкеевского могильника датируются IX в. (Хлебникова, 1984, с.60). Появление болгарского опорного пункта Алабуга на месте уже существующего поселения можно рассматривать как завершение процесса вхождения края в Болгарское государство. Военно-политические и торговые интересы болгар, взявших в свои руки т.н. «хазарскую торговлю», требовали прежде всего контроля над переправой, Камским торговым путем и р. Тоймой, по которой осуществлялись контакты с чепецким миром.

Интересно, что на самом значимом болгарском поселении края – Елабужском городище – общеполгарская I группы керамика составляет максимум 15 – 20 % от всей керамики домонгольской эпохи. Это на порядок меньше, чем в Рождественском городище на Верхней Каме, где доля гончарной общеполгарской керамики достигает до половины керамического материала (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с. 174 и сл.). Болгарское население, осваивавшее Восточное Предкамье, не было однородным. Так, материалы с прикамских памятников говорят о достаточно пёстром составе пришельцев с юго-запада. Вместе с общеполгарской посудой всегда присутствует керамика типа «джукетау» (XIII группа по Т.А. Хлебниковой). На Елабужском городище она представлена 3 – 5 % от средневековой посуды (на западной половине внутренней территории до 10 – 12 %). Несколько фрагментов обнаружено в посаде Алабуги, и что

самое примечательное, наряду с высококачественной общеполгарской керамикой, присутствие которой можно объяснить как привозную утварь, джукетауская посуда обнаружена нами и в языческом IV некрополе X – начала XII вв. Керамику типа «джукетау» (XIII гр.), которая сформировалась на базе посуды IX группы конца IX – первой половины X вв. (Хлебникова, 1984, с.169), мы склонны связывать с известными по восточным источникам эсегелами – чигилами. Это юго-восточно-казахстанских истоков население пришло на Среднюю Волгу в конце IX в. через Башкирию на волне печенежских наступлений в Приуралье. Видна типологическая близость горшвидных сосудов IX группы с посудой турбаслинской культуры. В район слияния Камы и Волги эсегелы, вероятнее всего, спустились с Бельско – Тулвинского междуречья, пройдя вдоль южных границ Восточного Предкамья. Коренное этногенетическое отличие от болгар дало носителям данной традиции изготовления керамики возможность самоидентифицироваться в течение всего домонгольского и золотоордынского периодов. Анализ материалов Елабужского, Чаллынского и, в особенности, Кирменского комплексов показывает, что джукетауское население было более восприимчиво к контактам с прикамскими этнокультурными группами, скажем с носителями XVIII и, отчасти, VII групп керамики.

Прикамско-приуральская (VII группа по классификации Т.А. Хлебниковой) керамика составляет значительную группу находок Елабужского городища. Очевидно, угорское население проживало в нем в течение всего домонгольского времени. В противном случае сложно объяснить тот факт, что керамика «постпетрогром» в керамическом комплексе большинства раскопов данного

памятника занимает более 80 % от всей средневековой посуды (Нигамаев, 2009, с.).

С уграми могут быть связаны захоронения из Елабужского II некрополя. Обнаруженные там серебряные и медные украшения имеют истоки в угорском мире (Казаков, 1978, с.26-27). Правда, аналогичные шумящие подвески часто встречаются в памятниках бассейна р. Чепца (Иванова, 1992; Иванов, 1998, рис.16: 13). Если учитывать, что близкие по технике изготовления находки присутствуют и в бассейне р.Сылва (Пастушенко, 2005-2006, с.64), привнесение их в бассейны рек Чепцы, Валы и Тоймы уграми может быть обоснованным.

О присутствии в сложном процессе этногенеза населения края следующего участника нагляднее говорят материалы из посада Алабуги. Речь идет о населении верхнекамских истоков, которое проникало в Волжскую Болгарию волнами с IX в. до монгольских завоеваний. Вопрос о переселении носителей культур ломоватовского круга поднимался в специальной литературе не раз. Большинство исследователей придерживаются точки зрения о насильственном выводе поломо-ломоватово-неволинского населения на Среднюю Волгу во второй половине VIII и второй половине IX вв.(Генинг, 1989, с.222; Иванов, 1990, с.115). В последствии, какая-то часть этого угро-финского населения, знакомая с болгарской культурой, но не порывавшего со своей исторической родиной, могла вернуться обратно на Чепцу, Среднюю и Верхнюю Каму, привнеся туда новые традиции.

Как памятник, связанный с таким ремиграционным финно-угорским населением можно рассматривать пока слабо изученный Елабужский IV некрополь, который на основе анализа погребального инвентаря датируется X – началом

XII вв. Погребальная керамика представлена лепной раковинной, красноглиняной гончарной и чашевидным одноручным сосудом «джукетауского» типа (Нигамаев, 2008, с. 32-33).

Серебряные и медные украшения также связывают этот могильник с Чепцой, Верхней Камой и даже Вычегдой. На наш взгляд, данный могильник к конца X – первой половины XII вв. принадлежит к смешанному обогаризированному финно-угорскому населению, связанному с населением бассейна Чепцы и Верхней Камы.

Наиболее сложным вопросом в освещении этнических процессов, происходящих в Восточном Предкамье в домонгольский период, является вопрос о времени появления на Нижней Каме группы населения, связанной с родановской культурой. В посаде Алабуги наряду с болгарской керамикой домонгольского облика из нижних отложений культурного слоя в коллекции находок хорошо представлена изготовленная вручную, редко с подправкой на круге, посуда из глиняного теста с большим содержанием толченой раковины черного, бурого, серого оттенков. Такую посуду, представленную горшковидными, чашевидными и котловидными круглодонными с приуплощенностью сосудами, основываясь на материалах Западного Закамья, прежде всего Болгарского городища, Т.А. Хлебникова выделила в XVIII группу своей классификации (Хлебникова, 1988, с. 35 и сл.) ,и связывала происхождение этой группы посуды с памятниками ломоватовской культуры (Деменковский могильник, селище Телячий Брод) и такими памятниками IX – начала X вв. как Игимский и Чишминский могильники. Посад Алабуги является единственным болгарским памятником, где подобная керамика является количественно доминирующей не только в бол-

гаро-татарском (60 %), но и в более раннем домонгольском слое (58 %). По принципу, что в любом болгарском поселении население, связанное с традиционной посудой, количественно занимает большее место, чем представлена его посуда, мы предполагаем, что финно-пермское население посада Алабуги занимало не менее 2/3 от общего количества жителей. И это население поддерживало постоянные связи со своим исходным регионом. Следует отметить, что явное доминирование в керамическом комплексе посуды населения Верхнего Прикамья или Западного Приуралья в целом является спецификой материальной культуры ранней Алабуги и, может быть, всего Восточного Предкамья.

Сама проблема смешения мигрантов с Верхней Камы с уграми Закамья, степень которого исследователями часто преподносится как достаточно высокая, требует дальнейшего уточнения. Так, на Елабужском городище, где угорское население было численно доминирующим в течении всего домонгольского периода, и где керамика VII группы («постпетрогром») является преобладающей, не был обнаружен ни один фрагмент посуды верхнекамских истоков. И наоборот, в посаде города, где пермская керамика (XVIII группа) наиболее многочисленна, за все годы раскопок обнаружено всего 5 фрагментов прикамско-приуральской керамики. А ведь памятники существовали одновременно, более того они, по сути, являются кремлем и посадом одного города.

Есть еще один довод в пользу позднемонгольской датировки начала распространения керамики XVIII группы в Восточном Предкамье. В последующий период, во второй половине XIII – XIV вв., на территории посада Алабуги, в пределах рва, откуда массово происходит финно-пермская посуда, распо-

лагался мусульманский могильник с хорошо прослеживаемыми языческими пережитками. По своим погребальным традициям Елабужский III некрополь схож с позднечияликскими памятниками Восточного Татарстана и Северного Башкортостана.

Носителей чияликской культуры можно читать последним приуральским населением, которое проникало в северо-восточные пределы Волжской Болгарии. Вопрос о соотношении чияликцев с постпетрогромским населением окончательно не решен. Е.П. Казаков рассматривает их как две разные волны угров, существенно отличающихся друг от друга. Г.Н. Гарустович, наоборот, видит в них два этапа одной культуры. Исследование таких хронологически «рубежных» памятников предмонгольской эпохи как Глюковский могильник (ок. 3 тыс. погр.) могло бы внести ясность. В чияликских поселениях (Чияликской, Азметьевское, Маллятамакское VI) остатков жилищ не выявлено, изучены лишь небольшие хозяйственные ямы.

Наиболее западные памятники Волжской Болгарии, где прослеживаются следы чияликской культуры – Яр-Чалыньское городище (Элеваторная гора) в Закамье и, возможно, посад Алабуги в Предкамье, где погребения Елабужского III некрополя близки чияликским.

Таким образом, этнокультурные процессы в северо-восточных районах Волжской Болгарии в X – XIV вв. привели к формированию своеобразной материальной культуры населения. И в этом процессах роль выходцев с Прикамья и Приуралья значительна.

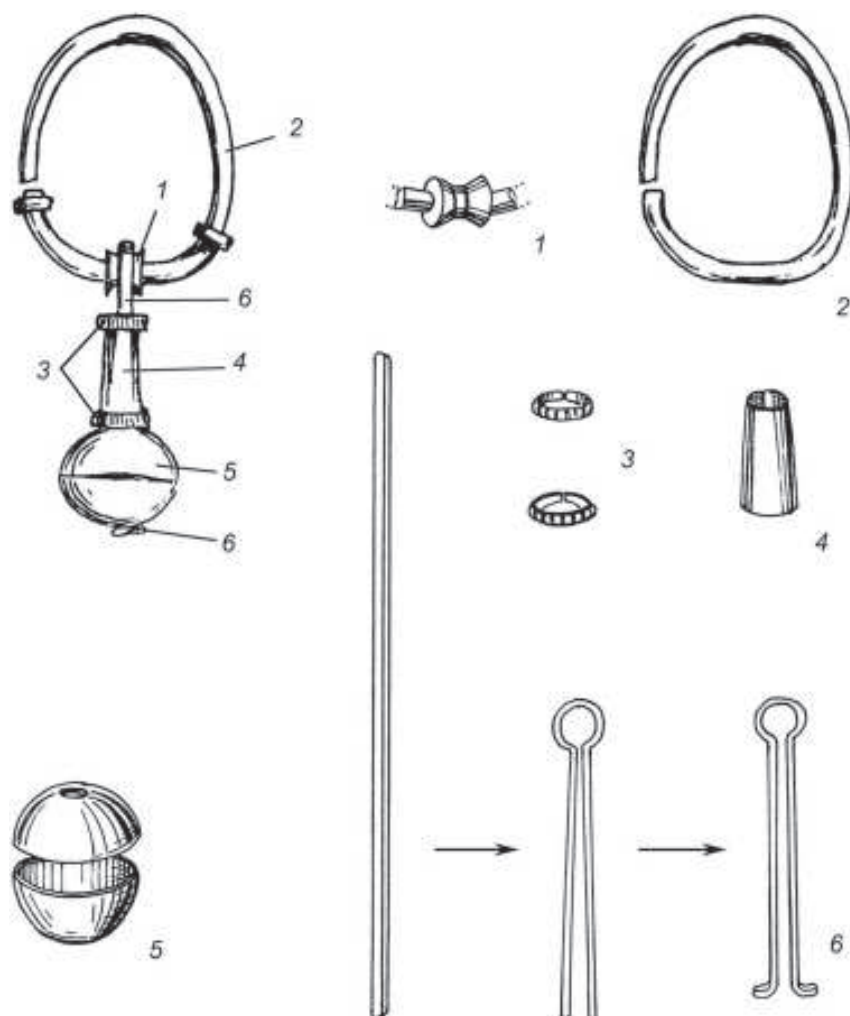

Рис.1. Схема изготовления височной подвески с привеской-бусиной или полым шаром. 1 - дисковидный перехват, 2 - височное кольцо, 3 - пояски с насечкой, 4 - конусовидная обойма, 5 - половинки шара, 6 - стержень-основа

С.А. Перевозчикова ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВИСОЧНЫХ УКРАШЕНИЙ ПРИКАМЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В данном исследовании раскрыты особенности изготовления височных украшений четырех археологических культур Прикамья эпохи раннего средневековья: полоумской, неволинской, ломоватовской и ванвиздинской (анализу были подвергнуты 611 экземпляров из 46 памятника).

Практически все типы височных

подвесок конструктивно состоят из двух частей: височного кольца и привески. Большинству колец придавалась овальная или округлая форма, реже – подпрямоугольная или треугольная. Последняя характерна только для Среднего Прикамья. Во всех случаях подвеска состояла из одинарного кольца. Исключение составляют височные украшения из Верх-Саинского могильника, представленные горизонтальными или вертикальными цепями из трех-пяти колец, соединенных последовательно или способом кольчужного плетения. В отдельных случаях кольцо оформлялось следующими

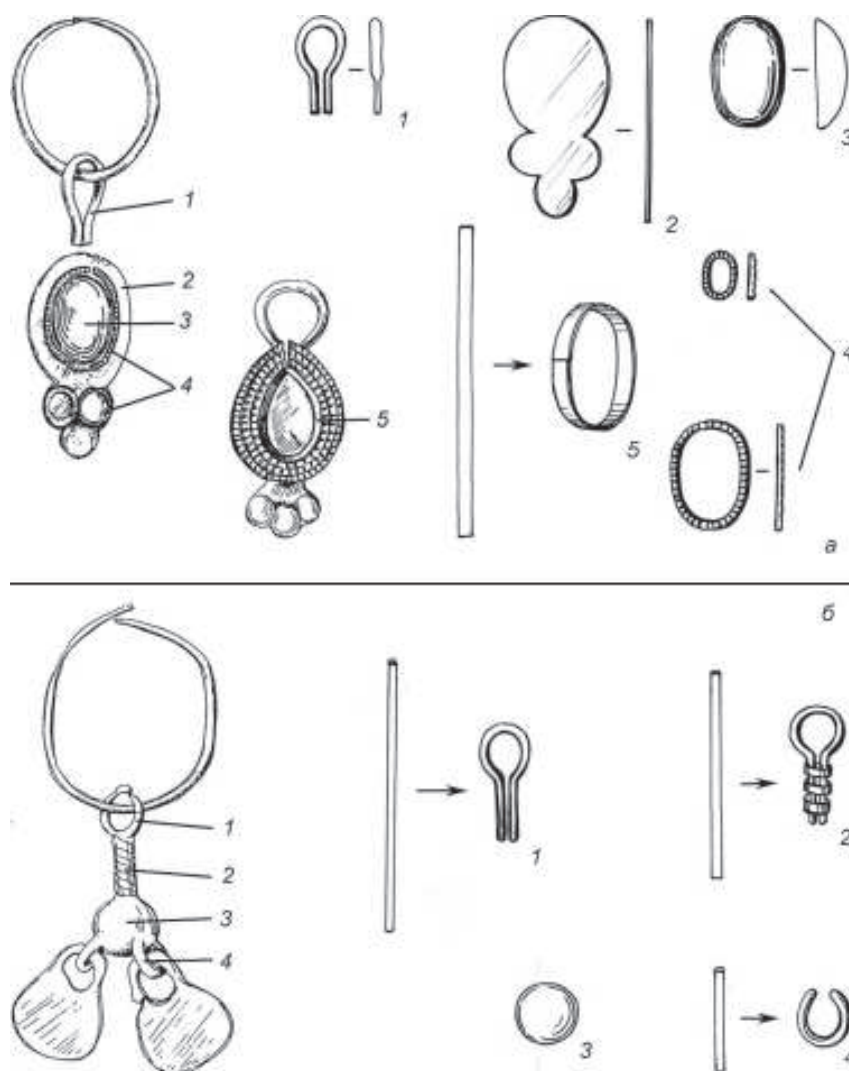

Рис.2. а - схема изготовления височной подвески, украшенной каменной вставкой. 1 - петелька, 2 - пластина-основа, 3 - каменная вставка, 4 - декоративные пояски, 5 - обойма; б - схема изготовления свободновращающейся подвески с литым шаром. 1 - петелька, 2 - обмотка петельки плоской проволокой, 3 - шар, 4 - петелька

способами: насечка; имитация витья; витье вдоль своей оси; витье плоской или рифленой пластиной; витье концов кольца относительно друг друга.

Изготовление самого височного кольца не зависело от внешнего вида и способа изготовления привески, прикрепленной к нему, поэтому целесообразно рассматривать изготовление не височных подвесок в целом, а технологические особенности только привесок и способы их крепления к кольцу. Большинство привесок крепилось посредством имеющейся верхней петельки, при

этом крепление могло быть как плотным (привески с бусинами или полыми металлическими шарами), так и свободным, позволяя привеске вращаться (так называемые свободновращающиеся привески). Остальная часть привесок была припаяна к нижней части кольца или отлита вместе с ним (привески в виде грозди или стержня). По технике изготовления привески можно выделить несколько основных типов: составные, спаянные, цельнолитые.

Основными деталями составной привески являются бусина или шар,

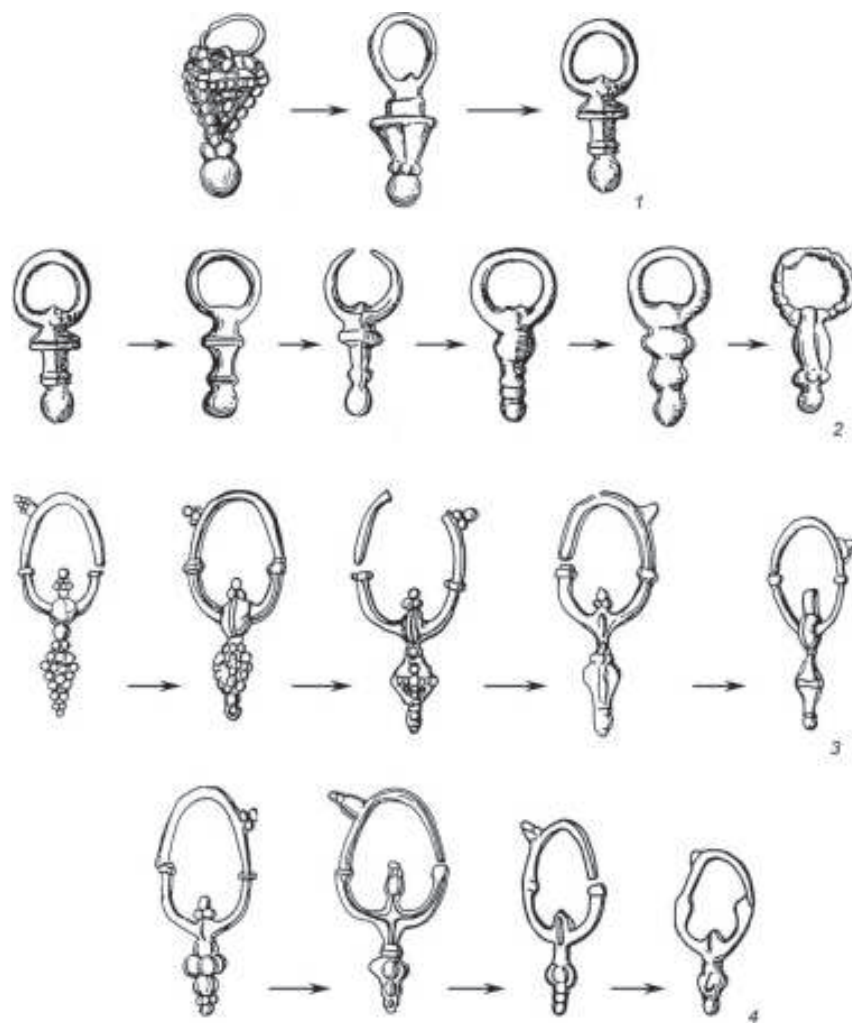

Рис.3. Схематичное изображение потери у привески первоначального вида путем "копирования"

ободок и стержень, соединяющий их с кольцом (рис.1). Бусины различных форм (овальная, круглая, таблетка) и численности (от одной до трех) были выполнены из камня или стекла; полые металлические шары состояли из двух полых половинок, заранее заполненных для прочности смолой или органическими остатками. Стержень представлял собой проволоку, круглую или сегментную в сечении, согнутую пополам так, чтобы через ее середину проходил низ кольца, а ее концы закрепляли надетый шарик или бусину. Для удобства крепления металличе-

го шара на стержень, отверстия в его половинках, скорее всего, прокалывали нагретым шилом, сплавляя, таким образом, смолу или траву и образуя отверстие. Характерной особенностью подвесок, выполненных по данной схеме, является то, что ее основные детали (кольцо, стержень, шар, ободок) не припаивались друг к другу. Разъединенные в разные стороны концы стержня, позволяли удерживать и шар, и ободок. Устойчивое положение привески на кольце создавала верхняя петелька стержня, плотно огибающая низ кольца. Дополнительный крепеж обес-

печивали маленькие пояски, как на ободке, так и на петельке, которые также надевали сверху.

У спаянных привесок отдельные детали припаивались друг к другу. Можно выделить две небольшие группы таких привесок: 1) привески, свободно вращающиеся на височном кольце за счет большого верхнего кольца (петельки) привески; 2) привески, припаянные непосредственно к височному кольцу.

Одним из ярких примеров, когда петелька припаивалась к верху привески, служит привеска, украшенная каменной вставкой. Основу этих привесок, чаще всего, составляла тонкая рельефная пластина в виде овала, плавно переходящего в гроздевидное окончание. Выделяются несколько технологических приемов:

1. Крепление привески к височному кольцу происходило посредством округлой или треугольной петельки, припаянной к задней части пластины, позволяя, таким образом, привеске свободно вращаться. Сердцевидная или янтарная вставка овальной или треугольной формы крепилась при помощи мастики непосредственно к основе, иногда закреплялась дополнительно в гнездо. Пластина-основа украшалась одной-четырьмя полосками «псевдоскани» или «рубчика» (рис.2а);

2. Отливка по модели одной пластины с контурами скани, зерни и рубчика, в дальнейшем к которой и прикреплялась вставка;

3. Изготовление отдельной пластины с вставкой и поясками, которую припаявали к основному щитку (?).

В качестве другого примера можно рассмотреть привеску с утолщением в нижней части (рис.2б). Петля, за счет которой она крепилась к височному кольцу, выполнялась из проволоки круглого сечения, загнутой пополам так, чтобы

сверху оставалась небольшая петелька, а концы были прижаты друг к другу. Их припаивали к литому шарiku. Сверху стержень-основу огибали тонкой узкой проволокой как очень плотно, так и немного размеренно, оставляя видимым стержень. Иногда ее заднюю часть слегка «приглаживали», скорее всего, для дополнительного крепления проволоки. Нижняя часть шара могла быть украшена различными способами: петельками, к которым подвешивали дополнительные шумящие привески (бубенчики, лапки), гроздевидным окончанием (как отдельно припаянным, так и цельнолитым с шаром). По такой же схеме была изготовлена и привеска с лорнетовидным окончанием.

Привески, припаянные непосредственно к кольцу, представлены гроздевидными привесками. Они состоят из шариков различных размеров, в количестве от 4 и более, которые отливались каждый в отдельности и в дальнейшем припаивались друг к другу, создавая определенную форму привески – пирамидальную, бипирамидальную и др. Шарики присоединяли вплотную так, чтобы не оставалось между ними пустого пространства; известен лишь один вариант, где спаянные шарики определяют лишь бипирамидальный контур привески, сохраняя внутреннее пространство (Варнинский могильник).

Способ крепления цельнолитых привесок к височному кольцу аналогичен спаянным: крепление посредством большой верхней петельки или одновременная отливка с кольцом.

Одна из групп цельнолитых привесок повторяет внешний вид спаянных - гроздевидных. Скорее всего, эти подвески являлись прототипами спаянных гроздевидных подвесок. Вероятно, данное височное украшение, являющееся изначально импортной ве-

шью, служило матрицей для последующего изготовления других экземпляров. По данной матрице изготавливалась форма для отливки. Дальнейшая отливка височных подвесок данного типа, своего рода «копировала» первоначальный вариант. При этом наблюдалась постепенная потеря изначальной формы. Это заметно у вариантов подвески данного типа, что выражается, в первую очередь, на привеске, поясах на боковых частях кольца и дополнительных украшениях (рис.3).

Постоянное использование одной формы для отливки большого числа подвесок сказывается на четкости выступающих шариков: с более большим количеством отлитых подвесок шарики «сливаются» воедино. Вначале видны все шарики, затем проступают только боковые и центральные ребра, в конечном итоге привеска приобретает неровный сплошной контур.

Подобным видоизменениям подверглись и стержневидные привески, и каплевидные, а также свободновращающиеся привески с пирамидальным верхом, которые постепенно изменяли свой контур от четко обозначенных с гранями, ребрами и делениями на плавный, с нечеткими выделениями.

К цельнолитым можно отнести и условную группу привесок с каменной вставкой. Они являются аналогичным упрощением техники изготовления, как и выше описанные, но в отличие от них, их форма не меняется. Изменяется лишь способ изготовления – изначально заранее задавались контуры вставок, поясков, грозди.

Таковы основные принципы изготовления подавляющей части височных подвесок Прикамья. Существуют небольшие по численности группы височных украшений, которые требуют отдельного рассматривания. Одними из таких

украшений являются височные кольца с 14-гранником на конце. Их выполнение достаточно просто. Форма 14-гранника заранее задавалась в литейной форме. По сути, они также являются цельнолитыми с той лишь разницей, что это не привески. Возможно, после отливки полученные 14-гранники дополнительно обрабатывали – на единичном экземпляре из погребения 198 Варнинского могильника хорошо заметны следы обработки (зазубрины, неровность граней в результате неоднократного среза острым предметом), при этом, хорошо заметно, что выдавливание граней шло с той стороны, где находится проволочная основа кольца.

Другим височным украшением является полая калачиковидная подвеска. Она состояла из двух компонентов: отдельно отливались две половинки основы (основной корпус вместе с нижним гроздевидным окончанием) и дужка, которые в дальнейшем припаивались друг к другу. Для дополнительного крепления дужки и основы, концы последней скрепляли рифленным ободком.

Примечательно одновременное существование всех этих трех способов изготовления височных украшений. Несомненно, что у тех типов подвесок, внешний вид которых менялся в связи с использованием техники «копирования», можно условно выделить ранний (VI-VII вв.) и поздний (VIII-IX вв.) этапы. К таким можно отнести гроздевидные и би-пирамидальные украшения, привески с каменными вставками и т.д. А если рассматривать составные привески (в виде полого металлического шара или привески-бусины), то способ их изготовления не менялся на протяжении трех-четырёх веков (VI-IX вв.). И при этом, они параллельно сосуществовали с «копированными» украшениями.

Еще одной особенностью в технике

изготовления подвесок является то, что все способы их производства не являются родными для Прикамья. Так, стержневидная основа у составных украшений (типы полый шар или полый шар+конус) известна у салтовских подвесок (Салтовский, Чми, Дуба-Юрт, Дмитровский могильники) (Деопик, 1963, с.131, рис.2-3). Гроздевидные подвески известны в памятниках Кавказа (Чми, VII, VIII-IX вв.), Среднего и Верхнего Прикубанья, отдаленные аналогии им отмечены в серьгах из Суук-Су, Агач-Калы (Деопик, 1963, с.132, рис.2-8; Ковалевская, 1995, с.150,155). Изготовление привесок с каменными вставками было заимствовано из Южного Приуралья, где они приобрели верхнюю петлю и из серег преобразовались в височные подвески (Бирский могильник) (Мажитов, 1990, с.264, рис.2-7). Скорее всего, отсюда же появились и навыки «копирования» предметов, достаточно часто используемые прикамскими мастерами, начиная с конца VIII в. Практически все типы височных подвесок были подвергнуты неоднократно копированию, что сильно повлияло на изменение их внешнего вида и, конечно же, приводило к упрощению техники изготовления. Единственный тип, - составная подвеска с привеской на стержне, на протяжении VI-IX вв. сохранил свой изначальный способ изготовления – изменялись лишь декоративные особенности, приводя к увеличению числа зерни и поясков на привеске. Начиная с середины IX в. упрощение техники касается и этого типа – привески отливаются в виде двух полых форм, в которых уже заранее задавался определенный узор (Подосенова, 2007, с.339-341). Необходимо отметить, что копирование предметов было свойственно не только жителям Прикамья и Южного Приуралья, это было характерно для всего населения Волго-

Камского региона, особенно в IX в. (Белавин, 2000, рис.8-14,18; Казаков, 2007, рис.24-5, рис.51-3, Никитина, 2002, рис.25-12, рис.56-14-16).

На основе привнесенных в Прикамье основных приемов производства местными мастерами были придуманы свои собственные модели височных украшений. Так, только для этого региона были характерны привески с утолщением в нижней части и двумя петлями, к которым подвешивались дополнительные шумящие привески. Скорее всего, именно в Прикамье гроздевидные серьги постепенно изменили свой внешний вид – их гроздевидные окончания из пирамидальных превратились в бипирамидальные.

Практически на всех типах височных украшениях фиксируются следы ремонта, брака и переделок. В качестве ярких примеров ремонта служат привески в виде полого металлического шара. В могильнике Сухой Лог сломанный стержень привески был заменен на проволоку, верхним концом которой огибали кольцо и в дальнейшем припаявали к центру проволоки, а нижний – был закручен узлом, закрепляя шар. В Неволинском могильнике стержень привески в виде полушара и шара, у которого был сломана петелька, закрепили, примотав его ниткой к нижней части кольца. В погребении Верх-Саинского могильника у одной из серебряных подвесок, украшенных каменной вставкой, были заменены петля и кольцо на аналогичные, но из другого материала – бронзы.

В Верх-Саинском могильнике имеются многогранники, являющиеся переделками. В центре данных многогранников было проделано отверстие небольшого диаметра (вероятно, просверлено), в которое вставлялся стержень, подвешивающий привеску к височному кольцу. Таким образом, в этом случае много-

гранник из цельнолитой привески превращался в свободноповорачивающуюся.

Имеются также и следы брака, видные по височным подвескам из Аверинского, Неволинского и Варнинского могильников (например, в погребении 291 Варнинского могильника внизу шарика (который должен быть полностью литым) имелось отверстие).

Вообще, среди всех найденных предметов на данных памятниках (украшения, поясная и обувная гарнитура и т.д.) следы ремонта, брака и переделок нередки. Ярким примером может послужить деревянная чаша из Верх-Саинского могильника (курган 26, погребения 1,2), поврежденный верх которой закрепили бронзовой обоймой, сделанной из плоской накладки. Замена материала часто наблюдается на бронзовых пряжках, кольцо или язычок которых в случае поломки менялось на железное. А из фрагментов серебряных зеркал делали подвески или бляшки неопределенных форм (Верх-Саинский могильник, курган 63, погребение 1, курган 99, погребение 1).

К сожалению, о наличии домашних мастерских, связанных с украшениями, или ювелирных центров мы пока говорить не можем. До сего момента не опубликовано ни одного артефакта, свидетельствующего об изготовлении подвесок в Верхнем и Среднем Прикамье в конце IV – первой половине IX в. (литейные формы с моделями подвесок, заготовки). Несомненно, само по себе ювелирное производство в Прикамье в эпоху раннего средневековья уже существовало, исходя из наличия тиглей, льячек, ювелирных щипчиков и т.д. Но о наличии каких-либо навыков в изготовлении височных украшений можно судить, к сожалению, пока лишь по обнаруженным украшениям (следы ремонта, брака, копирование предмета, декор), изго-

товление которых происходило на высоком уровне.

© Руденко К.А., 2009

8 Искренне благодарю хранителя фондов драгметаллов НМ РТ Халиуллинну Светлану Измайловну за помощь, поддержку при работе с коллекцией средневековых ювелирных изделий из фондов музея.

9 (По Т.А. Хлебниковой) из Биляра - ГИМ, инв. № 50490, № 441-442, по описи драгметалла; из Болгар - ГИМ, собрание Румянцевского музея, инв. № 54746, №№ 233, 430-439, 445-446, 473 по описи драгметалла

К.А. Руденко
ЗЕРНЬ И СКАНЬ НА
БУЛГАРСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ
ИЗДЕЛИЯХ КОНЦА X- ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XIII В.

Скань и зернь в разных сочетаниях использовалась болгарскими ювелирами при изготовлении различных украшений в домонгольское время. Среди них височные подвески, детали шейных украшений: плетеных гривен, подвесок-медальонов шейных цепочек, а так же браслеты, перстни. Все они выполнены, как правило, из драгоценных материалов – золота и серебра, хотя встречаются и изделия из медных сплавов⁸.

Золотые болгарские изделия, выполненные в сканно-зерневой технике, стали попадать в частные коллекции древностей в России в первой половине – середине XIX в. Они имелись, например, в собрании П.И. Щукина и В.И. Ешевского, приобретенные затем московскими музеями, а ныне хранящиеся в ГИМе⁹. Во второй половине XIX в. появились первые научные публикации сканно-зерневых болгарских украшений. Среди них первым было золотое височное украшение из Спасского клада 1869 г. (ОАК за 1869г. С. XIX- XX; Толстой, Кондаков, 1897) и ряд других.

Тонкость изготовления и изящество этих изделий сразу привлекли внимание исследователей. Но вместе с тем выяви-

лись и некоторые особенности таких украшений. Одним из первых на них обратил внимание казанский коллекционер А.Ф.Лихачев. Он писал: «в Билярске <...> находили неоднократно спиральные кольца из толстой медной проволоки, которая была обтянута листиком золота так искусно, что на первый взгляд кольцо казалось чисто золотым. Но выдавал вес, который оказывался слишком легким, и это навело находчиков на мысль ломать такие кольца: тогда и обнаружилось, что под золотой оболочкой скрыта медная проволока. Мы не можем решить – было ли это делается в те времена с злым умыслом обмана, или для удешевления предмета, по желанию самих потребителей» (Лихачев, 1891. С.178).

Специально изучив болгарские золотые украшения, хранившиеся в Императорском Эрмитаже, А.А.Спицин (Спицин, 1906. С.265-266, табл. V, VI) как и А.Ф. Лихачев, обнаружил, что основу их составляет медное кольцо, обтянутое золотом, а напускные бусины, украшающие их, сделаны из спаянных и пустых внутри небольших отдельных конусов (Спицин, 1906. С.264-265).

А.П. Смирнов отметил, что такие изделия отличает прекрасная отделка и тонкая работа и, что они являются «показателем воздействия русской культуры» на болгар (Смирнов, 1951. С.124). Несколько иного взгляда при-

¹⁰ По книге поступлений в фондах музея хранились переданная из музея ОАИЭ фрагментированная золотая подвеска с изображением птицы (№5485а; СУ-58-кн-3; 743а) длиной 95 мм, весом 21,3 г, 750 пробы; золотое кольцо с тремя подвесками-желудями (№5491; СУ-59-кн-3; 3018), длиной 88 мм; весом 16,5 г. Также с подвесками с зернью была подвеска (кольцо височное - по описанию) (№5490), весом 27,1 г. 750 пробы. Желудевидные подвески были у фрагментов «кольца височного с подвесками» (№5489; СУ-60-кн-3; 748) весом 6,07 г, 750 пробы. Без подвесок, но с тремя напускными бусинами было «кольцо височное» (№5487; СУ-46-кн-2; 744), 25х25 мм; весом 4,1 г, 750 пробы. Аналогичное кольцо (по описанию в КП) (№5486; СУ-45-кн-2; 7436) имело диаметр 38 мм; вес 11,8 г., 750 пробу. Все эти украшения утрачены (Ордер на списание, №3270 от 9.04.1976, №54, 55, 57, 58).

¹¹ ГМТР, № 5490/1-8

¹² ГИМ. Инв.№ 705, № 238 по описи драг металла

держивался Б.А.Рыбаков, считавшей, что для Волжской Булгарии характерна «своеобразная культура зерни и сканни» хотя каких-то конкретных особенностей ее он не описывал (Рыбаков, 1949. С.335).

Во второй половине XX в. было сделано несколько находок золотых подвесок украшенных сканью и зернью. Особо выделяется клад у с. Мокрые Курнали, состоящий из парного комплекта золотых подвесок и набора плетеных серебряных браслетов, найденный в конце 50-х гг. XX в. Вещи были тщательно исследованы, а затем опубликованы Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1963. С.306). В окрестностях Биляра в 1970-х гг. было найдено еще несколько подвесок, из которых сохранилась только одна (Исследования, 1976. С.28, 29, рис.7; Руденко, 1999).

Надо сказать, что значительная часть таких украшений встречается вкладах. Например, есть они в Сабакайском кладе (1870 г.) (Спицин, 1906. С.266). В коллекции Национального музея Татарстана¹⁰ хранятся 8 фрагментов от таких подвесок¹¹ и серебряные подвески без изображения птицы из Именьковского клада 1962 г. Встречаются детали от изделий этого типа при раскопках. Часть золотого украшения найдена А.П.Смирновым в Суваре¹², а также в погребении № 37 IV Билярского могильника (Шарифуллин, 1984. С.70, 71, 81, рис.6).

Итого, на сегодняшний день известно 11 золотых сканно-зерневых украшений¹³ - из Биляра - 5, из Спасска - 1, из Мокрых Курналей - 2, неизвестного происхождения - 2, из с. Никитское - 1. Как видно, большая их часть найдена на территории булгарского государства, в цент-

ральной его части.

К этим изделиям нужно добавить изделия из серебра, выполненные в сканно-зерневой технике. Зернь на таких изделиях встречается эпизодически, хотя в полной мере зерневая техника использовалась на дополнительных деталях, как, например, на подвесках плетеной из серебряных проволок шейной гривне, найденной в районе Чистополя (булгарский город Джукетау). Подвески выполнены в виде лунниц и украшены зернью и сканью. Это изделие опубликовано О.С. Хованской (Хованская, 1958. С.239-243).

Украшались зернью и сканью серебряные перстни и шатоны на плетеных браслетах. Об этом писал еще в конце XIX в. А.Ф.Лихачев (Лихачев, 1891. С.169).

Серебряные перстни с шатоном который украшался сканной провололочкой и композициями из зерни представлены двумя типами. Все они происходят из коллекции А.Ф. Лихачева, скорее всего из Билярского городища. Рассмотрим их подробнее.

Тип 1 (1 экз.; Руденко, 2007, рис.103-33) перстень с объемным в виде полусферы щитком из фольги, припаянной к круглой основе, диаметром 1,2 см. По стыку напаяна зернь диаметром 0,1 см. С трех сторон полусферу украшали пирамидки зерни из 10 шариков (треугольник со сторонами их 4 зерен). Между пирамидками напаяны разомкнутые колечки из гладкой проволоки. Завершает полусферу шарик зерни диаметром 0,5 см. Диаметр шинки 2,2 см. Общие размеры: 3х2,3х1,2 см. Близкий перстень известен из Болгар (Болгар, 1868. Табл.VII-3). Но у него отсутствуют сканные колечки и центральный шарик у основания также украшен треугольниками зерни. Сканные колечки в качестве декоративного элемента имеются на однобусинных височных колечках из Прикамья (Руденко, 2007, рис.79-23).

¹³ Использованы данные приведенные Л.А. Голубевой (Голубева Л.А., 1979. С.25)

¹⁴ Перстень ремонтировался: на шинку припаяны 2 шарика зерни с наружи и изнутри диаметром 0,1 см.

Тип 2 (4 экз.) перстни с шатонами. Сложные шинки припаяны двумя раскованными концами к основе шатона. На внешней поверхности шинки нанесены рельефные или гравированные рисунки. Различается способ оформления шатона. По форме различаются следующие варианты:

Тип 2.1 (3 экз.; Руденко, 2007, рис.103-30) с квадратным кастом (1,5х1,5 и высотой 0,5 см.). Первый перстень 2,1х2,4х1,65 см со вставкой из янтаря. На основу каста наложена двойная сканная проволочка сплетенная «косичкой». На воротничок основы напаяна крупная зернь диаметром 0,2 см. Для прочности края воротничка вмяты между шариками. Между крупной зернью помещены мелкие шарики диаметром 0,1 см.

Второй перстень 2,8х2,1х1,6 см со вставкой из сердолика (1,5х1,85 см) (Руденко, 2007, рис.103-31). В отличие от предыдущего перстня здесь отсутствует сканная основа, а крупная зернь (0,2 см) сгруппирована в пирамидки по три зерна, верхние из которых чуть меньше размером – 0,15 см¹⁴.

Третий перстень (Руденко, 2007, рис.103-29), 2х2,4х1,25 см со вставкой из прозрачного стекла с подложкой (1,25х1,4х0,6 см). По периметру основы напаяна зернь диаметром 0,2 см. на шинке на месте крепления к касту напаяны пирамидки зерни, диаметром 0,1 см (5х4 зерна). Аналогичные изделия имеются в коллекции с Болгарского городища (Болгар, 1868. Табл.VII-4,5,8)¹⁵.

Тип 2.2 (1 экз.) (Руденко, 2007, рис.103-32) с круглым кастом и вставкой из стекла бирюзового цвета. Размеры перстня - 2,7х2,3х1,8 см. В отличие от перстня типа 2.1 сканная проволочка на-

паяна в верхней части каста. Основание (воротничок) занято 17 шариками зерни диаметром 0,2 см. края основы промяты для прочности крепления. Аналогичные изделия известны из Болгар (Болгар, 1868. Табл.VII-6,7,9). Различаются они только высотой каста.

Плетеные браслеты со вставками (только на них имеется зернь) представлены одним типом: Тип 1 (2 экз.; Руденко, 2007, рис.97-11) (ГМТР, №5501; 12639) браслет плетеный из сложенной два раза (вдвое и затем пополам) переплетенной проволоки диаметром 0,25 см (9,1х7,9х2,3 см). Концы раскованы и к ним сверху припаяны гнезда (2,3х1 см) для вставки (1,5х1,9 см) (сами вставки утрачены). По воротничку припаяны тройные пирамидки зерни диаметром 0,2 см. У основания каста (с внутренней стороны) припаяны пирамидки из 4 шариков крупной зерни, диаметром 0,5 см. Между ними впаяны мелкая зернь.

Второй браслет (Руденко, 2007, рис.97-9) (7,8х5,8х1,8 см) изготовлен аналогичным способом. Каст¹⁶ квадратной формы имеет размер 1,8х1,7х0,6 см. По периметру его напаяны пирамидки из 3 шариков зерни. Аналогичный браслет известен с Болгарского городища (Болгар, 1868. Табл.VI-2)¹⁷.

Сканью украшены трехбусинные серебряные кольца (8 экз.) из Бутаевского клада, опубликованные А.М.Ефимовой (Ефимова, 1960. С.195-202). Они сделаны из довольно толстой (до 3 мм в сечении) проволоки (Руденко, 2007, рис.80-1-4). «На нижнюю половину кольца надеты три полые серебряные бусины в форме желудей. Они выполнены чеканкой из тонкого листового серебра; каждая состоит из двух вертикальных

15 Если составителями таблиц данные перстни взяты из Атласа А.Ф.Лихачева (табл. V-19;24;30), то речь может идти о перстнях описанных нами.

16 Сохранился один каст, второй утрачен.

17 Не исключено, что этот предмет из коллекции А.Ф.Лихачева (Табл. VI-8)

половинок; шов их соединения закрыт тремя поясками сканной проволоки. Для закрепления бусины на определенном месте дрот кольца между ними обвит сканной проволокой. Кольца крупные, массивные. По размерам они распределяются на четыре пары диаметром: 1) 8,2 см (вес. 38,75 г и 38,72 г), 2) 6,8 см (вес 16,1 г и 17,1 г); 3) 5,5 см (вес 24,45 г и 25,50 г); 4) 4,5 см (вес 14 г и 14,25 г). Соответственно различны и размеры бусин, надетых на кольца — от 20 до 30 мм длиной, от 12 до 18 мм в диаметре. Третья пара колец имеет три подвески в виде более миниатюрных бусин-желудей, прикрепленных на цепочках к центральной бусине кольца. Нижний конец подвески оформлен маленькой округлой выпуклостью, окруженной колечком сканной проволоки; верхний конец завершен колечком, также окаймленным сканной проволокой» (Ефимова А.М., 1960).

По технологии изготовления украшений из Бутаевского клада близки находки из клада у с. Никольского Кузнецкого района Пензенской области, датированного по находкам монет ордынским временем (Винничек, 2003. С.47-50, рис.1-6-15). Аналогичные им изделия найдены на Золотаревском поселении в Пензенской области. Причем здесь имеются украшения внешне аналогичные по форме рассматриваемым изделиям, но изготовленные без использования скани и зерни (Белорыбкин, 2003. С. 412, рис.2-3). Интересно, что здесь сохранен только сам принцип трехбусинного кольца, но сами напускные бусины значительно крупнее, иных пропорций и не имеют, за исключением нескольких случаев, фиксаторов из проволоки (Руден-

ко, 2007, рис.79-39,42,43). Технология их изготовления мало чем отличается от классических образцов¹⁸.

Многочисленны серебряные подделки, выполненные в сканно-зерневой технике, найденные в Прикамье и Зауралье (Руденко, 2007. С.90-107).

Медные изделия (это, как правило, украшения), со сканью (зерни здесь нет) весьма часто встречаются среди находок на поселениях (Руденко, 2001а. С.75). Вместе с тем и на селищах известны фрагменты изделий с покрытием золотой фольгой (Руденко, 2001. Рис.40-11), а так же фрагменты серебряных многобусинных колец с сканной проволокой-фиксатором (Руденко, 2007, рис.80-13).

Инструмент ювелира, специализировавшегося на производстве сканно-зерневых изделий, разнообразен. Его общая характеристика была дана А.П.Смирновым. Он считал, что мастер-ювелир использовал в своей деятельности тигли, наковальни, молоточки, щипцы, пинцеты, пробойники, матрицы, штампы (Смирнов, 1951. С.121). Учитывая, что и зернью и филигранью украшалось одно изделие, то видимо ювелир владел приемами работы в обеих сферах этого производства.

Исходные материалы для ювелира были следующие: медный пруток или проволока диаметром около 0,4-0,5 см — основа для дужки височного кольца; серебряная и золотая фольга, полученная прокаткой и листовой металл. Отметим, что тонкая золотая фольга в виде рулончиков и отдельных листочков была обнаружена на Билярском городище (Руденко, 1995. С.16-18). Для заготовок брались листочки золота от 750¹⁹ и до 999 пробы (Руденко, 1999. С.225).

18 Благодарю Г.Н. Белорыбкина за предоставленную возможность ознакомиться с данными материалами

19 Определение по материалам из фондов ГОМ РТ, № 5481.

20 Не исключено, что проволока могла и выковывалась, но для скани такая проволока малоприменяема, поэтому использовалась проволока полученная путем волочения.

Проволока получалась путем вытягивания откованного прутка металла²⁰ через волоочильную доску (калибр). Волоочильная доска представляла собой железную полосу, как правило, прямоугольной формы, в которой были просверлены отверстия разного диаметра. Сначала заостренный конец заготовки для проволоки вставлялся в отверстие большего диаметра и вытягивался через него клещами; затем операцию повторяли, но уже в отверстиях меньшего диаметра. На последней стадии проволоку отжигали - нагревали докрасна и опускали в воду (Прекрасное, 1986. С.148-149). Волоочильные железные доски встречены в болгарских древностях на Билярском, Болгарском городищах, селище Чакма. Витье проволоки видимо производилось с помощью сверла. Один конец, сложенной вдвое проволоки прочно фиксировали, а второй закрепляли на вращающейся части сверла. Витье получалось ровное. После этого витую проволоку отжигали (Прекрасное, 1986. С.24-25).

Дляковки металла применялись ювелирные молоточки. В отличие от обычных слесарных молотков, они имели небольшие размеры и тонкое, как правило, заостренное окончание (иногда в виде стилизованной головки животного).

Для изготовления зерни (кроме заранее нарезанной колечками проволоки) были необходимы тигли для плавки (Менжулин, 1990. С.236). Именно в них при нагреве в слое древесного угля происходит грануляция нарезанных колечек. Качественная зернь получается, по данным экспериментов, из золота не ниже 850 пробы и серебра не ниже 950 пробы (Менжулин, 1990. С.238). Сплав измельчался с помощью мелкого напильника.

В самом процессе изготовления изделия использовались ножницы, пинце-

ты, зажимы, кисти. Совершенно необходимым инструментом для ювелирного производства были весы для мелких взвешиваний и гирьки. Они применялись для определения чистоты металла, установления правильных соотношений ингредиентов для припоя и при изготовлении композиций для сплава. Кроме того, без них не возможно было соотнести различные системы веса. Металлы могли взвешиваться в разных счетных единицах, например, золото в динарах, серебро в дирхемах, а вес железных гирь определялся в мискалях (Из истории..., 1983. С.85-98; Рожанская, Левинова, 1983. С.269). Без определенных норм чистоты металла технологический процесс изготовления зерни трудно осуществим. Можно предполагать, что в ювелирном деле использовались различные типы весов: от обычных и до универсальных или специализированных.

Технология изготовления сканно-зерневых изделий различна. Единым процессом видимо была предварительная обработка заготовки изделия флюсом и дальнейшая еековка. Только после этого вырезались очертания развертки предмет, из которой в дальнейшем конструировалось все изделие. Накладная скань и зернь накладывалась на размягченный после нагрева флюс с помощью тонкой кисточки (Менжулин, 1990. С.238) или другого аналогичного приспособления. Пайка видимо производилась в печи в течение нескольких секунд, которые были необходимы для сварки зерни, скани между собой и с основой.

В целом, узоры на золотых изделиях выполнены в филигранной (сканной) технике, сочетая в себе объемную ажурную и фоновую (напайную) филигрань и зернь (Новиков, Павлов, 1991. С.183-185). Самые сложные сканные узоры на височных подвесках выкладывались из «веревочки» - скрученного из двух про-

волочек жгутика и «шнурка» - скрученного из двух, трех и четырех проволочек или двух веревочек или веревочек и проволоки жгутика. В качестве основы узора выступала гладь - круглая проволока различной длины и сечением от 0,2 до 1,3 мм. Иногда проволока сплющивалась с боков (плоская гладь). В качестве элемента филигрانی использовались колечки - кольцо из плоской или круглой глади, круглой или плоской веревочки. Только составной частью декора были орнаменты, выполненные в зерневой технике. Изучение болгарских изделий подтверждают тезис о том, что каждая подвеска с зернью изготавливалась индивидуально (Менжулин, 1990. С. 236,239).

Датированы золотые и серебряные изделия выполненные в сканно-зерневой технике в рамках X – XII вв. Н.П. Кондаков относил их к X веку. А.П. Смирнов датировал подвески концом XI - началом XII в. (Смирнов, 1951. С.157), А.С. Гущин - XII- XIII вв. (Голубева, 1979. С. 25), Т.А.Хлебникова - XI – XII вв. Она же высказала мысль о том, что такие подвески происходят от трехбусинных колец без подвесок, впоследствии дополненных привесками на цепочках но без уточек, а к XII в. получившими завершение в виде украшения с фигуркой птицы (Хлебникова, 1963. С.308). Датировка погребения № 37 IV Билярского могильника определяется по аналогии с Мокрокурналинским кладом в рамках XI - XII вв. Причем, как пишет исследователь: «не представляется возможным установить имеет ли находка прямую связь с погребением или попала в переотложенном состоянии при его засыпке» (Шарифуллин. 1984. С.70, 71, 81, рис.6). Даты выпадения таких изделий по материалам кладов на территории Волжской Булгарии, так же не выходят за рамки XI-XIII вв. (Руденко, 2001.

С.322-348).

Стоит отметить, что технологические особенности изготовления золотых украшений (покрытие тонкой золотой фольгой медной основы) не является абсолютным хронологическим признаком домонгольского времени. Такой же прием был использован, например, при изготовлении серьги в виде «знака вопроса», проявляющейся в регионе в ордынский период (селище Чакма). Впрочем, тот факт, что эта технология постепенно исчезает из ассортимента ювелиров, несомненен. Кстати сказать, и серьга с Чакмы могла быть изготовлена из утилизированного височного украшения вышедшего из употребления.

В кладах и в закрытых комплексах поселений или могильников ранее XI в. мы таких изделий не знаем. Иное дело, что сама технология зерни и скани была известна еще со времен античности, но у волжских болгар как ремесленное направление ювелирного дела оно обособилось не ранее XI столетия. Если рассматривать состав вещевых и денежно-вещевых кладов, то эти изделия входят в состав I комплекса украшений, датированного XII- серединой XIII в. (Руденко, 2001. С.327-328). Скорее всего, именно на XII в. приходится период активного изготовления золотых и серебряных украшений в сканно-зерневой технике.

Место производства. Золотые подвески с фигуркой птицы, несомненно, изготавливались в Волжской Булгарии. Такого мнения придерживалась В.П. Левашова определявшая их как «специфически болгарские, не имеющие аналогий в других районах» (Левашова, 1969. С.125). А.П. Смирнов писал, что такие находки встречаются «в областях, находившихся под сильным влиянием болгар и частично вошедших в состав болгарского царства» (Смирнов, 1951.

С.157). Это мнение ничем не опровергнуто и сегодня.

Добавим, что изделия, выполненные с использованием зерни и скани имеются в материалах аварских древностей VII в. (Garam. 1993. Taf.1;2;3;29;33;40;52), венгров в Паннонии X-XI вв. (Laszlo, 1988. Taf.89). Имеются они в находках в Приазовье VI-VIII вв. (например: Залеская, Львова и др. 1997, кат.42 и сл). Для раннеболгарского времени эти приемы использовались как в оригинальном виде, так и в подражаниях (Казаков. 1992, рис.63-16,21).

Вопрос о преемственности ювелирного искусства раннеболгарского (волжско-камского) сложен и требует специального комплексного изучения. Отдельные наблюдения, сделанные нами по ряду категорий украшений (Руденко, 2007. С.102; 2007а. С.288-289) показывают, что единой линии развития украшений костюмного комплекса в VIII – XIII вв. не было (Руденко, 2006а. С.191-194). Это вполне объяснимо учитывая факт мусульманизации значительной части населения Волжской Булгарии с X века, наличия разнородных компонентов в составе этого государства.

Стили болгарских сканно-зерневых изделий. Для выделения стилей болгарской зерни и скани используем выделенные Н.В.Жилиной элементы стилистики: 1) вид металла, цвет и блеск: золотой, серебряный; 2) вид накладного декора, несущий основную эстетическую нагрузку: филигранный, сканный, зерненный; 3) вид изображения или декорации: линейный, геометрический, кольцевой, свободно-ковровый; 4) степень изобразительности: изобразительный, с элементами изобразительности, декоративно-орнаментальный.

Стоит оговориться, что полных совпадений болгарских и древнерусских стилей не наблюдается. Один стиль бул-

гарских изделий можно соотнести с золотым скано-зерневым стилем (ажурные напускные бусины; треугольники зерни; навитая сканная проволока, колечки скани) (Жилина, 1998. С.76). Он представлен трехбусинными височными кольцами и круглыми подвесками-медальонами (Спасский клад, 1869 г.). Особо выделяется золотой сканно-зерневой изобразительный стиль, где ключевым элементом декора является филигранная птичка (Руденко, 2007, рис.81,82). Он представлен только височными кольцами. Можно рассматривать и золотой сканный простой стиль (височные украшения с гладкими напускными бусинами с двумя поясками сканной проволоки) (Кожаевский клад) (Руденко, 2007, рис.80-5,6).

Следующий болгарский стиль это серебряный, сканно-зерневой, аналогичный изделиям из золота. Это трехбусинные височные кольца из Именьковского клада (1962 г.). Серебряный зерненный, геометрический стиль. Представлен заколкой, височными трехбусинными кольцами (Руденко, 2007, рис.80-14;20), желудевидными подвесками конского убора (Руденко, 2007, рис.85-9,10; 87); привесками-лунницами на шейную гривну (т.н. «гривна из Джукетау») (Руденко, 2007, рис.86).

Таким образом, выделяются: 1) золотой скано-зерневой строгий; 2) золотой сканно-зерневой изобразительный; 3) золотой сканный простой; 4) серебряный, сканно-зерневой; 5) серебряный зерненный, геометрический. Особенностью этих стилей является подчиненное положение скани: она используется для декоративного оформления свободных участков дужки, поясков на напускных бусинах, а также в качестве элементов декора птички. Второй особенностью болгарских стилей является их близость между собой, как в типах изделий, так и

в способах орнаментации.

Рассмотрим технологические особенности этих изделий

Первая группа. Изготовление составных ажурных бусин, соединенных промежуточными биконусами. Детали бусин изготовлены давлением в матрице и путем индивидуальной формовки; соединение пайкой с дополнительной фиксацией поясками сканной проволоочки. Шарики зерни различаются размерами: от 0,01 до 1 мм.

Вторая группа. Напускные бусины, изготовленные давлением в специальных матрицах (ср.: Руденко, 2007, рис.35). Две части бусин спаяны между собой.

Н.В.Жилина предлагает выделять технологические школы по различиям в способе изготовления зерни: путем разбрызгивания металла и с помощью заготовок для каждой гранулы (Жилина, 1998. С.80).

Рассматриваемый материал настолько однороден типологически, что выделить круг или группы мастерских достаточно сложно. Ориентироваться можно на следующие признаки: размеры, размеры зерни, способ конструирования деталей изделия, особенности заполнения орнаментальных участков зерню (Жилина, 1998. С.81).

Зернь и скань в Булгарском Улусе Золотой Орды. Искусство скани и зерни на булгарской периферии Золотой Орды имеет существенные отличия от предшествующей эпохи. Собственно набор изделий, который мы рассматривали для домонгольских ювелирных украшений в конце XIII-XIV вв. уже не встречается. Хотя сами приемы украшения и основные виды продукции сохраняются в основном ассортименте продукции ювелиров. Эти сюжеты рассмотрены нами отдельно (Руденко, 2006. С.129-130).

Выводы:

Скань в булгарском ювелирном деле

XI-XII вв. занимает подчиненное (вспомогательное) положение по отношению к зерневым узорам.

Значение сканных узоров и самой техники возрастает с начала XIII в., достигая своего апогея в конце XIV-XV вв. в период Золотой Орды и Казанского ханства.

Прямой связи между булгарской сканью домонгольского времени и филигранью спирального стиля золотоордынского времени не обнаруживается.

Период развития булгарского зерневого искусства охватывает XI-XII вв. За это время складывается несколько стилей булгарского сканно-зерневого искусства.

Традиционные приемы булгарской зерни приходят в упадок со второй половины XIII в..

А.Н. Сарапулов
О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В
ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В
ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На рубеже XI-XII вв. в Пермское Предуралье проникает пашенное земледелие, что явилось качественным переворотом в развитии хозяйства на данной территории в эпоху развитого средневековья. Основным признаком пашенного земледелия являются пахотные деревянные орудия с железными наконечниками (ральниками), которые с этого времени появляются в археологических материалах средневековых поселений, могильников и в качестве случайных находок. По нашим оценкам, на территории Пермского Предуралья известно около 95 местонахождений более чем со 100 находками ральников. Найденные ральники с помощью выделенных качественных и количественных критериев, удалось разделить на два типа. Второй тип был разделен на три подтипа. Первый тип наконечников – это ральники со слабовыраженными плечиками, длинной трубицей, достаточно узкой рабочей частью и с заостренным рабочим концом (рис. 1.1). Второй тип - широколопастные ральники или ральники с сильно выраженными плечиками, с широкой или средней трубицей, с широкой рабочей частью и округлым либо приостренным рабочим концом (рис. 1.2-4). В рамках данного типа представляется возможным выделить 3 подтипа, но они, за исключением внешних признаков, не имеют отличий друг от друга, которые могут проявиться в конструктивных особенностях орудия. Разные типы наконечников могли принадлежать разным типам рал. Ральники первого типа применялись на ралах с положением полоза

близким к горизонтальному. Они использовались, по-видимому, для первичной обработки почвы и для каких-то других специфических целей. Ральники второго типа использовались на ралах с горизонтальным положением полоза. Такими орудиями, скорее всего, распахивали старопахотные почвы. Наличие наконечников пахотных орудий является хоть и основным, но не единственным признаком пашенного земледелия. Если же обратиться к процессам, происходящим на территории Пермского Предуралья на рубеже I-II тыс. н.э. то можно проследить, как меняются особенности хозяйства в связи с появлением пашенного земледелия. В слоях конца XI-XIII вв. значительно увеличивается количество находок зерна (пшеница, ячмень, овес, просо, рожь, полба-двузернянка, горох посевной, конопля). Необходимо отметить, что на поселениях ломоватовского времени не известно ям-зернохранилищ. Зерно, вероятно, хранили в керамических сосудах. Но с появлением пашенного земледелия на поселенческих памятниках распространяются специально оборудованные ямы-кладовки для хранения зерна (Сарапулов, 2007, с. 289-291). Кроме того, именно в это время появляется ручной вращающийся круглый жернов, взамен безраздельно господствовавшей зернотерки. Еще одним признаком повышения уровня урожайности является возникновение земледельческих культов (культовые ямы-жертвенники с зерном и земледельческими орудиями на Анюшкаре, Городищенском городище, селище Володин Камень II и т.д.). По-видимому, с этим связано и появление именно в это время у населения Приуралья домашней кошки, обусловленное необходимостью сохранять большие объемы зерна до весны. Весь этот комплекс признаков свидетельствует о

смене хозяйственно-культурного типа (ХКТ) на территории Пермского Предуралья, где мы наблюдаем смену ХКТ мотыжного земледелия на ХКТ пашенного земледелия и пастушеского животноводства.

За огромный период изучения средневековых древностей Прикамья в историографии сформировались различные точки зрения о том, откуда и каким образом могло быть заимствовано пашенное земледелие (а именно пахотное орудие с железными наконечниками) на территорию Пермского Предуралья. Проанализировав работы разных исследователей можно выделить основные районы, откуда могло произойти заимствование – Волжская Булгария, Древняя Русь, и ближайшие финно-угорские соседи, где подобные нашим наконечники появляются чуть ранее (бассейн р. Чепцы).

В 1982 году выходит замечательная работа Ф.А. Теплоухова «Земледельческие орудия пермской Чуди». В ней исследователь кроме вопросов о классификации наконечников, реконструкции орудия, касался и проблемы происхождения пахотного орудия. Ф.А. Теплоухов придерживался мнения, что пахотные орудия в Прикамье заимствованы от русских (Теплоухов, 1892).

А.П. Смирнов предполагал самостоятельные, местные традиции формирования пашенного земледелия (Смирнов, 1952, с. 150). М.В. Талицкий придерживался мнения, что наконечники пахотных орудий были заимствованы от волжских булгар (Талицкий, 1957, с.68, 75, 82, 88).

В.А. Оборин в своих работах ставит вопрос о древнерусском происхождении пашенного земледелия, связывая это с начальным периодом русской колонизации XII-XV вв. (Оборин, 1956, с. 69-70). Хотя в другой работе Оборин говорит о

том, что «у нас пока нет оснований говорить о появлении в Прикамье первых русских поселенцев до XIII в.» (Оборин, Балашенко, 1968, с.44). В более поздних работах наряду с ральниками В.А. Оборин выделяет еще и лемехи плужного типа, связывая их происхождение с волжскими булгарами (Оборин, 1990, с. 49).

Свое внимание происхождению пашенного земледелия уделил А.М. Белавин. В монографии, посвященной экономическим и этнокультурным связям Предуралья в эпоху средневековья, А.М. Белавин пишет о том, что «пашенное земледелие возникает и развивается у жителей Пермского Предуралья под воздействием болгар», а «первое, что бросается в глаза, это прямое тождество ранних ральников...из Предуралья и известных болгарских образцов этих орудий». Кроме того, А.М. Белавин считает, что на процесс развития пашенного земледелия в Прикамье оказало влияние и земледелие соседей пермяков – жителей Чепцы, так как чепецкие ральники имеют много общего с ральниками из Предуралья (Белавин, 2000, с. 130).

Точно такой же точки зрения придерживается Н.Б. Крыласова, которая считает что жители Пермского Предуралья с X в. находились в тесном контакте с населением Волжской Булгарии, от которого заимствовали многие явления культуры, в том числе, вероятно, основы пашенного земледелия (Крыласова, 2006).

В другой своей работе (2002 г.) А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова указывают, что типологически часть родановских пахотных орудия более близки к древнерусским, таким образом, возможно считать, что пашенное земледелие проникает в Пермское Предуралье (в его северные районы) в развитом северорусском варианте в процессе переселения

в Предуралье финнов и древнерусской колонизации (Белавин, Крыласова, 2002, с. 168).

Какая территория явилась исходной для заимствования родановских ральников, сказать очень сложно, так как, рассматривая земледельческие материалы лесной полосы Восточной Европы, мы приходим к выводу о существовании некоего общего типа наконечников (ральников), характерных для этой территории. Но все же есть возможность, рассматривая земледелие как систему, как комплекс развивающихся элементов, замкнутых во времени и пространстве, проследить, с какой территории могли происходить заимствования.

1. Волжская Булгария.

Волжская Булгария, как государственное образование в средние века являлось основным торговым партнером Пермского Предуралья. Фактически булгары полностью контролировали территорию Прикамья. Арабские источники отмечают, что болгарские купцы вели активную торговлю с купцами из стран Вису и Чулыман (территория Пермского Предуралья) (Белавин, 2000). Болгарские изделия представлены на 180 памятниках X-XIV вв. в Прикамье различными категориями находок (керамика, бусы, украшения, детали костюма) (Белавин, Крыласова, 1998, с. 143). Как отмечают исследователи (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т.), в Прикамье существовали и болгарские торговые фактории в районе городищ Анюшкар, Рождественское, Иднакар (Крыласова, и др., 2003).

В Предуралье из Волжской Булгарии поступали различные товары, среди которых весомое место занимает сельскохозяйственная продукция (зерно). Можно предположить, что в период VII – X вв. мотыжная форма обработки

земли была достаточной, чтобы давать продукты питания для средневекового населения Пермского Предуралья, если учесть, что кроме земледелия существовали другие источники пропитания (животноводство, охота, рыболовство, собирательство, бортничество); на высоком уровне находилось развитие ремесла, что позволяло ремесленникам получать высокий доход; кроме того, зерно ввозилось из Волжской Булгарии (Белавин, Островский, 2002, с. 191).

В XI – XII вв. населению Пермского Предуралья, по-видимому, не стало хватать ввозимого зерна, что могло послужить причиной заимствования земледелия в более развитой форме.

Как отмечает Е.П. Казаков, в X-XI вв. торговля волжских булгар достигла наивысшего расцвета (измерский этап) (Казаков, 2004, с. 36). Через Волжскую Булгарию шли различные торговые пути. Но в последующее время произошло изменение конъюнктуры рынка и перекрытие торгового маршрута половцами, что могло послужить причиной изменения количества ввозимого зерна в Пермское Предуралье.

Стоит сказать, что самые плодородные земли находились на юге Булгарии, где в непосредственной близости жили половцы, что опять же могло быть причиной снижения или прекращения торговли зерном. А в 965 г. Святослав напал на Волжскую Булгарию и разграбил город Булгар. Конечно же, все эти события не могли не сказаться на торговых взаимоотношениях болгарского государства с Пермским Предуральем. И даже не смотря на то, что после 1088 г. булгары в борьбе с Русью потеряли в значительной степени Верхневолжский путь, и перешли к более интенсивному использованию Камского торгового пути, это уже не могло выровнять ситуацию на рынке. Итогом всех этих злополучных

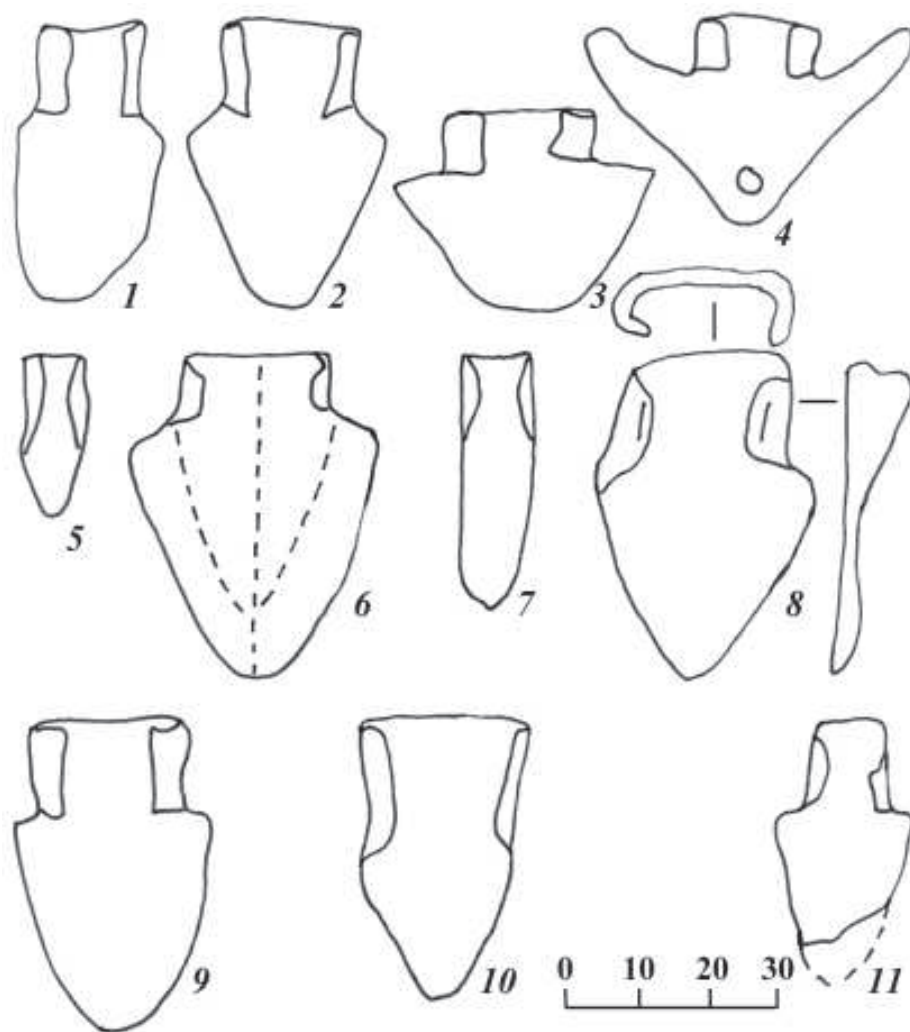

Рис. 1. Металлические наконечники пахотных орудий.

1-4. Ральники. Пермское Предуралье (коллекция Теплоуховых); 5. Ральник. Волжская Булгария; 6. Лемех. Волжская Булгария; 7. Сошник. Волжская Булгария; 8. Ральник. Хотомель (Древняя Русь); 9. Ральник. Иднакар городище (чепецкая АК); 10. Ральник. Старомайновское городище (именьковская АК); 11. Ральник. Мирное (черняховская АК).

событий для Волжской Булгарии послужило снижение торговли зерном и вследствие этого, заимствование населением Пермского Предуралья более прогрессивной булгарской земледельческой техники.

Надо отметить, что основу экономики Волжской Булгарии составляло развитое сельское хозяйство с плужным земледелием и скотоводством. Пашенное земледелие там известно с VIII-IX вв. Первое сообщение о булгарском земледелии имеется у Ибн-Русте, арабского

путешественника и географа, жившего в начале X столетия и оставившего интереснейшие наблюдения о народах, населявших в ту далекую эпоху Восточную Европу. Персидский историк и путешественник писал: «Булгаре народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и другие» (Хвольсон, 1869, с. 19). По свидетельству Ибн-Фадлана, лично побывавшего в Волжской Булгарии в составе посольства багдадского халифа в 922 году, «их пища – это

просо и мясо лошади, но пшеница и ячмень у них в большом количестве» (Путешествие Ибн-Фадлана..., 1939, с. 45).

Булгарские земледельческие орудия представлены в это время тремя видами орудий.

Первый вид представлен наконечниками пахотных орудий со средней длиной 13 см, шириной 6 см. Ширина рабочей части и ширина трубицы почти равны. Длина трубицы достигает $\frac{1}{3}$ общей длины наконечника. Их можно отнести к рабочим частям бесподошвенных рал (рис. 1.5.).

Второй вид представляют крупные (средняя длина 33 см, ширина 25 см), выпуклые пластины. Как правило, ширина рабочей части больше ширины трубицы. Длина последней составляет в среднем около $\frac{1}{3}$ общей длины. Такой тип наконечника принадлежал плугу, который был очень широко распространен у булгарского населения (рис. 1.6.). Непременной принадлежностью булгарского плуга был резец (чересло). Средняя длина их 45 см, длина лезвия 22 см.

Третий вид представлен наконечниками сох со средней длиной 27 см. Длина трубицы составляет немногим более $\frac{1}{3}$ части общей длины наконечника. По форме они подразделяются на два вида, принадлежащим разным орудиям. Симметричными сошниками снабжались сохи, подобные поздней коловой сохе. Асимметричные сошники принадлежали двузубым сохам с перекидной полицей (отвалом) (рис. 1.7). (Халиков, 1981, с. 50-51).

Таким образом, теоретически у прикамского населения была возможность заимствовать какой-либо из трех видов орудий, распространенных у булгарского населения.

Наконечники, которые использовались в качестве ральников в Волжской Булгарии, практически ничем не отли-

чаются от мотыг, распространенных в Пермском Предуралье с ананьинского времени, и используемых вплоть до XX в. Мотыги, как и булгарские ральники, были 12-14 см длиной. Получается, что такие ральники населению Пермского Предуралья были незачем, так как подобные использовались уже длительное время в качестве мотыг. Да и наконечники, найденные на территории нынешнего Пермского края, имели несколько иные размеры – их средняя длина составляла 18 – 22 см.

В средневековых предуральских археологических материалах не встречено и сошников. Широкое распространение сошников приходится на период русской колонизации региона в новое время и в последующий период. Третий вид наконечников – булгарские лемехи – вполне могли быть заимствованы и модифицированы в более удобные наконечники. Прежде всего, следует заметить, что булгарские лемехи по форме очень схожи с прикамскими ральниками, но отличаются размерами. Лемехи имеют, как правило, следующие размеры: общая длина наконечника (L) – 33-37 см, ширина лопасти (d2) – 21-26 см, ширина трубицы (d1) – 12-19 см. Ральники же, найденные на наших памятниках имеют другие размеры: L – 12-28 см, d2 – 8-19 см, d1 – 6-11 см.

Кроме того, как уже отмечалось выше, булгарские плуги были снабжены череслами. В силу этого, некоторые лемехи были асимметричными. На ралах же чересла не использовались, так как все прикамские ральники симметричные. Чересла практически не встречаются на памятниках Пермского Предуралья, за исключением двух экземпляров с городищ Анюшкар и Рождественского, где булгарское население непосредственно проживало. Таким образом, данный конструктивный элемент был отброшен,

а лемехи могли быть модифицированы в ральники. Да и нужно сказать, что в Пермском Предуралье наиболее распространены почвы, вспашка плугом для которых не пригодна, так как плуг может срыть небольшой плодородный слой, да и такую рыхлую, как здесь, почву незачем срезать ножом – череслом.

Что касается других элементов культуры, то стоит сказать, что например жерновой постав, распространившийся на территории Пермского Предуралья в начале II тыс. н.э., абсолютно различается конструктивно и по форме с болгарскими жерновыми. А вот некоторые виды злаковых культур вполне могли быть заимствованы от болгар. Как показывают исследования специалистов, на территории Волжской Болгарии обнаружено 15 видов культурных растений (пшеница мягкая, просо, полба, пшеница твердая, рожь, овес, горох, гречиха, лен и пр.). Преобладающей была мягкая пшеница. Она, видимо, занимала ведущее положение как наиболее ценная продовольственная культура (Фролова, 1979, с.140). Самым ранним фактом возделывания пшеницы в Пермском Предуралье является обнаружение ее зерен в жертвеннике на Урынском могильнике VIII-X вв. (Бадер, Оборин 1958, с.159). Просо, которого раньше в Пермском Предуралье не было, несомненно, появилось здесь с булгарами, как, возможно, горох и конопля (Бадер, Оборин 1958, с.171, 175). Специалистами отмечается значительное количество проса на болгарских памятниках, причем его семена присутствуют как в чистом виде, так и среди других культур, по-видимому, в X-XIII вв. просо не только возделывалось, но и засоряло посеvy. Просо в лесостепных областях издревле возделывается на вновь вспаханных целинных и залежных землях, где оно, благодаря благопри-

ятным условиям произрастания, дает высокие урожаи (Фролова, 1979, с.140). Вероятно, именно эта особенность способствовала распространению данной культуры в Прикамье, когда здесь появилось пашенное земледелие, и начали активно осваиваться новые пашни. Также в большом количестве в Волжской Болгарии встречаются зерна полбы, которая возделывалась на территории бывшего Булгарского государства в течение многих столетий. Зерна овса, в основном, принадлежат полбяным овсам, которые сопутствуют посевам полбы, как засорители ее посевов (Фролова, 1979, с.140).

Интересно, что в преданиях пермяков неоднократно упоминается о заимствовании хлеба и пашенного земледелия от болгар, но среди возделываемых культур называются исключительно рожь, овес и ячмень (Ожегова, 1971, с.28, 35; Долдина, 1999, с.10). Упоминается, что выращивали еще горох, а пшеница позже появилась (Ожегова, 1971, с.35).

Таким образом, в силу ряда причин население Пермского Предуралья могло заимствовать болгарскую земледельческую технику.

2. Древняя Русь (северорусский вариант).

Мы считаем, что можно говорить об опосредованном древнерусском влиянии на возникновение пашенного земледелия в Пермском Предуралье, вернее о миграции населения (финского, смешанного финно-славянского) с более высоким уровнем занятия земледелием.

Вероятно, было бы вполне справедливым рассматривать раннесредневековое население Пермского Предуралья, как некое смешанное финно-угорское этнотерриториальное образование, с явным преобладанием до XI-XII вв. угорского компонента над финским (Белавин,

Крыласова, 1997, с. 130-138). Только в XI-XII вв. на рассматриваемой территории происходит смена населения, преобладающим становится финский (финно-пермский) этнический элемент, что проявляется в ярко выраженных изменениях в этнической и хозяйственно-культурной ситуации.

Вероятнее всего, вместе с финскими переселенцами на территорию Пермского Предуралья в едином потоке проникали новгородские и ростово-суздальские колонисты. Массив финно-пермского населения, проживающего в бассейне Вычегды, был достаточно консолидированным, и препятствовал дальнейшему свободному продвижению финно-славянских колонистов с Русского Севера на Восток. Колонизация не укрепились на этих землях, так как она могла укрепиться лишь там, где природные условия позволяли создать сельскохозяйственную базу для постоянных поселений (Макаров, 1997, с. 163). Но сами финны, по-видимому, получили толчок, и под влиянием всего комплекса причин были вынуждены мигрировать в Пермское Предуралье.

Получается, что именно мигрировавшее население, пришедшее на изучаемую территорию в этот период, могло привнести элементы пашенного земледелия. Ведь до этого они долго проживали в соседстве с русским населением, и были знакомы с сельскохозяйственной техникой северорусского образца. Тем более, что ральники из наших коллекций обнаруживают сходство с древнерусскими (по размерам и форме), и принадлежали, скорее всего, к одному типу орудий – ралу. Наконечники рал известны более чем на 70 древнерусских памятниках (Городск, Хотомель, Старая Ладога, Новгород, Княжа Гора, Новотроицкое городище и др.). Наконечники представляют собой широколопастные либо с

незначительными плечиками ральники (рис. 1.8). Они известны в Восточной Европе с черняховского времени, однако в тот период они были немногочисленны. Стандартизованный тип широколопастного ральника появляется в Восточной Европе с VII века. Для него характерны следующие параметры: длина 160-215 мм, ширина лопасти 80-120 мм, ширина трубицы 60-80 мм (Древняя Русь..., 1985, с. 222).

Результаты микроструктурных исследований показывают, что прикамские сельскохозяйственные орудия аналогичны восточноевропейским не только по форме, но и по технологии изготовления. Среди этих категорий ведущими были схемы варки и наварки. В период развитого средневековья в среде финно-угорских племен Прикамья преобладали восточноевропейские (древнерусские) типы железных изделий (Завьялов, 2005, с. 145, с. 170).

Таким образом, можно констатировать, что древнерусское население косвенно могло повлиять на распространение некоторых форм наконечников на территории Пермского Предуралья. Д.Г. Савинов указывает, что смена ХКТ обычно связана с миграционными процессами (Савинов, 2007, с. 47).

3. Чепецкая АК.

Самые ранние хорошо датированные находки наконечников пахотных орудий на р. Чепце относят к IX-XI векам (Генинг, 1958, с. 103). Земледельческие орудия чепецкой культуры (рис. 1.9) типологически схожи с орудиями, найденными на территории родановской культуры, появились они там раньше. Достаточно интересную точку зрения о происхождении пашенного земледелия на р. Чепце приводит М.Г. Иванова. Она пишет, что «находки наральников в Азелинском могильнике и именьковских памятниках середины I тыс. н.э. свиде-

тельствуют, что пахотные орудия с железными наконечниками в южных районах Прикамья появились до прихода сюда болгар, одновременно с появлением пахотных орудий у восточных славян. Некоторые лингвистические данные отражающие названия пахотных орудий и их детали на удмуртском языке, типологическое единство азелинских, именковских и чепецких наральников позволяют предполагать, что пашенное земледелие в Прикамье распространилось вместе с приходом племен иранского происхождения. Чепецкое население, очевидно, заимствовало более совершенные методы обработки земли от азелинского, которое, как предполагают некоторые исследователи, в качестве этнического компонента приняло участие в формировании удмуртского народа». В то же время, М.Г.Иванова не отрицает, что значительное влияние на культуру земледелия удмуртов оказало и тюрко-булгарское население, что нашло отражение в удмуртских земледельческих терминах, многие из которых являются заимствованными из тюрко-булгарского языка (Иванова, 1979).

Действительно, раньше всего к пашенному земледелию перешли обитате-

ли Нижней Камы – именковские племена (III – VII вв. н.э.), там встречены ральники (рис. 1.10), жернова, серпы, специальные хозяйственные ямы для хранения зерна.

Хотелось бы отметить, что В.В. Седов обозначил три волны проникновения славян в Поволжье из области расселения черняховской культуры (Северное Причерноморье). Первая волна – II-III вв. н.э., оставившая в Самарском Поволжье памятники славянского типа, связана, по его мнению, с первой вельбаркской (готской) миграцией. Вторая волна – III-IV вв. н.э. – привела к возникновению в Поволжье памятников лбищенского типа, несущих следы смешения славянско-пшеворских древностей. Наконец, третья волна черняховцев-мигрантов, наиболее мощная, послужила основой для образования в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье в конце IV в. именковской культуры, просуществовавшей до рубежа VII-VIII вв. (Седов, 1994, с.309-314). Вероятно, как считает Р.Д. Голдина, с одной из этих волн связано появление на Вятке и Средней Каме в III в. н.э. инородного населения, оставившего курганные могильники (Азелино, Суворово) (Голдина, 2002, с. 47) В Среднем Прикамье, на Буйском городище, наряду с зернотерками найден обломок жернова, который отнесен В.Ф. Генингом к азелинской культуре III-V вв. н.э. (Генинг, 1963, с.28). В Азелинском могильнике в погребении кузнеца был найден ральник.

На наш взгляд, в течение многолетних исследований, Г.И. Матвеева достаточно убедительно показала славянский элемент в именковской культуре (Матвеева, 2004). По-видимому, черняховское полиэтническое население, участвовавшее в этногенезе именковцев привнесло пашенное земледелие на территорию

распространения этой культуры. Черняховские жернова и ральники (рис. 1.11) схожи с именьковскими, азелинскими, чепецкими и предуральскими образцами.

Таким образом, можно сказать, что жители Пермского Предуралья, вступавшие в контакты с носителями чепецкой культуры, могли ощущать определенное влияние на развитие земледелия.

С одной стороны, все рассмотренные территории с развитым земледелием могли явиться очагами для заимствования, и поэтому сложно говорить о конкретной из них, а следует говорить, видимо, о комплексном заимствовании. Хотя наиболее приемлемой, на наш взгляд, является точка зрения о миграции населения, знакомого с земледелием более высокого уровня. С другой стороны, стоит отметить, что, например, в северных районах Пермского Предуралья часты находки ральников, близких по форме к северорусским, что объясняет расселение мигрантов с севера на юг. А в южном (юго-восточном) варианте родановской культуры, как нам кажется, больше ощущается болгарское влияние. Поэтому вполне возможно говорить о комплексном влиянии указанных культур с земледельческими традициями на происхождение и развитие пашенного земледелия в Пермском Предуралье в начале II тысячелетия н.э.

А.В.Старков ПОСЕЛЕНИЕ РАХМАНГУЛОВО – ПАМЯТНИК НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА реке УФЕ

Поселение Рахмангулово находится на правом берегу р. Уфы, в 1 км к северо-востоку от с. Рахмангулово. Памятник расположен на мысу, образованном рекой и древней старицей, в западной части урочище «Салтанное». В этом месте коренной берег делает поворот с запада на север, образуя мыс, по западному пологому склону которого располагается поселение.

Высота мыса достигает 14 метров, который постепенно переходит в высокую пойму. Площадка памятника, ровная с пологим склоном 10 %, западная и центральная часть покрыта редким березняком, восточная часть памятника залесена густым смешанным лесом. Через поселение вдоль южного склона проходит полевая дорога. В восточной части памятника прослеживается впадина овальной формы размером 4 x 5 м и глубиной 0,4 метра. В юго-западном углу мыса, возле квартального столба, находится еще одна впадина округлой формы диаметром 3 м, глубиной 0,5 м и насыпь овальной формы размером 4 x 8 м и высотой 1м.

Примерная площадь памятника 12000 кв.м. Памятник открыт автором отчета в 1990 г. На памятнике было заложено 3 шурфа, которые показали мощность слоя до 40 см.

Керамический материал из шурфов и сборов с поверхности позволил предварительно датировать памятник VI-XI в.в. н.э. и отнести его к неволинской культуре (Старков, 1990, с. 6). В 1991 г. в центральной части поселения был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 168 кв.м. (рис. 1).

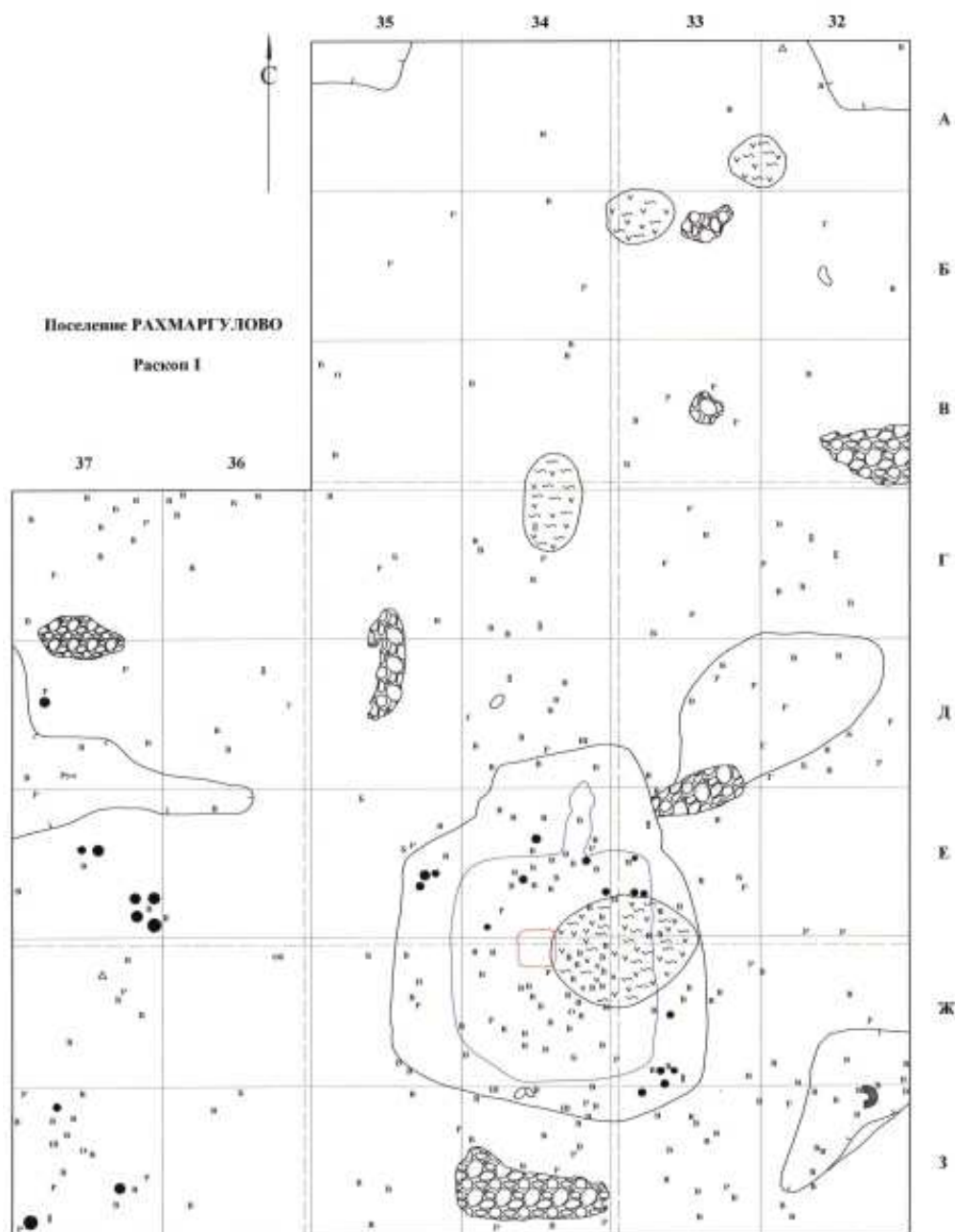

Рис. 1. План раскопа на поселении Рахмангулово

Описание раскопа.

Общая стратиграфия раскопа довольно проста и однообразна:

1. Дерн – мощность 3-5 см.
2. Темно-коричневый гуммуированный суглинок (культурный слой) – 25-35 см.
3. Светло-коричневый суглинок –

материк.

На территории раскопа было зафиксировано: 1 сооружение, 5 хозяйственных ям, 4 кострища (очага), 7 каменных выкладок и 25 столбовых ямок.

Сооружение №1 было зафиксировано в южной части раскопа и имело под четырехугольную форму, размером 4,4 х

Техника	XXX	<<<	>>>	»»»	»»»	XX	ooo	o°o	o°o	≡	≡≡≡		000	////	////	Итого
	84	56	37	9	75	14								4		279 (57%)
Резная																
Гребенчатая	4	3	2	3	12					1	1	11	1	2	5	45 (8,4%)
Шнуровая					1					3						4 (0,9%)
Вязальная									94	4	63					161 (30,8%)
Итого	88	59	39	12	88	14	94	4	63	4	8	11	1	6	5	489
Форма	Орнамент	Без орнамента	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o	o o o o o
	18	10	7													278 (68,8%)
Без орнамента	18	10	7													81 (19,8%)
o o o o o	10	2														54 (12,7%)
o o o o o	7															2 (0,47%)
o o o o o																1 (0,25%)
o o o o o																4 (0,9%)
Итого	35	15	8	81	74	103	4	12	29	21	2	33	3			420

Таблица 1. Характеристика керамического материала поселения Рахмангулово.

4 метра с выходом на север (тамбур), размером 2,4 x 1 м. и представляло углубленную на 23-35 см. постройку. Вдоль

стен были оставлены уступы шириной от 80 до 30 см., а пол был опущен на 0,5-0,6 м. ниже уровня уступа. Внутреннее

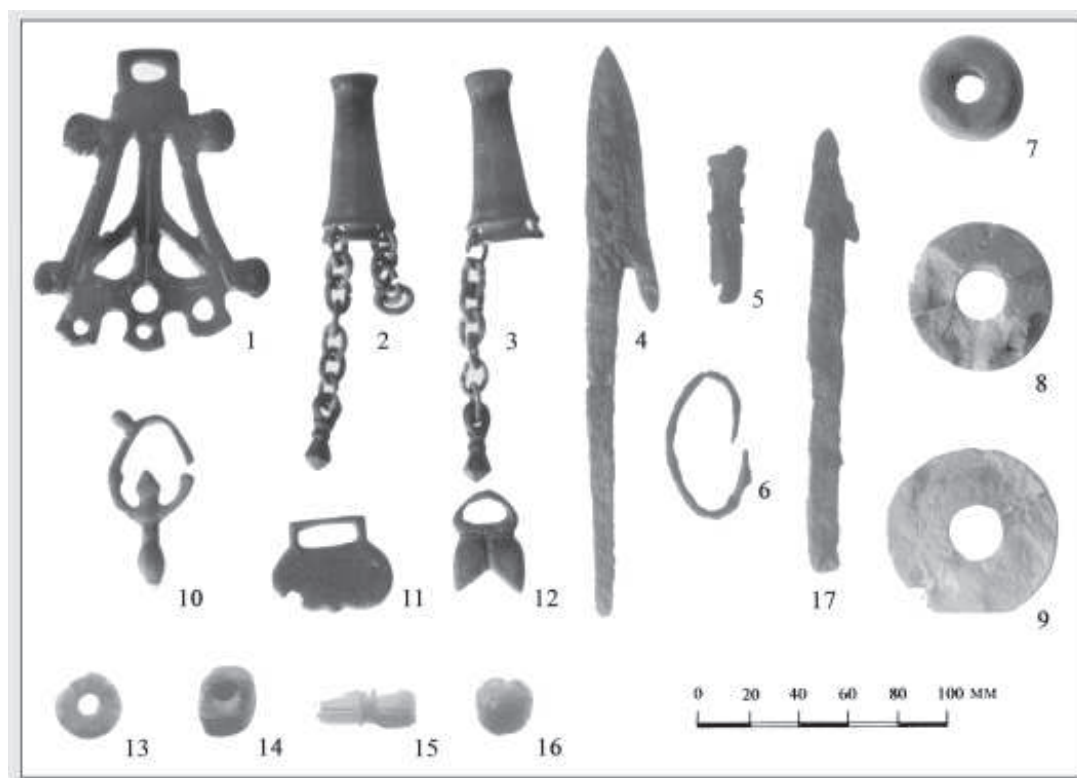

Рис.2. Вещевой комплекс поселения Рахмангулово

свободное пространство постройки, не учитывая уступов, составило 7,5 кв.м. (3 x 2,5 м.). В центре постройки, находилась яма четырехугольной формы размером 0,5 x 0,5 м. и глубиной 0,6 м. Столбовые ямки концентрировались по северной стенке (10 шт.) и в юго-восточном углу (5 шт.). Позднее в процессе эксплуатации сооружения центральная часть сооружения заплывла культурным слоем, уступы сnivelировались, а в восточной части было устроено кострище овальной формы, размером 1,4 x 2 м. и мощностью до 12 см.

Яма №1 имела овальную форму, размером 1,8 x 2,4 и глубиной до 0,35 м. Данная яма примыкала к восточной части тамбура.

Яма №2 была расположена в юго-восточном углу раскопа и имела подтреугольную форму размером 1,5 x 2,7 м, глубина ямы составила 0,35 – 0,5 м. В данной яме был найден фрагмент жернова.

Яма №3 была расположена в се-

веро-восточном углу раскопа и вскрыта частично, размеры вскрытой части ямы составляют 1,40 x 1 м. Глубина ямы составила 0,5 м. от уровня фиксации.

Яма №4 была расположена в северо-западном углу раскопа и вскрыта частично, размеры вскрытой части ямы составляют 1,40 x 0,7 м. Глубина ямы составила 0,6 м. от уровня фиксации.

Яма №5 была расположена в западной части раскопа и имела вытянутую подтреугольную форму и частично уходила в западную стенку раскопа. Размеры вскрытой части ямы составили 2,6 x 3,2 м., при глубине 10-15 см. от уровня фиксации.

На всей площади раскопа было выявлено 4 кострища, характеристика первого кострища была дана при описании сооружения. Остальные кострища располагались в северной части раскопа.

Кострище №2 имело овальную в

плане форму, вытянутую с севера на юг, размерами 1,35 x 0,8 м. при мощности в 30 см.

Кострище №3 имело овальную в плане форму, вытянутую с запада на восток, размером 0,7 x 0,85 м. при мощности в 30 см.

Кострище №4 имело округлую форму, диаметром 0,8 м. при мощности в 30 см.

Описание вещевого материала.

Коллекция находок не многочисленна и насчитывает 489 фрагментов орнаментированной керамики, 6 пряслиц, 2 наконечника стрелы, 3 подвески, 3 накладки и железное кольцо.

Керамический комплекс насчитывает 489 фрагментов орнаментированной керамики, из них 420 с венчиками. Орнамент нанесен в верхней части сосудов, по венчику и шейке. Вся керамику можно разделить по составу теста и орнаменту на два типа.

I тип. Керамика с резной орнаментацией. Шейки сосудов короткие, украшенные сдвоенными линиями зигзага, двумя линиями сдвоенного зигзага, образующего ромбы, под которыми проходит горизонтальная линия вертикально поставленных оттисков трехзубого гребенчатого штампа и горизонтальной елочкой, еденичные экземпляры украшены шнуровым орнаментом. Вся керамика Темно-серого или коричневого цвета, лепная, тонкостенная с примесью раковины, с тщательной обработкой и обжигом. Формы сосудов – традиционные чаши прикамских форм.

II тип. Керамика слабопрофилированная, с прямым уплощенным венчиком, прямой высокой шейкой украшенной жемчужинами или округлыми вдавлениями. Керамика светло-коричневого или желтого цвета, лепная с примесью шамота, толстостенная и грубая, примеси раковины нет. Более детально кера-

мический материал описан в таблице 1.

Отличительной чертой керамики с пос. Рахмангулово является отсутствие сочетаний ямочной орнаментации с гребенчатой, резной или какой либо другой орнаментацией, которая встречается на неволинских поселениях (Водолаго, 1984, с.40). Так же хочется еще раз отметить строгое разделение по форме, цвету и составу теста керамики: резная, гребенка, шнур – примесь раковины, ямки - отсутствие раковины.

К особым находкам относится височная бронзовая привеска с бипирамидальной гроздью, шарики крупные и лишь намечены (рис.3, 10). Такие привески широко распространены в Верхнем Прикамье (Щукинский м-к п. 30, Аверинский м-к п.418 и т.д), Голдина Р.Д. относит их к типу 3 и датирует их кон. VIII-IX вв. (Голдина, 1985, с.35, рис.,16)

Трапецевидная подвеска имитирующая лапку с ажурной прорезью и насечками (рис.2, 1), датируется кон.VII – VIII веков. (Деменковский могильник, погр. 34, 37, 63), (Голдина, 1985, с.129, рис.,16)

Трубчатая шумящая подвеска конусовидной формы с ободками в верхней и нижней части, цепочкой и гирьками (рис.2, 2,3.), датируется кон.VII – VIII веков. (Голдина, 1985, с.129, рис.,16).

Бусы (4 экз.) можно отнести к трем типам:

Тип. 1. Желтая ребристо-цилиндрическая двучастная бусина (рис.2, 15), датируются IX в. (Голдина, 1985, с. 51).

Тип 2. Полосчатая красно-коричнево-желтого цвета (рис.2, 13).

Тип 3. Зонные одночастные глазчато-полосатые бусы (рис.3, 14,16), датируются в полоумской культуре VIII-IX вв., а в ломоватовской культуре VI-VIII вв. (Голдина, 1985, с. 53).

Бронзовые накладки на ремень (2 экз).

Накладка бабочковидной формы с двумя приостренными крылышками и овальной прорезью в основании (рис.2, 12).

Накладка полуовальной формы с прямоугольной прорезью у основания и овальными выступами по краям (рис. 2, 11).

Наконечник стрелы относится к типу гарпунов, имеет длинный четырехугольный черешок, плоское под треугольное перо с одним шипом (рис.2, 4). Такие наконечники широко распространены по всей территории лесостепного Урала во вт.пол. I – нач. II тыс.н.э.

Наконечник стрелы с коротким треугольным пером и шипами в его основании, плоским длинным черешком (рис.2, 17), такие наконечники Година Р.Д. относит к типу 12 б и датирует кон. VIII – IX вв. (Голдина, 1985, с.55, рис., 1-6). На раскопе так же найдены: пластинчатое железное кольцо (рис.2, 6) и железная фигурная обкладка (рис.2, 5).

Примечательна так же находка фрагмента жернова, сделанного из ракушечника, его диаметр составлял 35 см. На данном жернове следов приработки не зафиксировано и сломан он был по видимому в процессе изготовления.

Заключение

Исходя из выше изложенного можно сделать вывод, что поселение Рахмангулово относится к финальному этапу неволинской культуры. Правомерно будет предположить что, данное поселение могло быть основано небольшой группой населения, пришедшей с бассейна р.Сылвы в VIII-нач.IX века, во время распада неволинской культуры. Однослойность и относительно небольшая мощность культурного слоя говорит о сравнительно недолгом функционировании данного поселения. Наличие двух типов керамики сильно отличающихся как по составу теста, так и по орнаментации, приводит к мысли о совместном проживании двух разных групп населения, с неволинской резной керамикой и керамикой кушнаренковского облика, которая, кстати присутствует в достаточно большом количестве и на исконных территориях неволинской культуры.

Возможно предположить, что часть неволинского населения в кон.VIII-нач.IX века поднялась по долине р. Иргина, это единственный и самый короткий путь через «Сылвинский Кряж», вышла на р.Уфа. Далее небольшая группа переселенцев поднялась по р.Уфе в район расположения пос. Рахмангулово, а другая группа спустилась по р.Уфа до р.Ай, на которой и осели на ранее уже существовавших в раннем железном веке Абдулинском и Большеустыинском городищах.

Абдулинское городище расположено в 6 км. от д. Меттели на левом берегу р. Ай. Аварийные раскопки проводились в 1984-6 годах, вскрыто 120 кв.м. Выявлено два горизонта обитания: горховский и неволинский. Керамика: шейка и плечики орнаментировались ямками и резной техникой, зачастую дополняя друг друга. Чаще всего встречается горизонтальные ряды ямок по основа-

нию шейки, которые только и составляют орнамент или же довольно часто сочетаются с резным. Резной орнамент чаще всего представлен елочкой, реже одинарный или сдвоенный зигзаг и горизонтальные ряды насечек. Данная керамика составляет 71%, остальная керамика: гороховская – 6%, керамика с тальком (петрогромская) – 14% орнаментирована мелкогребенчатым штампом косых насечек, горизонтальных линии, елочки и зигзагов. Находки: колесовидная подвеска и бусы датированы Р.Д.Голдиной – VIII веком (Лебедев, 1995, с.122-128).

Аналогичный материал найден на Большеустыинском городище, расположенном в 800 метрах от с. Большеустыинское на правом берегу р.Ай. Керамика аналогична керамическому комплексу с Абдулинского городища и составляет 59,5% от общего количества керамики (Лебедев, 1995, с.129).

Также неволинская керамика встречена на Торналинском городище, Кызбаевском и Янгантаусском селище по р. Ай и нар. Юрюзань на Янгантаусском селище.

Отличительной чертой керамических комплексов с р. Ай от пос.Рахмангулово, это сочетание горизонтальных рядов ямок с резным орнаментом, которое не встречается на последнем.

Н.В. Федорова **АНТРОПОМОРФНЫЕ** **ИЗОБРАЖЕНИЯ УСТЬ-ПОЛУЯ**

Введение. История раскопок и исследований археологического памятника Усть-Полуй, расположенного в черте современного города Салехарда, насчитывает 9 полевых сезонов (1935-1936; 1993-1995; 2006-2009 гг.) и много лет дискуссий о характере памятника, его культурной и этнической интерпретации. По его имени названа культура, его определяли, как принадлежащий самодийским или угорским народам. Происхождение усть-полуйской культуры рассматривалось как автохтонное или смешанное в результате миграции из южных или юго-восточных территорий.

Чем больше мы занимаемся его изучением, тем сложнее представляется ответ на все эти вопросы. Сейчас можно утверждать с высокой степенью вероятности лишь то, что памятник является святилищем. Об этом свидетельствуют, во-первых, специфические сооружения (жертвенные настилы или столы, кучи камней со следами обжига, комплексы/выкладки вещей, остатки сооружений, связанных с металлообработкой). Во-вторых, следы действий также специфической направленности (пересыпки следов предыдущих пребываний светлым речным песком, после чего песок иногда обжигался; воткнутые в землю наконечники стрел; уложенные определенным образом собачьи черепа, однажды был обнаружен череп, надетый на палку). В третьих, состав находок: огромное количество наконечников стрел разных типов, целые предметы высокого художественного качества; керамика из различных географических ареалов.

На Усть-Полуе до сих пор ни разу достоверно не зафиксировано следов

жилых или оборонительных сооружений. В.С. Адрианов в 1930-е годы раскапывавший Усть-Полуй, и, впоследствии В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, посетившие памятник в 1940-е годы, вроде бы фиксировали с напольной стороны вал и ров. В настоящее время от них ничего не осталось.

Методика раскопок этого памятника многократно опробована на памятниках лесотундровой и тундровой зоны. Получены серии дат, как по дендрохронологическому методу, так и по радикарбонному. Все они укладываются в промежутке 1 в. до н.э. – первые века н.э. Естественно, образцы для датирования берутся ежегодно, даты конкретных археологических слоев и комплексов все время уточняются.

Находки из культурного слоя разнообразны. Так, только костяных наконечников стрел различных типов обнаружено более 900, причем нет уверенности, что все наконечники из раскопок В.С. Адрианова были учтены. При анализе наконечников было выделено 15 типов, некоторые изделия уникальны, некоторые достаточно массовые, имеют аналогии как в комплексах памятников эпохи железа, так и в этнографических коллекциях угорских народов Западной Сибири.

В коллекциях Усть-Полуя очень много изделий, которые попадают под определение «предметы искусства», хотя это понятие применительно к древности выглядит условным. Общеизвестна костяная зооморфная скульптура Усть-Полуя благодаря публикациям В.И. Мошинской, бронзовые отливки усть-полуйского времени отражены в работах В.Н. Чернецова. Здесь будут рассмотрены только антропоморфные изображения, объем статьи не позволяет включить в этот обзор сложные зоо-антропоморфные композиции, как, например,

изображение трех человекоподобных персонажей, стоящих на рыбе.

Описание источника.

В разные годы раскопок на Усть-Полуе было обнаружено 14 литых антропоморфных изображений (цв. вклейка, рис.1), около 10 бронзовых бляшек и пластин с гравированными изображениями антропоморфных персонажей, 8 моделей из глинистого сланца, также с антропоморфными изображениями. Возможно, эти числа не совсем точны, т.к. из коллекции В.С. Адрианова известны только те изображения, которые были опубликованы В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской (Чернецов, 1953; Мошинская, 1965). Кроме того, есть и два уникальных изделия из кости: пластина из межпозвоночного диска кита с изображением антропоморфного персонажа с двумя кинжалами в поднятых руках (Усть-Полуй: 1 в. до н.э., 2003, с. 65) и антропоморфная скульптура из рога, найденная в сезоне 2009 г.

Абрис четырех литых фигурок имеет своеобразную столбообразную форму. Две из них представляют собой фигуру стоящего в фас человека со сложенными внизу живота руками, на голове – полуфигура совы. Лицо фигурок овальное, с крупными миндалевидными глазами, брови и нос изображены одной линией, рот в виде прямоугольника. Третья фигурка представляет собой некоего персонажа с антропоморфной головой и фигурой птицы. На голове персонажа довольно нечетко изображена еще одна личина. Еще одна антропоморфная фигурка происходит из раскопок В.С. Адрианова. Она изображает стоящего человека со сложенными внизу живота руками, лицо фигурки характеризуется теми же особенностями иконографии: крупные миндалевидные глаза, нос и брови одной линией, линии от носа к скулам, рот в виде прямоугольника.

Антропоморфные изображения в виде нескольких «столбообразных» фигурок, поставленных в один ряд, встречаются на барельефах из глинистого сланца, по предположению В.Н.Чернецова служивших моделями для оттиска в литейные формы (цв. вклейка, рис.3). В комплексе находок с Усть-Полюя их обнаружено большое количество, но все они очень сильно фрагментированы. Тем не менее, сюжеты на некоторых из них вполне поддаются прочтению. Они представляют собой 1-3 или 7 фигурок, стоящих в фас к зрителю, с большими головами, сложенными на уровне живота руками. На голове фигурок или плоский головной убор или оголовье, напоминающее конический шлем. Изображение лиц у фигурок аналогично литым: большие миндалевидные глаза, брови и нос изображены одной линией, рот в виде крупного овала или прямоугольника, линии от носа к скулам.

Изображения антропоморфных фигур/личин встречены как в виде плоских односторонних отливок из бронзы, так и в виде гравированных рисунков на бронзовых бляхах и пластинах. Для них характерна фиксация персонажа/персонажей строго в фас, голова (личина) изображалась всегда не пропорционально большой по отношению к фигуре. У литых фигурок туловище, как правило, изображается в редуцированном виде, конечности – там, где они фиксируются – трехпалые. Форма головы (личины) овальная, сердцевидная или овально-усеченная с верхнего края. Брови и нос обрисованы одной линией, брови чаще дугообразны. Глаза миндалевидной формы, от носа к щекам прорисованы ломаные линии, рот в виде овала или прямоугольника. Рот и глаза не пропорционально крупные для размера лица. Изображения в виде целых фигур на гравировках группируются по 1-2-3-7, ту-

ловище и конечности у фигур либо изображены условно, либо нарисовано одеяние, похожее на пластинчатые доспехи. В одном случае это одеяние похоже на «пелерину» с «юбкой», из-под края «пелерины» видны трехпалые верхние конечности. Дважды было зафиксировано сложное изображение лица у антропоморфного персонажа: в одном случае оно было составлено из трех антропоморфных личин, в другом - из двух голов животных.

Антропоморфный персонаж, вырезанный на пластине из межпозвоночного диска кита, с точки зрения иконографии в целом соответствует остальным устьполуйским находкам. Овальной формы крупная личина, головной убор в виде обруча с зубцами-остриями, глаза и рот в виде прямоугольников с отходящими от них вверх штрихами, нос прямой линией от верха личины. Фигура, вернее, ее верхняя часть изображены условно – поднятые руки с окончаниями в виде звериных головок, остальные детали лишь намечены штрихами (цв. вклейка, рис.2). По бокам от изображения – два кинжала.

Скульптура в виде фигурки «сидящего» человека, найденная в 2009 г. (цв. вклейка, рис.4) вырезана из рога (оленья) железным ножом. Размеры: высота 7,3 см, наибольшая ширина – 2,3 см. Изображен персонаж мужского пола, с характерной прической – косами, в фас, с коленями, поднятыми чуть выше пояса и руками, сложенными на уровне живота. Лицо плоское, широкое, слегка нависающие брови образуют одну линию с прямым носом. Глаза крупные, миндалевидной формы, переданы глубокими желобками, зрачки не показаны. Под глазами – полукруглые углубления, повторяющие контур глаз. От крыльев носа к скулам вырезаны глубокие линии. Рот плоский, широкий, подбородок также

широкий, прямоугольный. С левой стороны между косой и шеей фигурки прорезано круглое отверстие, в котором заметны следы потертости, очевидно, от ремешка. Руки трехпалые, пальцы отделены желобком от остальной части рук. На талии изображен наборный пояс с крупными пластинами прямоугольной формы. Ноги также трехпалые, пальцы отделены желобком. Фигурка при изъятии из слоя была слегка запачкана землей. При очистке ее, по свидетельству реставратора И. Карачаровой, замечены следы какой-то жирной и жидкой смазки, которые визуалью не фиксировались.

Таким образом, можно отметить общность иконографии антропоморфных персонажей Усть-Полуя независимо от материала и техники изготовления. Общими признаками являются: изображение в фас, непропорционально большая голова с крупными миндалевидными глазами и ртом в виде овала или прямоугольника, линии от носа к скулам, редуцированное туловище, трехпалые конечности. Добавлю отсутствие зооморфных черт в трактовке изображений и их подчеркнута «европеоидный» облик.

Аналогии и распространение антропоморфных изображений в раннем железном веке. Антропоморфная скульптура из кости, особенно такого выдающегося качества, как Усть-Полуйская, до сих пор не известна. Исключением является вырезанное из рога изображение человекоподобного персонажа с головой, напоминающей совиную, из случайных находок с Барсовой Горы близ г. Сургута (Угорское наследие, 1984, с. 75, рис. 31)

Литые из бронзы антропоморфные личины/фигуры встречаются в эпоху раннего железа в очень широком географическом ареале: от северо-востока Европы до Томского Приобья.

На северо-востоке Европы, в северном Приуралье и на территории Коми республики литые изображения антропоморфных персонажей встречены в гляденовское время, правда, они не многочисленны. Наиболее ранняя личина с поселения Борганъель относится еще к ананьинскому времени (Археология Коми, с. 346, рис. 13-4). Антропоморфная фигура с полуфигурой совы на голове из комплекса могильника Новый Бор 1 на Нижней Печоре (конец III - I вв. до н.э.), иконографически близка усть-полуйским изображениям (Археология республики Коми, 1997, с. 393). Находки с р. Сопляс и из коллекции Ваэра со Средней Печоры Г.М.Буров относит ко времени средневековья (Буров, 1984, с.44). Но по сопутствующему инвентарю, в частности, бронзовым трехлопастным наконечникам стрел и круглому бронзовому зеркалу (там же, рис. 1, 2) они, скорее всего, относятся ко времени существования святилища на Усть-Полуе. Соплясские личины и фигуры (включая коллекцию Ваэра) при всем их своеобразии, выразившемся особенно ярко в характерных трехконечных навершиях личин, имеют некоторые черты, роднящие их с усть-полуйскими, в частности, крупные миндалевидные глаза и круглый или овальный абрис личины.

Литые антропоморфные личины и фигурки с крупной головой, миндалевидными глазами, линиями от носа к скулам и редуцированным туловищем известны в некоторых комплексах времени около рубежа эр в Нижнем Приобье. Бронзовая личина была обнаружена при обследовании поселения Макаров-Висынг-Тур (р. Ляпин, обследовано В.Н.Чернецовым в 1935 г.) (Мошинская, 1965, с. 18,19). Фигурка с редуцированным туловищем, овальной крупной головой/личиной, миндалевидными глазами, овальным ртом, линиями от носа к

скулам происходит из комплекса с городища (святилища) Няксимволь (Мошинская, 1965, табл.19, рис. 4). Уникальная по технике изготовления личина была обнаружена на городище Няксимволь при обследовании памятника в 2002 г. (Кондрашев, 2003, с. 245): изделие выполнено отливкой в так называемом ажурном стиле, т.е. вместо плоскости собственно личины у нее отверстия, а черты лица переданы литыми валиками. Тем не менее, прекрасно фиксируются все те же иконографические признаки – миндалевидные глаза, нос и брови одной линией, овальный рот, линии от носа к скулам. Сравнительно малое количество антропоморфной пластики в регионе объясняется его малой изученностью по сравнению с другими.

Памятники кулайского времени на Барсовой Горе близ г. Сургута известны в большом количестве, многие из них раскопаны. В том числе, достаточно велика и коллекция антропоморфных изображений раннего железного века. Личины и фигуры Барсовой Горы кулайского времени заметно отличаются от усть-полуйских: они не столько антропоморфны, сколько человекоподобны, имеют вытянутый абрис, на голове – звериные морды или «древовидные» отростки, составляющие как бы одно целое с личиной (Борзунов, Чемякин, 2006, с. 106-107). В то время как на усть-полуйских изображениях зооморфные головы вверху совершенно очевидно передают головной убор.

Бронзовых литых антропоморфных фигур и личин кулайского времени в Томском Приобье насчитывается несколько десятков (Чиндина, 1984; Полосьмак, Шумакова, 1991; Яковлев, 2001). Единообразен комплекс из 14 антропоморфных отливок из комплекса находок у с. Степановка (Плетнева, 1977, с. 83). Л.М.Плетнева датирует весь

комплекс, состоящий из более чем 280 предметов, временем около III в. до н.э. (там же, с. 88). Большинство степановских фигурок передает образ человека довольно условно, их общий абрис напоминает прямоугольник, детали изображений выполнены валиками, глаза и рот часто прямоугольны или трапециевидны в виде выпуклых кружков. Изображения с горы Кулайки, Рыбинские находки, Кривошеинский и Новообвинский клады, Саровское культовое место демонстрируют вполне похожие по стилю изделия (Чиндина, 1984; Полосьмак, Шумакова, 1991; Яковлев, 2001; Яковлев, 2004). Почти все передают облик человекоподобного существа весьма условно, их головы и тела представляют собой сложные зоо-антропоморфные композиции, в которых часто трудно отделить один образ от другого.

Интересно отметить, что антропоморфные фигуры/личины не встречаются на территории Новосибирского Приобья, хотя кулайских памятников там исследовано достаточно много (Троицкая, 1979). Исключением является фигурка всадника, обнаруженная в насыпи кургана 10 могильника Каменный мыс и костяная пластина из комплекса городища Дубровинский Борок (там же, с. 105), аналогичная по изображению на ней усть-полуйской пластине из межпозвоночного диска кита. Возможно, это объясняется тем, что Новосибирское Приобье не являлось территорией формирования кулайской культуры/общности.

Заканчивая сюжет о литых антропоморфных изображениях Западной Сибири, необходимо отметить еще один признак, который, возможно, был очень важен для изготовителей отливок: фигуры/личины севера Западной Сибири (Усть-Полуй, Няксимволь) в тех случаях, когда это можно проследить, отливались

«с головы», а во всех остальных регионах – «с ног».

Гравировки на бронзовых бляхах и пластинах, впоследствии, в эпоху средневековья – на серебряных сосудах, были распространены в более узком ареале. Они встречены, правда, довольно редко в памятниках среднего и северного Припечорья, в северном Предуралье, в Западной Сибири – на территориях современных ЯНАО и ХМАО, т.е. в Нижнем Приобье. Иконография антропоморфных персонажей на них удивительно единообразна: так, например, похожие на усть-полуйские персонажи «нарисованы» на зеркалах из «разрушенных языческих святилищ» в рр. Казым, Ляпин и Сев. Сосьва (Приступа, Стародумов. Яковлев, 2002, с. 7; о них же: Чернецов, 1953). У многих из них обозначены такие же глубокие линии от носа к щекам и трехпалые конечности (см., например, Приступа и др., с. 69).

Барельефы из глинистого сланца, насколько известно автору, нигде, кроме Усть-Полуя, обнаружены не были.

Выводы. Изображение антропоморфного персонажа в фас с непропорционально большой головой свойственно всем архаичным культурам. На Урале этот тип иконографии известен, во всяком случае, с эпохи энеолита (Культовые памятники горно-лесного Урала, 2004, с. 122-123). Уже у скульптур, обнаруженных в Шигирском торфянике, нос и брови изображались одним очерком (там же). Доживает такой тип деревянной скульптуры до этнографического времени (Иванов, 1970, с. 17-23). Таким образом, основываясь на таких признаках, как величина головы, изображение фигуры/личины в фас, и даже изображение носа и бровей одним очерком рассуждения о своеобразии усть-полуйских антропоморфных изображений будет не право-

мерным. Как видно из приведенных аналогий, в общем синхронных усть-полую, специфика стиля усть-полуйских личин/фигур заключается, во-первых, в их подчеркнутой антропоморфности, без всяких «звериных» признаков в изображении лица или фигуры. Во-вторых, в устоявшейся иконографии лица: большие миндалевидные глаза, иногда обведенные двойным контуром, такой же крупный рот, линии от носа к скулам, четкий овальный или сердцевидный абрис личины. Важным представляется и такой технологический показатель, как заливка металла при изготовлении фигуры сверху, с головы, тогда как в других регионах, как уже упоминалось, заливка производилась с ног.

Ареал распространения гравированных изображений несколько шире, но, в общем так или иначе тяготеет к Нижнему Приобью. Можно заключить, что приблизительно к 1 в. до н.э. на территории низовьев Оби складывается свой, достаточно специфический стиль изображения антропоморфных персонажей. Этот стиль послужил истоком строго канонизированной иконографии антропоморфных персонажей эпохи средневековья, распространенных приблизительно в том же ареале, что и гравированные рисунки на бронзовых/серебряных изделиях.

Д.В. Шмуратко
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
СИТУАЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В
ЭПОХУ ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

То, что Великое переселение народов (ВПН) является, наверное, самым глобальным миграционным процессом эпохи средневековья, ни для кого не секрет. Подобные явления, вызванные глобальными катаклизмами, случаются в человеческой истории не так часто, но их последствия оказываются весьма ощутимыми. Эпоха ВПН заново переориентировала этническую карту Евразии. Разобраться в охвативших континент переселенческих процессах, задача очень сложная: слишком много народов, слишком много культур, слишком много особенностей.

О том, что происходило в эпоху ВПН в Прикамье написано достаточно много как научной, так и научно-популярной литературы. Ориентировочно в IV веке н.э. в результате иноэтничного влияния или каких-либо других причин на территории Пермского Предуралья (да и всего Прикамского региона) вдруг появляется необычный погребальный обряд – захоронения под курганами. Для лесной и лесостепной полосы курганные комплексы не совсем типичны. Курган – опознавательный знак, помогающий кочевнику отыскать в бескрайней степи могилы предков, в условиях заселенности ландшафта Верхней Камы вряд ли мог выполнять эту немаловажную функцию. Заметить курган в лесу и еще к тому же на неровной (холмистой) местности навряд ли удастся, кроме того, уральские курганы сильно уступают своим степным аналогам как по высоте, так и по диаметру насыпи.

Еще в начале XX века А.В. Шмидт выделил эти таинственные памятники в особую группу – «харинский тип» (Богданов, 2003, с. 110), по названию села в Коми-Пермяцком округе, где были обнаружены первые курганы. С этих пор вопрос об их этнокультурной интерпретации становится одним из актуальнейших для прикамской археологии. В разные годы разные исследователи связывали харинцев с тюрками, сарматами, сармато-аланами, уграми, палеосибирцами, саками-усунями (Богданов, 2003, с. 111), причем зачастую все выводы базировались на чисто интуитивном сравнительном сопоставлении тех или иных категорий вещей. Попытаемся внести некоторую ясность в обозначенное разнообразие, помочь в этом нам могут современные методы аналитической статистики. Дискриминантный анализ, рассчитывающий вероятность попадания каждого объекта в ту или иную группу (Таганов, 2005, с. 141), позволит нам выделить в массиве харинских погребений те, которые отклоняются от «идеального типа», а затем соотнести их с другим типом, характерным для соседних культур.

Понятие «идеальный тип» впервые было предложено отцом современной «понимающей социологии» М. Вебером. К идеальному типу, пишет он, мы приходим, акцентируя ту или иную точку зрения, с которой очевидна связь некоего множества различных феноменов, выраженных в большей или меньшей мере. Получающаяся в итоге концептуальная картина не есть нечто эмпирически данное. Она утопична, и задача историка в каждом отдельном случае состоит в том, чтобы констатировать большую или меньшую дистанцию, разделяющую идеальный тип и реальность. (Реале, 2003)

В нашем случае, анализ будет про-

веден на выборе более чем 1300 погребений, принадлежащих 34 памятникам, 10 археологическим культурам: харинская (могильники Бурково, Митино, Чазево I, II, Пеклаыб I (Генинг, Голдина, 1973)), неволинская – бродовский и верх-саинский этапы (Верх-Сая, Броды (Голдина, Водолаго, 1990)), тураевская группа (Тураево (Генинг, 1976), Старая-Мушта (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004)), мазунинская (Мазунино (Генинг, Мырсина, 1967), Ижевский (Генинг, 1967)), бахмутинская (Бирский (Мажитов, 1969), Старо-Кобановский (Васюткин, Останина, 1986)), азелинская (Азелино, Суворово (Генинг, 1963)), саргатская (Савинский, Красный Борок (Матвеева, 1993)), именьковская (Рождественский (Генинг, 1960), Богородицкий (Старостин, 1983)), турбаслинская (Ново-Турбаслы (Мажитов, 1959), Уфимский (Пшеничнюк, 1968)), позднесарматская (Ахмеровский II (Васюткин, 1977), Салиховский (Васюткин, 1986), Чумаровский, Уязыбашевский, Комсомольский IV и др. (Пшеничнюк, 1983)). Все погребения были описаны бинарным кодом (0;1) по 128 признакам. Анализ проводился в программном пакете SPSS.

Дискриминантный анализ позволил выделить «идеальный тип» погребения харинской культуры, т.е. такого погребения, которое является не типичным для других культур. Если учесть самые яркие признаки, то получится захоронение под курганом (99,2%), могильная яма которого вмещает в себя срубную конструкцию (29,1%) состав инвентаря подобных комплексов беден, либо отсутствует вовсе (45,7%), к наиболее часто встречаемым находкам в первую очередь следует отнести обувные пряжки (10,2 %). Заметим, что «характерные» для харинцев обряд кремации, удила, клинковое оружие,

«калачковидные серьги» не входят в состав «идеального типа», являясь более характерными для соседних культур.

Процент выявленных «инокультурных» включений на харинских памятниках следующий (см. табл. 1): позднесарматский – 16,2%; именьковский – 6,9%; неволинский компонент – 6,4%; турбослинский – 1,7%; тураевский – 1,2%; азелинский, мазунинский, бахмутинский, саргатский – 0%. Процент уникального харинского «идеального типа» – 67,6%. При этом по результатам анализа можно охарактеризовать и направленность выявленных связей. Так параллели с неволинской и тураевской культурами являются двунаправленными, что говорит о наличии взаимно пересекающихся контактов носителей данных культурных традиций. Указанный процесс может быть возможным только при наличии хронологического перекрытия, т.е. одновременного бытования памятников. Параллели с позднесарматской, именьковской и турбаслинской культурами являются строго однонаправленными, без взаимного наложения. Обнаруженное обстоятельство позволяет в ряду относительной хронологии выстроить перечисленные культуры временем ранее харинской, и выводить последнюю именно из них.

Как видно из приведенных процентных данных, наиболее значительный вклад (16,2%) в формирование «харинского типа» внесли носители позднесарматской культуры.

«Идеальный тип» для позднесарматского погребения выглядит примерно так: небогатое, выложенное камнями (11,1%) погребение с ингумацией (100%) под курганной насыпью (100,0 %), в положении вытянуто на спине (59,5%) и с искусственной деформацией черепа (15,1%).

О близости харинской и позднесар-

матской курьтур в свое время говорил еще А.П. Смирнов, однако его точка зрения уступила место угорской концепции, выдвинутой О.Н. Бадером, В.А. Обориным, В.Ф. Генингом (Богданов, 2003. – С. 110). Не так давно о сарматской теории вновь заговорил Ф.В. Овчинников. Анализируя харинскую полихромную поясную гарнитуру, исследователь пришел к выводу о том, что возможно именно с «событиями вытеснения «иранских» племен с исторической арены связано появление в Приуралье памятников харинского типа в конце IV - начале V в., где в труднодоступных лесных районах до конца VI в. сохраняются отголоски стиля Варна–Кара-Агач. Так, наиболее ранние харинские комплексы, представляющие культуру первых харинских переселенцев, посредством перекрестных аналогий напрямую связаны с кругом позднесарматских древностей конца IV в. (Брюханово, Тугозвоново)» (Овчинников, 2004).

Вторым по значимости компонентом, сыгравшим свою роль в формировании харинской культуры, следует назвать именковцев, о «самом серьезном воздействии» которых на племена Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины I тыс. н.э. неоднократно говорил А.Х. Халиков (Халиков, 1987, с. 94). В орбиту переселенческих процессов, захлестнувших Прикамье в эпоху ВПН, именковцев включают Г.И. Матвеева и Р.Д. Голдина, последняя связывает с ними одну из волн миграций (Голдина, 2004, с. 254).

«Идеальный тип» именковских захоронений – кремация (100%) в грунтовых погребениях, снабженных уступом (13,5%), на котором помещался жертвенный сосуд (48,1%), из вещевого инвентаря часто встречаются глиняные пряслица (15,4%).

На третьем месте стоит двунаправ-

ленная связь харинцев с носителями неволинской культуры (6,4 и 0,4 %).

«Идеальный тип» неволинского погребального обряда в общих чертах рисуется следующим образом. Умерших ингумировали (100%) в могильных ямах, содержащих остатки бересты (2,9%), в некоторых случаях в погребениях встречаются одиночные крупные камни (2,9%). Лица умерших покрыты погребальной маской (1,2%). Специфическим элементом костюма является «неволинский» пояс с многочисленными пронизками и подвесками (12,4-10,0%). Характерными для неволинцев стали также отдельные типы височных украшений: кольцо со свободно вращающейся привеской (0,6%), кольцо с привеской в виде полового шарика (1,8%), «калачковидное» височное кольцо (1,8%). Из вещевого инвентаря в «идеальный тип» неволинцев вошли ножи (59,4%), удила (17,1%), стремяна (6,5%) и кресала (1,2%), из украшений костюма – монеты (10,0%).

Говоря же о том, откуда необычный погребальный обряд пришел к неволинцам, дискриминантный анализ советует нам внимательнее присмотреться к бахмутинско-мазунинскому ареалу и опять же, как и в случае с харино, к турбаслинской и позднесарматской культурам (заметим, что позднесарматская культура становится общим истоком как для неволинских, так и для харинских погребений). Сила связей: бахмутино – 12,1%, позднесарматская – 10,2 %, мазунино – 9,1%, турбослинская – 6,4%, тураевская – 4,5%, азелинская культура – 1,9 %.

«Идеальный тип» бахмутинского захоронения – ингумация (98,5%) в грунтовой яме (100%), снабженной нишами-подбоями (10,7%). В погребениях прослеживаются следы охры (0,7%). Из украшений выделяются раковины каури (4,8%), «калачковидные» височные кольца (1,0%), височные кольца в виде ко-

лечка (4,6%).

«Идеальный тип» мазунинского погребения – ингумация (100%) в грунтовой яме (100%) в положении вытянуто на спине с выпрямленными конечностями (31,3%), в деревянном гробовище (24,6%). Рядом с погребенным помещен жертвенный комплекс (16,4%), в состав которого входят бусы (14,2%), фибулы (4,5%), сюльгамы (1,5%), ножи (4,5%). Из элементов костюма обнаружены многочисленные застежки (16,4%).

«Идеальный тип» турбаслинского погребения – погребальные ямы со следами жертвенной пищи (кости животных – 35,5%, фрагменты керамики – 46,4%). Из украшений височные кольца с привеской многогранником (3,6%), калачевидные серьги (не «калачковидные»!) (0,9%), арочные наконечники (0,9%).

Азелинский компонент представлен «идеальным типом» – ингумацией (98,1%) в положении вытянуто на спине с расположением одной или обеих рук на бедрах (15,4% и 21,2%). Погребенный снабжен жертвенным комплексом (9,6%), в составе которого бисер (7,7%), пояса (3,8%). Богато украшенные пояса входят в состав костюма (61,1-32,7%), атрибутами которого являются нагрудные подвески (34,6%), фибулы (11,5%), бляшки (19,2%), сюльгамы (36,5%). Из украшений типичны браслеты (21,2%), гривны (28,8%), перстни (55,8%), височ-

ные подвески в виде знака вопроса (17,3%), многочисленные бусы (59,6%). Из предметов воинского снаряжения – топоры (23,1%), наконечники копий (13,5%). Из бытовых вещей – шилья, иглы, проколки (19,2%).

Что же касается нашумевших тураевских комплексов, то связь их с харино и неволино несомненна, хотя и не столь значительна. Из анализа следует, что 7,0% тураевских погребений определяются как харинские (обратная связь – 1,2%), 5,4% – как неволинские (обратная связь – 4,5%).

«Идеальный тип» тураево – погребальная яма с деревянным настилом (19,1%) и следами огня (62,9%), рядом с умершим расположен жертвенный комплекс (17,1%), в который часто входят гривны (9,5%), браслеты (9,5%), перстни (8,6%), удила (1,0%). Из украшений присутствуют витые височные кольца с напускной бусиной (16,2%). Из предметов вооружения – «косы-горбуши» (6,7%) и оселки к ним (2,9%).

Контактировали тураевцы как с бахмутинским населением (10,9-0,8%), так и с турбаслинцами (6,2-3,1%). Наличие же однонаправленных связей позволяет отчасти выводить тураево из ранних мазунинских (0,8%) древностей.

Что же касается угорской теории, то следы саргатской культуры не выявлены ни в харинской, ни в неволинской культурах. Однако много общего саргаты обнаружили с турбаслинцами (25,0%) и поздними сарматами (5,0%).

«Идеальный тип» саргатского погребения – ингумация (100%) под курганом (100,0%). Могильные ямы снабжены деревянными конструкциями типа столбов (28,6%), кольев (14,3%), перекрытий (35,7%), платформ (57,1%), которые помещались на заплечики (35,7%). Характерно присутствие в погребении следов мела или талька (7,1%). Яркими находками являются бронзовые котлы (7,1%), топоры-кельты (7,1%). Из украшений выделяются янтарные бусы (14,3%), из бытовых вещей – гребни (7,1%), из предметов вооружения – клинковое оружие (14,3%) и наконечники

**Г.П.Головчанский К
ВОПРОСУ О ЗАВЕРШЕННОСТИ
ПРОЦЕССА ХРИСТИАНИЗАЦИИ
КОМИ-ПЕРМЯКОВ**

Термин «христианизация» не имеет в современной литературе четко закрепленного определения. Многие исследователи предпочитают его интуитивную трактовку, подразумевающую отказ от прежних религиозных представлений в пользу того или иного варианта христианства (Введение ..., 1987; Новиков, 1991; Власов, 1992).

Интуитивное понимание термина приводит к тому, что его – преднамеренно или случайно – зачастую подменяют другими: крещение, введение христианства, становление церковной инфраструктуры и т.д. В силу этого обстоятельства возникают трудности и в определении точки начала и завершения процесса. Эти трудности обостряются ввиду того обстоятельства, что к различным христианизируемым этносам предъявляются различные требования со стороны религиозных культуртрегеров в различных исторических условиях. Вариативность может быть прослежена от стремления любыми средствами, вплоть до физического насилия, насадить канонический вариант христианства (особенно ярко это проявляется в первые годы христианизации Руси и во время проведения реформы Никона), до лояльности к вплетению языческой канвы в христианский канон (трансформация, произошедшая с ранним русским православием, т.н. «двоеверие» и «троеверие»). Ситуация усугубляется еще тем, что христианская традиция трансформируется с течением времени и у самих культуртрегеров:

русское православие образца X-XII вв. отличалось (в обрядовой сфере) от византийского, русское православие XV-XVIII вв. отличалось от более раннего его варианта.

Российская церковно-философская традиция XIX – начала XX в. (архиепископ Филарет, митрополит Макарий, Е.Голубинский и др.) пытается представить христианизацию как весь церковно-исторический процесс, который не имеет завершения в обозримом времени и включает в себя знакомство с христианством, крещение и формирование церковной структуры и церковной организации. Развитие церковной организации не может быть завершено: следовательно, процесс христианизации продолжается (Филарет, 1888; Макарий, 1889; Голубинский, 1901.).

По сути, такая трактовка христианизации возможна, но она не предотвращает терминологическую путаницу, а способствует ей, требуя ввести иной термин, обозначающий переход от локальных вариантов язычества к исповедованию христианства как мировой религии; неудивительно, что у названных нами историков церкви концептуальный подход дезавуируется использованием одного и того же термина как в широком, так и в узком, привычном и современному исследователю смысле.

В.Г.Власов предложил следующий критерий христианизации: «...Живое человеческое отношение к объекту религиозного почитания (к мифологии, обрядности, архитектуре, символике и пр.), проявляемое большинством представителей данной социальной группы, понимается как обобщенная характеристика христианизация этой группы. Иными словами, некая социальная группа считается принявшей христианство, когда большинство представителей группы соглашается с новым са-

моопределением: «мы - христиане», и это находит отражение в документах, в памятниках материальной и духовной культуры соответствующей эпохи» (Власов, 1992. с.53).

Такой подход мы рискнули бы назвать политкорректным (ибо он предполагает принятие за объективный критерий субъективной самооценки носителей культуры), но как любой политкорректный подход, он страдает искажением действительности во имя эфемерной политической (национальной, культурной, религиозной и т.д.) бесконфликтности. Такой подход еще может работать на уровне больших социально-государственных образований (при условии отсутствия политической, военной и экономической зависимости от религиозной метрополии), но когда речь идет именно о локальных социальных группах (до уровня недоминирующего этноса в полиэтническом государстве включительно) в традиционном обществе, он теряет какую-либо определенность. Придерживаясь этого подхода, христианином может считать любого носителя архаичной языческой религии, включившего (в самой минимальной степени, или не включившего вовсе) в свою религиозную картину элементы христианского учения, а в религиозную практику – элементы христианских обрядов (или нечто, что он полагает христианским обрядом), при обязательном условии, что он сам считает (по самым разнообразным причинам) себя таковым.

Наконец, третий вариант предполагает точкой завершения христианизации момент, когда религиозный культуртрегер признает религиозного реципиента христианизированным. Моментом завершения христианизации можно считать период, в котором завершается целенаправленная борьба за обращение язычников в христову веру, за искоренение эле-

ментов язычества в сознании и обрядовой практике. В таком подходе есть рациональное зерно: лояльное отношение к искажению канона показывает степень гибкости исходной религии, самоопределяющей допустимые границы внутренней изменчивости. Однако в государстве с доминатом светской власти над религиозной такая лояльность может быть вызвана не религиозно-идеологическими, а политико-экономическими причинами; у церкви и государства различные цели, и при столкновении интересов могут возобладать интересы государственные, входящие в противоречие с интересами религиозными. В случае изменения политической или экономической ситуации церковь, после длительного периода пассивности, который можно принять за удовлетворение результатами предыдущей деятельности, вновь может выдвинуть требования, свидетельствующие о дифференциации религиозных систем.

Если понимать под религией сложное общественное явление, включающее систему религиозного сознания, деятельности, отношений, институтов и организаций (Основы..., 1994. С.49), то моментом завершения христианизации можно считать завершение формирования этой системы. В зависимости от типа христианизации этот момент будет определяться различной комбинацией признаков.

Мы выделяем три типа христианизации по способам проникновения религиозной идеологии в христианизируемый социум: базовая христианизация (характерная для мест формирования христианских конфессий; внутренние потребности общества и государства выливаются в необходимость формирования новой монотеистической религии со всеми ее атрибутами; идет определе-

ние наполнения конфессии. Базовая христианизация не отрицает сложности становления христианства и наличия конфликтов внутри христианизированного социума, возникающих вследствие противоречивости изначальных религиозно-идеологических компонентов.); христианизация сверху (вызывается в большей степени необходимостью решения внешнеполитических проблем; пример – христианизация Руси св.Владимиром. Общество при этом может быть не совсем готово для быстрого перехода к новой идеологии); христианизация извне – происходит в результате политического и экономического подчинения в ходе колонизаций, как неперенный атрибут создания или перестройки идеологической надстройки колонизируемого социума и приведении ее в соответствие с надстройкой социума-колонизатора.

При первом варианте христианизации выстраиваемая религиозная модель самодостаточна и не опирается на культурный опыт (за отсутствием такового) других христианских социумов. Завершением христианизации является устранение противоречий внутри структуры образующейся религии.

Второй вариант предполагает перенос уже исторически опробованной религиозно-культурной модели; при нем возможны искажения исходных элементов структуры (прежде всего на уровне религиозного сознания, в меньшей степени – на уровне ритуала, и практически недопустим на уровне религиозной деятельности, особенно в части содержания культа), незаметные в силу специфики межгосударственной коммуникации религиозному культуртрегеру. Признаком завершения христианизации будет начало целенаправленного распространения возникшего варианта хри-

стианства на нехристианизированные, ранее независимые в экономическом или политическом плане территории, превращение религиозного реципиента в религиозного культуртрегера.

Третий вариант христианизации предполагает целенаправленное замещение одной религиозной системы другой при контроле всех уровней процесса со стороны религиозного культуртрегера; полнота замещения определяется степенью вовлечения христианизируемого этноса в экономику и социальную структуру политической метрополии; завершением христианизации можно считать религиозную нивелировку, устранение элементов местной языческой культуры и полное принятие всех компонентов христианской религии, привнесенных извне. Этот процесс может быть либо закончен полной ассимиляцией народа (так как религиозная традиция закрепляется и на уровне быта, и на уровне этнического самосознания, и на уровне языка, и на всех остальных уровнях), либо прерван получением относительного политического и экономического суверенитета, и, в зависимости от потребности в монотеистической религии, может полностью прекратиться или быть продолжен по схеме христианизации сверху.

Подобная система христианизации характерна только для архаичного и традиционного общества. Механизмы христианизации, исходящие от модернизированного или вступившего на путь модернизации общества, иные – в силу иной роли и иного места религии в таком социуме.

На наш взгляд, в Верхнем Прикамье разворачивалась классическая схема «христианизации извне», реализованная в рамках русской колонизации региона. И первый вопрос, с которым сталкива-

ются исследователи – какой момент можно считать начальным в процессе христианизации предков коми-пермяков? Можно ли рассматривать начало проникновения русских вещей в Верхнее Прикамье как свидетельство соприкосновения не только материальной, но и духовной культуры?

Большинство предметов русского/славянского происхождения XI-XIV вв. зафиксировано в Гайнском и Чердынском районах Пермского края. При этом отмечается их концентрация по берегам Камы и ее крупных притоков Вишеры и Колвы. По мере приближения к территориям Иньвенско-Обвинского поречья, число русских находок уменьшается. Такая же тенденция наблюдается и в отношении вещей мерямско-муромского и весского типов, что свидетельствует о единых путях их проникновения. Топография местонахождений находок приводит к мысли о северном или северо-западном их проникновении в Верхнее Прикамье. Сухоно-Вычегодский путь, соединяющий Волго-Окское междуречье и Приладожско-Белоозерный район с бассейнами Вычегды, Печоры и Верхней Камы, представляется наиболее удобным для широких торговых связей между этими регионами.

Наиболее ранние русские вещи датируются концом XI – началом XII вв., часть их встречается в могильниках совместно с вещами западно-финского происхождения. Начиная с XII в., приток русских вещей в Прикамье усиливается, что можно связать с началом русской колонизации Северо-Двинского бассейна.

Часть русских вещей попадает в Прикамье в результате торговли через земли Волжских Булгар в XII-XIII вв. Малое количество находок вещей православной символики свидетельствует об их случайном проникновении в Пермь

Великую до начала русской колонизации. Археологические материалы не дают возможности говорить о передаче, даже в зачаточных формах, христианских религиозных представлений в культуру местного населения. Археологические материалы также не позволяют говорить о передаче местной культуры каких-либо элементов других монотеистических конфессий, несмотря на существующие более прочные связи с Волжской Булгарией. Между тем, заимствование языческих элементов из русской культуры осуществлялось, что находит подтверждение как в археологических, так и в фольклорных источниках. Это позволяет сделать вывод об отсутствии предпосылок для перехода к монотеистической религии в культуре местного населения.

Несомненно, столкновение местных жителей Верхнекамья с носителями христианской культуры стало более частым в период Новгородского освоения края, но такое столкновение нельзя рассматривать как начальный этап христианизации в силу того, что Новгород не прилагал никаких серьезных усилий для действительной экономической, политической, культурной интеграции Верхнекамья; прагматичных новгородских ушкуйников в самую последнюю очередь трогали вопросы вероисповедания коми-пермяков.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предложить вполне конкретную дату начала христианизации Верхнекамских коми – 1451 г. – год, когда на Пермь Великую был «отпущен» свежекрещенный князь Михаил Ермолич. Крещение пермских князей в 1451 г. – явный и однозначный акт, указывающий на то, что политическое подчинение территорий сопровождается навязыванием новой религиозной модели коми. И пусть первая попытка христианизации самого на-

селения произойдет в 1455 г. ; крещение пермских князей указывало на невозможность иного исхода событий.

Итак, к моменту начала официального закрепления Перми Великой в составе Московского государства и началу целенаправленной христианизации местного населения, накопленный опыт межрелигиозного и межкультурного взаимодействия не мог содействовать, но не мог и препятствовать дальнейшему развитию этих процессов. Выбор коми-пермяков из полиэтничной среды Перми Великой как основного объекта христианизации был определен факторами их демографического доминирования на территориях, степенью социального развития и сравнительной близостью типа хозяйства к типу хозяйства русских.

Этапы и состав христианизации Верхнего Прикамья напрямую связаны с характером колониционных процессов и общей политической ситуации в стране. В период, когда основным населением края оставалось коренное коми-пермяцкое, процессу христианизации уделялось особое внимание, о котором свидетельствует не только сам ход ранней христианизации и участие в нем епархиальных епископов, но и явный контроль со стороны митрополита (послания Симона). Переход колониционной инициативы в руки Строгановых, приведший к массовым миграциям русского – христианского – населения в Пермь Великую, вкупе с потерей религиозной инициативы со стороны епархии, привел к прекращению целенаправленной христианизации коми-пермяцкого населения, что создавала основу для существования и развития коми-пермяцкого двоеверия.

Христианизация является непременным атрибутом колонизации Перми Великой, и направлена на усиление интеграции колонизируемых земель в со-

став Московского государства. Этапы, формы и методы христианизации определяются текущей экономической и политической ситуацией. Культурной предпосылкой христианизации Перми Великой является создание Пермской епархии на землях Перми Вычегодской. В процессе христианизации Перми Великой в период XV-XVIII вв. на основании содержательной характеристики выделяются три этапа: на первом этапе закладываются основы христианского устройства обращенных территорий; второй этап характеризуется становлением православного культа, борьбой с языческими верованиями и расширением церковного строительства; третий этап – завершение формирования церковных институтов на территории Перми Великой. На первом этапе превалирует миссионерский метод христианизации населения, на втором – сочетание миссионерского метода с методом территориальной экспансии; на третьем – метод территориальной экспансии на фоне естественных процессов ассимиляции коренного населения. На первом и втором этапе христианизация проходит в форме христианизации коренного населения, на третьем – в форме христианизации территорий.

Содержание процесса христианизации во многом определено степенью административной и хозяйственной организованности епархии; стратегическими целями и тактическими задачами, стоящими перед епархией на тот или иной момент развития.

Составляющие христианской религиозной культуры трансформированы мощным влиянием языческого элемента. Различия русского варианта православия и коми-пермяцкого варианта отмечаются на различных уровнях религиозной структуры: на уровне религиозной

доктрины, этических ценностей, ритуалов, религиозного сознания. Эти различия фундаментальны, и указывают на превалирование (или, по крайней мере, равенства) местного языческого элемента в их наполняющей.

Неантогонистическое сосуществование православной и языческой традиции в рамках одной культуры позволяет определить явление как религиозный синкретизм (двоеверие на стадии синтеза религиозных составляющих). В наиболее чистом виде этот синкретизм проявляется у изолированных экономически, этнически и культурно от русского влияния групп коми-пермяков, что указывает на раннюю трансформацию (относящуюся к периоду первого этапа крещения коми-пермяков) и прекращении целенаправленного искоренения русской православной церковью языческих мотивов на этапе христианизации территорий в иноэтнической среде.

Отмеченная нивелировка религиозных представлений и обрядов коми-пермяков в условиях близкого контакта с русскими, зачастую выливающегося в ассимиляцию местного населения, свидетельствует лишь об одном направлении христианизации коми-пермяков в XVI-XVIII вв. – неуправляемой народной христианизации, влекущей за собой закрепление неканонических религиозных форм и обрядов, отличной от православия сущностной составляющей религии.

Не смотря на формальное разделение христианского учения, коми-пермяки по сути трансформировали христианство, изменив его содержание и форму. Христианство коми-пермяков – это политеистическое язычество с вкраплениями христианской обрядовой традиции. Дифференциация языческой и христианской компоненты проявляется в структуре религиозного сознания коми-

пермяков. На уровне обыденного религиозного сознания, предстающего в виде образов, представлений, стереотипов, установок, мистерий, иллюзий, настроений и чувств, влечений, чаяний, привычек и традиций, превалирует языческое начало, автохтонное, идущее из предколониционной эпохи; на уровне концептуального сознания – специально разработанной, систематизированной совокупности понятий, идей, принципов, аргументаций, концепций, в силу того, что оно реализовывалось носителями русской религиозной культуры, в большей степени присутствуют христианские элементы, хотя и здесь языческий элемент был достаточно силен.

Интеграция языческой и православной компоненты стала возможной ввиду исключения традиционного интегрирующего компонента религиозного сознания из пространства христианизируемого этноса – богословия, базировавшегося на сакральных текстах и разработавшего правила их толкования – «прикамские инородцы поспешно были крещены, но не просвещены христианским учением», – как заключал один из лучших знатоков коми-пермяков начала XX в. (Шестаков, 1912. С.4).

Таким образом, уже в базовых основах «христианского» культа коми-пермяков содержится отличие, не соответствующее религиозным представлениям, идеям, догматам православия. Православие отличается и предметом культовой деятельности – объектами и силами, осознаваемыми в виде религиозных образов. Это также относится и к средствам культа: наряду с церковью у коми-пермяков наличествуют другие сакральные места – священные рощи, религиозное искусство отличается своеобразием. Способы культовой деятельности, возникшие на отличных от христианства религиозных верованиях,

трансформируются под влиянием средств культа, отличаются как на уровне элементарных культовых актов (колелопрекклонение и т.д.), так и на более сложных (жертвоприношения, обряды, праздники).

Древнее язычество предков коми-пермяков в XI-XIV вв. не выступало в качестве единой религиозной системы: язычество древних коми-пермяков не выполняло функции общегосударственной идеологии, хотя бы в силу неразвитости предпосылок для формирования государства. Редкие случаи столкновения с элементами православной культурной традиции не приводили к хоть сколько-нибудь заметной трансформации местного язычества; наоборот, происходила обратная трансформация: эти элементы, в силу изначальной гибкости язычества, могли встраиваться в него, обретая совершенно иное – языческое – содержание. Православный крест мог использоваться как языческий оберег и т.д.

Качественные различия язычества и монотеистических религий приводили к тому, что их взаимодействие было минимальным. Мы не можем найти примеры не только ярко выраженного воздействия христианства (это может быть объяснено слабыми связями с православной Русью), но и ислама (в то время как связи с Волжской Булгарией хорошо прослеживаются на археологическом материале). В то же время рудименты русского язычества, достаточно долго сохранявшиеся на севере Руси, принимаются и перенимаются предками коми-пермяков (речь здесь идет, в первую очередь, о Перуне, образ которого прослеживается в местном фольклоре).

Христианизация выступает в качестве одного из элементов колонизации края, призванного предоставить жителям вновь осваиваемых русскими земель новые ценностные ориентиры, идеоло-

гию, соответствующую общегосударственной, задать поведенческие стандарты. Однако, это особенно актуально (в плане политического процесса колонизации) только в период, когда основным населением осваиваемых территорий являются коренные жители: ускоренная христианизация является одним из условий политической лояльности к центральной власти и пресечения возможного местного сепаратизма. Неудивительно, что один из самых ярких документов, иллюстрировавших борьбу с местным язычеством – послание митрополита Симона (и, к сожалению, не дошедшие до нас послания пермского епископа Филофея) – приходится именно на этот период.

Послание же митрополита Симона иллюстрирует начало вполне характерного для ранней стадии христианизации любого народа явления – так называемого двоеверия. Состоящее из двух частей (послание «игуменом, и попом, и дияконом» и послание «всем православным христианом»), оно рисует следующую картину: мирские люди – вновь обращенные христиане – придерживаются языческих обрядов, чему не противятся – более того, сами им следуют – священнослужители (с большей долей вероятности можно предположить, выходцы из народа коми). Уже можно говорить о произошедшей трансформации христианства; о том, что эта трансформация не содержит внутреннего конфликта не только с точки зрения простых новых «христиан», но и с точки зрения священнослужителей. Языческая составляющая местного варианта православия хорошо видна со стороны (тому же митрополиту Симону); в то же время в ней должны присутствовать и христианские догматы – о том свидетельствует хотя бы существующая церковная структура, ведущая, хоть и с нарушением ка-

нонов, службы. Здесь мы видим элементы синкретичности. И хотя в послании митрополита есть наставление учить вновь обращенных «детей духовных» Закону Божьему, но основной упор делается именно на ликвидацию старой языческой обрядности – то есть предлагается симптоматическое лечение, не могущее разрушить возникающую синкретичность.

Увеличение плотности пришлого – русского – населения, носителей христианской культуры, приводит к тому, что коренное население перестает выступать в качестве главной экономической, политической и культурной силы; религиозные воззрения местного населения не могут отразиться на экономической, культурной и социальной интеграции Верхнего Прикамья в состав России. Наступает этап экстенсивной экспансии православной веры, выражающийся в естественном расширении православной паствы, происходящий, в том числе, и в результате ассимиляции местного населения. Вопросы чистоты веры коренного населения из конкретно-политической плоскости переходят в плоскость религиозно-философскую, что позволяет церкви не вести активной миссионерской деятельности. Необходимым и достаточным с точки зрения официальной церкви является формальное признание коми-пермяками себя православными христианами. Это, в свою очередь, порождает возможность гармоничного формирования местного православно-языческого синкретизма.

Своеобразие общественно-политической ситуации в Верхнем Прикамье XV-XVIII вв. заключалось в столкновении зрелого государства с обществом, находящимся в начальной стадии политогенеза, с обществом, в котором присутствовало обилие общинно-родовых отношений. При этом, с учетом огром-

ных территорий и малой плотности населения, конфликт, вызванный этим столкновением, был вял и не мог протекать в ярких формах. История предоставила части коми-пермяков возможность длительной адаптации к новым условиям. Постепенный переход от родоплеменных отношений сопровождается столь же постепенным переходом от языческого миропонимания к монотеистической религиозности. И так же, как нет оснований сомневаться в завершении социального перехода, нет оснований полагать религиозный переход завершившимся.

* * *

История «христианизации» коренного населения Верхнего Прикамья (речь идет о сохранившем этнические ориентиры населения) – это история становления окраинного православно-языческого синкретизма. Таким образом, нет основания говорить о завершении процесса христианизации коми-пермяков: та часть этноса, которая не была ассимилирована, сформировала языческую идеологию, лишь отдельными признаками соотносящуюся с русским православием.

П.А. Корчагин, Е.В. Шабурова
ВЕХИ КРЕЩЕНИЯ И
ХРИСТИАНИЗАЦИИ ПЕРМИ
ВЕЛИКОЙ XV – НАЧ. XVIII В.:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ

Археологические исследования летописных пермских «городков» Чердыни (Корчагин, 2004) и Искора (Корчагин, 2008), проведенные в 2001-2008 гг., привели к парадоксальному выводу: по крайней мере, два из укрепленных коми городков, взятых в 1472 г. отрядами кн. Ф. Пестрого, таковыми не являлись. В родановских слоях Троицкого городища, находящегося в центре г. Чердыни, и Искора не было зафиксировано ни жилых построек, ни каких-либо фортификационных сооружений. Зато были зафиксированы предметы и объекты, которые являлись результатом овеществленных (опредмеченных) действий, связанных магической или религиозной практикой. Среди индивидуальных находок преобладали предметы неутилитарного назначения, а сооружений и объектов для совершения жертвоприношений или других ритуальных действий, не связанных с повседневной практической жизнью. Кроме того, наличествовали и внешние признаки культовых памятников: расположение у выделяющегося объекта ландшафта: памятник природы «Узкая Улочка», слияние двух рек и озерцо Параскевы Пятницы, в непосредственной близости находится Искорский могильник и т.д. Удалось даже выявить некоторые конкретные обряды: «коровьей смерти»; фиктивного принятия в род, позднее превратившийся в обряд крещения кукушки (кумления);

добывание так называемого «чистого», «чиканного» огня и пр.

Проанализировав все известные данные о хронологии проводимых на Искорском городище-святилище ритуалов, удалось определить время проведения цикла языческих празднований как май-июль. «Собственно весь цикл христианских праздников мая – начала июля является, по сути, трансформацией в соответствии с канонами христианства двух летних русалий («русальная неделя» с 4 июня и «купала» 24 июня). (Корчагин, 2005. С.56).

«Городки» Чердынь и Искор оказались святилищами, что вступало в противоречие с устоявшейся с нач. XIX в. научной точкой зрения о военном присоединении Перми Великой к Русскому государству. Чтобы разрешить вставшее противоречие необходимо применить методы комплексного источниковедения, сведя в общую картину, в логически непротиворечивую систему сведения всех имеющихся источников: археологических, письменных, топографических и иных возможных видов.

Итак, что бы понять суть происхождения, рассмотрим события, имевшие место на Урале в течение почти столетия: от крещения Перми Вычегодской до похода кн. Ф. Пестрого. Уже в 1383 г. «приде Стефан до митрополита до Москвы для новокрещения пермяки епискупа просити. Пимен митрополит с князем с Дмитрием сразсудив, поставил его Стефана епискупом пермскую землю» (ВВЛ, 1958. С.259). Митрополит Пимен с вел. кн. Дмитрием Ивановичем решились на прямое нарушение прав новгородской епархии, «сразсудив», что сила (светская) и власть (церковная) на их стороне. Как и следовало ожидать в 1385 г. «...владыко ноугородский разгневан бысть...» и дважды безуспешно посылал «дружинники воевати пермскую епар-

хию». В 1386 г. «Стефан поклонился владыке и боярам новгородским... не разорити впредь Пермскую землю и епархия Вычегодской земли беречи» (ВВЛ, 1958. С.260) и новгородцы вынуждены были принять московские условия мира, и примириться с косвенным московским контролем пермских земель через нового епископа.

И следующие пермские владыки оставались проводниками московского влияния, получив от великого князя права, сравнимые с наместническими: осуществления суда, сбора торговых пошлин и даже организации обороны. Неудивительно, что в 1447 г. поддерживая Василия II, выходец из Чудова монастыря пермский «владыко Питерим с другими владыки российский писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святей». Понятно, почему неформальный московский наместник пермский епископ Питирим в 1450 г. послал свою паству, когда позвали «устюжана от Шемякины пособляти вычегжана и вымичи, а сами щита супротив Шемяки не держали». Известно, что «казнил князь Шемяка пермских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их...» (ВВЛ, 1958. С.261). Погибшие пермские сотники, несомненно, были зырянами, поскольку имели характерные коми фамилии, и при этом христианами, так как носили христианские имена.

Василий II воспользовался тем, что Шемяка и вятчане действовали с одобрения формального сюзерена Перми Новгорода, не «берегшего», таким образом, собственных вассалов. В 1451 г. «прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду вереиских (так в источнике, надо — перемских — П.К.) князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая,

Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню» (ВВЛ, 1958. С.261). Назначение наместников из русских выглядело бы слишком явным нарушением статус-кво, поэтому Василий Темный предпочел паллиатив: назначил их из лояльной местной знати. Таким образом, внешне ничего не менялось, и у Новгорода не было формального основания для протестов.

Присмотримся внимательнее к этим трем князьям. Кн. Ермолай назван без отчества и явно был неофитом. На Руси не было ни одного князя с таким явно неаристократическим именем. Ермолай в переводе с греческого — «вестник народу». Память его небесного патрона свмч. Ермолая Никомидийского, отмечается 26 июля (ст. ст.). При Ермолае на Выми остался его младший сын Василий (с греч. - «царский»), названный так, несомненно, в честь равноап. вел. кн. Владимира, в крещении Василия (память 15 июля ст. ст.). Еще более говорящее имя у старшего сына кн. Ермолая, которого, скорее всего, крестили в честь преподобномученика Михаила Эдесского (29 июля), но имели в виду Михаила Архангела. «Архангел» в переводе с греческого «старший посланник». И, действительно, в контексте Ветхого Завета архистратиг Михаил выступает как старший посланник Всевышнего (6 сентября и 8 ноября ст. ст.). Кн. Михаилу была уготована особая роль: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:7-9). Напомним, что на месте «прокудливой березы» святой Стефан Пермский построил храм именно в

честь Архангела Михаила, низложителя духов тьмы.

С известной долей уверенности можно предположить, что Ермолай с сыновьями был крещен в июле 1451 г., о чем свидетельствуют именинные дни князей, укладывающиеся в двухнедельный период. Собственно в награду за крещение и принятие московского подданства они и были пожалованы наместническими должностями и княжеским достоинством. Первые коми князья-христиане имели знаковые имена, выражавшие вполне определенную миссию, возлагаемую на них русской православной церковью.

В 1455 г., явно при поддержке христианина кн. Михаила, «приездил владыко Питерим в Великую Пермь на Чердынню крестити ко святей вере чердынцов. Того лета шли на Пермь безвернии вогулечи, Пермь Великую воевали, Питерима идуще с Перми поймали и убили...». Со смертью епископа дело христианизации остановилось лишь на время. Уже в 1462 г. новый пермский «владыко Иона добавне крести Великую Пермь постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести» (ВВЛ, 1958. С.261-262).

Летописи дают разную датировку похода кн. Юрия Васильевича Дмитровского под Казань, во время которого «чердынцы, убоясь не пошли, за казанцов задались» (ВВЛ, 1958. С.262). Не вдаваясь здесь в обсуждение этой проблемы, сосредоточимся на возмездии великого князя Московского – походе кн. Ф. Пестрого. События 1472 г. наиболее подробно описаны в Никоновской летописи: «Тоя же зимы послал князь великий на Великую Пермь князя Федора Пестраго воевати их за их неисправление... июня в 26-е прииде весть великому князю из Перми, что воевода князь Федор Пестрой землю Пермскую взял ю,

а пришел в землю ту на усть Черные реки на Фоминой недели в четверг, и оттуда поиде на плотех, и с коньми, и приплыл под город Анфаловской, соиде с плотов и поиде оттуду на конех на верхнюю землю к городку Искору; а Гаврила Нелидова отпустил на нижнюю землю на Урос и на Чердынню да на Почку на князя Михаила. Князю же Федору не дошедшу еще городка Искора, и сretoша его Пермь на Колве ратью... Оттуда князь Федор поиде тако ко Искору и взять его, воеводы их поймал Бурмата да Мичкина, и Зыбра по опасу пришел к нему, поймал же и иные городки и пожегл, а Гаврило шед те места повоевал, на которые послан. И потом прииде князь Федор на усть Почки, где впала в Колву... срубивше ту городок, седе в нем, и приведе всю землю ту за великаго князя...» (НЛ. 1965, С.148).

Детализуем хронологию похода. Пасха в 1472 г. праздновалась 29 марта, а Фомино воскресенье пришлось на 5 апреля, значит, рать Федора Пестрого прибыла в Прикамье «на усть Черные реки» 10 апреля. «Весть великому князю из Перми» об успешном завершении похода гонец принес 26 июня. Если учесть, что в XVII в. дорога в один конец из Москвы в Пермь Великую занимала 20-30 дней (это прослеживается из дат отправки и получения царских грамот), то кн. Ф. Пестрый, разорив Искор, вернулся в Покчу в самом конце весны – начале лета 1472 г. Семик пришелся в тот год на 14 мая, а вся неделя (семицкая или русальная) началась 11 мая и закончилась Троицей в воскресенье 17 мая. Девятая пятница по Пасхе в 1472 г. выпадала на 29 мая. То есть прибытие рати кн. Ф. Пестрого на Искор был специально приурочено ко второй половине мая, когда на Искорском святилище происходили основные языческие обряды. Скорей всего, именно, торопясь ус-

петь к сроку русалий, князь двигался быстрым маршем, оставляя в тылу Нижнюю землю, Чердынь, Покчу, Урос и кн. Михаила.

Искор не имел укреплений и не был приспособлен для обороны, поэтому отряд коми-язычников встретил рать Ф. Пестрого не за мифическими стенами Искорского «городка», а на переправе через р. Колву, где коми могли рассчитывать хоть на какой-то успех. Воевода же прекрасно понимал особое значение Искора для пермяков-язычников. Разорение Искора имело не столько военное, сколько психологическое значение: разрушая святыню, Ф. Пестрый демонстрировал не только мощь московского оружия, но и силу христианского бога. Коми божества, не сумевшие защитить собственное святилище и свой народ, были дискредитированы в глазах местного населения. Образно говоря, после падения Искора население Перми Великой было разоружено идеологически.

Кн. Михаил в мятеже своих сотников участия не принимал. Во-первых, об участии отряда Г. Нелидова в каких-либо боях в летописях не упоминается. Во-вторых, Михаил был христианином, и от выступления на стороне язычников его удерживала не только политическая предусмотрительность, но и вера. Он оказался в весьма трудной ситуации – и предпочел не выступать ни против соплеменников, ни против единоверцев. Святылища на Троицкой горе в современной Чердыни, на северо-западной окраине села Покчи (где бьет необычайно мощный родник) и, вероятно, в Уросе были оставлены без боя. Таким образом, поход 1472 г. был своеобразным закреплением результатов крещения. А, может, и крещением в буквальном смысле. Известно, что часовни во имя Параскевы Пятницы иногда ставились на местах массовых крещений: именно та-

кая часовня до сих пор стоит на Искоре.

Перемещение в 1328 г. митрополичьего престола в Москву дало великим князьям уникальный инструмент мирного приобщения населения колонизируемых земель к православной и русской культуре, втягивания этих территорий на московскую политическую орбиту, и они эффективно его использовали.

Очевидно, событиями 1472 г. крещение Перми Великой можно считать исчерпанным. Однако новая религия не может усваиваться одномоментно, и мы имеем возможность наблюдать, каким образом православная церковь искореняла проявления пережитков язычества.

Здесь необходимо сделать некоторое методологическое отступление. Важно объективно зафиксировать момент завершения христианизации, т.е. найти объективный, фиксируемый источниками показатель финализации такого, казалось бы, субъективного процесса. В нашем случае бессмысленно и бесполезно апеллировать к общественному или индивидуальному сознанию, мы обречены на релятивистские и софистические блуждания в его закоулках, хотя бы потому, что пережитки язычества (в виде суеверий, предрассудков и примет) оставались свойственны православным россиянам на всем протяжении истории российского христианства.

Поэтому предложим в качестве объективного показателя завершенности христианизации, проверяемый (верифицируемый), фиксируемый в источниках критерий – прекращение отправления населением истинно языческих обрядов. Судя по всему, таковым было и понимание Русской православной церкви, поскольку она проводила политику календарного и топографического замещения языческих обрядов. Большинство храмов населенных пунктов в бассейне р. Колвы обнаруживают любопытную

общность номинации. Их престольные праздники словно специально приходились на конец весны – начало лета, т.е. сроки русалий. Очевидно, не случайно в 1462 г. епископ Иона выбрал покровителем для первого великопермского храма апостола и евангелиста Иоанна Богослова, память которого Церковь празднует 8 (21) мая.

Рассмотрим храмы (большая часть еще деревянные), перечисляемые в «Переписной книге Чердынского уезда переписи дьяка Сибирского приказа Алексея Аникеева» 1710 г. «Погост Покча а в нем церковь во имя Благовещения Богородицы церковь во имя Георгия Великомученика деревянные...» (РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1521. Л.192). Поминание св. Георгия Победоносца происходит 23 апреля (6 мая н.с.). «Погост Вильгорт на речке на Цыдве а в нем церковь во имя Живоначальные Троицы да церковь во имя Иоанна Предтечи деревянные...» (РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1521. Л.214). Третье обретение главы Иоанна Предтечи отмечается 25 мая (7 июня), а его рождество (входит в число великих праздников) — 24 июня (7 июля). «Погост Нырб на речке Роднике а в нем церковь каменная во имя чудотворца Николая другая церковь деревянная во имя Николая чудотворца...» (РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1521. Л.259). Празднование перенесения мощей Святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских приходилось на 9 (22) мая.

Церковь вынуждала еще нестойких в вере прихожан в привычные календарные сроки приходить не на святилище, а в храм, вытесняя прежние языческие ритуалы христианскими. И, видимо, это считалось достаточным, пока в конце XVII – начале XVIII в. историческая действительность не выдвинула новые требования.

В этот период происходило вклю-

чение Чердынского уезда в общероссийский рынок в качестве региона с развитым судостроением и лесным промыслом. Петровская модернизация – техническая (строительство металлургических предприятий) и социально-политическая (строительство «регулярного» государства) – безотлагательно требовала устранения отживших идеологических институтов.

Начало XVIII в. было эпохой радикального изменения многих сторон жизни русского народа, в том числе и религиозной, церковной. После смерти последнего патриарха 16 октября 1700 г. Петр I предпринимает дальнейшие шаги с целью еще большего подчинения церкви интересам абсолютизма. В январе 1701 г. был восстановлен упраздненный еще в 1667 г. монастырский приказ, в ведение которого переходило управление всеми церковными вотчинами. А 14 февраля 1721 г. состоялось открытие Святейшего Правительствующего Синода. Происходила реорганизация социальной структуры духовенства (унификация иерархии церковных чинов, учреждение штатов церковнослужителей) и наметилась тенденция лишения духовенства прав владения и управления своими вотчинами и передачи этих прав государству. Происходил переход инициативы в церковных делах в руки государства

В чердынском уезде это выразилось, прежде всего, в государственной инициативе строительства каменных храмов (Косточкин, 1988. С.28-36). Так в 1705 г. в с. Нырбе строится Никольский храм. А в 1718 г. по указанию сибирского губернатора М.П. Гагарина была выстроена в камне чердынская Иоанно-Богословская церковь (Канторович, 1971. С.6-7).

Однако казенная инициатива на местах весьма оригинально трансформиро-

валась. Так в ныробском Никольском храме в росписях, выполненных в 1722-725 гг. живописцем Михаилом Казариновым, в верхнем ярусе южной стороны куба содержится изображение св. Христофора с собачьей головой, с мечом в левой руке и крестом в правой. День памяти свмч. Христофора в православном календаре 9 (22) мая, т.е. приходится как раз на тот период, когда на Искоре и других святынях отправлялись основные языческие обряды. Свмч. Христофор считался покровителем охотников, что не могло не способствовать его популярности среди еще не твердых христиан. Наконец, обратим внимание на атрибуты святого, в руке у Христофора меч, как и у Николая Можайского, словно напоминание о третьем крещении Перми Великой, происходившей в оригинальной форме военного похода. Изображение св. Христофора «с песьей главою» наряду с некоторыми другими неудобными иконографическими сюжетами были официально запрещены распоряжением Св. Синода от 1722 г. как «противные естеству, истории и самой истине». Очевидно, что текст этого указа был известен и причту Никольского храма и М. Казаринову, однако по какой-то причине они его игнорировали...

Вероятно, в этом прослеживается особая позиция руководства Вятской и Великопермской епархии. «На Вятке свои порядки». В первой треть XVIII в. Вятская епархия усилиями своих архиереев — архиепископа Дионисия (1700-1718) и архиепископа Алексия (1718-1733) — стремилась удерживать прежние традиции церковной жизни. Не исполнялось и требование о прекращении строительства часовен. Все это было сознательной церковной политикой, которую проводили вятские владыки Дионисий и Алексий, рисковавшие не только своим местом, но и свободой и

даже жизнью (известно, что архиепископ Алексий из-за связи с царевичем Алексием подозревался Петром I в государственной измене) (Балыбердин, 2007. С.9).

В это время была построена Благовещенско-Никольская часовня на окраине с. Искор «на правой стороне дороги, ведущей в с. Ныроб, надпись на которой свидетельствовала малой доски: «поставлена сия часовня во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Благовещения и Николы Чудотворца в лета 7243 года, (т.е. 1735 г.)». Известно, что она была поставлена на месте разоренной в 1723 г. старообрядческой часовни (Попов, 1891. С.79-80).

Тогда же появилась и часовня во имя Параскевы Пятницы на Искорском городище. По преданию, на городище Искор, на старом березовом пне, из-под которого «бежал ручеек», явилась икона святой Параскевы. В связи с чудесным явлением иконы на Искорском городище с 1734 г. ежегодно проходили два крестных хода в дни празднования «петровского заговенья» и «девятой» пятницы (Кривошеков, 1914. С.102). Время установления крестного хода подтверждается монетами XVIII в. (самая ранняя — 1734 г.) и характерными крестами первой трети XVIII в. Выгорецкого старообрядческого монастыря, обнаруженными в детских погребениях «заложённых» покойников во втором валу городища (Корчагин, 2008. С.126).

Нарушая запрет Синода, местные священнослужители добивались главного. Строя часовни на местах языческого поклонения, учреждая крестные ходы, они придавая христианский (по возможности) характер сакральным действиям, имевшим место на святынях, замещая их и топографически. А поскольку, на Искоре и других святынях конца со второй трети XVIII в. проводились уже

христианские обряды, есть основания утверждать, что христианизация в бассейне р. Колвы в целом была завершена.

В связи с интересно рассмотреть еще одно нарушение постановления Св. Синода от 21 мая 1722 г., которым было запрещено также «иметь в церквах иконы резные, или истесанные, издолбленные, изваянные». Самые древние произведения пермской деревянной скульптуры, датируемые концом XVII – началом XVIII в., происходят именно из храмов по р. Колве: «Никола Можай» из церкви Благовещения с. Покча; «Никола Чудотворец» из церкви Богоявления г. Чердыни и «Святая Параскева Пятница с предстоящими святыми Варварой и Екатериной» из церкви Св. Николая Чудотворца с. Ныроб.

Деревянное изваяние Параскевы Пятницы из с. Ныроб является единственным в коллекции ПГХГ. Ни в одном из множества прикамских храмов подобных изображений более не обнаружено. Уже отмечалось, часовни во имя Параскевы часто воздвигались на местах массовых крещений, да и сами эти акты проводились в этот день недели (многие исследователи склоняются к тому, что крещение Киева произошло именно в пятницу 1 августа 990 г.) (Рапов, 1983). Неслучайна и популярность Николы Можайского. Ко дню Николы Вешнего 9 мая 1147 г. священники кн. Юрия Долгорукого приурочили опять же массовое крещение в Москве-реке первых москвичей (Моисеев, 1996. С. 40-41).

Нетрудно заметить, что появление в Перми Великой деревянной культовой скульптуры пришлось на заключительный этап христианизации, через два с половиной века после крещения. И вряд ли мы можем объяснить этот факт необходимостью «замены для новокрещенного язычника-инородца их прежних

идолов» (Серебренников, 2008. С.128). Напротив, феномен пермской деревянной скульптуры зафиксировал необходимо достаточный уровень усвоения христианского культа, по крайней мере, знание евангельских сюжетов, молитв, основных святых, таинств и пр.

Культовая скульптура, в отличие от иконы как целостного «умозрения в красках», имеет сравнительно немного сюжетов, несет ограниченное количество символов и смыслов, и интуитивно понятна даже людям с относительно невысоким уровнем психологического и культурного развития. «Пермские боги» это не переодетые языческие истуканы, но своеобразная визуальная адаптация христианского культа. Деревянная культовая скульптура, как известно, не была исключительно пермским явлением. В центральных и северных районах страны широко распространены аналогичные изваяния, а сюжет «Никола Можайский» известен с XIV в. Православная церковь с того времени широко использовала культовую скульптуру, «как наилучший для данного времени способ выражения известной Церкви истины и охранения ее в одинаково для всех доступном символическом знаке». Культовая скульптура, в известной степени, являлась фактором религиозного просвещения.

Модель, хорошо зарекомендовавшую себя в процессе христианизации Центральной России и Русского Севера, прикамские священники распространили на территорию бывшей Перми Великой. Появление пермской деревянной скульптуры, таким образом, является с одной стороны – критерием завершения процесса христианизации как усвоения культа, а с другой – началом подлинно духовного постижения христианской истины.

Итак, продолжительность процесса

христианизации населения Перми Великой составляла около трехсот лет, что совпадает с длительностью христианизации славянского населения Руси несколькими веками ранее.

Л.Д.Макаров
ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В
ЧЕПЕЦКО-ВЕРХОКАМСКОМ
РЕГИОНЕ В XVI-XX ВВ.

История формирования русского населения в верховьях Камы и примыкающих к ним правых притоков р.Чепцы достаточно необычна и требует специального рассмотрения.

Особое значение для решения этнической истории региона играет территория Карсавайского края. Особенностью его является расположение на самой высокой в Удмуртии (до 332 м) холмистой местности по обе стороны камско-чепецкого водораздела. В этническом отношении северная половина края (к северу от условной линии Понино-Карсавай-Кулига) населена в настоящее время русскими, южная – удмуртами (Рис.1).

Изучение края началось во второй половине XIX в. и связано с именем Н.Н.Блинова (1839-1917), бывшего в начале 1860-х гг. священником в Карсавайском приходе и оставившего серию очерков в «Вятских губернских ведомостях» (1861-1869). Отдельные сведения приводятся в сочинениях И.Попова (1854), А.Иванова (1883), Н.П.Штейнфельда (1892), П.Сорокина (1895), Н.Г.Первухина (1896), Д.К.Зеленина (1904), А.Ф.Теплоухова (1925). В 1950-х гг. русский говор северной части Карсавайского района основательно изучил В.Ф.Барашков (1958, 1959), а кайские (верхокамские) говоры в целом - Л.Н.Макарова и В.И.Троицкий (1962). Значительный пласт фольклорных произведений различных жанров собрали филологи Глазова под руководством А.Г.Татаринцева (Русский фольклор Удмур-

тии, 1977; 1990). Записи исполнительниц народных песен (М.Макаровой, Н.Ведерниковой, С.Шудеговой) осуществили в 1993-1995 гг. ижевские музыковеды С.К.Стародубцева, М.Г.Ходырева, А.Юминов (Стародубцева, 1999), этнографические материалы края собирают Л.А.Волкова и Е.В.Попова. Сведения о церковной жизни имеются в работах Е.Ф.Шумилова (1996). Данные об археологических памятниках приводятся Н.Г.Первухиным (1896), Ф.В.Стрельцовым (1927), В.Ф.Генингом (1958), М.Г.Ивановой (1979, 1992), Н.И.Шутовой (1992), их исследовали также В.А.Семенов, Г.Т.Кондратьева, А.Г.Иванов, Л.Д.Макаров. Последние по времени обобщения из истории Карсвайского края опубликованы его уроженцами Л.Д.Макаровым и А.Г.Ивановым (1999а; 1999б), а также автором этих строк (Макаров, 1995; 1999; 2001; 2003).

Для описания заселения края использованы материалы переписей XVIII – середины XIX в. Большое значение имеет пофамильный состав населения Верхокамья и топонимика, по которым легко установить истоки его заселения. Так, по переписной книге Кайгородского уезда 1678 г. на территории Зюздинского края отмечены фамилии Макаровых, Некрасовых, Власовых (Барашков, 1958, с.73), широко распространенные среди русского населения к северу от Карсвая и в настоящее время. Еще более показательны материалы переписи 1746 г. («Ревизские сказки Зюздинской волости Кайгородского уезда»), в которой помимо упомянутых выше фигурируют такие, ныне популярные фамилии, как Савины, Бузмаковы, Ведерниковы, Тебеньковы, Черанёвы, Варанкины, Светлаковы и др. (там же). Таким образом, истоки заселения края не вызывают каких-то сомнений - это зюздинское Верхокамье, откуда в XVIII в. и пересе-

ляются к югу его обитатели.

Не совсем ясен национальный состав переселенцев (переписи об этом умалчивают); впервые это удалось выяснить Н.Н.Блинову. На основании клировых ведомостей, списков волостных правлений и расспросов старожилов он приходит к выводу, что северная половина Карсвайского прихода была заселена коми-пермяками и отчасти русскими, а южная - удмуртами. По сведениям Н.Н.Блинова «пограничною чертою» между удмуртскими (с юга) и пермяцкими (с севера) селениями служила р.Карсвайка. При этом он отмечает, что к этой границе и пермяки, и удмурты начали продвигаться не ранее конца XVI - начала XVII в.: пермяки - с верховьев Камы, удмурты - с правобережья Чепцы. В будущий Карсвайский приход «первые поселенцы пришли в половине XVIII ст., большею же частию в 1770-1800 годах, как можно заключить из рассказов старожилов». Причиной их переселения Н.Н.Блинов считал «отыскивание новых мест, простор, побег от рекрутчины и раскол». Что касается встречного движения удмуртов к северу, то он писал: «вотяки тоже поселились в Карсвайском приходе большею частию около, или немногим более, ста лет назад; деревни три только не помнят времени своего поселения на настоящих местах. Вотяки шли чаще с юга, из приходов сёл Балезинского, Поломского, из-за Ижевского завода, и есть некоторые из с.Еловского» (Блинов, 1864. №46). Земли к югу от Карсвая входили еще в середине XVIII в. в состав удмуртской верхочепецкой верхней доли Каринского стана Хлыновского уезда, к северу - в состав Зюздинской волости Кайгородского уезда. В одном уезде - Глазовском - Карсвайский край оказался в 1802 г. после ликвидации Кайгородского уезда. Данные середины XIX в. говорят об аб-

солотном преобладании коми-пермяков и наличии некоторого числа русских в северной части прихода, и о проживании удмуртов и небольшого числа бесермян - в южной (Блинов, 1864. №49). Аналогичные данные приводят и другие авторы (Иванов А., 1883; Попов, 1854; Теплоухов, 1925, с.35).

Преобладание коми-пермяцкого населения зафиксировано в северной части Карсвайского края и в материалах подворной переписи Глазовского уезда 1892 г. (Материалы по статистике..., 1893. Т.III. Ч.1-2).

Итак, бывшее проживание пермяков в северной части Карсвайского края бесспорно. Однако удивляет факт чрезвычайно малой доли русского населения при полном господстве русского языка: по Н.Н.Блинову, всего 77 человек из 3996 в 1858 г. и 88 - из 4282 в 1863 г. (1864. №49). Н.Н.Блинов склонен объяснять этот феномен тем, что в конце XVI - начале XVII в. «при посредстве колонизации русских, русская речь, нравы и христианство привились и к пермякам» (Блинов, 1864. №46). По данным XVI-XVIII вв., Зюздинский край заселялся смешанным населением со стороны Кайгорода: по воспоминаниям зюздинцев их предки переселялись именно с Кайской стороны, например, с.Бисерово основано выходцами из пермяцкой д.Трушниковой (Сорокин, 1895, с.10), а с.Георгиево - из русского Кайгорода (Макарова, 1962, с.78). Со второй половины XVIII в., в связи с открытием Сибирского тракта, роль Кайгорода резко падает, и он превращается в захолустье. Однако бывший до того на протяжении двух веков приток русского населения в Верхокамье из-под Вятки, Вологды, Великого Устюга и других мест (Сорокин, 1895) оказал определяющее влияние на восприятие местными коми-пермяками русского

языка, материальной и духовной культуры. Начиная же со времени запустения края русское его население было во многом изолировано от других областей России, что и привело к интенсивному смешению его с пермяцким, численно явно преобладавшим (Макарова, 1962, с.77-79; Макаров, 1995, с.24-25). Как отмечал П.Сорокин (Сорокин, 1895, с.28-29), население Кайского края «производит впечатление инородцев». Схожие выводы делали Н.П.Штейнфельд (1892, с.279, 294-295), Н.Н.Блинов (1861. №44), Д.К.Зеленин (1904а., с.108). О процессах обрусения зюздинских пермяков свидетельствует и память о «чучках»-прародителях: «Помяни, Господи, дедушку чучка, бабушку чучиху» (Зеленин, 1904б, с.21).

В начале XIX в. приток русского населения шел в основном через Глазов, по дороге, связавшей город в конце XVIII в. с Зюздинским краем (Штейнфельд, 1892, с.299-303; Барашков, 1958, с.78). Уже ко второй половине XIX в. бывшее пермяцкое население, проживавшее в Карсвайском крае, а также новые переселенцы с верховьев Камы, в значительной части осознавало себя русским, говорило на русском языке и не знало коми-пермяцкого (Барашков, 1958, с.79).

Анализ особенностей русского говора северной части Карсвайского края, проведенный В.Ф.Барашковым, показал, что «исторически значительная часть современного русского населения северной половины Карсвайского района восходит к коми народности и что сам процесс перехода на русский язык этой части населения завершился относительно недавно, по крайней мере, не ранее первой половины XIX в. (Барашков, 1959, с.271). Какого-либо участия в этом процессе удмуртского населения им не обнаружено. Карсвайский говор «по абсолютному большинству своих осо-

бенностей ... представляет один из типичных севернорусских говоров и наиболее близок к русским говорам Вологодско-Кировской (Восточной) группы севернорусского наречия (Барашков, 1959, с.276-277). К аналогичным выводам пришли исследователи русских говоров Кайского края Л.Н.Макарова (1962, с.79-92) и В.И.Троицкий (Троицкий, 1962, с.54-67). Особенности и характер заселения Карсовайского края установил Н.Н.Блинов (1865. №31), начало его он относит к середине XVIII в. Поселения удмуртов находились к югу от починков пермяков, концентрируясь, по сведениям Н.Н.Блинова (1865. №34), двумя группами: близ дороги из Карсовая на Глазов и в верховьях р.Варыж.

В 1891 г. Карсовайский край располагался на территории четырех волостей Глазовского уезда (Гординской, Карсовайской, Понинской и Люкской) и 13 сельских обществ. В 203 населенных пунктах (3 села, 1 деревня, 192 починка, 7 выселков) располагалось 2093 двора, в которых проживало 14781 человек (удмуртов - 7431, пермяков - 4020, русских - 3010, татар - 168, бесермян - 152) (Материалы по статистике..., 1892. Т.VIII. С.170-211, 314-345). По обобщенным данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Карсовайской волости насчитывалось 156 поселений и 6745 жителей, в Люкской - 50 поселений с 11479 жителями, в Понинской - 97 и 18530 (Материалы по статистике..., 1926, с.2, 4).

Что касается древностей пермяcko-русского населения, то к ним можно отнести три известных в настоящее время в окрестностях Карсовая археологических памятника: Киршатское и Тарасятское кладбища (конец XVIII - середина XIX в.), упомянутые Ф.В.Стрельцовым (1927, с.66), а первое было осмотрено А.Г.Ивановым (Иванов и др., 2004.

С.126-127), и селище Данилыта (конец XVIII - начало XX в.), на котором Л.Д.Макаровым в 1992-1997 гг. собраны фрагменты керамики, печная обмазка и обломок косы-горбуши. К этому же кругу принадлежит, вероятно, городище Зуйкар к ССВ от с.Понино, где обнаружена круговая керамика (Иванов и др., 2004, с.138).

Значительно больше археологических памятников XVI-XX вв. обнаружено в Афанасьевском районе Кировской области - около 40. Это поселения ломоватово-родановского времени (на 9 из них, кстати, найден древнерусский импорт) (рис.1), использовавшиеся местным пермяcko-русским населением. На них фиксировался культурный слой, чаще всего распаханый, с находками полулепной или круговой керамики, костями животных и железными предметами. Почти вся керамика изготовлена на гончарном круге, причем отмечена закономерность: чем выше по реке, тем менее заметны русские керамические традиции, хотя выявлены и достаточно «чистые» русские комплексы на Бисеровских поселениях и на Харинском I селище, где, в частности, обнаружен фрагмент горшка с отриском креста на днище. В конфессиональном отношении Верхокамье с конца XVI в., становится православным: коми-пермяки постепенно втягиваются в лоно церкви. Реформа патриарха Никона середины XVII в. вызвала раскол православной церкви. Удаленность рассматриваемой территории способствовала сохранению дореформенных традиций, поэтому не удивительно, что большинство населения оказалось старообрядческим. Закреплению здесь влияния «старой веры» содействовали и бежавшие сюда поморцы, осевшие в скитах в конце XVII - начале XVIII в. (Чагин, 1995, с.108-111; На путях из Земли Пермской..., 1989, с.286). По дан-

ным Н.Н.Блинова за 1863 г. (1864. №48, 49), в Карсовайском приходе на 2468 «никониан» приходилось 413 старообрядцев из обрусевших пермяков. А по сведениям М.М.Хомякова 1910 г., около половины населения Верхокамья составляли раскольники (Зюздинский край..., 1911, с.3).

Противостояние официального православия и старообрядчества коснулось и погребальной обрядности. Однако, если период второй половины I - начало II тыс. н.э. исследован относительно неплохо (Голдина, Кананин, 1989, с.26-43), то могильники середины - второй половины II тыс. н.э. почти неизвестны. К числу старообрядческих некрополей можно отнести Русиновский в Афанасьевском

районе Кировской области (раскопки В.А.Кананина 1977, 1978 гг.) - могильник крещёных коми-пермяков (Макаров, 2001, с.43). Известны еще 2 старообрядческих могильника близ с.Карсовой - Киршатский и Тарасятский. Важное дополнение дают этнографические наблюдения, касающиеся погребальной конструкции, устройства могилы и надмогильного знака (На путях из земли Пермской..., 1989, с.292-297). О конструкции староверческих гробовищ и могил сообщил житель д.Степанёнки Кезского района УР Г.И.Бузмаков, изобразивший и устройство домовины (Макаров, 2001, с.43-44; 2003. Рис.4). Лишь целенаправленные раскопки могильников позволят выявить детали похоронной обрядности верхокамского населения.

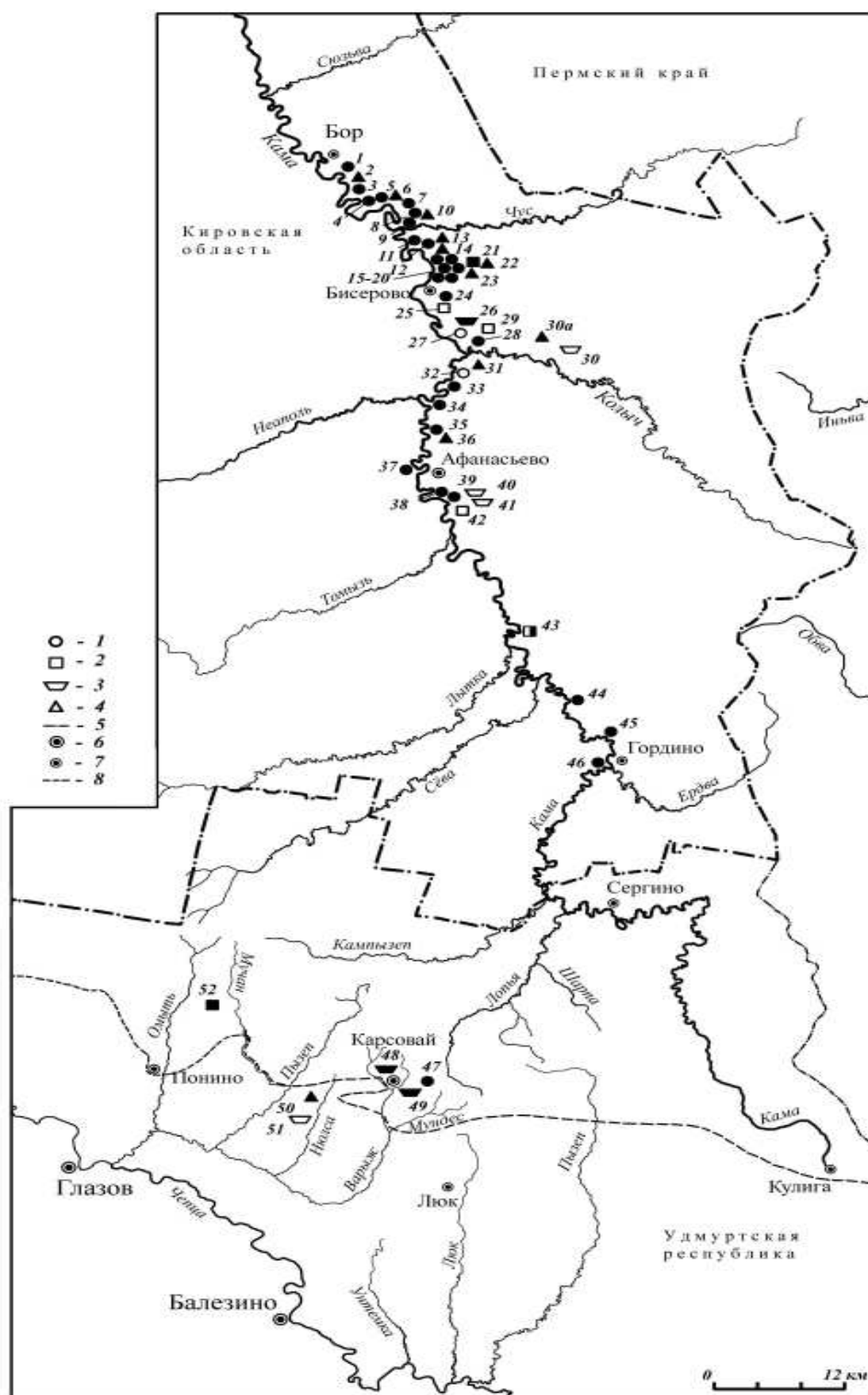

Рис.1. Карта памятников верхокамско-чепецкого междуречья с русскими и коми-пермяцкими находками эпохи нового времени (XVI- нач. XX в.), а также с материалами древнерусского импорта

(1 – селище; 2 – городище; 3 – могильник; 4 – местонахождение, находка (не залитый знак – с древнерусскими находками, залитый – нового времени); 5 – границы областей, краев, республик; 6 – городские поселения; 7 – сёла; 8 – условные границы между поселениями коми-пермяков (русских) и удмуртов.

- 1-46 – бассейн р. Камы: 1 – Грибятское селище (керамика); 2 – Грибятская находка на могильнике (керамика); 3 – Васькино II селище (керамика); 4 – Григорьевское I селище (керамика); 5 – Григорьевское II селище (керамика, железные вещи); 6 – Щукинское местонахождение (керамика, кости); 7 – Щукинское II селище (керамика); 8,9 – Галанинские I и II (керамика); 10 – Галанинское местонахождение (керамика); 11,12 – Турушевские I и II селища (керамика); 13,14 – Турушевские I и II местонахождения (керамика, железные вещи); 15-20 – Бисеровские I-VI селища (керамика, железные вещи); 21 – Бисеровское I городище (керамика, железные вещи); 22 – Бисеровское I местонахождение (керамика, кости, железные вещи); 23 – Бисеровская находка (керамика); 24 – Трошкинское селище (керамика, железные вещи); 25 – Боровское (Шабаришатское) городище (топор-секира); 26 – Русиновский могильник (кресты-тельники и монеты XVIII в.); 27 – Русиновское II селище (фрагмент замка); 28 – Горткушетское II селище (керамика); 29 – Горткушетское городище (топор); 30 – Тиминский (Кочевский, Волгиревский) могильник (сошник); 30а – Савинецкое местонахождение (железные вещи); 31 – Порубовское местонахождение (крест-тельник); 32 – Порубовское селище (топоры); 33 – Илюшевское селище (железные вещи); 34 – Разозское II селище (керамика, железные вещи); 35 – Грибановское (Ваулинское) поселение (железная коса); 36 – Ваулинское местонахождение (крест-тельник); 37 – Трактовое селище (керамика); 38 – Харинское VI селище (крест-тельник); 39 – Харинское I селище (керамика, в т.ч. с отпечатком креста на днище, крест-тельник, железные вещи); 40 – Аверинский I могильник (украшения); 41 – Аверинский II могильник (крест-тельник); 42 – Шудьякар, городище (замок, ключи, пряжка, фибулы, крест-тельник); 43 – Буждог, городище (сошник, керамика); 44 – Кукинское селище; 45 – Сиятское селище (керамика); 46 – Гординское селище (коса-горбуша);*
- 47-52 – бассейн р. Чепцы: 47 – Данилята, селище (керамика, обмазка, фрагмент косы); 48 – Карсовайский (Киришатский) могильник; 49 – Тарасятский могильник; 50 – Куреговская находка (железная пещня); 51 – Кабаковский могильник (эмальерные кресты-тельники); 52 – Зуйкар, городище (керамика).*

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ И КУЛЬТУРЫ

А.М. Белавин ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПРЕДУРАЛЬЯ КАК ЭТНОМАРКЕР	7
А.В. Васильева НАХОДКИ КУЛЬТОВЫХ ГЛИНЯНЫХ ФИГУРОК НА ПОЗДНЕАНАНЬИНСКОМ СЕЛИЩЕ БОЛГАРЫ IX	16
А.В. Васильева, М.Л. Перескоков ПОСЕЛЕНИЕ КОСОГОРЫ 1	22
А.В. Вострокнутов КУЛЬТ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	29
А.В. Данич САБЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	38
И.В. Журбин КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ	50
В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова МОДЕЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА У ФИННО-УГРОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	55
В.А. Иванов ФИННО-ПЕРМСКАЯ «ОЙКУМЕНА» В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ДИНАМИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА	61
М.Г. Иванова, Г.А. Степанова ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКА ДЛЯ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДИЩА ИДНАКАР)	68
О.В. Игнатъевна К ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX веков	79
Р.С. Казанцев, Д.А. Изосимов, Д.А. Майстренко, А.Ф. Мельничук КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРЕДГОРНОЙ ЧАСТИ Р. ВИШЕРЫ	85
Н.Б. Крыласова ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСКА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УГРОВ	92
Л. И. Липина СЮЖЕТЫ С ОБРАЗОМ КОНЯ В БРОНЗОЛИТЕЙНОМ ИСКУССТВЕ ПРИКАМЬЯ	98
О.О. Малых ПАЛАШИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ	104
А.Ф. Мельничук, С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков ШНУРОВОЙ ОРНАМЕНТ – ЭТНИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР В КУЛЬТУРАХ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ?	109
А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова ШНУРОВОЙ ОРНАМЕНТ – ЭТНИЧЕСКИЙ МАРКЕР	

В КУЛЬТУРАХ ПРЕДУРАЛЬЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА!	118
В.В. Мингалев КЕРАМИКА ЧАЗЕВСКОГО I МОГИЛЬНИКА	125
А.З. Нигамаев ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПАМЯТНИКАХ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ	133
С.А. Перевозчикова ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВИСОЧНЫХ УКРАШЕНИЙ ПРИКАМЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	141
К.А. Руденко ЗЕРНЬ И СКАНЬ НА БУЛГАРСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ КОНЦА X- ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.	148
А.Н. Сарапулов О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	156
А.В.Старков ПОСЕЛЕНИЕ РАХМАНГУЛОВО – ПАМЯТНИК НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА реке УФЕ	165
Н.В. Федорова АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УСТЬ-ПОЛУЯ	171
Д.В. Шмуратко ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ	176
<i>ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, НУМИЗМАТИКА</i>	
Г.П.Головчанский К ВОПРОСУ О ЗАВЕРШЕННОСТИ ПРОЦЕССА ХРИСТИАНИЗАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ	182
П.А. Корчагин, Е.В. Шабурова ВЕХИ КРЕЩЕНИЯ И ХРИСТИАНИЗАЦИИ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ XV – НАЧ. XVIII В.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	190
Л.Д.Макаров ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕПЕЦКО-ВЕРХОКАМСКОМ РЕГИОНЕ В XVI-XX ВВ.	197
Т.Г.Голева ОБРАЗЫ КОНЯ, БЫКА И КОРОВЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ	204
Р.Ф. Вильданов ДИРХЕМ МУМИНА БЕН АХМЕДА С РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА	211
Литература и источники	215
Сведения об авторах	235
Список сокращений	235

Научное издание

**Труды Камской археолого-этнографической
экспедиции**

Выпуск VI

Пермские финны и угры Урала в эпоху железа

Сборник научных трудов

На обложке:

Редколлегия:

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)

Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)

Ленц Галина Тимофеевна

Лычагина Евгения Леонидовна

Подосенова Юлия Александровна

Сарапулов Алескей Николаевич

Технический редактор Е.Е.Покровская

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА НПЕ «АФКУЛА»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за точность приводимых фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений, а также за то, что
в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Мнение авторов не является выражением мнения редакционной коллегии.

При перепечатке и ином использовании материалов ссылка на данное издание обязательна.

ИБ №

Изд.лиц. ИД №03857 от 30.01.2001

Свидетельство о государственной аккредитации вуза №1426 от 23.04.04.

Подписано в печать 26.11.2009. Формат 60X90 1/8.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать ризограф.

Усл. печ. л. 30,87. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 350 экз.

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
педагогического университета.

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, тел (342) 238-63-12

Отпечатано в типографии

«Издательский дом «Пресстайм»

614025, г.Пермь, ул. Героев Хасана, 105

*Камская археолого-этнографическая экспедиция исторического факультета Пермского
государственного педагогического университета*

Редколлегия сборника тел (342) 238-64-10

e-mail: belavin@pspu.ru